

ОТ АВТОРА

Настоящая книга, представляющая собой совершенно самостоятельную работу о последних годах «Современника», является в то же время завершением моих многолетних занятий историей этого журнала, заключительным звеном в ряду моих книг о нем.

Первая из этих книг — «Современник» в 40-е — 50-е гг.» («Издательство писателей в Ленинграде», 1934) — охватывает историю некрасовского «Современника» в период с 1847 по 1854 г. включительно. Особое внимание в ней уделено выяснению роли Белинского как члена редакции и первого критика журнала.

Вторая книга — «Современник» при Чернышевском и Добролюбове» (Гослитиздат, 1936) — посвящена следующему периоду истории журнала, с 1854 по 1862 г. Этот период, характеризующийся прежде всего руководящим участием в журнале Чернышевского и Добролюбова, прервался летом 1862 г., когда, вслед за приостановкой «Современника» на восемь месяцев, был арестован и заключен в крепость Чернышевский.

Предлагаемая вниманию читателей работа повествует о «Современнике» 1863—1866 гг., когда его редакция состояла из пяти лиц: Некрасова, Салтыкова-Шедрина,¹ Антоновича, Елисеева и Пыпина. Деятельность этой редакции, а вместе с тем и самое существование журнала были насильственно оборваны в июне 1866 г.

Над первой из названных книг я начал работать в 1932 г., последнюю закончил в исходе 1938 г. Таким образом создание трехтомной монографии о «Современнике» потребовало свыше шести лет. Однако материал для нее я начал собирать много раньше, говоря примерно — с 1913 г. Иными словами, это собирание материала продолжалось около двадцати лет.

«Современник» 1863—1866 гг. и по составу редакции, и по составу сотрудников, и по содержанию, и в некоторой мере по направлению обладал своеобразной, довольно резко очерченной физиономией. Хотя он и не настолько отличался от «Со-

¹ В 1865 г. место Салтыкова-Шедрина в редакции «Современника» занял Ю. Г. Жуковский.

временника» при Чернышевском и Добролюбове, как «Современник» конца 40-х — начала 50-х гг., но все-таки отличался. Это отличие, конечно, не было следствием одних только перемен, происшедших в составе руководителей журнала — Чернышевский и Добролюбов уже выбыли из строя (потеря, поистине, невознаградимая!), — это отличие было обусловлено также особенностями тогдашнего исторического момента. Не забудем, что четырехлетие 1862—1866 гг. представляет собой отрезок времени, совершенно отличный от первых семи лет царствования Александра II. Если 1855—1861 гг. характеризуются, вообще говоря, нарастанием общественного подъема и некоторыми уступками правительства «либералам» и «прогрессистам», то последующие четыре года отмечены резко выраженной общественной дифференциацией, в частности несомненной эволюцией вправо значительной части этих самых «либералов» и «прогрессистов». Они были уже готовы теперь в союзе с крепостниками выступать против ненавистной им революционной демократии — «нигилистов» и «мальчишек», как тогда принято было выражаться.

Нечего и говорить, что особенности момента наложили исключительно яркий отпечаток на «Современник» этих лет. Никогда еще цензура не давила его с таким ожесточением! Никогда еще он не подвергался столь яростному полемическому обстрелу со стороны всех почти органов тогдашней периодической печати! Никогда еще его отпор противникам не принимал такого резкого, подчас даже грубого характера! Никогда вместе с тем за всю двадцатилетнюю историю журнала положение его руководителей не было столь сложным, трудным и ответственным!

Наша книга распадается на две части, составляющие в общей сложности двадцать шесть глав. Все четырнадцать глав первой части и первые шесть глав второй части написаны автором настоящих строк, а последние шесть глав второй части написаны Г. Ф. Тизенгаузенем, а автором настоящих строк только проредактированы.

К книге приложен «Именной указатель», также составленный Г. Ф. Тизенгаузенем.

В. Евгеньев-Максимов.

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА

I

Когда непосредственно после правительственного распоряжения о приостановке «Современника» на восемь месяцев Н. Г. Чернышевский, замещая отсутствовавшего Некрасова, явился за объяснениями к министру народного просвещения А. В. Головнину, между ними произошел следующий разговор.

«По окончании восьмимесячного срока, — спросил Чернышевский, — будет ли позволено продолжать издание, или надобно считать эту остановку равносильною решению уничтожить журнал?»¹ — «Советую вам, — ответил Головнин, — считать издание конченным и ликвидировать это дело».¹

В том же письме Чернышевского к Некрасову (от 19 июня 1862 г.), в котором излагается этот разговор, дается весьма пессимистическая оценка переживаемого момента: «Репрессивное направление теперь так сильно, что всякие хлопоты (о возобновлении «Современника». В. Е.-М.) были бы пока совершенно бесполезны...»¹

«Этак через месяц» Чернышевский обещал вновь написать Некрасову. Однако это намерение ему не пришлось осуществить по той простой причине, что 7 июля, т. е. менее чем через три недели после отсылки письма, он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Само собой разумеется, что арест Чернышевского, признаваемого всеми и каждым за главного вдохновителя журнала, наглядно свиде-

¹ Курсив наш.

тельствствовал о том, насколько был скомпрометирован «Современник» в глазах правительственной власти и как, следовательно, ничтожны были шансы на его возобновление.

*«Современнику» не воскреснуть более!»*¹ — торжественно заявляла Кохановская в письме к И. С. Аксакову, тут же повторяя клеветнические сплетни о слабости и малодушии, якобы проявленных Чернышевским в заключении.

Однако Кохановская ошиблась: «Современник» не только «воскрес» после того, как истек срок его приостановки, но и просуществовал еще свыше трех лет.

Чем объяснить это «воскресение» журнала, одним из которого вызывало иступленные вопли ненависти не только со стороны отъявленных мракобесов, но и со стороны представителей неискреннего и двоедушного российского либерализма?²

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, хотя бы в самых кратких чертах, представить себе ту социально-политическую конъюнктуру, которая сложилась в России в это время.

Поворот правительства Александра II к реакции явственно обозначился уже во второй половине 1861 г.; в 1862 г. после петербургских пожаров реакция могла праздновать ряд несомненных побед, — взять хотя бы ту же приостановку «Современника», тот же арест Чернышевского, — и все же правительственные круги еще не отказались окончательно от игры в либерализм. Классический пример сановника, положившего эту игру в основу своей деятельности, представлял А. В. Головин, продолжавший оставаться министром народного просвещения. А за спиной Головина стоял его «высокий» покровитель — родной брат императора, также прославленный «либерал», великий князь Константин Николаевич. В некоторой мере непрочь был поиграть в либерализм и министр внутренних дел П. А. Валуев.

Не исчерпана была еще и программа пресловутых «великих реформ». В течение всего 1862 г. работала

¹ Курсив наш.

² См. об этом две последние главы (стр. 574—610) нашей книги «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Гослитиздат, 1936.

под председательством статс-секретаря кн. Д. А. Оболенского «Комиссия для пересмотра, изменения и дополнения постановлений по делам книгопечатания», от которой ожидали значительных улучшений в положении печати. В сентябре 1862 г. были утверждены «Основные положения преобразования судебной части в России», которые уже предопределяли характер судебной реформы. Не за горами было и введение земских учреждений.

Было бы излишне распространяться о половинчатости и сугубо-классовом характере названных реформ, но все же, пока они готовились, можно было говорить лишь об относительном, а не безусловном господстве реакции, несмотря на то, что по временам, как например летом 1862 г., эта реакция давала вспышки, заставлявшие вспомнить времена Николая I.

Как бы то ни было, осенью 1862 г. создалось положение, при котором хлопоты о возобновлении «Современника» уже не являлись столь безнадежными, как они представлялись Чернышевскому в его июньском письме к Некрасову.

В нашем распоряжении почти нет данных, которые говорили бы о том, какими способами добился Некрасов благоприятного разрешения вопроса о «Современнике». Надо думать, что ему пришлось в этих целях широко использовать свои сановные и аристократические знакомства. Поскольку вершителями судеб российской журналистики являлись в то время два министра — Головин и Валуев, то Некрасов, естественно, должен был все усилия приложить к тому, чтобы заручиться поддержкой хотя бы одного из них.

В цензурных архивах нам удалось в свое время разыскать документ, свидетельствующий о том, что Головин в конце концов пошел навстречу Некрасову. Это — составленный Некрасовым проект объявления «Об издании «Современника» в 1863 г.». В октябре 1862 г. Некрасов возбудил ходатайство перед С.-Петербургским цензурным комитетом, во главе которого стоял приятель и лицейский однокашник Головина В. А. Цез, о разрешении этого объявления к печати. Удовлетворить ходатайство Некрасова значило в положительном смысле предрешить вопрос о

возобновлении журнала. Вот почему Цез, не отвечая ни да ни нет на просьбу Некрасова, переслал представленный им текст объявления (при отношении от 28 октября, за № 614) в Главное управление цензуры. Головинин через три дня (в отношении от 31 октября, за № 2034) уведомил цензурный комитет, что «возвращаемое при сем объявление об издании «Современника» в 1863 г. не может быть допущено к печати в настоящем виде, ибо оно прямо выражает, что редакция этого журнала намерена сохранить то самое направление, которое признано было правительством неодобрительным и вследствие которого издание журнала было приостановлено».

Смысл этих слов более или менее ясен: измените направление или, по крайней мере, не декларируйте, что будете сохранять верность прежнему направлению, — и тогда получите разрешение и на печатание объявления и на возобновление журнала. Некрасову ничего не оставалось, как изменить текст объявления. Однако и измененный текст подвергся новому рассмотрению Головинина, сделавшему в нем несколько новых изъятий. В конце концов объявление все-таки было разрешено и напечатано, но положительно в неузнаваемом виде. От него уцелела только середина, т. е. перечень отделов журнала и «условия подписки». Начало объявления было сведено к простому упоминанию об участии «в трудах редакции» таких-то лиц, причем вместо слов «по прежней программе»¹ появились ничего не значащие слова: «по следующей программе». Конец объявления возбудил, надо думать, наибольшие опасения со стороны Головинина и был целиком им выброшен. А этот конец гласил:

«Современник» возвращается к делу с решимостью и полной надеждой сохранить в журналистике положение самостоятельное и независимое. Само собой разумеется, что он совершенно отказался бы от деятельности, если бы ему предстояло осудить себя на бесхарактерную деятельность и безличное существование.

*Издатель и Редактор Н. А. Некрасов».*¹

¹ Курсив наш.

Вторичный просмотр объявления Головниным падает на 6 ноября 1862 г., ибо цензурный комитет переслал ему текст объявления с первоначальными изменениями, внесенными Некрасовым при отношении от 5 ноября (за № 853), а 7 ноября в отношении за № 2076 Головнин извещал комитет о том, что печатание объявления с окончательными изменениями, внесенными уже им самим, разрешается.

Разрешение на печатание объявления было равносильно, как уже отмечалось выше, разрешению на возобновление журнала. Так именно смотрел на вопрос и Некрасов. В письме к М. В. Авдееву, датированном как раз 6 ноября, Некрасов в совершенно категорическом тоне извещал его о возобновлении журнала: «Современник» — с февраля 1863 г. будет издаваться; подробности в объявлении, которое надеюсь скоро выпустить»,¹ и затем просил Авдеева о содружестве.

Любопытно, что тем же 6 ноября помечено письмо Некрасова к А. Н. Островскому, где интересующий нас вопрос ставится совершенно иначе: «Современник» еще не разрешили, но имею надежду получить разр[ешение] на днях» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», изд. «Academia», стр. 284). В результате — явное противоречие с тем, что содержится в письме к Авдееву. Однако устранить это противоречие не составляет труда. Достаточно только предположить, что именно 6 ноября Некрасову сделалось известно о благоприятном исходе его хлопот о напечатании объявления и что письмо к Островскому писалось им до получения этого известия, а письмо к Авдееву — после его получения...

Сопоставляя отношение Головнина к вопросу о возобновлении «Современника» в его приведенной выше июньской беседе с Чернышевским с его образом действий в деле о напечатании объявления, нельзя не усмотреть, что осенью Головнин проявил несравненно

¹ Объявление об издании «Современника» в 1863 г. было напечатано Некрасовым в № 248 «С.-Петербургских ведомостей» от 13 ноября 1862 г. Первоначальный, не попавший в печать текст его был впервые опубликован нами в статье «Неизвестный эпизод из истории Некрасовского «Современника» («Звезда» 1936, № 6).

большую терпимость, чем летом. Летом он весьма недвусмысленно держал курс на невозобновление «Современника», осенью же в конце концов согласился на его возобновление.

Чем объяснить эту «эволюцию» Головнина?

Здесь прежде всего сказалась основная установка государственной деятельности Головнина, сводившаяся к более или менее искусной эквилибристике между поверхностным либерализмом и скрытой реакционностью. Летом 1862 г., под непосредственным впечатлением появления революционных прокламаций и петербургских пожаров, Головнин метнулся вправо; осенью же настроение его легко могло измениться. Состоявшееся в конце сентября опубликование «Основных положений» судебной реформы знаменовало, что акции либерализма снова несколько повысились в цене в правительственных кругах. Это, безусловно, не могло не учитываться Головниным при решении вопроса о «Современнике».

Затем на него в известной, — думается, не слишком значительной, — степени могло влиять высказанное в некоторой части тогдашней, преимущественно либеральной прессы мнение, что репрессии в отношении «нигилистической» журналистики приносят скорее вред, чем пользу делу «российского прогресса». Это мнение нашло себе выражение в замечательном письме А. А. Краевского и В. Д. Скарятин¹ к Головнину, посланном еще в июне 1862 г., лейтмотив которого сводился к тому, что запрещение «Современника» и «Русского слова», уже якобы терявших свой кредит в обществе, не только воспрепятствует окончательному разоблачению их благомыслящей печатью, но и создаст вокруг них, как «преследуемых», «ореол мученичества». Летом 1862 г. Головнин склонен был игнорировать эту точку зрения, осенью же не воспрепятствовал, хотя ему никакого труда не стоило это сделать, появлению в печати статьи Громеки («Отечественные записки», № 11), развивавшей и углублявшей мысли письма Краевского и Скарятин. Заступничество за «Современник» Громеки вызвало

¹ Оно цитируется в нашей книге «Современник» при Чернышевском и Добролюбове», стр. 515—517.

жестокий отпор со стороны Антоновича в первом же номере (январско-февральском) возобновленного «Современника» (см. анонимную статью «Обзор журналов»). Воскликая: «Timeo Danaos — et dona ferentes!» — Антонович доказывал, что «ходатайство хроникера (т. е. Громеки. В. Е.-М.) с виду такое величественное» вызвано «ничем иным, как желанием порисоваться и погеройствовать самым дешевым образом», что оно, в сущности говоря, есть «фарс, но фарс ловкий и искусно рассчитанный им на то, чтобы уронить противника и возвысить себя». Смысл этого фарса Антонович вскрывал с помощью следующего рассуждения, вкладываемого им в уста Громеки: «Я уже победил было своего противника («я» — это либерализм; противник — это «нигилизм». В. Е.-М.), он был в моих руках, еще минута — и я бы его задушил окончательно и восторжествовал бы полную победу; но вдруг из моих рук вырвали (намек на приостановку «Современника». В. Е.-М.) уже полуживую жертву, не допускали меня до нее, и этим временем она оправилась и окрепла». Думается, что Антонович имел солидные основания так именно реагировать на статью Громеки,¹ но в одном пункте он все же не вполне прав,

¹ Г. З. Елисеев в своих воспоминаниях (см. книгу «Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева», «Academia», 1933, стр. 283—284) очень односторонне подошел к отклику Антоновича на статью Громеки, усмотрев в этом отклике лишь «дикую расправу, учиненную положительно без всякой причины над человеком, желавшим заявить, как он умел, сочувствие к опальному журналу, как собрату в журналистике...» Отрицать чрезмерную резкость критико-публицистической манеры Антоновича невозможно; сказала она, разумеется, и в рассматриваемой статье его против Громеки, — и все же, повторяем, у Антоновича были серьезные основания реагировать на «ходатайство» Громеки так; как он реагировал. Идя по стопам Краевского и Скарятин, в письме которых к Головнину направление «Современника» ставилось за одни скобки с направлением прокламации «Молодая Россия», Громека старательно подчеркивал, что «Современник» — нигилистический журнал, упустив из виду, а может быть сознательно игнорируя тот факт, что гласное обвинение в нигилизме было равносильно обвинению в политической неблагонадежности. Оценка Елисеевым статьи Антоновича тем страннее, что он в 1863 г. был одним из членов редакции журнала, и если не в его власти было не допустить полемики Антоновича против Громеки, то во всяком случае он мог протестовать против нее. О подоб-

а именно — в своем стремлении доказать, что «ходатайство» Громеки не могло иметь ровно никакого влияния на решение вопроса о возобновлении «Современника» прежде всего потому-де, что оно «запоздало: объявление об издании «Современника» явилось в свет прежде него». Действительно, объявление было напечатано 13 ноября 1862 г., а одиннадцатая книжка «Отечественных записок», если судить по цензурному разрешению, вышла несколькими днями позже. И тем не менее это еще ничего не доказывает. Статья Громеки, содержащая прямое обращение к цензурному руководству, без всякого сомнения, была доложена Головнину еще до появления своего в печати. Весьма возможно, что именно Головнин решал вопрос, пропускать ли ее или нет. А потому высказанное выше предположение, что она могла в известной мере повлиять на Головнина, не включает в себе ничего невероятного, тем более, что ведь и Головнин, и Краевский, и Громека, несмотря на различие оттенков, принадлежали к одному и тому же стану.

Наконец, на решении Головнина о «Современнике» могло сказаться — и сказаться весьма ощутительно — еще и следующее обстоятельство. В октябре 1862 г. уже были закончены работы руководимой кн. Оболенским комиссии по составлению проекта устава о книгопечатании. Одной из основных особенностей намечаемого ею нового порядка заведывания делами печати и цензуры являлась окончательная передача их в министерство внутренних дел. Передаче этой Головнин всецело сочувствовал не из принципиальных, конечно, соображений, а попросту из желания избавиться от множества забот, тревог, а то и неприятностей, связанных с заведыванием печатью и цензурой. Мало того, что сочувствовал: по его именно докладу, 10 января 1863 г. состоялось высочайшее повеление о передаче министру внутренних дел и проекта комиссии кн. Оболенского и вообще дел всех цензурных учреждений. Поскольку в октябре — ноябре 1862 г. Голов-

ного рода протесте со стороны Елисеева ничего не известно. Это дает право предположить, что в 1863 г. Елисеев был солидарен с Антоновичем, а через два с половиной десятилетия, когда писал свои воспоминания, настолько подался вправо, что готов был, излагая данный эпизод, держать сторону Громеки.

нин уже не мог не предвидеть подобного исхода, для него создавался лишний стимул не препятствовать возобновлению «Современника». Соглашаясь на это возобновление, он вплетал новые лавры в свой венок са-новного либерала. К тому же эти лавры ровно ничего ему не стоили, ибо возможные неприятные следствия этого либерализма обрушивались уже не на него, а на нового главу цензурного ведомства — Валуева. Валуеву уже, а не Головнину, начиная с 1863 г. предстояло опекать столь строптивый и неуживчивый орган «отечественной печати», как «Современник». Отношения Головнина и Валуева отнюдь не отличались взаимным доброжелательством, а потому Головнин мог даже испытывать известное удовольствие при мысли о тех неприятностях, которые принесет Валуеву неизбежная цензурная война с «Современником».

Итак, в ноябре 1862 г. возобновление «Современника» являлось уже решенным фактом, и идеологически близкая «Современнику» «Искра» осмелела настолько, что в своем новогоднем номере напечатала следующие бойкие стишки тогда еще радикально настроенного Виктора Буренина (Владимира Монумен-това):

ХОР НИГИЛИСТОВ

Отворите нам темницу,
Предоставьте снова честь
Русской публике страницу
Фейербаха перевесьте!
Дайте счастье прежней доли
С гиком, с смехом, с визготней
Пронестись в печатном поле,
Дайте свистнуть вновь по воле
Над Юркевича статьей!
Дайте нам журнал любимый
И чтоб был при нем «свисток»,
Чтобы свист неумолимый
Раздаваться вольно мог;
Чтобы он, не умолкая,
Отрицанием звучал,
Предубеждения разрушая
И в прогрессе обличая
Кололацы и скандал.

Впрочем, если считать, что в первых строчках этого стихотворения имеется в виду Чернышевский и что именно к нему относятся слова: «Отворите нам темницу», то придется признать, что оптимистический

тон «Хора нигилистов» далеко не вполне был оправдан последующими событиями. «Любимый журнал», правда, возобновился, возобновился и «Свисток», но главному вдохновителю этого журнала предстояли еще долгие годы тюрьмы и каторги. А без Чернышевского не только представлялось очень трудным удерживать «Современник» на прежней идеологической высоте, но даже и сформировать редакцию журнала было не так-то просто.

II

Первоначальный текст объявления об издании «Современника» в 1863 г. не оставляет никаких сомнений в том, что осенью 1862 г. Некрасов считал необходимым декларировать о том, что «Современник», в его лице как редактора-издателя, останется верным своей «прежней программе». Однако летом 1862 г. положение на литературно-журнальном фронте было настолько угрожающим, что Некрасов, как из чувства личного самосохранения, так и в стремлении облегчить будущие хлопоты о возобновлении журнала, вынужден был в известных, по крайней мере, кругах прикидываться довольно далеко стоящим от непосредственного участия в руководстве журналом, а потому и недостаточно осведомленным об его направлении за последнее время. Вот что говорит об этом Елисеев в своих воспоминаниях: «Вместе с пожарами Апраксина двора в Петербурге в 1862 г. и взятием под стражу Чернышевского, «Современник» был остановлен на девять месяцев. Все друзья и враги интересовались знать, почему остановлен «Современник», и все приставали к Некрасову с этим вопросом; Некрасов всюду, куда являлся, чтобы отвязаться от вопрошающих, отвечал кратко: «да, я не знаю, за что остановили «Современник», верно моя консистория¹ там что-нибудь в нем напутала» («Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Ели-

¹ Консисториями назывались учреждения, ведавшие церковными делами. Так как руководящие сотрудники «Современника» в 60-е гг. (Чернышевский, Добролюбов, Елисеев, Антонович, Пыпин) были духовного происхождения, то за руководством журнала и установилась насмешливая кличка — «консистория».

сеева», стр. 345—346). Свидетельство Елисеева находит себе подтверждение в воспоминаниях его жены, причем Е. П. Елисеева утверждает, что подобный ответ Некрасов дал «на вопрос кого-то из своих высокопоставленных знакомых». Узнав об этом, Елисеев, а вместе с ним и Антонович, пришли к заключению, что Некрасов «решился изменить направление журнала, расстаться с нынешними сотрудниками» (см. в той же книге статью Антоновича «Редакция «Современника» в 1866 г.», стр. 227). А сделав такое заключение, перестали считать себя связанными с «Современником» и обязались работать в газете «Очерки»: ¹ Елисеев — в качестве редактора, Антонович — в качестве политического обозревателя.

Для Некрасова, по его возвращении осенью 1862 г. в Петербург, создалось, как говорит Елисеев в тех же своих воспоминаниях, «положение незавидное»: подходил срок возобновления «Современника», а руководящих сотрудников не было. И вот, — читаем у Елисеева, — «Некрасов немедленно отправляется к Антоновичу и ко мне, умоляет нас, чтобы мы не покидали «Современник», и перед каждым из нас, а потом перед обоими вместе он клялся, призывал в свидетельство все, что было для него святого, что никогда он переданных нам слов не говорил, что он привязан и душой и сердцем к идеям, проводимым «Современником», но что как ни дороги для него эти идеи, он не решится без нас продолжать издание журнала, что если мы не согласимся участвовать в нем, то он немедленно закроет журнал». Убеждения Некрасова не остались бесплодными: Елисеев и Антонович взяли свой отказ от сотрудничества в «Современнике» обратно, хотя Елисеев и сознается в своих воспоминаниях, что он не поверил Некрасову, когда тот утверждал, что не говорил инкриминируемых ему слов, так как «знал наверное», что Некрасов их говорил.

«Знал ли наверное» или не знал — это для существа дела не слишком важно, но самый факт отхода,

¹ «Очерки» — еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге с 1 января 1863 г. (вышло всего 94 номера), — объединяла вокруг себя группу радикальных писателей с Г. З. Елисеевым во главе (см. статью Брейтбурга в книге «Русская журналистика», «Academia», 1930).

хотя бы временного, Елисеева и Антоновича от Некрасовского журнала многозначителен. Факт этот, — независимо от того, были ли для них объективные основания обижаться или их не было, — бесспорно, свидетельствовал о том, что в 1862 г. между Некрасовым и руководящими сотрудниками его журнала особой внутренней близости не было. Если бы эта близость существовала, то из слов Некрасова о «напутавшей консистории» они никоим образом не сделали бы вывода о том, что он «решился изменить направление журнала, расстаться с сотрудниками» и т. д., — не сделали бы этого вывода потому, что легко поняли бы, что отвечать иначе на вопрос о причинах запрещения журнала Некрасов, если только он желал его возобновления в скором будущем, и не мог. В беседе с «высокопоставленными лицами», — говоря, примерно, с председателем С.-Петербургского цензурного комитета, или же с министром народного просвещения, или же с министром внутренних дел, — заявить о своей солидарности с «консисторией», а прежде всего с «главою консистории», т. е. с арестованным и отданным под суд «государственным преступником» Чернышевским, значило не только подвергнуть себя риску прямых репрессий со стороны власти, но и поставить крест на возможности когда-либо возобновить «Современник».

Итак, Некрасов в рассматриваемом случае сознательно лавировал, шел на компромиссы? Само собой разумеется, что так. И упрекать его за это было бы вопиющей несправедливостью. Его компромиссы, в том числе и пресловутые «идеологические взятки» (выражение В. Я. Кирпотина), в условиях того времени были совершенно неизбежны: только с их помощью Некрасову удавалось в течение десятилетий вести чрез посредство своих журналов революционно-демократическую пропаганду, оказавшую в конечном результате огромное идеологическое воздействие на современное общество. Чернышевский и Добролюбов настолько хорошо знали Некрасова, что его вынужденные компромиссы не колебали их веры в его политическую честность. Елисеев и Антонович, сравнительно недавно, — в особенности это относится к последнему, — примкнувшие к «Современнику», не успели еще в достаточной степени сблизиться с Некра-

совым, тем более, что им пришлось работать в тех отделах журнала, которыми ведали Чернышевский и Добролюбов, а не Некрасов. С другой стороны, на них не могли не оказывать известного влияния имевшие очень широкое хождение, подчас чрезвычайно преувеличенные слухи о барском обиходе, о приверженности поэта ко всевозможным «минутным благам жизни» и т. д. и т. п. Вот почему их отношение к Некрасову как к человеку и общественному деятелю вообще говоря было настороженным.¹

Не слишком высоко они ценили Некрасова и как поэта. Не отрицая за его поэзией общественного значения, над свежей могилой поэта они были способны утверждать, что «у Некрасова мало стихотворений, которые можно назвать вполне художественными; большею частью мысль и тенденция в них выходят из рамок и нарушают красоту формы» (Елисеев — «Отечественные записки» 1878, № 3, стр. 139) или что «Некрасов был поэт по преимуществу, если даже не исключительно, дидактический», а «в дидактических произведениях часто встречаются неискренность, деланность, натянутость и даже просто фальшь — недостатки, от которых не совершенно свободна и поэзия Некрасова» (Антонович — «Слово» 1878, № 2). Как далеки эти суждения от тех, в которых отразилось отношение Чернышевского и Добролюбова к поэзии Некрасова!

Наряду с Елисеевым и Антоновичем, руководящим сотрудником «Современника» и соредактором Некрасова являлся А. Н. Пыпин. В нашем распоряжении нет достаточно полных данных для характеристики отношений этого писателя к Некрасову, однако и письма

¹ Эту настороженность Елисеев смог преодолеть лишь в период многолетней совместной работы с Некрасовым в «Отечественных записках». Антоновича же она привела в 1869 г. к резчайшему выступлению против Некрасова. Мы имеем в виду его памфлет «Материалы для характеристики современной русской литературы. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым», в котором он обвинял Некрасова ни более ни менее как в том, что он положил-де в основу своей литературно-общественной (в том числе и поэтической) деятельности лицемерие, предательство, жажду наживы и т. д. Правда, в конце концов Антонович признал ошибочность своего взгляда на Некрасова, но его признание несколько запоздало: оно последовало через двадцать пять лет... после смерти Некрасова (см. статью Антоновича о Некрасове в «Журнале для всех» 1903, № 1).

Пыпина к Некрасову и отзывы его о Некрасове в его известной книге о нем свидетельствуют, что он несколько иными глазами смотрел на Некрасова, чем его двоюродный брат. Едва ли можно сомневаться, что отношение Пыпина к Некрасову было в основе своей холодноватым. Эта холодноватость не слишком сильно ощущалась в период 1863—1866 гг., но в 1867 г., когда решался вопрос о составе редакции «Отечественных записок», она проявилась достаточно заметно.¹ А впоследствии сделавшись одним из членов редакции «Вестника Европы», Пыпин в известной мере принял на себя моральную ответственность за ту враждебную линию, которую проводил журнал Стасюлевича в отношении «Отечественных записок» и в частности Некрасова.

Кроме Елисеева, Антоновича и Пыпина, к числу соредакторов Некрасова по «Современнику» в рассматриваемые годы принадлежал М. Е. Салтыков-Щедрин. Даже допуская, что в это время он еще не вполне сформировался идеологически, нельзя не признать, что платформа «Современника» должна была удовлетворять его в большей степени, чем платформа другого какого-либо журнала тех лет. После того как относящаяся к весне 1862 г. попытка его организовать свой собственный журнал потерпела неудачу, для него естественно было возможно ближе стать к «Современнику», в котором он сотрудничал с 1857 г. Его привлечение в состав редакции журнала состоялось еще в конце 1862 г., о чем можно судить хотя бы по письму Салтыкова к Е. И. Якушкину от 22 декабря, в котором содержится прямое указание на то, что в настоящее время он состоит одним из редакторов «Современника». С первых же дней соредакторства Салтыкова Некрасов дает ему такие поручения, которые свидетельствуют о полнейшем взаимном доверии между ними. Так, будучи вызван в исходе ноября в Ярославль к умирающему отцу, Некрасов именно Салтыкову передоверяет получить из следственной

¹ Есть веские основания утверждать, что Пыпин определенным образом держал сторону Жуковского, который в ответ на приглашение Некрасова войти в редакцию «Отечественных записок» предъявил ему столь тяжелые условия, что Некрасову ничего не оставалось, как взять свое приглашение обратно.

комиссии заготовленные для «Современника» рукописи Чернышевского, которые были отобраны у него при аресте. Из письма Салтыкова к Некрасову от 29 декабря 1862 г. явствует, что на Салтыкове лежали сношения с цензурой, что он принимал самое непосредственное участие в выработке плана распределения материала в первом же номере возобновленного «Современника», что по его именно распоряжениям типография приступила к набору статей, что к нему в иных случаях присылали свои статьи авторы, желавшие сотрудничать в «Современнике», что он имел голос при назначении гонорара за эти статьи и т. д. Возможно предположить, что столь интенсивное участие Салтыкова в современниковских редакционных делах падает как раз на тот промежуток времени, когда Елисеев и Антонович, чувствуя себя «обиженными», отошли от «Современника». Во всяком случае, когда они снова вошли в редакционную коллегию журнала, участие Салтыкова в редакционных делах, повидимому, уже перестало быть столь интенсивным.

О сравнительном значении каждого из соредакторов Некрасова по «Современнику» в редакции журнала можно в некоторой мере, — только в некоторой! — судить по размерам получаемого ими гонорара. Вот определяющий эти размеры документ — записка Некрасова к заведующему конторой «Современника» Ипполиту Александровичу Панаеву от 2 мая 1863 г., извлеченная нами в свое время из архива конторы «Современника»:

«Прошу уплачивать из денег, принадлеж[ащих] редакц[ии] Современника —

Г-ну Салтыкову ежемесячно	150 р. сер. в мес.
С листа по	100 р.
Г-ну Пыпину — жалованья с	
1-го мая	200 р.
С листа	50 р.
Г-ну Антоновичу — жало-	
в[анья] ежемес.	400 р. в мес.
Г-ну Елисееву — жалованья	
ежемес.	100 р.
С листа по	50 р.

Н. Некрасов».

Какие выводы можно сделать из этого документа?

Салтыков в списке редакторов «Современника» занимает первое место, но ежемесячного жалованья получает меньше не только Антоновича, но и Пыпина. Таким образом, первое место отведено здесь Салтыкову не потому, что он был первой спицей в редакционной колеснице «Современника», а как столь крупному писателю, что его немыслимо было поставить вслед за Пыпиным, Антоновичем и Елисеевым. Эти же соображения определили, надо думать, тот факт, что полистный гонорар Салтыкова был вдвое выше полистного гонорара других редакторов «Современника».

Тем не менее на основе приведенной записки Некрасова к Ипп. Панаеву можно утверждать, что первенствующее значение среди редакторов «Современника», не считая, конечно, Некрасова, имел Антонович. Назначенное ему жалованье — 400 руб. в месяц — нельзя не признать огромным, хотя отсутствие всяких упоминаний о полистном его гонораре позволяет утверждать, что за 400 руб. в месяц Антонович обязался не только нести ряд редакторских функций, но и помещать в журнале определенное количество печатных листов ежемесячно.

То обстоятельство, что Елисеев по размерам ежемесячного гонорара занимает последнее место, объясняется тем, что в момент заключения условия с Некрасовым он мыслился как редактор газеты «Очерки», могущий уделять «Современнику» не столь уж много внимания.

Как же действовала новосозданная, довольно-таки многочисленная по своему составу (Некрасов + 4 со-редактора), редакционная коллегия «Современника»? Антонович в своих воспоминаниях уверяет, что она «действовала вполне успешно, литературные дела журнала шли плавно без запинок и неудач. Бывали, конечно, в редакции небольшие семейные раздоры — размолвки, препирательства и пикировки, например между Салтыковым и мной, но все это оканчивалось мирно и дружелюбно, не оставляя никаких неприятных следов ни в личных, ни в литературных отношениях. Бывали иногда стычки с издательством на почве

денежных расчетов; но и они оканчивались мирно, приводили к любовному соглашению и к общему удовольствию».

Эта идиллическая картина решительно не подтверждается другими источниками. Антонович, — сознательно или бессознательно, — сильно преувеличил успешность ведения современниковских дел новой редакцией и не менее сильно преуменьшил значение конфликтов и трений, возникавших и среди соредакторов и у соредакторов с Некрасовым.

Дело в том, что редакция возобновленного «Современника» отнюдь не была идеологически монолитной. Ее участники уже начинали тянуть в различные стороны. Покамест это проявлялось сравнительно слабо, но все же проявлялось. А в недалеком сравнительно будущем идеологические разногласия между ними достигли таких размеров, что бывшие участники редакционного кружка «Современника» уже оказались на различных сторонах общественной баррикады. Некрасов сохранил до конца дней своих верность революционно-демократическому знамени, знамени Чернышевского и Добролюбова. Салтыков-Щедрин все решительнее и решительнее склонялся на сторону этого знамени и с момента своего вступления в редакцию возобновленного «Современника» проявлял себя убежденным и последовательным революционным демократом. Елисеева тянуло к народничеству, и во втором некрасовском журнале он уже вел правомерно народническую линию. Пыпин мало-помалу перерождался в либерала, каковым и проявил себя в качестве руководящего сотрудника и одного из членов редакции «Вестника Европы». Что касается Антоновича, то впоследствии он также эволюционировал вправо. Эта эволюция, между прочим, привела его к поступлению на государственную службу, где волею-неволею ему пришлось приспособляться к общему курсу правительственной политики.

Совершенно ясно, что при таких условиях той идиллии в редакции «Современника», о которой повествует Антонович, не могло быть и не было. Гораздо ближе, чем Антонович, стоит в этом случае к истине другой член редакционного кружка «Современника» — Г. З. Елисеев. В его воспоминаниях содер-

житься не лишенный красочности рассказ о том, что даже на редакционных обедах раздавались иногда такие речи: «Журнал наш начинает портиться. Братское согласие в нем начинает нарушаться... Такой разлад в журнале не годится. Помните, что *concordia res parvae crescunt*, а *discordia*... ну, да что уж говорить, *discordia* — это плохое дело, это начало распада журнала». В подтверждение начинавшейся *discordia* Елисеев ссылается на ряд чисто-конкретных примеров, приводимых нами ниже.

Как бы то ни было, обстановка, создавшаяся в «Современнике» в 1863—1864 гг., привела к тому, что журнал лишился Салтыкова-Щедрина — единственного своего участника, который и как критик и как публицист имел все шансы подняться до уровня критико-публицистической деятельности Чернышевского и Добролюбова, не говоря уже о том, что, будучи подлинно-гениальным художником слова, он представлял собой одну из крупнейших фигур передовой литературной современности. Если сюда добавить, что Салтыков с увлечением отдавался работе в «Современнике», проявляя исключительную плодovitость в своем сотрудничестве, то совершенно ясно, что «Современнику» следовало держаться за него обеими руками. А между тем Салтыков чувствовал себя далеко не удовлетворенным условиями работы в «Современнике».

Об этом совершенно недвусмысленно говорят некоторые его письма к Некрасову. Так, в письме от 5 октября 1864 г., упомянув о том, что Островский написал пьесу для «Современника», но в редакцию ее не посылает и «никому, кроме Некрасова, отдать ее не хочет», Салтыков сообщает, что одну из его заметок Пыпин отказался напечатать в журнале, а затем говорит: «Ну, да чорт с ним, а дело в том, что мне совершенно необходимо видаться с Вами и поговорить обстоятельнее. Ибо тут дело идет об том, могу ли я угодить на вкус гг. Пыпина и Антоновича.¹ Я послал ча днях мою хронику, с просьбой уважить меня, напечатать без перемен. Что будет — не знаю. Когда я поступал в редакцию, Вы говорили, что необходимо

¹ Курсив наш.

придать журналу жизни, и так как это совершенно совпадало с моими намерениями, то я и отнесся к делу сочувственно. *Надо же дать мне возможность вести это дело*». ¹

Нельзя недооценивать значения этого письма, ставящего, собственно говоря, вопрос не о чем ином, как о дальнейшем сотрудничестве Салтыкова в «Современнике», которое определенным образом стало терять для него цену, поскольку он не чувствовал ни способности ни охоты «угождать на вкус гг. Пыпина и Антоновича», позволявших себе переделывать, а то и вовсе не печатать его статей. Характерно, что свое неудовольствие по поводу действий Пыпина и Антоновича Салтыков изложил в письме к Некрасову. Очевидно, он рассчитывал на поддержку с его стороны.

Но если Некрасову удавалось ликвидировать отдельные инциденты, то это отнюдь не значило, что он был в силах на все сто процентов урегулировать взаимоотношения Салтыкова и других своих соредакторов, в частности оградить Салтыкова от внутриредакционной цензуры, которая сплошь да рядом принимала обидные для него формы. Мы не знаем полного списка тех статей Салтыкова в «Современнике», которые или вовсе запрещались или изменялись этою цензурой, но у нас во всяком случае имеются документальные доказательства того, что подобного рода факты имели место. Так, установлено, что внутриредакционная цензура в 1864 г. наложила свое veto на хронику Салтыкова «Наша общественная жизнь» (против «Русского слова»), на статью «Семейству Достоевских, издающих журнал «Эпоху» (против «Эпохи»). Было бы, разумеется, совершенно неправильно думать, что внутриредакционная цензура, задерживая статьи Салтыкова, всегда и во всем была права. Бесспорно, что пылкость писательского темперамента вовлекала его иной раз в ошибки. Тем не менее трудно сомневаться, что, даже осуществляя известную опеку над Салтыковым, его соредакторы при желании могли обставить эту опеку необходимым для него образом. Так, Чернышевский, находя нежелательным появление в печати щед-

¹ Курсив наш.

ринского очерка «Каплуны», сумел же уговорить самого автора отказаться от его помещения, и это не вызвало, как можно думать, охлаждения в их отношениях. Однако то, что считал для себя обязательным Чернышевский, не считал для себя обязательным Антонович. Помимо общеизвестных свойств личности Антоновича — его грубоватости, нетерпимости, повышенного самолюбия, в данном случае чрезвычайно явственно проявлялась не то, что недооценка, а вернее полная неспособность оценить Салтыкова как писателя. Ведь Антоновичу, а не кому-либо иному, принадлежит прямо-таки классическая по своей грубости и несправедливости характеристика Салтыкова: «разная шушера и шелуха из «Современника», о которой наперед можно было сказать, что она по своей легковесности полетит в какую угодно сторону, в которую подует хоть малейший ветерок, и что она пойдет не только к Краевскому, но и куда угодно подальше». Эта характеристика извлечена из полемической брошюры Антоновича 1869 г. против Некрасова. Хотя совершенно ясно, что Антонович здесь метит главным образом в Салтыкова, но все же назвать его имя он постеснялся. Однако его стеснительности хватило не надолго. Его брошюра вышла в апреле 1869 г., а в мае он напечатал в журнале д-ра Симонова «Космос» статейку «Новые материалы для биографии Белинского», в которой прямо заявляет, что под «шелухой», летящей «куда дует ветер», он разумел Салтыкова. Пусть в 1863—1864 гг. отношение Антоновича к Салтыкову как писателю было несколько иным, но самая возможность подобных отзывов в 1869 г. свидетельствует, что автор «Губернских очерков», «Сатир в прозе» и «Невинных рассказов» не очень дорого стоил в его глазах.

Приведенные факты с несомненностью убеждают, что и отношения Салтыкова с некоторыми из его соредакторов по «Современнику» не сложились, и проводимая относительно него внутриредакционная цензура в высшей степени тяжело давалась ему. настолько тяжело давалась, что едва ли не послужила одним из мотивов прекращения его сотрудничества в «Современнике». Справедливость этого предположения подтверждает содержание одного из писем его

к Некрасову (от 8 апреля 1865 г.), которое было написано уже через несколько месяцев после ухода его из «Современника» и поступления на государственную службу, вызвавшую его отъезд в Пензу. В этом письме, посылая Некрасову «нечто» для помещения в «Современнике», Салтыков добавляет: «Сверх того, быть может, в бытность в Петербурге напишу и фельетон или два, ибо в Петербурге я работаю всегда как-то легче. Но все это, и в особенности фельетоны, должно пройти через цензуру Вашей духовной консистории.¹ Я и теперь не прочь бы что-нибудь написать, да подумаешь, подумаешь и скажешь: чорт возьми да и совсем. Нехорошо писать даром». Отсюда нельзя не сделать вывода, что именно страх перед цензурой «духовной консистории» останавливал Салтыкова в реализации его творческих замыслов. Стоит ли, в самом деле, писать, когда надежды «угодить на вкус гг. Пыпина и Антоновича» мало, а «писать даром», как выражается Салтыков, «нехорошо». Далее Салтыков позволяет себе ряд резко-саркастических замечаний по адресу Антоновича и обращается к Некрасову с ироническим советом «молиться об укрощении Антоновичевского духа», добавляя: «Составленную на сей предмет молитву я вместе с сим посылаю к Головачову, на коем, как на секретаре, лежит обязанность приносить за всю редакцию прошения и благодарения...»

«Цензура духовной консистории» тем болезненнее давалась Салтыкову, что среди работавших в «Современнике» этих лет писателей не было ни одного, кто подвергался бы столь ожесточенной травле цензуры правительственной, как он. Ниже будут указаны многочисленные факты поистине неистового цензурного террора, направленного против Салтыкова. А покамест ограничимся замечанием, что едва ли какой-либо период из его многолетней борьбы с цензурой давал большие основания для его проникновенной характеристики «писательского ремесла»: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый ад душевный! Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок...» И далее: «Чего со мной ни делали! И вырезывали, и уре-

¹ Курсив наш.

зывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный, вредный» («Мелочи жизни»). В воспоминаниях А. Я. Панаевой прямо говорится о том, что намерение бросить литературу и снова поступить на государственную службу созрело у Салтыкова под влиянием преследований его произведений цензурой (Панаева, Воспоминания, изд. 1927 г., стр. 497).

К счастью, его отход от литературы был временным, но все же он продолжался целых три года. В двойном ноябрьско-декабрьском номере «Современника» за 1864 г. было напечатано письмо Салтыкова к Некрасову, в котором сообщалось для всеобщего сведения, что Салтыков может «на будущее время быть только сотрудником журнала»,¹ а «участия в трудах по редакции» принимать не будет... Незадолго перед появлением этого письма в печати состоялось зачисление Салтыкова на государственную службу в качестве управляющего Пензенской казенной палатой.

Трудно сомневаться, что этот шаг был предпринят Салтыковым главным образом потому, что ему невозможно было чувствовать себя между Сциллой «цензуры духовной консистории» и Харибдой правительственной цензуры. Высказанное редактором и комментатором писем Салтыкова Н. В. Яковлевым мнение, что Салтыков оставил работу в «Современнике», нуждаясь в большем заработке, чем тот, который мог дать ему «Современник», не представляется основательным. Дело в том, что в качестве управляющего казенной палаты Салтыков получал 3000 руб. в год, а в качестве сотрудника и одного из редакторов «Современника» за два года (1863—1864) он заработал около 11 000 руб. Таким образом, вопреки мнению Яковлева, Салтыков, поступая на службу, шел не на увеличение, а на значительное уменьшение своего заработка. Это, конечно, должно было весьма чувствительным образом отразиться на его материальном положении. Сал-

¹ Но и «сотрудником журнала» Салтыков в эти годы почти не был, ибо напечатал в нем за 1½ года — 1865—1866 гг. — только одно «Завещание моим детям» (1866, № 1).

тыков, конечно, не мог этого не учитывать, но нежелание иметь дело с двойной цензурой — и Антоновича с Пыпиным и правительственных цензоров — пересилило.

Нечего и говорить, какой не просто крупной, а крупнейшей потерей являлся уход Салтыкова для «Современника». В его лице журнал потерял лучшую свою силу, и ответственность за это падает в значительной степени на пресловутую «духовную консисторию». На Некрасова она падает в меньшей доле; с ним у Салтыкова, насколько можно судить по их переписке, никаких конфликтов не выходило. Правда, Некрасов в качестве главного редактора мог бы решительнее брать сторону Салтыкова в его конфликтах с «консistorией», но это не всегда было удобно, потому что подобный образ действий с его стороны привел бы к расколу в редакционном кружке журнала, а это было рискованно с точки зрения насущных интересов последнего.

Освободившееся после ухода Салтыкова место члена редакции «Современника» было предложено Ю. Г. Жуковскому.

Писатель этот довольно быстро стяжал себе известную популярность. В нем ценили знатока политической экономии и публициста с острым и хлестким пером. Очень обострил интерес к писаниям Жуковского и судебный процесс, начатый в 1866 г. против него как автора статьи «Вопрос молодого поколения» («Современник», № 3) Главным управлением по делам печати. Однако дальнейшая литературная деятельность Жуковского дает немало неопровержимых доказательств того, что его знания в области политической экономии были весьма относительны, а радикализм поверхностен и легковесен. Жуковский в конце концов «дозволюционировался» не только до генеральских чинов, но и до почти министерской должности — управляющего государственного банка. Его отношение к Некрасову и в годы их совместной работы в «Современнике» не отличалось сердечностью, а вскоре после запрещения «Современника» приняло сугубо враждебный характер. Жуковский ведь участвовал в полемическом выступлении Антоновича 1869 г. про-

тив Некрасова. Вся вторая часть полемической брошюры «Материалы для характеристики современной русской литературы» написана им. Но Антонович, хотя и с огромным опозданием, признал свою неправоту в оценке и личности, и журнальной, и наконец поэтической деятельности Некрасова. Жуковский же, переживший Некрасова на целые тридцать лет, счел излишним присоединиться к «покаянию» Антоновича. О той атмосфере исключительно враждебного отношения к Некрасову, которое бытовало в семье Жуковских, можно судить по воспоминаниям Е. И. Жуковской, жены Ю. Г., о Некрасове, напечатанным уже после Великой Октябрьской революции («Былое» 1923, № 22). Их отчасти сознательно, отчасти бессознательно клеветнический характер тогда же вызвал отповедь со стороны автора этих строк (там же, стр. 109—111). Е. И. Жуковская в своем стремлении уронить нравственный облик Некрасова доходит до того, что со смаком рассказывает, как Антонович, квартира которого находилась напротив квартиры Зинаиды Николаевны (будущей жены Некрасова), вооружившись биноклем, наблюдал за «нежными эволюциями» Зинаиды Николаевны и навещавшего ее Некрасова. Поистине, колоссальной наивностью нужно обладать, чтобы не понимать, что подобного рода наблюдения и рассказы о них являются лучшим способом скомпрометировать... не Некрасова, конечно, а «наблюдательного» Антоновича и увековечившего эти наблюдения автора воспоминаний.

Наша характеристика редакционного кружка «Современника» 1863—1866 гг. не лишена, как видит читатель, указаний на целый ряд теневых его сторон. Нельзя, впрочем, преувеличивать значение этих последних. Все же в рядах этого кружка, даже если не считать Некрасова и Салтыкова, находились писатели более или менее даровитые, обладавшие значительным запасом знаний, ставшие у кормила журнала в надежде, что им удастся вести его в духе заветов Чернышевского и Добролюбова. А затем не следует забывать, что за ними стояла более или менее многочисленная фаланга сотрудников, среди которых опять-таки было немалое количество людей и талантливых

и передовых. Неудивительно при таких условиях, что наряду с неудачами, нередко выпадавшими на долю нового руководства журнала, его деятельность была временами довольно успешна. В особенности это относится к первому году издания журнала.

III

1863 год ознаменовался событиями, которые не могли не усложнить положение возобновляемого «Современника». Сюда в первую очередь надо отнести польское восстание, начавшееся в первых числах января нападением на расположенные в пределах Царства польского русские войска. Правительство Александра II не сразу определило свою линию поведения в польском вопросе. В высших сферах было немало сторонников мирного его разрешения, хотя бы ценой некоторых уступок полякам. Однако чрезмерность польских требований, сводившихся к восстановлению Польши в границах 1772 г., т. е. отторжению от России Литвы, Белоруссии и части Украины, с одной стороны, «дипломатический поход» против России, предпринятый западными державами, главным образом Англией, Францией и Австрией, с другой стороны, создали чрезвычайно благоприятную почву для подъема националистических и шовинистических настроений в известных кругах русского общества. Огромный резонанс приобрела антипольская пропаганда, которую повел на страницах «Московских ведомостей» Катков. Соответственно с этим изменилось и настроение высших сфер. Решено было подавить мятеж, не останавливаясь перед самыми решительными мерами. 25 апреля во дворец был вызван бывший министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, крайний реакционер и крепостник, человек очень сильного характера, крутой и жестокий. Он был назначен генерал-губернатором Северозападного края и тотчас же огнем и железом начал борьбу с мятежом. Сравнительно скоро Муравьеву удалось добиться крупных успехов в этой борьбе, а к ноябрю восстание и в Северозападном крае и на территории Царства польского было почти подавлено.

Эти исторические справки понадобились нам для того, чтобы подчеркнуть, что первые месяцы 1863 г., когда правительство занимало в польских делах колеблющуюся позицию, далеко не отличались тем ультрареакционным настроением, которое характерно для середины и в особенности для осени и зимы 1863 г. В качестве наглядной иллюстрации к сказанному не лишнее будет сослаться на судьбу валуевского предложения о скорейшем введении в России представительных учреждений. Валув выступил с этим предложением тотчас после демарша западных держав по польскому вопросу, исходя, очевидно, из убеждения, что Россия должна будет уступить давлению Европы, а эта уступка неизбежно приведет к более либеральному курсу в области не только польской, но и внутренней политики России вообще. Во всеподданнейшей записке, представленной 13 апреля (демарш Англии, Франции и Австрии состоялся 5 апреля), Валув настаивал, чтобы о введении представительных учреждений было объявлено через четыре дня, а именно в день рождения императора — 17 апреля. 15 апреля этому вопросу было посвящено особое совещание высших сановников империи. Совещание одобрило основную мысль записки Валуева, но об этом ничего объявлено не было. Валуеву поручено было разработать соответствующий проект, но когда он выполнил это поручение (в ноябре 1863 г.), с польским восстанием было уже покончено и опасения иностранного вмешательства совершенно рассеяны. Неудивительно при таких условиях, что валуевский проект оказался излишним и был положен под зеленое сукно.

Сказанное о политической ситуации 1863 г. объясняет, почему в первые месяцы этого года возобновленный «Современник» подвергался несколько меньшему нажиму со стороны цензуры и соответственно с этим мог несколько свободнее отстаивать свою идеологическую платформу. Но все же самый факт польского восстания создал для него с начала 1863 г. исключительно трудное положение.

Дело в том, что левые круги русской общественности с Герценом во главе сочувствовали демократическим тенденциям, проявлявшимся в рядах значи-

тельной части польских повстанцев, и это сочувствие ни для кого не составляло секрета.

Обвинение в сочувствии польскому делу вместе с Герценом тяготело и на Чернышевском и, естественно, на том журнале, который он возглавлял. В реакционных кругах усиленно подчеркивалось сотрудничество в «Современнике» 50-х гг. Сигизмунда Сераковского, который играл такую видную роль в восстании и, захваченный в плен, варварски был казнен Муравьевым.

Нам удалось разыскать в одной старой работе по истории польского восстания («Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России», Вильна, 1867), написанной по поручению М. Н. Муравьева В. Ф. Ратчем (он же генерал русской службы и помощник начальника артиллерии Виленского округа), ряд определенных высказываний о связи «Современника» через Чернышевского и Сераковского с восстанием. Вот наиболее характерные из них: «При содействии польской молодежи, русская увлеченная молодежь печатала подпольные листки, а Сераковский с Чернышевским вели «Современник». Показания подсудимых, что «Современник» был главным туземным органом революционных приготовлений в России, конечно, ничего не прибавляли к тому мнению об этом журнале, которое о нем сложилось в понятиях русских читателей». Или: «Сераковский завладел и Чернышевским и издаваемым под его влиянием «Современником», и много других русских деятелей не жалели усилий, чтобы современная русская литература стала отголоском «Колокола» (стр. 108). Или: «В то время, как под диктовку батиньольской секции составлялись статьи для «Колокола», подобно тому и с рекомендациями Герцена, Сераковский обратился в сотрудника «Современника». Все ярые герценисты Чернышевский, Михайлов, Добролюбов с многочисленною компаниею панургова стада стали законодателями в русской литературе» (стр. 149—150).

Нет надобности доказывать, насколько нелепы некоторые из этих утверждений. Сераковский никогда не играл в редакции «Современника» столь руководящей роли, чтобы о нем можно было сказать: «он вел «Современник»; точно так же в период своего

сотрудничества в «Современнике» Сераковский, тогда еще очень молодой человек, не выработавший себе вполне определенного миросозерцания, и в мыслях не имел, — а если бы и имел, то никоим образом не смог бы этого осуществить, — «завладеть Чернышевским и «Современником»; наконец, Чернышевский и Добролюбов, резко расходившиеся с Герценом именно в период кануна польского восстания (1859—1862 гг.), отнюдь не подлежали зачислению в «ярые герценисты» и т. д. и т. п.

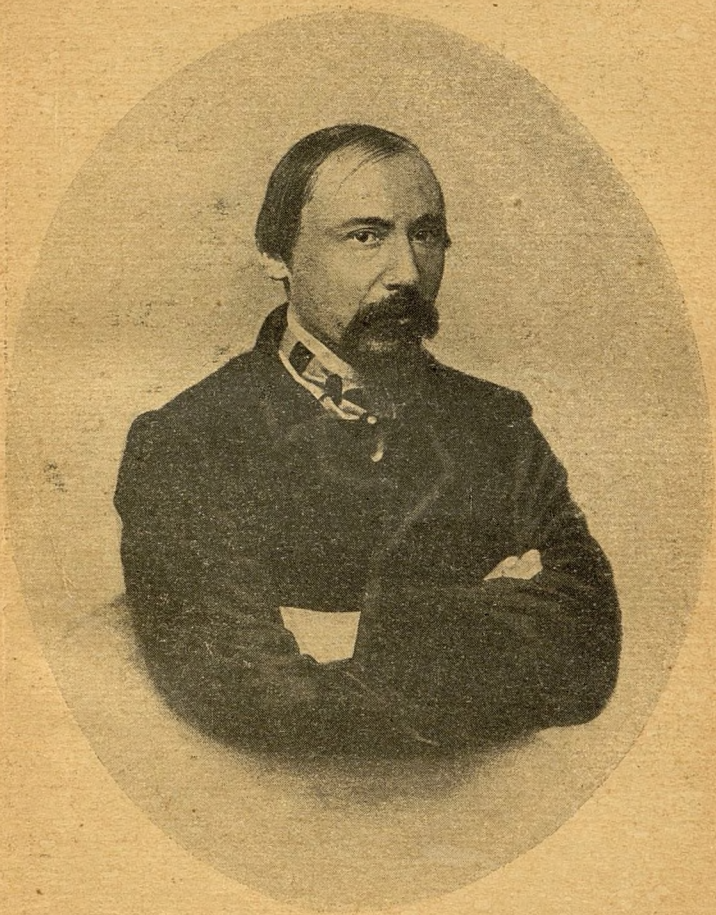
Однако, при всем том, трудно сомневаться, что малокультурный и не слишком грамотный, как в историческом, так и в литературном отношении, Ратч довольно правильно отразил те толки, которые ходили в реакционно-обывательских кругах. А к этим толкам прислушивались верхи и бюрократического и придворно-аристократического Олимпа.

Вот те основания, по которым почву под ногами возобновленного «Современника» нельзя не признать чрезвычайно зыбкой. Отсюда необходимость соблюдения завета, который с таким неподражаемым юмором сформулировал несколько позже Некрасов в «Песнях о свободном слове»:

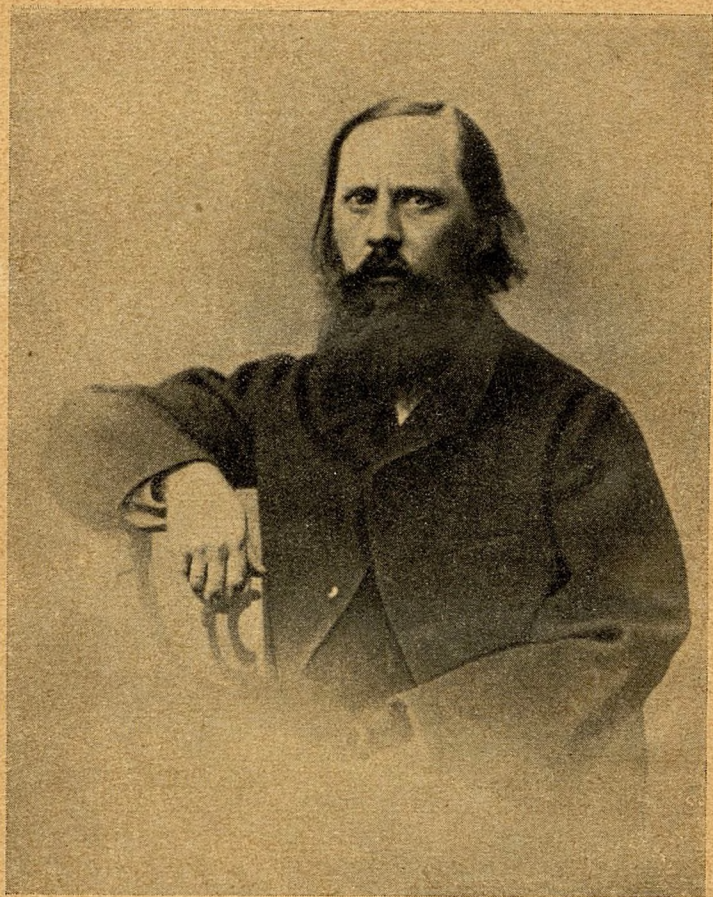
Осторожность, осторожность, осторожность, господа!

Однако, с другой стороны, представлялось насущно важным поднять над возобновляемым журналом прежнее знамя. Этого властно требовали и интересы момента, столь острого и в политическом и в социальном отношениях. А кроме того, Некрасов, а вслед за ним и его соредакторы не могли не чувствовать потребности скорее и решительнее положить конец тем слухам о якобы предстоящей перемене направления журнала, которые получили в 1862 г. весьма широкое распространение.

Если бы не эти слухи, Авдеев в одном из своих писем Некрасову (оно не датировано, но по нашим предположениям относится к самому началу 1863 г.) не стал бы убеждать Некрасова «примириться» с Тургеневым, говоря точнее — капитулировать перед ним. Неизвестно, что отвечал на это письмо Некрасов и отвечал ли он на него вообще. Одно совершенно несомненно: не жертвуя направлением журнала, он не

Н. А Некрасов

М. Е. Салтыков-Щедрин

мог в 1863 г. «примириться» с эволюционировавшим вправо автором «Отцов и детей». Антоновичем, действительно, пожертвовать было нетрудно (на этом как раз настаивал Авдеев), но поскольку Антонович в эти годы воспринимался как продолжатель традиций Чернышевского и Добролюбова, Некрасов не мог и не должен был на это решаться.

У нас имеется очень яркое доказательство того, насколько оскорбляли Некрасова слухи о якобы совершенном им отступничестве. Это доказательство — его письмо к Достоевскому от 3 ноября 1862 г. В нем Некрасов сообщает Достоевскому, что должен несколько отсрочить исполнение данного ему обещания прислать для напечатания во «Времени» два своих стихотворения. Мотивировка этой отсрочки такая: «Теперь мне неудобно появиться с моим именем в чужом журнале. Про меня здесь распустили слухи, что я отступился от прежних сотрудников, набираю новых, изменяю направление журнала, все это завершается прибавлением, что я предал Чернышевского и гуляю по Петербургу; дошло уже и до Москвы, как мне пишут; дойдет, конечно, и до провинции. В виду всего этого мне покуда необходимо не подавать новых поводов к двусмысленным толкам.¹ Начнет выходить «Современник», дело разъяснится для публики, и тогда я исполню мое обещание...»

И действительно, с выходом в свет первого номера возобновленного «Современника» — двойного январско-февральского номера 1863 г. — «дело разъяснилось».

Даже при поверхностном ознакомлении с большинством статей, составляющих рассматриваемый номер, бросается в глаза его идеологическая монолитность. И поэзия, и беллетристика, и критика, и публицистика, и фельетон, точно подчиняясь дирижерской

¹ Об этих «слухах» упоминает и Антонович в своих «Воспоминаниях о Некрасове». «По этим слухам, — говорит он, — Некрасов в бытность свою проездом в Москве уверял своих московских приятелей, что хотя ему и жаль Чернышевского, но он очень рад, что хоть таким неприятным путем избавился от него и от того ярма, в котором держал его Чернышевский, самовольно и самоуправно распоряжавшийся в журнале» (см. «Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева», стр. 195).

палочке, стремятся в очень определенном духе воздействовать на читателя. Едва ли не основной их целью было дать отпор надвигающейся реакции, воздвигшей целое гонение на передовые элементы общества, — на пресловутых «нигилистов» и «мальчишек».

С особой энергией за разрешение этой задачи взялся М. Е. Салтыков-Щедрин, вклад которого в январско-февральскую книгу «Современника» и в количественном и в качественном отношении занимает, бесспорно, первое место. В особенности это относится ко второму отделу журнала. В нем четырнадцать статей, причем из них половина, т. е. семь (sic!), принадлежит Салтыкову. Занимают они целых 142 страницы. Да в первом отделе Салтыковым напечатано 48 страниц. 142 + 48 стр. = 190 стр.! 190 страниц в одном только номере!

О качественной стороне напечатанного Салтыковым распространяться нечего. «Деревенская тишь» и «Миша и Ваня» — безусловно лучшие из «Невинных рассказов». «Наша общественная жизнь», несмотря на то, что эта именно статья подверглась жесточайшей цензурной кастрации, — прекрасный образчик салтыковского фельетонного творчества, блистательного по форме, глубокого по содержанию. Превосходны и «Петербургские театры» и некоторые из семи рецензий Салтыкова.

Наиболее полновесным ударом по реакции из нанесенных здесь Салтыковым следует признать статью «Наша общественная жизнь». Исходя из того, что реакционеры того времени особенно любили проповедывать «благонамеренность» и противопоставлять «благонамеренных» людей как пример, достойный подражания, неблагонамеренным, на головы которых готовы были обрушить все кары, Салтыков дал язвительнейший памфлет на подобного рода благонамеренность и благонамеренных.

«Прежде всего, — заявляет он, — благонамеренный человек должен обладать хорошим поведением.¹ Хорошее это поведение состоит в следующем. Утром благонамеренный человек встает и читает «Северную

¹ Курсив наш.

Почту»,¹ фельетонист Заочный сорвет с его уст улыбку, Илья Арсеньев заставит вздохнуть о черногорцах, И. А. Гончаров вырвет из груди стон, а секретарь Лебедкин найдет его равнодушным.

«Испытав таким образом все ощущения, которым может подвергнуться натура человеческая, и узнав, сверх того, в чем должна заключаться сегодняшняя благонамеренность, благонамеренный отправляется побеседовать с г. Старчевским, который сообщает ему, что подписчики «Сына Отечества» будут уплачивать за пересылку этого журнала не по три рубля, как подписчики прочих газет, но по одному рублю в год. Под влиянием этой беседы, благонамеренный заходит к Доминику, где съедает три пирожка, а буфетчику рассказывает, что съел один. Затем до обеда он гуляет по Невскому, потом обедает в долг у Дюссо, а вечером отправляется в Михайловский театр и день оканчивает блистательным образом на бале у безземельных, но гостеприимных принцесс вольного города Гамбурга...»

Чтобы быть благонамеренным, мало одного «хорошего поведения», необходим еще и «хороший образ мыслей».² «Что такое «этот хороший образ мыслей», — говорит Салтыков, — этого я объяснить не умею, потому что это выражение скорее чувствуется, нежели понимается. Тем не менее, если судьба заставит вас потолкаться некоторое время между людьми благонамеренными и если вы возьмете на себя труд вдуматься в их речи и действия, вы поймете и это. Вы поймете, например, что отличительный признак хорошего образа мыслей есть невинность. Невинность же, с своей стороны, есть отчасти отсутствие образа мыслей, отчасти же отсутствие того смысла, который дает возможность различить добро от зла. Любите отечество и читайте романы Поль-де-Кока — вот краткий и незамысловатый кодекс житейской мудрости, которым руководствуется современный благонамеренный человек».

¹ «Северная почта» — правительственный официоз, редактором которого в это время был И. А. Гончаров.

² Курсив наш.

Далее Салтыков отмечает, «что один из существенных признаков нашей благонамеренности заключается в ненависти к мальчишкам и нигилистам», и переходит к защите и того, что называется «мальчишеством», и того, что называется «нигилизмом». Мы не будем следить за ходом его мыслей и ограничимся лишь указанием, что именно в «мальчишестве» и «нигилизме» он видит проявление прогрессивных стремлений наиболее передовой части русского общества. «Не будь мальчишества, не держи оно общество в постоянной тревоге запросов и требований, общество замерло бы и уподобилось бы заброшенному полю, которое может производить только репейник и куколь... Давно ли называлось мальчишеством, карбонаретвом, вольтеризмом все то добро, которое ныне воочию совершается? И нельзя ли отсюда притти к заключению, что и то, что ныне называется мальчишеством, нигилизмом и другими более или менее поносительными именами, будет когда-нибудь называться добром?»

Хотя данная статья Салтыкова и помещена в самом конце январско-февральского номера «Современника», — это не мешает ей быть подлинно-программной статьей.

Нельзя, конечно, не признать в некоторой мере программными и статьи двух других редакторов «Современника» — Антоновича и Елисеева, но их основные установки во многом лишь повторяют Салтыкова. Так, Антонович в «Литературном кризисе» говорит о том же усилении реакции и той же борьбе *нигилизма* и *антинигилизма*. Под этим же углом зрения он рассматривает в «Обзоре журналов» журналистику 1862 г. Елисеев в свою очередь на страницах «Внутреннего обозрения» подробно останавливается на взаимоотношении *постепеновщины* и *нигилизма*, отдавая предпочтение второму над первой.

Настолько назрел в год возобновления «Современника» вопрос о старом и молодом поколении, о благонамеренности и «мальчишестве», о постепеновщине и нигилизме, что отклики на него содержатся не только в статьях публицистов «Современника», но и в стихах сотрудничавших в нем поэтов.

Характерны в этом отношении стихотворения Плещеева «Советы мудрецов» и Ковалевского «Нашим

сверстникам». Из других стихотворений тех же поэтов видно, что они хотя и сознают, что настала година реакции, которую рисуют в образе холодной, мертвящей зимы (см. стихотворение Ковалевского «Ненастье» и стихотворение Плещеева «Всю-то, всю мою дорожку ранним снегом занесло»), но верят в победу светлых сил.

Но переждем: пройдет зима,
Растопит солнце лед суровый,
И, сбросив хрупкие оковы,
Из-под тяжелого ярма
Земля избавится сама.
Давно не видевшие света,
Пробьются скрытых сил следы,
И лето тучные плоды
Дарует разом за два цвета...
Снесем зиму — дождемся лета.

(Ковалевский, «Ненастье»).

Бодро звучат и речи изображенного Плещеевым юноши.

Мы шли. Он молод был. — Звучала
Отвагой пламенная речь.
Он говорил: «Пора настала,
И стыдно нам себя беречь!

Дружней приняться за работу
Должны все честные умы,
И лжи, и зла двойному гнету
Довольно подчинялись мы.

Довольно трусости и лени,
К нам перешедшей от отцов!
И бесполезных сожалений,
И красноречия цветов.

Пуškai толпа за подвиг смелый
Нам шлет бессмысленный укор;
Не бросим мы святого дела!
Мы встретим радостно позор!..»

Но победа «святого дела» немыслима без жертв. Об этих жертвах «Современник» счел нужным напомнить на первых же своих страницах устами древнего трагика. Мы имеем в виду занимающую второе место в январско-февральском номере журнала «последнюю сцену трагедии Эсхила» — «Скованный Прометей». Уже имя переводчика Мих. Илецкий — псевдоним, за которым скрывался М. И. Михайлов, недавний сотрудник «Современника», а теперь «политический преступник»,

погребенный в снежных дебрях Сибири, — не могло не импонировать читателям. Пусть образ автора стихотворения по его роли в революционном движении не давал оснований сравнивать его со «скованным Прометеем», но судьбу Чернышевского, вождя и властителя дум революционных шестидесятников, можно было без особых опасений в преувеличении сопоставить с судьбой именно «скованного Прометея». И еще с большими основаниями можно было в «скованном Прометее» видеть поработанный, стонущий под гнетом власти, но способный к пробуждению, к восстанию русский народ. И нет никакого сомнения, что в насыщенной революционным электричеством атмосфере 60-х гг. жгуче-современный, жгуче-злободневный смысл приобретали пророчества Прометея о предстоящем падении Зевса и олимпийцев. Пока Зевс еще властен держать в оковах и терзать Прометея, «восставшего мятежом против богов из-за людского блага», но только пока... В другом журнале, в окружении другого литературного материала «Скованный Прометей» мог и не приобрести того определенно-революционного смысла, который он неминуемо приобретал на страницах «Современника».

В качестве органа крестьянской демократии этот последний должен был тотчас же после своего возобновления выявить свое отношение к крестьянскому вопросу, который в 1863 г. был у всех на устах и на сердце, прежде всего потому, что именно в этом году, в связи с прекращением временно-обязанного состояния только что освобожденных крестьян, ожидали массового крестьянского движения. Салтыков-Щедрин в потрясающем рассказе «Миша и Ваня» дал ярчайшую картину недавнего прошлого, поистине проклятого прошлого, когда любая помещица-самодурка имела возможность так измываться над своими крепостными, что им, — будь они хоть малые дети, — не оставалось иного выхода, как самоубийство...

Правда, крепостное право отошло в вечность, но отношения между недавними рабами и сословием благородных рабовладельцев остались напряженными. Об этом призвано было свидетельствовать содержание очерков П. И. Якушкина «Велик бог земли русской». Данное произведение жесточайшим образом пострадало от

цензуры (см. об этом ниже, стр. 47). Цензорские изъятия существенным образом затемнили его общественный смысл, и все же очерки Якушкина сигнализировали обществу о полном неблагополучии на крестьянском фронте. Беспредельный классовый эгоизм помещичьего дворянства, неизменно поддерживаемого властью, с одной стороны, непреодолимое убеждение крестьян в том, что «земля будет наша», с другой стороны, в своем совокупном действии на общественную жизнь создали в высшей степени тревожную атмосферу: крестьянские волнения и беспощадно-жестокое усмирения их даже в тех случаях, когда они или возникали по явному недоразумению или юридически были вполне обоснованы, следовали непрерывной цепью. Якушкин как будто бы склонен думать, что помещики в своей уверенности, что «без потехи (т. е. без общего крестьянского восстания. В. Е.-М.) делу не обойтись», ошибаются. В этом смысле, думается, и следует понимать проникнутое иронией заглавие его очерков.

Однако в «Современнике» нашла себе выражение и другая точка зрения на вопрос. Выразить ее прямо не было ни малейшей цензурной возможности. А потому неудивительно, что Салтыков должен был облечь ее в аллегорическо-юмористическую форму. В его рассказе «Для детского возраста» читаем:

«Смотришь, бывало, на этих улыбающихся, кудрявых детей (барских детей. В. Е.-М.), смотришь и думаешь: неужели Ваня будет когда-нибудь советником питейного отделения? неужели эта резвая, быстроглазая Ляля будет когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

«Коля, мой друг! не отплясывай так бойко казачка, ибо ты не будешь советником питейного отделения! Скоро придет бука и всех советников оставит без пирожного.

Ляля, мой милый ребенок! Не скругляй так своих маленьких ручек, не склоняй так кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани так мило Митю Прорехина, ибо Митя не будет вице-губернатором! Скоро придет бука и всех вице-губернаторов упразднит за ненадобностью».¹

¹ Курсив наш.

Тому же Салтыкову принадлежит заслуга, что он затронул еще одну не менее запретную, не менее злободневную тему. Двадцать лет тому назад автору настоящих строк удалось установить, что анонимная статья «Драматурги-паразиты во Франции» — салтыковская статья. В тексте ее имеются рассуждения, якобы относящиеся к европейской рептильной прессе и европейским политическим делам, а в действительности имеющие в виду русскую рептильную прессу и русско-польские отношения, которые с началом восстания приобрели особую остроту. Вот одно из таких рассуждений, особенно важное по своему общественному смыслу.¹

«Предположим, например, что Россия, утомленная непрерывными попытками польской территории к освобождению из-под чужеземной власти... и убеждаемая общественным мнением Европы если не в законности этих попыток, то, по крайней мере, в естественности их, решается, наконец, сделать сама и добровольно то, что может-быть, когда-нибудь она вынуждена будет сделать недобровольно. Разумеется, ей жаль расстаться с одним из алмазов, украшающих корону царствующего дома, разумеется, прежде нежели приступить к этому, она еще осматривается и прислушивается. И вот тут-то является на сцену Катков, который ни с того ни с сего начинает грубить и высказывать преданнейшую продерзость. Он доказывает, что предполагаемая мера противна не только русскому патриотическому чувству, но и выгодам самих поляков; раскапывает историю Польши и находит, что истинной свободы там никогда не бывало, что свобода существовала только для сильных мира, слабые же находились в полном угнетении, что только русское владычество положило предел такому вопиющему порядку вещей; он обращается к последним событиям и усматривает, что они произошли не в силу народного желания, но вследствие интриг и происков одной партии; он обращается к Польше с самыми бесцеремонными ругательными выражениями, зная, что Польша

¹ Приводим его, подставив вместо слов *Австрия, Венеция, Грангрильо* (реакционный французский публицист) — слова *Россия, Польша, Катков*.

не может отвечать и не ответит ему. Он не понимает и не может понять, что бывают в жизни народов такие торжественные минуты, когда голос честного человека, хотя бы даже патриота-русского, обязан умолкнуть, когда ни один порядочный человек не позволит себе ни тени предосуждения в пользу той или иной стороны, а тем более оскорблять или обвинять ту из них, которая слабее. И вот, благодаря презренному паразиту журналистики, народная распря продолжается...»

Нечего и говорить, какое значение для прояснения позиции «Современника» в польском вопросе имеет процитированный отрывок.

Приведенных примеров из содержания январско-февральского номера «Современника» с избытком достаточно, чтобы прийти к заключению, что направление возобновленного «Современника», по крайней мере в первые месяцы 1863 г., в основном, в главном было близко направлению его при Чернышевском и Добролюбове.

Любопытно, что всякий раз, когда редакторы журнала упоминали о приостановке «Современника», они старались дать понять читателям, что эта репрессия не повлияла, не могла повлиять на направление журнала. На это есть намеки и у Антоновича в его «Литературном кризисе» и «Обзоре журналов», но наиболее определенные указания содержатся у Елисеева и Салтыкова.

Елисеев в самом начале своего «Внутреннего обозрения» писал: «Долго, очень долго мы не беседовали с тобой, благосклонный читатель... Мы думали, что ты, читатель, навсегда нас забудешь, и имя наше не вспомнится перед тобою. Ведь что такое, в самом деле, были мы для тебя, чтобы нас помнить. — Говоря словами одного великого мужа, мы не умели плести высоких речей, если бы даже целый мир стал не любить нас за это... Мы смотрели только, как мучатся люди. Не велико искусство! Не велика заслуга!

«Но скоро мы поняли, что ты чего-то ищешь, что ты сердисься, не находя этого чего-то нигде; сердце наше забилося от радости. Мы поняли, что это что-то — мы, что ты нас ищешь. Мы поняли нашу необходимость для тебя...»

Нарочито несерьезный тон, выдерживаемый здесь Елисеевым, — только отвод глаз цензурных аргусов: несерьезность тона ни в малой мере не ослабляет серьезности смысла этих слов, сводящихся к утверждению, что «Современник» возвращается в журнальный строй в убеждении, что он «необходим» для русского читателя. Необходим именно в таком обличье, в каком читатель знал его прежде, необходим с простой, лишенной всякого плетения словес, речью о том, «как мучатся люди» (sic!).

Достаточно определенно высказался по интересующему нас вопросу М. Е. Салтыков-Щедрин на страницах «Нашей общественной жизни».

«По всей вероятности, — говорит он здесь, — читатель, который возьмет в руки эту первую книжку возобновленного «Современника», прежде всего, спросит себя: очистились ли мы постом и покаянием?

«Что пост был — это достоверно; в этом, в особенности, убедилась сама редакция «Современника». Не то, чтобы идея поста была совершенно противна «Современнику», но, конечно, было бы желательно, чтобы сроки воздержания были назначаемы несколько менее щедрой рукой. Это тем более желательно, что было бы вполне согласно и с подлежащими постановлениями, которые нигде не заповедали, чтобы пост продолжался восемь месяцев. Будем надеяться, что это случилось нечаянно и что, с обнародованием новых законов о книгопечатании, будут изысканы иные, более приятные и не менее полезные мероприятия.

«Что же касается до вопроса о покаянии, то на него мы постараемся ответить в продолжение последующих десяти месяцев настоящего года. Но во всяком случае, мы обещаемся быть благонамеренными потому, что все нас к тому призывает: и желание беседовать с читателями именно двенадцать, а не пять раз в году, и современное настроение российского общества, и, наконец, разные другие обстоятельства».

Этого заявления Салтыкова нельзя не признать по тем временам исключительно смелым. В нем ведь прежде всего содержится несколько замаскированный, но все же звучащий совершенно недвусмысленно протест против восьмимесячной приостановки журнала, тем более неприятный для начальственного слуха, что к

нему было присоединено указание на незаконность подобного рода репрессии даже с точки зрения действующего законодательства («подлежащих постановлений»). Обещание «быть благонамеренным» звучало как очень злая ирония, ибо тотчас же за ним следовала чрезвычайно резкая, поистине издевательская характеристика этой самой благонамеренности, в которой и Салтыков и «Современник» видели злейшего врага одушевлявших их идей.

Таким образом, и приведенное заявление Елисеева и Салтыкова и тем более все содержание январско-февральского номера журнала свидетельствуют о том, что после приостановки он начинал свой путь с открытым более или менее забралом, не только не думая отречься от своего прошлого, но всячески давая понять читателю, что он гордится этим прошлым.

Для полноты картины не лишнее будет сослаться на свистковское стихотворение Буренина, помещенное в апрельском номере журнала и представляющее собой разговор двух «благонамеренных». Разговор этот происходит в Москве, в магазине Базунова, где помещалось отделение конторы «Современника», тотчас после выхода в свет двойного, а потому «толстого» январско-февральского номера:

1-й благонамеренный:

Кто сей толстый, Базунова
Запрудивший магазин?

2-й благонамеренный:

Это он явился снова,
Нигилизма ярый сын.

1-й благонамеренный:

Что ж, воздержанный начальством,
Стал ли нынче он смирей?

2-й благонамеренный:

Нет, увы, с былым нахальством
Все шипит, шипит, как змей...

Оба перепуганные благонамеренные обращаются в бегство, а читатели «Современника» получают новое и очень яркое доказательство, что возобновленный журнал не отрывается от своего прежнего credo, более того — не опасается даже столь опасного обвинения, как обвинение в нигилизме.

Но ведь прежде зная «Современника» было водружено «нигилистом» Чернышевским. Мог ли возобновленный «Современник» не вспомнить о своем поистине славном знаменосце? Конечно, не мог, но, само собой разумеется, всякие печатные ссылки на крамольное имя Чернышевского были чрезвычайно затруднительны с цензурной точки зрения. И все же, к чести «Современника», приходится констатировать, что он решился и на них.

Так, во «Внутреннем обозрении» Елисеев, утверждая, что в огромном большинстве направленных против «Современника» полемических статей других журналов содержалось обычно «переливание из пустого в порожнее, от нечего делать, а иногда нечто и еще того худшее», ссылается на № 4 «Времени» за 1862 г., в котором Чернышевскому предъявлялся упрек в том, что он якобы «смеялся над историей», а Антоновичу в том, что, по его мнению, можно якобы «обойтись и без философии». «Что это такое? — спрашивает обозреватель «Современника». — Шутка, насмешка или печальное недоразумение? Г. Чернышевский пишет *положительные* исторические статьи, г. Антонович пишет *положительные* философские статьи — и тот и другой обвиняются в непризнании истории и философии. Как все это понять, и как вяжется это в голове обвинителя? Г. рецензент никак не может понять той простой вещи, что можно быть страстно влюбленным и в историю, и в философию, и во все науки, и можно вместе с тем, и даже именно вследствие этой страстной любви к ним смеяться над многими науками в их современном состоянии... Какие насмешки г. Чернышевского могут сравниться, например, хоть с отзывом Фауста об истории!.. (цитата из «Фауста» Гете). Что ж, и Гете не признавал истории? Нигилист был?»

Если Елисеев рискнул на прямую защиту Чернышевского против нападок «Времени», дважды назвав его по имени, то Пыпин в статье «Наши толки о народном воспитании» в самой категорической форме заявил о солидарности «Современника» с педагогическими взглядами Чернышевского, в частности с его отношением к педагогическим теориям, развиваемым Л. Н. Толстым в его журнале «Ясная Поляна». Правда, Пыпин не упоминает здесь имени Чернышевского, но

зато сообщает его взгляд на вопрос, изложенный в одной из последних его рецензий в «Современнике» (1862, № 3). Мало того, в конце своей статьи Пыпин указывает Толстому некорректность его выпадов против Чернышевского, появившихся в «Ясной Поляне» уже после ареста Чернышевского. Вот относящиеся сюда строки статьи Пыпина: «Июльская книжка «Ясной Поляны» вышла после 20-го сентября (этим числом помечено цензурное одобрение), и гр. Толстому были без сомнения известны разные события, происшедшие до этого времени в русской литературе. Он не обратил на это никакого внимания: в своих филиппиках он продолжал нападать на некоторых своих противников, не имеющих возможности отвечать ему,¹ он ставил их имена в соседство весьма бесполезное, которое пожалуй могло бы подать повод к какому-нибудь соблазну у людей, мало знакомых с делом. Мы бы советовали ему больше гражданской осторожности».

Едва ли не является непосредственным откликом на дело Чернышевского также и рецензия Салтыкова на сочинение Н. Костомарова «Кремуций Корд». Уже имя автора, заставлявшее вспомнить другого Костомарова, приходившегося племянником историку, — Костомарова, погубившего своим доносом М. И. Михайлова, а теперь, как раз в начале 1863 г., когда печатался январско-февральский номер журнала, готовившегося погубить Чернышевского, — заставляло насторожиться читателя. В рецензии дается краткое изложение дела Кремуция Корда, во многом поразительно напоминавшего дело Чернышевского. «Историк»² Кремуций Корд обвиняется в том, что в сочинении своем³ «Анналы Римской Республики» написал похвалы Бруту... Отыскиваются наемные обвинители;⁴ жертва заранее облюбована и заранее обречена, но Тиверий хочет, чтобы она была обречена на закон-

¹ Явный намек на арестованного Чернышевского. Курсив наш.

² И Чернышевский, как автор многочисленных исторических статей, имел достаточное право именоваться «историком».

³ В кругу «Современника» были убеждены, что основной причиной ареста Чернышевского являлись его журнальные статьи.

⁴ Общеизвестно, какую роль и в деле Чернышевского играли «наемные обвинители».

ном основании.¹ Напрасно Кремуций Корд оправдывается... напрасно говорит, что он историк, только историк, а не политический человек,² — сенат³ осуждает его на бессрочное тюремное заключение. Кремуций Корд не выносит этого и предпочитает смерть неволе: он отказывается от пищи и на десятый день⁴ испускает дыхание...»

Затем рецензент дает ряд цитат из книги Костомарова, в частности из обращения любимца Тиверия Сеяна к поэту⁵ Сатрию Секонду:

«Похвально служить музам, а еще похвальнее, когда с ним соединяется служение отечеству. Рим полон разврата, лихоимства и тайных замыслов против общественного порядка. Искоренять плевелы есть дело достойное каждого верного сына отечества, — так же и поэта... Ты — поэт, бываешь в кругу поэтов, ученых софистов; между ними много злонамеренных; будучи незамечаемы правосудием, они втайне, как змеи, извергают яд своих мнений; обнаруживать их заранее и лишать возможности причинять дальнейший вред обществу, есть дело важное и спасительное...» Нет надобности доказывать, что это описание предательской роли поэта-доносчика, пробравшегося в литературный круг, могло быть отнесено к поэту Вс. Костомарову не в меньшей степени, чем к поэту Сатрию Секонду.

А вот выдержка из монолога Тиверия, характеризующая его отношение к Кремуцию Корду и в полной мере аналогичная отношению Александра II к Чернышевскому: «Я преследую благородного человека и уверяю всех, что он негодяй — и все верят этому и величают меня добродетельнейшим и справедливейшим...»

Таким образом рецензия на книгу Костомарова, по нашему глубокому убеждению, только по форме

¹ Таково же было и желание Александра II в отношении Чернышевского; выражение «на законном основании» употреблено, конечно, в ироническом смысле.

² Чернышевский в свою защиту говорил, примерно, то же самое.

³ И Чернышевского как судил, так и осудил — сенат.

⁴ Как раз в конце января Чернышевский объявил голодовку и продолжал ее девять дней.

⁵ Не забудем, что и Всеволод Костомаров был поэт.

своей рецензия. На самом же деле она является исполненным гнева и возмущения протестом против расправы с Чернышевским, своего рода памфлетом, заостренным и против предателя Костомарова и против «палачей, вешателей Александра II».—по выражению В. И. Ленина (Ленин, Соч., т. XV, стр. 467).

IV

Выпуская в свет январско-февральский номер журнала, редакция вынуждена была озаботиться максимальным приспособлением его к требованиям цензуры. Но произведенных ею изъятий в составе уже набранного материала оказалось недостаточно. Цензурный комитет в свою очередь приложил руки к этому номеру.

В архиве конторы «Современника» нами найден счет типографии, свидетельствующий о том, что в № 1—2 «Современника» цензорских и редакторских вымарок было произведено до $5\frac{3}{8}$ печатных листов. Однако, что именно было вымарано — этого типографский счет не указывает. Несколько проясняет вопрос извлеченный из того же архива счет корректора Лебедева, из которого прежде всего следует, что типографский счет в несколько раз преуменьшал количество вымарок. По счету Лебедева, их количество достигло почти 20 печатных листов, причем в числе изъятых произведений были отмечены:

«Сердце не камень»	$11\frac{3}{4}$ п. л.
«Бюрократический пресс»	$2\frac{1}{2}$ п. л.
«Велик бог земли русской»	$1\frac{5}{8}$ п. л.
«Каплуны», «Глухов и глуповцы» . .	2 п. л.

Мы затрудняемся сказать, чем объясняется разногласица в счетах типографии и корректора. Во всяком случае, ни одно из указанных в последнем счете произведений, за исключением очерков Якушкина «Велик бог земли русской», в «Современнике» напечатано не было. Очерки Якушкина хотя и вошли в № 1—2 журнала, но после долгого «хождения по мукам». Об этом можно судить по включенной Салтыковым в письме к Некрасову от 29 февраля 1862 г. следующей переписке Цез с Головинным.

Цез писал:

«Препровождаю тебе¹ статью Якушкина, из которой ты увидишь, что главная цель автора заключается в том, чтоб показать, что правительство действовало совсем глупо».

Головнин отвечал:

«Полагаю, что пропустить можно статью, но следует из нее много вымарать; того, что ты назначил к исключению, мало: статью я отослал к вел. кн. Константину».

Можно быть уверенным, что обратившая на себя внимание столь высокопоставленных особ, как Головнин и Константин Романов, статья Якушкина, прежде чем появиться в печати, подверглась жесточайшей цензурной правке.

Редактор и комментатор «Писем» М. Е. Салтыкова полагает, что именно эту статью имеет в виду Салтыков в недатированном письме Некрасову конца 1862 г. — начала 1863 г.: «Посылаю Вам изуродованную г. Бекетовым корректуру; посмотрите сами, что он сделал, и можно ли было ожидать, чтобы до такой степени могло дойти преследование самых невинных мыслей». Это предположение ничем, однако, не обосновано. Вполне допустимо, что здесь речь идет и о другой статье, может быть о статье В. Торопцева «Несчастье в Порхове». Корректурa этой статьи была найдена нами в архиве ИЛИ, причем при изучении ее выяснилось, что статья представляет собой первоначальный вариант помещенной в № 1—2 «Современника» статьи «Известие из Полтавской губернии». Однако эта последняя принадлежит, как нам удалось доказать уже свыше двадцати лет тому назад, Салтыкову. Отсюда напрашивается вывод, что и «Несчастье в Порхове» — салтыковская статья, а «Вл. Торопцев» — псевдоним Салтыкова.² Но во всяком случае, выкраивать из «Несчастья в Порхове» «Известие из

¹ Цез и Головнин, в качестве товарищей по лицу, были на «ты».

² Гипотезу об авторстве Салтыкова косвенно подтверждает и тот факт, что в одном из декабрьских писем 1862 г. к Некрасову Салтыков просит прислать ему журнал Карновича «Мировой посредник», а статья «Несчастье в Порхове» начинается с обширных цитат из этого именно журнала.

СОВРЕМЕННОИЪ

1863

№№ I и II (Январь и Февраль)

ДЛЯ СОВРЕМЕННОИКА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ИМЪЮТСЯ:

ЧТО ДѢЛАТЬ? романъ Н. Г. Чернышевскаго. (Начнется печатаніемъ съ слѣдующей книжки).

БРАТЬ И СЕСТРА, романъ Н. Г. Помяловскаго.

ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ, романъ М. Е. Салтыкова.

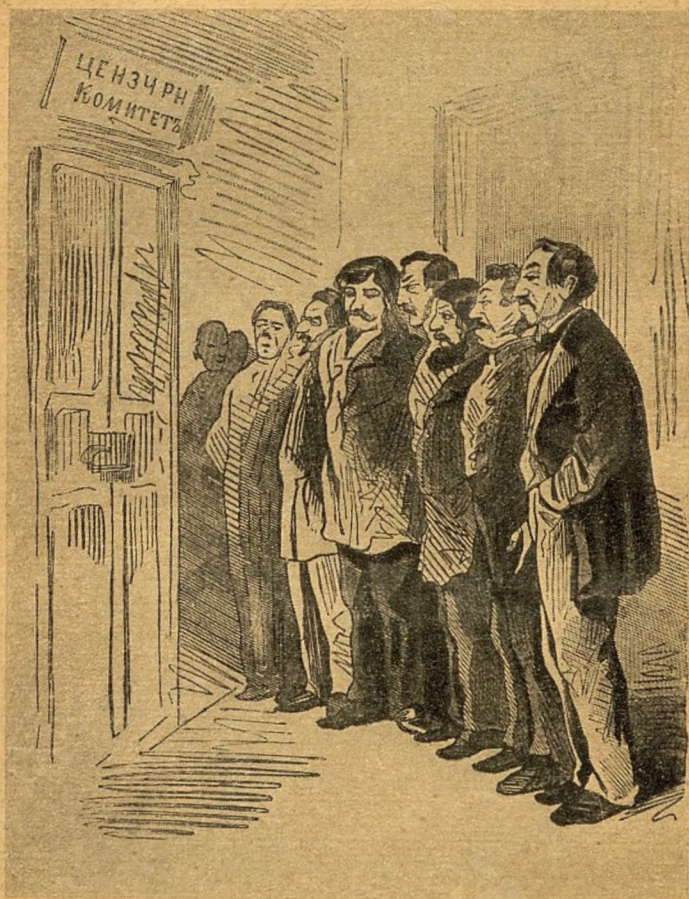
ПУЧИНА, комедія А. Н. Островскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

Первый (январско-февральскій) номеръ „Современника“ после восьмимесячной приостановки журнала

Редакторы журналов отстаивают свои статьи
„Искра“, 1862 г. № 32

Полтавской губернии» Салтыкову пришлось по требованию цензуры. Очевидно, тема «Несчастья в Порхове» — безобразное публичное избиеение группой озверелых помещиков-реакционеров мирового посредника — вызвала цензурное veto.

Жестоко пострадала от цензуры и помещенная в № 1—2 «Современника» первая статья салтыковского цикла «Наша общественная жизнь». Из найденного И. Г. Ямпольским отзыва цензора Лебедева явствует, что, усмотрев в этой статье сочувственное отношение к «нигилистам и мальчишкам», в частности утверждение, «что всеми нововведениями последнего времени мы обязаны нигилистам + мальчишкам», цензор подверг ее жестокой кастрации. Число намеченных им исключений определялось тридцатью пятью — страшная цифра! В конце концов статья Салтыкова прошла, ибо два других цензора (Веселаго и Оберт) и сам председатель цензурного комитета Цеэ поддержали мнение Лебедева, что после произведенных изъятий статью «можно бы дозволить печатать», а Валуев с своей стороны не стал возражать против ее пропуска. Итак, потребовалась консультация четырех цензурных генералов (Лебедев и Веселаго были действительными статскими советниками), в том числе столь высокопоставленных, как председатель цензурного комитета и в особенности министр внутренних дел, чтобы «дозволить» первую же салтыковскую «хронику»! Симптом малоутешительный и для журнала и для автора!

Само собой разумеется, что увечия, причиненные № 1—2 «Современника» предварительной цензурой, не покрываются даже и в незначительной степени изъятиями в очерке Якушкина и в статьях Салтыкова. Этих увечий было, конечно, во много раз больше.

Однако, с точки зрения наблюдавшего за «Современником» члена совета по делам книгопечатания О. А. Пржецлавского, цензура в отношении «Современника» скорее недостаралась, чем перестаралась (см. статью В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения» — «Исторический вестник» 1911, № 9).

Особенно он ополчился, как и следовало ожидать, против Салтыкова. В рассказах «Миша и Ваня» и «Де-

ревенская тишь», — читаем в его записке, — «описываются возмутительные черты жестокости и разврата бывших помещиков в их отношениях к бывшим крепостным людям». «Хотя, — продолжает Пржецлавский, — подобные картины, с одной стороны, могут сегодня показаться анахронизмом, но с другой — не надобно забывать, что новые отношения между помещиками и крестьянами не вполне еще установились и окрепли, взаимная зависимость одних и других не совсем прекратилась. И поэтому нельзя не заметить, что в настоящей постановке дела, где окончательный вполне удовлетворительный исход во многом обуславливается взаимным забвением обид, доброжелательством и уступчивостью, очень неуместно и даже вредно разжигать страсти и в освобожденном от гнета населении возбуждать чувства ненависти и мщения за невозвратное прошедшее.¹ Я не колеблюсь сказать, что журнал истинно-патриотический должен бы понимать это и воздержаться от помещения подобных статей».

Таким образом «Современник», по смыслу последних слов, исключался из числа журналов «истинно-патриотических» и вместе с тем обвинялся в наиболее тяжком, с точки зрения власти, из преступлений, возможных в печати, — возбуждении ненависти между сословиями...

Не удовольствовавшись столь суровым судом над беллетристикой Салтыкова, Пржецлавский обрушился и на салтыковскую публицистику. О «Нашей общественной жизни», которая и без того страшно пострадала в цензуре, он возмущенно заявляет в своей записке: «Вся статья принимает насмешливый тон, и предмет этой насмешки и всякого рода острот избирается (кто бы мог подумать!) — благонамеренный и хороший образ мыслей.² Лица, руководствующиеся этими правилами, или, по крайней мере, стремящиеся к ним, представлены тут в самом пошлом и презрительном виде (стр. 360, 361, 362)... Такая дефинация благонамеренности и высказанные насчет ее колкости, повидимому, направлены на...

¹ Курсив наш.

² Подчеркнуто Пржецлавским.

писателей, принявших так называемое реакционное¹ направление и заявивших себя противниками дурной литературы. При этом случае «Современник» мстит за обнаружение его тенденций в известном романе «Отцы и Дети» и метко придуманное название нигилизма...¹ Что касается до нигилизма, то «Современник» отстаивает его... представляя его одним истинным двигателем прогрессивности. Такой же апологии удостоивается от «Современника» и так называемое «мальчишество», и в этой апологии он заходит очень далеко, даже до угроз» (стр. 374).

Здесь же брошено Пржецлавским несколько порицательных замечаний о салтыковской статье «Петербургские театры». «В связи с этой статьей («Наша общественная жизнь». В. Е.-М.), — заявляет он, — стоит написанное для вящего эффекта приказным слогом письмо, помещенное в статье «Петербургские театры» (стр. 189—197), исполненное иронии над понятиями благонамеренности и общественного порядка».¹

Из других публицистических статей Салтыкова в № 1—2 Пржецлавский обращает свое недоброжелательное внимание на статью «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год», инкриминируя прежде всего то, что в ней «осуждается передача цензуры в ведение министерства внутренних дел», в частности то, что «автор сознательно смешивает понятие о обыкновенной, так сказать, личной полиции с понятием о высшей полиции, о полиции слова».¹ «Ведь автор не может не знать, — добавляет разоблаченный цензурный сановник, — что с переходом из одного ведомства в другое... произведения печати продолжают рассматриваться теми же лицами и местами, которые и до того составляли цензуру, а не полицмейстерами или частными приставами». Подметил зоркий глаз Пржецлавского, искусленного долговременной практикой цензурного аргуса, и следующую архикрамольную фразу: «что мы, русские, не имели до сих пор свободных учреждений

¹ Подчеркнуто Пржецлавским.

и не пользовались парламентарными прениями — тут, конечно, хорошего мало» (стр. 8).

Направив главный удар против Салтыкова, — это было более или менее естественным следствием того, что ведущая роль в № 1—2 принадлежала, бесспорно, этому писателю, — Пржецлавский в своей «записке» обронил несколько неблагоприятных замечаний и о статьях других сотрудников журнала. Так например, автора неподписанной статьи «Литературный кризис» (т. е. Антоновича) он упрекал за ожесточенные нападки на тех писателей, «которые приняли направление, согласное с видами правительства». «Таковыми же мыслями и духом, — писал Пржецлавский, — проникнута и другая статья «Краткий обзор журналов» (того же автора. В. Е.-М.).

Поскольку рассматриваемый доклад Пржецлавского одновременно посвящен и № 1—2 и № 3 «Современника», используем его и в части, относящейся к № 3. Здесь опять-таки наибольшее внимание автора привлекают статьи Салтыкова. О продолжении хроники «Наша общественная жизнь» Пржецлавский пишет: «Вся статья... — есть одна язвительная нападка¹ — на что именно? на благородство чувств.¹ Это pendant к филиппике I тома на благонамеренность.¹ Все, что уже сказано об этой последней, относится и в высшей степени к этой статье». В статье «Несколько полемических предположений» Пржецлавский остался недоволен «крайне резкими и неприличными выходками» против реакционных журналов, в особенности тем, что «на стр. 5 они названы «погаными» и сравнены с «помойною ямой». В салтыковской рецензии на книгу А. А. Быстротокова «Анафема или торжество православия» (Спб., 1863) Пржецлавскому не понравился «отпечаток иронии», замеченной им на стр. 128, 129 и 130.

Из статей других авторов, помещенных в № 3 «Современника», в поле зрения Пржецлавского попали статья А. М. Унковского «Новые основания судопроизводства» и в особенности елисеевское «Внутреннее обозрение». В этом последнем он нашел места, противные духовной и общей цензуре, где автор, го-

¹ Подчеркнуто Пржецлавским.

воря о введении кн. Владимиром христианства в России, «рассуждает», что Владимир только способствовал тогдашнему обществу, «оказывающему наклонность к переходу от грубого идолопоклонства к антропоморфизму, совершить этот переход и заменить отжившую форму религии другою — совершеннейшей». «Эти слова, — заявлял Пржецлавский, — ведут к следующим заключениям: 1) что христианство есть только форма религии, более совершенная, чем язычество, и 2) что христианство есть чистый антропоморфизм».

Свой доклад о №№ 1—2 и 3 «Современника» Пржецлавский заключал особым резюме. Хотя и в этом резюме говорилось о «неоспоримом таланте деятелей и вероятной благонамеренности» журнала, но говорилось только для того, чтобы заявить, что несмотря на это «Современник» «не удовлетворяет тому, что власть и общество имели бы право от него ожидать». Ратуя за прогресс общества, «Современник» «так выполняет эту задачу, что деятельность его скорее может считаться затрудняющею естественный ход дела, чем подвигающею его. Это происходит от недостатка в нем сдержанности и постепенности, от избытка ревности...

«Что касается до упрека в нигилизме, то надобно признать, что первыми тремя книжками «Современник» не опроверг, а подтвердил его. Тот же дух отрицания, то же презрение к необходимым условиям и движениям, ниспровержение установившихся форм взглядов и даже убеждений, та же аффектация грубости тона, резкости приговоров и дикой оригинальности...

«Из сказанного вывода общее заключение о влиянии журнала на общество, трудно было бы признать его полезным и даже одобрительным...»

Естественно было бы ожидать после этих более чем определенных слов, что Пржецлавский будет настаивать в своем докладе на каких-либо репрессивных мерах в отношении «неисправившегося журнала». Этого, однако, не произошло. Не произошло, надо думать, потому, что «верный клевет своего министра, насаждителя и хранителя «благонамеренности» (так называет Пржецлавского В. Е. Рудаков в своей упомянутой

выше статье), Пржецлавский считал несвоевременным обрушивать «бичи и скорпионы» на печать как раз в то время, когда обсуждался представленный Валуевым проект введения представительных учреждений в России. Здесь уместно будет отметить, что Пржецлавский отнюдь не принадлежал к числу сколько-нибудь принципиальных деятелей. Поляк по рождению и воспитанию, он из карьеристских соображений усвоил себе русскую ориентацию, причем выступал с такой резкостью против восстания 1830 г., что приговором парижского эмиграционного трибунала был присужден к смертной казни, которая и была приведена в исполнение... над его портретом. Придерживаясь реакционных взглядов в царствование Николая I, при его преемнике он не прочь был поиграть, — но самым осторожным образом, — в либерализм. «Клеврет» Валуева, он сохранял дружеские отношения и с Головинным.¹

Если № 1—2 возобновленного «Современника» может быть назван салтыковским номером в том смысле, что и в качественном и в количественном отношении статьи Салтыкова занимали в нем первое место, то №№ 3, 4 и 5 прежде всего характеризуются тем, что в них был напечатан роман Чернышевского «Что делать?». В мартовской книжке редакция «Современника» отдала под этот роман 142 страницы, в апрельской — 154 страницы, в майской — 143 страницы, иначе говоря — в каждом из этих номеров текст «Что делать?» составлял около трети всего состава номера.

Об исключительном значении романа, на долгие годы сделавшегося своего рода знаменем революционно и социалистически настроенной интеллигенции, полагаем, распространяться нечего: в Стране советов роман Чернышевского изучается повсюду, и любой школьник знает, как высоко ценился роман и современными ему деятелями и последующими поколениями русских революционеров.

¹ А. А. Петров, автор статьи о Пржецлавском в «Русском биографическом словаре» («Плавильщиков — Примо») (Спб. 1905, стр. 784—786), говорит об его терпимости как в области религии, так и в области политических взглядов, об его сочувствии реформам и т. д., но, поскольку эти утверждения не обоснованы, с ними очень трудно согласиться.

Первый вопрос, который возникает в связи с помещением «Что делать?» в «Современнике», — это вопрос о том, как могло случиться, что роман такого значения, к тому же писанный в тюрьме лицом, заподозренным в государственном преступлении, мог появиться на страницах легального журнала?

Здесь, по нашему мнению, сыграл роль целый комплекс благоприятно сложившихся обстоятельств.

Первое из них указано Пржецлавским, а Пржецлавский, как член Совета по делам книгопечатания, наблюдавший за «Современником», не мог не быть в курсе этого дела. Вот относящиеся к интересующему нас вопросу строки из воспоминаний Пржецлавского, напечатанных в № 9 «Русской старины» за 1875 г.: в «Современнике» «в мое время (т. е. в период наблюдения за этим журналом автора воспоминаний. В. Е.-М.) появился наделавший столько шума роман «Что делать?». Он был напечатан по странному недоразумению. Первая часть, появившаяся в одном из номеров «Современника», не заключала ничего предосудительного. Между тем сочинитель, по какому-то политическому делу, был заключен в Петропавловскую крепость. Следствие по этому делу производил статс-секретарь у принятия прошений, князь Голицын. Автор обратился к нему с просьбою дозволить ему докончить роман, за который он получил от редакции деньги вперед. Князь согласился, и рукописи последних двух частей поступили на рассмотрение к нему. Так как они, вероятно, ценсурованы были в политическом отношении, то статс-секретарь, не найдя в них ничего политического, пропустил их. Цензор же, рассматривавший «Современник» после пропуска рукописи князем Голицыным, не смог уже останавливать печатание ее. Таким образом проскользнуло в русскую литературу это произведение».

Надо думать, что в основном рассказ Пржецлавского соответствует действительности, — в основном, но не в подробностях. Так например, Пржецлавский жестоко ошибается, утверждая, что начало романа помещено в «Современнике» до ареста Чернышевского. Можно сомневаться также в правильности его сообщения, что Чернышевский обращался к князю

Голицыну с просьбой разрешить ему докончить роман и т. д. Остальное в рассказе Пржецлавского следует признать более или менее соответствующим действительности.

По крайней мере, те чисто-фактические сведения о прохождении романа через комиссию кн. Голицына, которые приводит М. Лемке, тщательно изучивший все материалы «дела Чернышевского», отнюдь не противоречат версии Пржецлавского. «15 января, — читаем в книге Лемке «Политические процессы в России 60-х гг.» (Гиз, 1923), — Потапов (шеф жандармов. В. Е.-М.) передал комиссии начало романа «Что делать?» и письмо Чернышевского жене. Решено было роман передать члену Каменскому, а письмо не посылать, пока не будет прочтена рукопись. 26 января она была послана оберполицмейстеру для передачи А. Н. Пыпину, с правом напечатать ее «с соблюдением установленных для цензуры правил». Каменский, следовательно, не нашел в ней ничего относящегося к делу Чернышевского, а комиссия и не подумала посмотреть на «Что делать?» с точки зрения цензора, — предполагалось, что эту обязанность будут нести профессиональные цензора» (стр. 235). «12 февраля Чернышевский посылает А. Н. Пыпину уже 35 убористо написанных полулистков (37—72) продолжения «Что делать?» и полулист заметок о необходимых поправках при корректуре «для проверки собственных имен и чисел, встречающихся в этих листках романа». Все было получено комиссией на следующий день. Рассмотрение рукописи поручено генералу Слепцову и потом она была отправлена Пыпину» (там же, стр. 240). «26 марта Потапов прислал в комиссию 4-ю главу «Что делать?», 28 и 30 — еще главы, а 6 апреля — окончание. Как и прежде, роман читал кто-нибудь из членов комиссии, не находил в нем ничего, касающегося дела, и рукопись отправляли к Пыпину через оберполицмейстера, каждый раз напоминая, что печатание должно происходить на общем основании, с разрешения цензуры. Цензор «Современника», где печатался роман в мартовской, апрельской и майской книжках, видя на рукописи печать и шнуры комиссии, проникался соответствующим трепетом и пропускал не читая» (там же, стр. 316—317).

Последний вывод явно голословен. И Пржецлавский и Лемке правы, утверждая, что пропуск рукописи членами комиссии кн. Голицына мог оказать сильнейшее влияние на цензоров, но думать, что цензора «пропускали» даже «не читая», у них никаких оснований не было. Не забудем, что хронику Салтыкова «Наша общественная жизнь» читали, прежде чем пропустить, три цензора, председатель цензурного комитета и сам министр.

Вторым обстоятельством, существенно облегчившим прохождение романа Чернышевского через цензурные фильтры, являлось, надо думать, то обстоятельство, что «канупер»¹ его был сосредоточен отнюдь не в первых двух главах. Пржецлавский в цитированном отрывке своих «воспоминаний», хотя и отмечает, что «первая часть не заключала ничего предосудительного», умалчивает о том, что таково было не только мнение цензора, но и мнение его самого, высказанное официально. 24 апреля он представил в Совет по делам книгопечатания особый отзыв о ней. Отзыв этот в основном (полностью он напечатан в № 7/44 журнала «Каторга и ссылка» за 1928 г.) сводится к следующему. «Из того, что до сих пор появилось в печати, можно уже отгадать основную идею романа. Повидимому, он написан как бы в ответ на известное произведение «Отцы и дети» и имеет составлять противовес (contrepoids) характеристике нигилизма, воплощенной Тургеневым в лице Базарова. «Что делать?» есть апология нигилизма, изложение настоящей его доктрины, с хорошими ее сторонами. Лопухов г. Чернышевского — в главных чертах тот же Базаров, дополненный и облагороженный побуждениями высшей гуманности, ко-

¹ Некрасов в уста старого цензора (см. стихотворение «Газетная») вкладывает такое признание:

— Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я канупер
(Так он вредную мысль называл).

«Канупер» в своем прямом значении — сильно пахнущее растение.

торая, по мнению автора, и есть отличительная черта новых людей (они же нигилисты, как должно подразумевать).

Поэтому содержание романа вообще не предосудительно, напротив, одно уже то, что нигилизм сознает потребность очиститься от возводимой на него характеристики чистого цинизма, можно признать слишком утешительным... По этим уважениям нельзя не признать, что роман «Что делать?» может иметь небезвредное влияние на массу читающих, в особенности же на молодое поколение неопытных мыслителей...

Окончательное решение о внутреннем достоинстве романа «Что делать?» должно отложить до выхода последней части, но какое бы оно ни было, всегда то, что здесь сказано, останется в своей силе».

Нельзя отрицать, что данный отзыв не лишен либерального привкуса. Либеральничал Пржецлавский и тогда, когда он как бы соглашался признать за нигилизмом и некоторые положительные стороны, и тогда, когда не без самодовольства замечал, что оценка им романа «всегда... останется в своей силе». Либеральничание Пржецлавского, конечно, не столько отражало его истинные убеждения, сколько свидетельствовало об его чуткости к происходившему в сферах. Апрель месяц, — не забудем, — это как раз то время, когда представлялась и обсуждалась «либеральная» записка Валуева о народном представительстве.

Однако ни версия о магическом действии «печати и шнуров» комиссии кн. Голицына, ни отсутствие особого «канупера» в первой и второй главах все же не объясняют полностью появление в печати всего романа Чернышевского. Уж слишком «предосудительным» и «зловредным» должен он был представляться, с точки зрения «охранителей», являясь и на самом деле произведением, с исключительной силой проповедывавшим враждебную самым основам тогдашнего строя идеологию. Быть может, в пропуске его сыграла решающую роль какая-нибудь державшаяся в строгом секрете махинация искушенного многолетними сношениями с цензурой редактора-издателя «Современника». Быть может, прав Рейнгардт, объясняя этот пропуск показным и ложным либерализмом Валуева.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

I

ДУРАКЪ.

По утру 11 июля 1856 года, прислуга одной изъ большихъ петербургскихъ гостинницъ у станціи московской желѣзной дороги была въ недоумѣніи, отчасти даже въ тревогѣ. Наканувѣ, въ 9-мъ часу вечера, пріѣхалъ господинъ съ чемоданомъ, занялъ номеръ, отдалъ для прописки свой паспортъ, спросилъ себѣ чаю и бутлетну, сказалъ, чтобъ его не тревожили вечеромъ, потому что онъ усталъ и хочетъ спать, но чтобы завтра непременно разбудили въ 8 часовъ, потому что у него есть спѣшныя дѣла, заперъ дверь номера, и, пошумѣвъ ножомъ и вилкою, пошумѣвъ чайнымъ приборомъ, скоро прятыхъ, — видно, заснулъ. Пришло утро: въ 8 часовъ слуга постучался къ вчерашнему пріѣзжему — пріѣзжій не подаетъ голоса; слуга постучался сильнѣе, очень сильно — пріѣзжій все не откликается. Видно, крѣпко усталъ. Слуга подождалъ четверть часа, опять сталъ будить, опять не добудился. Сталъ совѣтоваться съ другими слугами, съ бухгалтеромъ — «Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?» — «Надо

Первая страница журнального текста романа Н. Г. Чернышевского „Что делать?“

(„Современник“, 1863 г. № 3)

Вот относящийся сюда рассказ Рейнгардта из его воспоминаний о Чернышевском («Современное слово» 1911, № 1331, от 19 сентября): «Роман посылался в цензуру, когда уже был набран для номера, и из цензуры отправлялся бывшему тогда министру внутренних дел Валуеву, в виду особого на этот предмет распоряжения. Когда роман вышел, и о нем заговорили, то Валуев, как рассказывали в то время, хвастался своим либерализмом, что пропустил роман в социалистическом духе. Однако Валуеву вскоре пришлось раскаиваться в своем либерализме, когда этот роман, вместе с другими сочинениями Чернышевского, был пристегнут к его делу в числе веских улик его виновности».

Как бы то ни было, в апрельском «Современнике» появилась третья глава романа Чернышевского, а в майском номере — четвертая, пятая и шестая.

Можно было бы очень много сказать о том, как реагировала русская общественность на роман Чернышевского, но это завело бы нас слишком далеко. А потому, не вдаваясь в излишние подробности, ограничимся лишь указанием, что в оценке «Что делать?» преобладала или определенно положительная или резко отрицательная точка зрения. Революционно-демократическая интеллигенция была от него в восторге; реакционеры же, а вместе с ними и либералы рвали и метали. Многие удивлялись тому, что роман был допущен в печать; находились и возмущавшиеся попустительством цензуры. Так например, Фет, вспоминая о своем пребывании в Москве в мае 1863 г., рассказывает о следующем небезынтересном эпизоде: «Зашли мы с Боткиным как-то к Каткову, и, конечно, разговор закипел по поводу польского восстания и вообще того разлагающего элемента, который наши враги так обильно вливали в нашу жизнь, чему блистательным образчиком мог служить произведший такое впечатление роман Чернышевского «Что делать?». Мы с Катковым не могли притти в себя от недоумения и не знали только, чему удивляться более: цинической ли нелепости всего романа, или явному сообщничеству существующей цензуры с проповедью двоеженства, фальшивых паспортов, преднамеренной проповеди атеизма и анархии...»

Обвинение цензуры «в явном сообщничестве» с Чернышевским¹ приобретало тем более одиозный характер, что к началу мая, в связи с назначением Муравьева на должность генерал-губернатора Северо-западного края, поворот в сторону крайней реакции определился уже с полной ясностью.

Нет никакого сомнения, что этот поворот послужил для Пржецлавского одним из стимулов написать и представить свой второй отзыв о романе Чернышевского. Мы говорим — одним из стимулов, ибо другим стимулом могла явиться прояснившаяся «предосудительность» романа, хотя Пржецлавский и на этот раз имел в виду не весь роман, а лишь ту часть его, которая появилась в апрельской книжке, т. е. третью главу. А между тем, с точки зрения охранителей, наибольшие опасения должна была вызвать, конечно, последняя часть романа с такими главами ее, как «Четвертый сон Веры Павловны» или «Перемена декорации». Однако и третья глава давала Пржецлавскому широкие возможности продемонстрировать свою благонамеренность.

¹ Если бы цензоры «Современника» знали о подобного рода обвинениях, они могли бы выдвинуть в доказательство своего цензорского усердия весьма убедительный фактический материал. По данным типографских счетов:

в № 3 «Современника» цензором было запрещено:

1) В разных статьях	1 ³ / ₄ п. л.
2) «Братья Бандиера»	3 ³ / ₄ п. л.

5¹/₂ п. л.

в № 4	7 п. л.
-----------------	---------

в № 5:

1) «Современные призраки»	1 ³ / ₄ п. л.
2) «Из бурсацкого быта»	5 ⁵ / ₈ п. л.
3) В разных местах	1 ¹ / ₄ п. л.

3³/₈ п. л.

в № 6:

1) «Разум и наука в России в былые времена»
Щапова	1 ⁷ / ₈ п. л.
2) «Внутреннее обозрение» Антоновича	1 ³ / ₄ п. л.
3) «Заметка для хроникера «Отечественных
записок»	3 ³ / ₄ п. л.
4) «Поджигатель», повесть	3 ¹ / ₂ п. л.
5) В разных местах	1 ⁵ / ₈ п. л.

9¹/₂ п. л.

Свой новый отзыв он начал с утверждения, что продолжение данного произведения оправдало «превизии, выраженные в замечаниях его на первую часть». Утверждение это, — по самому существу своему являвшееся лживым, ибо первый отзыв Пржецлавского в основном был благоприятен роману, а второй сугубо неблагоприятен, — без сомнения, продиктовано стремлением предупредить возможное обвинение в «попустительстве» и тем самым сохранить репутацию благонамеренного чиновника, столь необходимую для успешного продвижения по службе.

Вот как теперь оценивал Пржецлавский «Что делать?», акцентируя свое внимание преимущественно на брачной проблеме: «Я должен сказать, что в новейших литературах, даже французской, мне не случилось читать ничего так наивно immoralного, как разбираемый роман. На других языках встречаются развратные картины нравов, но всегда только, как частности, а не как выводы логической необходимости, а тем менее в виде и значении целостной доктрины, исповедания веры честных пламенных филантропов.

«По всему следует заключить, что роман «Что делать?» есть пробный шар (ballon d'essai) целой серии подобных произведений, где в легкой популярной форме романических рассказов будут развиваемы далее догматы учения новых людей.¹ На первый случай к применению учения, взят брачный союз,¹ и мы видим, как он в нем понимается и трактуется. На него смотрят не иначе, как на простой временный¹ договор, который по произволу договаривающихся может быть уничтожен, расширен и всячески изменен. На место христианской идеи брака проповедуется чистый разврат, коммунизм женщин и мужчин, смотря по тому (стиль и фигура романа), у кого из супругов будет аппетит обедать два или более раз в день.¹ Едва ли после этого нужно прибавлять, что такое извращение идеи супружества разрушает и идею семьи, основы гражданственности, что то и другое прямо противно коренным началам религии, нравственности и общественного порядка и

¹ Подчеркнуто Пржецлавским.

что сочинение, проповедующее такие принципы, в высшей степени вредно и опасно».¹

Подобного рода отзыв представлял серьезную угрозу для самого существования журнала, тем более, что совпал по времени с той свирепой расправой, которую учинило правительство над журналом братьев Достоевских «Время». Весьма патриотическая, по своему смыслу, но признававшая в Польше того времени существование сравнительно высокой цивилизации статья Страхова «Роковой вопрос» («Время», № 4) вызвала запрещение журнала. Мало того, председателю С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цез пришлось уйти в отставку (24 мая). Нет никакого сомнения, что роман Чернышевского в глазах охранителей был неизмеримо вредоноснее статьи Страхова. Почему же в таком случае напечатание его не дало повода к репрессиям? У нас нет данных для сколько-нибудь определенного ответа на этот вопрос. Остается только еще раз предположить, что пропуск романа в печать состоялся с согласия Валуева, и это охранило

¹ Курсив наш.

Только что приведенный отзыв Пржецлавского не является еще последним словом цензурско-охранительного творчества о романе Чернышевского. В редком и секретном издании «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие» видный цензурный деятель П. Капнист дал следующую исключительно резкую характеристику «Что делать?»: «Пока представители нашего журнального нигилизма недоумевали и спорили по поводу повести г. Тургенева, пока они излагали в разных руководящих статьях «Современника» и «Русского слова» свои основания в виде отрицания — глава и первый авторитет этого направления, г. Чернышевский, в романе «Что делать?» попытался выразить коммунистические и социалистические идеалы свои положительно. Самое заглавие этого произведения как бы стремится дать уразуметь остановившимся в недоумении перед системой всеотрицания прозелитам нигилизма, что роман укажет и научит, что им нужно делать. Программа, предлагаемая г. Чернышевским в его романе к осуществлению на практике, весьма несложная. Члены коммуны или артели из лиц обо-его пола, без строгих понятий о семейном союзе и о взаимных половых отношениях, живут все вместе, в виде какого-то пансиона, работая и деля между собою барыши...» Этот отзыв, относящийся к осени 1865 года, представлял тем большую опасность для журнала, что был напечатан в книге, трактовавшейся как своего рода официальное руководство для цензоров.

его от репрессий, ибо применение и неприменение репрессий зависело в первую голову именно от Валуева.

Есть основание думать, что напечатание романа в известной мере сказалось и на судьбе его автора. Так, Н. И. Костомаров в своей «Автобиографии» определенным образом указывает, что к Чернышевскому стали относиться строже после напечатания романа, ибо в нем «правительство увидело новый несомненный довод зловредности Чернышевского». Справедливость последних слов Костомарова косвенно подтверждается следующими фактами. В течение целого года после ареста Чернышевского и заключения его в крепость его следователи и судьи в своих поисках улики отнюдь не привлекали материала, заключавшегося в его журнальных статьях. Но в середине 1863 г., т. е. именно тогда, когда в связи с появлением романа «Что делать?» в печати должен был ожить интерес к литературно-журнальной деятельности Чернышевского вообще, были составлены и пущены в судебный оборот две пространные записки об этой именно деятельности. Одна, сообщенная кн. Голицыным министру юстиции Замятнину, а этим последним 2 июля препровожденная обер-прокурору сената «к совокупному рассмотрению с делом», так и была озаглавлена: «Записка о литературной деятельности Чернышевского». Другая, пересланная 4 июля шефом жандармов кн. Долгоруковым министру юстиции, называлась «Разбор литературной деятельности Чернышевского». Автором второй, без всякого сомнения, был предатель Вс. Костомаров. Что касается первой, то автор ее остается неизвестным. Однако между содержанием обеих записок временами наблюдается такое разительное сходство, что не исключена возможность, что и к составлению первой в какой-то мере руку приложил тот же Вс. Костомаров...

Обе записки полностью напечатаны в книге Лемке «Политические процессы», занимая в общей сложности более 60 страниц (377—438). Вот почему достаточно ограничиться лишь очень краткими извлечениями из них.

В «Записке о литературной деятельности Чернышевского» вопрос ставился следующим образом: «Две

теории, заключающие в себе разрушительные элементы разложения, угрожают нашей общественной жизни при самом начале ее благотворного развития. Первая теория, — материальный фатализм, отрицающий индивидуальную нравственную свободу человека, — есть извращенное учение нравственной философии, другая — социализм, неисходно переходящий в коммунизм... Из наших периодических изданий «Современник» в последние годы являлся проводником обеих указанных теорий в статьях Чернышевского.¹

Далее давался анализ этих статей, причем автор с особым вниманием останавливался на статьях 1860 и 1861 гг. — «Капитал и труд», «Примечания к переводу Милля», «Июльская монархия» и «Антропологический принцип в философии». Заключительный вывод гласил: «Подобная литературная деятельность Чернышевского принесла горькие плоды. Проповедуемое им вредное учение было усвоено неопытной молодежью, которая, проникнувшись новыми идеями, пожелала осуществить их на деле путем опасной пропаганды и прибегла для этого к тайной печати. В подметных прокламациях высказываются те же самые политико-экономические учения, которые развивал Чернышевский с тою лишь разницею, что в прокламациях они не прикрыты ученою диалектикой, а являются в безыскусственной форме и осязательной нелепости. Те самые политико-экономы старой школы (Бастия, Рошер, Рау), на которых с ожесточением нападал Чернышевский в своих сочинениях, составляют предмет резких и грубых нападок для авторов подметных листков. Наконец, насильственные средства к осуществлению новых порядков указываются в прокламациях с беззастенчивою откровенностью... Словом сказать, прокламации суть как бы вывод из статей Чернышевского, а статьи его — подробный к ним комментарий».

В записке «Разбор литературной деятельности Чернышевского» излагаются в несравненно более подробном виде те же самые мысли. И здесь утверждается, что «болезнью, поразившей наше общественное тело», являются, с одной стороны, «материалистический фа-

¹ Курсив наш.

тализм», с другой «коммунизм», «прямо направленный к ниспровержению всех начал семейного, общественного и государственного устройства». И здесь доказывается, что распространителем этой болезни является «Современник» с Чернышевским во главе, причем в доказательство рассматриваются те же журнальные статьи Чернышевского, что и в первой записке. И здесь, — еще с большей подробностью, — сопоставляется содержание статей Чернышевского и революционных прокламаций того времени, в целях установления идеологического родства между ними.

Любопытно, что в орбиту внимания автора «Разбора», наравне с Чернышевским, попадает Салтыков-Щедрин. Костомаров подробно рассматривает его статью «Цензор впопыхах» в «Свистке» («Современник» 1862, № 4), чтобы с помощью нее разъяснить, какие способы применяет «Современник» в целях «надувательства цензуры», в котором видит одно из необходимых условий проводимой им разрушительной работы.

Нечего и говорить, какое влияние как на судьбу Чернышевского, так и на положение возобновленного журнала в обстановке все усиливающейся реакции могли приобрести и «Записка» и «Разбор». Ведь их читателями были столь высокопоставленные лица, как председатель следственной комиссии, шеф жандармов, обер-прокурор сената, министр юстиции, — лица, находившиеся в непосредственном контакте с Александром II. «Записка» и «Разбор» прививали своим сановным читателям убеждение, что Чернышевский — опаснейший человек, а «Современник» — главная арена его деятельности — только формой, отнюдь не внутренним смыслом отличается от «подметных писем». Это убеждение, несомненно, сказалось на том невероятно жестоком приговоре, которым закончилось дело Чернышевского, и легко могло привести к окончательному запрещению «Современника».

До запрещения «Современника» дело, однако, не дошло. Не дошло потому, что Валуев, повидимому, считал еще не своевременным окончательное подавление оппозиционной печати. Тем не менее цензурный нажим на «Современник» был усилен до чрезвычайной степени.

Цензурная история «Современника» за вторую половину 1863 г., а также за 1864—1865 гг. прояснена в истории нашей журналистики только отчасти. Тем не менее зарегистрированные уже факты с несомненностью свидетельствуют о том, что цензура в это время стала относиться к журналу с сугубой подозрительностью. Ретивость цензоров в отношении него все возрастала и возрастала. Новый председатель С.-Петербургского цензурного комитета Турунов, не стесняясь, заявлял, что статьи, которые он согласился бы пропустить в любом журнале, будут запрещены им для «Современника».

Вот печальный итог работы предварительной цензуры в отношении последних номеров «Современника» за 1863 г., извлеченный из счетов типографии.

В № 7 цензурой запрещено:

1) Разбор книги о расколе Шедофротти	1 $\frac{1}{8}$ п. л.
2) «Выдержки из мемуаров покойного дилетанта»	2 $\frac{1}{8}$ п. л.
3) «Новые исследования по вопросу о ренте. Литературные ренты» . . .	1 $\frac{1}{2}$ п. л.
4) В разных местах	3 $\frac{1}{2}$ п. л.
	8 $\frac{1}{4}$ п. л.

В № 8 цензурой запрещено:

1) «История всеобщей литературы XVIII века»	3 $\frac{1}{2}$ п. л.
2) «Выборы во Франции в 1863 г.» . .	1 п. л.
3) «Внутреннее обозрение»	1 $\frac{3}{8}$ п. л.
4) «Графы Никита и Петр Панины» .	1 $\frac{1}{8}$ п. л.
5) «Правда и кривда»	$\frac{1}{4}$ п. л.
6) В разных местах	1 $\frac{1}{2}$ п. л.
	9 п. л.

В № 9 цензурой запрещено:

1) «Защитники духовенства»	2 $\frac{3}{4}$ п. л.
2) «Заметки о художественной выставке»	$\frac{3}{8}$ п. л.
3) В разных местах	3 $\frac{1}{8}$ п. л.
	6 $\frac{1}{4}$ п. л.

В № 10 цензурой запрещено:

1) «Попытка ввести физиологические основы», Сеченова	5 ³ / ₄ п. л.
2) Разбор пьесы «Доходное место», Слепцова	7 ⁷ / ₈ п. л.
3) В разных местах	1 ³ / ₄ п. л.
8 ³ / ₈ п. л.	

В № 11 цензурой запрещено:

1) «Пройди свет»	2 ³ / ₄ п. л.
2) В разных местах	3 п. л.
5 ³ / ₄ п. л.	

В № 12 цензурой запрещено:

1) «Пища и ее значение»	1 ³ / ₄ п. л.
2) «Биржевое недоразумение»	1 ¹ / ₂ п. л.
3) «Земские учреждения»	1 ¹ / ₂ п. л.
4) Стихотворение	1 ¹ / ₄ п. л.
5) В разных местах	4 п. л.
8 п. л.	

В одной из наших ранних работ по истории «Современника» произведен подсчет того, сколько печатных листов составляли цензурные изъятия в тексте журнала за время с 1857 по 1865 г. ежемесячно, причем в среднем получилось по 4 листа в месяц. Что касается рекордного по силе и интенсивности цензурного нажима второго полугодия 1863 г., то в течение него журнал лишился свыше 46 листов, т. е. терял почти по 8 листов в месяц. Это составляет свыше 150 страниц печатного текста ежемесячно. Поистине страшные цифры, не нуждающиеся ни в каких пояснениях!

Единственным просветом на мрачном цензурном горизонте «Современника» являлась передача наблюдения за ним новоназначенному члену Совета по делам книгопечатания И. А. Гончарову. Конечно, последний не имел права вмешиваться и на самом деле не вмешивался в работу предварительной цензуры, но уже одно то, что он не подстрекал ее усиливать нажим на журнал, а иногда в спорах редакции с цензорами при-

нимал сторону первой, несколько (разумеется, в очень относительной мере) облегчало положение «Современника».

Гончаров издавна был связан с Некрасовым и некрасовским журналом. В конце 40-х гг. он был постоянным сотрудником «Современника», поместив в самом журнале «Обыкновенную историю» («Современник» 1847, №№ 3 и 4), а в приложении к нему — несравненный «Сон Обломова» («Литературный сборник», 1849). В 50-х гг. Гончаров напечатал в «Современнике» несколько глав «Фрегата Паллады». В 1859 г. Гончаров, в то время цензор С.-Петербургского цензурного комитета, проявляет инициативу в возбуждении вопроса о разрешении второго издания стихотворений Некрасова, над которыми еще с 1856 г. тяготел цензурный запрет. Хотя инициатива эта не может быть названа вполне удачной, так как разрешение на второе издание было получено только через два года, но все же заслуга Гончарова в данном случае неоспорима. Характерно, что к концу того же 1859 г. относится соглашение между Некрасовым и Гончаровым о помещении в «Современнике» большого отрывка из будущего «Обрыва», под заглавием «Софья Николаевна Беловодова». За этот отрывок, напечатанный в № 1 за 1860 г., Гончарову был уплачен очень крупный гонорар. С переходом Гончарова на службу в министерство внутренних дел, общее направление политики которого становилось все реакционнее и реакционнее, сотрудничество его в «Современнике», естественно, прекратилось, но узы старой приязни, соединявшие его с Некрасовым, отнюдь не оборвались. Конечно, идеологическая платформа Гончарова, с его тяготением в сторону умереннейшего либерализма, была очень далека от платформы некрасовского журнала; конечно, Гончаров слишком дорожил своей бюрократической карьерой, чтобы рискнуть на энергическую защиту столь скомпрометированного журнала, как «Современник»; но за всем тем, в 1863—1864 гг., в роли наблюдающего за журналом члена Совета по делам книгопечатания, он не только избегал участвовать в каких-либо направленных против «Современника» репрессиях, но готов был при случае в известной, — правда, очень скромной, — степени содействовать смягчению установившегося в отношении него цензурного режима.

Об этом свидетельствует целый ряд документально подтверждаемых фактов. Так, летом 1863 г., когда С.-Петербургский цензурный комитет, в связи с докладом цензоров Веселаго и Капниста о предназначенной к напечатанию в «Современнике» повести Дрианского «Конфетка», возбудил вопрос о том, «до какой степени цензура должна допускать сатиры или карикатуры на разные учреждения, правительственные органы и сословия», — Гончаров в своей записке по этому делу¹ высказался в пользу некоторого расширения границ «дозволенного для сатирических изображений», в частности находил возможным оставление в тексте повести смутившего цензурный комитет эпизода о губернаторе. В результате повесть «Конфетка», хотя и с исключениями, появилась в июльской книжке журнала.

Несколько позже разыгрался подобный же эпизод со знаменитым рассказом Помяловского «Бегуны и спасенные бурсы» (из «Очерков бурсы»). Цензурный комитет не решался взять на свою ответственность пропуск этого рассказа, но Гончаров энергично стал на его защиту. «Цель подобных рассказов, — авторитетно разъяснял он, — всегда одна и та же: обнаружить безобразие жестокого обращения с детьми и бесполезность мертвого, стародавнего преподавания предметов учения... При рассмотрении произведений этого рода, мне кажется, можно иметь в виду следующие соображения: 1) чтобы в статьях и рассказах не заключалось поименных указаний или намеков на известные места и лица и 2) главное, чтобы писатели, говоря о преподавании предметов закона божия и изображая быт и нравы духовных училищ, не позволяли себе юмористических изображений предметов, касающихся религии, богослужения и вообще церкви, и не относились к ним с иронией, неуважением или легкомысленно.

«На этом основании я полагал бы возможным разрешать в печати произведения, подобные рассказу «Бегуны и спасенные бурсы», с означенными цензура-

¹ «Записка» Гончарова о повести «Конфетка», помеченная 11 июля 1863 г., полностью напечатана в нашей статье «К характеристике общественного миросозерцания Гончарова в 60-е гг.» («Северные записки» 1916, № 9).

ными ограничениями, а также предоставить С.-Петербургскому цензурному комитету разрешить и этот рассказ г. Помяловского, за исключением указанных во мнении цензурного комитета мест».¹

Точка зрения Гончарова и на этот раз восторжествовала: рассказ Помяловского был разрешен к печати и украсил собой страницы июльского номера «Современника».

Не всегда, однако, готовность Гончарова выручать «Современник», когда цензурный комитет затруднялся пропустить ту или иную из предназначенных для журнала статей, приносила желаемые результаты. Об этом говорит хотя бы следующий эпизод. В июле цензурным комитетом был возбужден вопрос о предназначенном для «Современника» «критическом разборе» книги «Графы Никита и Петр Панины» военного историка Лебедева.

Вот еще не появлявшееся в печати мнение Гончарова по этому вопросу:

«Обстоятельства частной жизни и характер императора Павла I до сих пор обходили в печати молчанием по некоторым причинам, и между прочим по причине свежести преданий того времени, имеющего немало живых свидетелей в обществе, и по близости семейных отношений этого государя с ныне царствующею фамилиею.

«В книге «Графы Никита и Петр Панины» г. Лебедев едва ли не первый из русских писателей заговорил с некоторою откровенностью о личных качествах этого государя, как видно из выписок, приведенных в критическом разборе на его книгу рецензентом «Современника».

«Судя по этим выпискам, г. Лебедев касается весьма осторожно подробностей частной жизни императора Павла, между тем рецензент в разборе своем не везде придерживается этой осторожности и местами старается, как справедливо заметил г. цензор, неудобно в цензурном отношении, бросить более света на то

¹ И эта «Записка» Гончарова, помеченная 24 июля 1863 г., полностью напечатана в указанной статье в «Северных записках».

время и личности, и с этою целью, повидимому, уличает автора книги в противоречиях самому себе.

«Но несмотря на всю осторожность, с которой г. Лебедев приводит некоторые подробности, например, извлечение из дневника Порошина о воспитании великого князя Павла Петровича, нельзя не чувствовать при чтении их, что воспоминания эти слишком свежи в памяти общества и что по близкому отношению этого недавнего прошедшего к современным личностям и по уважению, налагаемому приличием к сим последним, интимные обстоятельства и вообще частная жизнь этого времени не может еще безусловно подлежать историческому анализу.

«Так как книга г. Лебедева допущена в печать, то я полагал бы справедливым разрешить и критический разбор на нее, с тем, чтобы, согласно мнению г. цензора Веселаго, из этого разбора устранены были те места, где рецензент относится с иронией к патриотическому настроению книги или резко отзывается об императрице Екатерине и великом князе и т. п. Я с своей стороны нахожу также не все выписки из дневника Порошина удобными к перепечатанию в журнале, как, например, выписку об интрижке великого князя с фрейлинами и об амазонках и т. п.

Член Совета по делам книгопечатания
И. Гончаров.

2 августа 1863 г.»

Совет по делам книгопечатания, на заседании которого рассматривалось данное дело, повидимому, оказался строже Гончарова: рецензия на книгу Лебедева в «Современнике» напечатана не была, несомненно потому, что Совет запретил ее.

Осенью разыгралась история с предназначенной для «Современника» статьей И. М. Сеченова «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы». Цензор Ф. Ф. Веселаго в своем остающемся доныне ненапечатанным представлении в Совет по делам книгопечатания писал о ней следующее: «Статья эта есть серьезный, ученый материалистический трактат, доказывающий, что мозг с нервной и мышечною системами представляет превосходную машину, производящую всевозможные акты психической жизни... При

спокойном и сдержанном изложении автор, хотя нигде прямо не касается религиозных верований и нравственных или политических начал, но тем не менее подрывает их, проводя самым обширным образом идею материализма во все акты жизни человека. Если смотреть с этой точки зрения на подлежащее сочинение, то нельзя одобрить его к печати. Но с другой стороны нельзя не заметить, что при сильном распространении учения о материализме в Западной Европе, оно проникает к нам различными путями и не может быть задержано цензурой. Наконец, запрещение таких серьезных ученых трудов, как докладываемая мною статья, может невыгодно отразиться на деятельности русских ученых и поставить их в необходимость печатать свои сочинения за границу, и разумеется уже в менее сдержанном тоне». Исходя из этих оснований, цензор считал возможным разрешить печатание вышеупомянутой статьи в журнале «Современник».

Гончаров никакого участия в рассмотрении данного вопроса, повидимому, не принимал (быть может потому, что находился в отпуску), и донесение Веселаго было передано на рассмотрение Пржецлавского. Отзыв этого последнего был неблагоприятен, вследствие чего Совет по делам книгопечатания принял постановление, воспрещающее печатание статьи в «Современнике», но позволяющее «напечатать ее в медицинском или другом специальном периодическом издании, с необходимыми по усмотрению цензуры исправлениями наиболее резких выражений и даже самого заглавия».

В январе 1864 г. Гончарову пришлось высказаться по поводу нескольких произведений, уже помещенных в «Современнике». Среди этих его отзывов наиболее, пожалуй, любопытен еще не появлявшийся в печати отзыв о повести Леона Бранди, т. е. Л. И. Мечникова, «Смелый шаг», — того самого Мечникова, который в 1860 г. в качестве волонтера сражался под знаменами Гарибальди, а в 1861 г. напечатал в «Современнике» перевод романа Руфини «Записки Лоренцо Бенони», возбудивший целую бурю в цензурных сферах.¹

¹ См. об этом в нашей книге «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, стр. 497—498 и 505—506.

Отзыв Гончарова о «Смелом шаге» приводим полностью:

«Современник», № XI, Ноябрь. *Смелый шаг*. Повесть Леона Бранди (псевдоним).

«Фактическое содержание повести очень бедно. Молодая женщина, жена умного, честного и благородного человека, сначала любила, или думала, что любит мужа, потом на его глазах и с его согласия, стала сближаться с кругом молодых людей; увлеклась студентом и после некоторой борьбы ушла к нему и осталась у него жить. Муж с презрением махнул на нее рукой. Тут все содержание.

«Не в первый раз подобная тема служит содержанием повести на русском языке: можно напомнить наделавший несколько лет тому назад шума роман Авдеева «*Подводный камень*»: доказательство, что цензура не преследовала самой темы, а принимала в соображение, как относится к ней автор, т. е. в каком свете представляет дело публике.

«В повести «*Смелый шаг*» автор (должно быть очень молодой человек, неопытный, неумевший совладеть с своим предметом и отчасти с пером) в глазах цензуры прав до последних двух страниц. Он относится к своей героине с иронией, хотя не настолько положительной, чтобы можно было заключить, что он решительно не покровительствует эмансипации женщины в вопросе о браке, однако же он насмешливо изображает ее мечтательницей, которая то хочет, чтобы муж (стр. 30, 31 и 32) ее был рыцарем нового образа, собрал бы трудом капиталы и потом роздал их бедным, то жалеет, что он честен, умен, к ней добр, нежен и справедлив, и что не к чему к нему придрататься, что она рада бы была, чтоб он был каким-нибудь Раулем с синей бородой. Она все искала счастья, пробовала заниматься политической экономией, взяла учить двух девченок, наконец остановилась на мысли основать на свои деньги домик для бедных студентов с садом, библиотекой, и управлять этим хозяйством.

«Любовника автор изображает человеком ума смелого, положительного, характера гордого и твердого, с трудом добывающим кусок хлеба. Оба борются против страсти, даже расходятся, но потом по принужде-

нию мужа, опасаящегося, чтобы от разлуки не усилилась страсть, они видятся опять и неожиданно сближаются.

«На последних двух страницах, когда страсть приняла быстрый и внезапный поворот, струя иронии у автора вдруг пропадает, и он прямо объявляет, что героиня проснулась в незнакомой комнате, т. е. провела ночь у любовника, сначала испугалась, а потом, прочитав ответ мужа к любовнику и узнав, что первый отказался от дуэли и относится с презрением к ним обоим, она весело разделяет виды любовника об устройстве их дальнейшей участи и заключает словами, что ей бедность не страшна, что «у них есть роскошь жизни нищего — любовь, а остальное как-нибудь будет. Ведь не умирают же люди от того, что у них нет наследства».

«Тем повесть *«Смелый шаг»* и кончается. Я даже сомневаюсь, конец ли тут: надо было бы осведомиться в редакции *«Современника»*, нет ли в виду второй части, прежде нежели допускать повесть в печать.

«Хотя автор не только не поклоняется героине, но даже, как сказано, относится к ней с иронией, однако же заключает повесть тем, что приводит факт измены умному и честному мужу совершенно равнодушно, ни одобряя, ни порицая его, и от этого молчания выходит, что героиня как будто права, и даже находит в своей позорной страсти утешение и удовлетворение за все утраченное.

«Автор не кончил повести, не разработал своего сюжета до конца, от того ли, что не сладил с ним, или от недобросовестности и односторонности воззрения — этого решить по ходу повести нельзя. Но он изобразил картину увлечения, скрыв трагические последствия: а от уравнивания этих обеих сторон только и может подобный *смелый шаг* явиться в истинном свете. Если бы автор дал себе труд, или сумел взглянуть поглубже в сердце этой женщины в дальнейшей ее участи, в новом ее положении, то конечно нашел бы там достойный приговор ее поступку.

«По моему мнению, подобные задачи в произведениях искусства могут являться в печати, без подрыва начал нравственности, не иначе, как на сказанных основаниях, т. е. добросовестно, во всей полноте разра-

ботанные, а не изображать одни увлечения, с умолчанием неминуемых тяжких последствий. Этого потребовала бы не только цензура, но и художественная критика.

Член Совета по делам книгопечатания
И. Гончаров.

20 января 1864 г.»

Таким образом, хотя в данном случае Гончаров достаточно определенно выразил свое неодобрение произведению, проповедывавшему эмансипацию женщины, что в те времена приравнялось к проповеди нигилизма, однако он не заикнулся о каких-либо репрессиях в отношении журнала.

Не поднимает вопроса о репрессиях и последний из известных нам январских отзывов Гончарова (напечатан в «Северных записках» 1916, № 9), посвященный статье Салтыкова «Наша общественная жизнь» («Современник» 1863, № 11). В нем Гончаровым отмечается как «недосмотр цензуры» пропуск некоторых мест, «где автор открыто слишком резко преследует все старое общество, поголовно обвиняя его в дряблости, корысти, нечестности, словом негодности...» Однако в заключительной части отзыва, вместо ожидаемого указания на какую-либо карательную меру в отношении журнала, содержится настоящий панегирик по адресу цензуры за результаты, якобы достигнутые ею в борьбе с «Современником». Она, говорит здесь Гончаров, «с замечательным успехом умела обуздать ярость обличительного и отрицательного направления в журнале, не давая прорываться в печать крайностям. Задача не легка, и заслуга цензуры не маловажна...»

Все относящиеся к «Современнику» отзывы Гончарова, на которые до сих пор делались ссылки, имели в виду не журнал в целом, а отдельные, напечатанные или предназначенные к напечатанию в нем, произведения. Нам удалось в свое время разыскать и такой отзыв Гончарова, в котором содержится общая характеристика журнала за вторую половину 1863 г.¹

В нем Гончаров утверждает, что «Современник» за

¹ Напечатан в нашей статье «Эволюция общественных взглядов Гончарова в 60-е гг.» («Звезда» 1925, № 5).

это время «не представляет почти никаких резких отступлений от цензурных правил» и ему не приходилось вносить о нем замечаний в Совет... «При всем желании сказать что-нибудь определительное о направлении «Современника» за последние полгода, я, по неопределенности и бесцветности его книжек, сказать почти ничего не могу. Намерений судить нельзя, а что кроется под намерениями, то по неясным намекам угадать трудно».

Тем не менее краткий обзор содержания журнала приводил Гончарова к убеждению, что «журнал настаивает на своей задаче — быть впереди других и хочет удержать за собою свою выгодную позицию, но, как сказано, встречает заметное для читателя противодействие цензуры, и от «Современника» прежней, еще недавней поры, можно сказать, остался один призрак».

Далее Гончаров ввернул фразу о том, что «Современник» «утратил бы свое значение еще скорее, если б мог высказывать вполне крайность своего обличительного и отрицательного направления», и в подтверждение ссылался на то, что появление на его страницах «такого романа, как «Что делать?» Чернышевского, нанесло сильный удар, даже в глазах его почитателей, не только самому автору, но и «Современнику», где он был одно время главным распорядителем, обнаружив нелепость его тенденций и шаткость начал, на которых он строил и свои ученые теории, и призрачное здание какого-то нового порядка в условиях и способах общественной жизни. Общественное мнение и литература с тех пор недоверчиво и с пренебрежением относятся к авторитету этого писателя: то же самое, конечно, ожидает и других деятелей, если они не откажутся от крайностей обличительного и отрицательного направлений. И теперь уже заметно, что молодое поколение отрезвляется, и если читает «Современник», то далеко не с прежним увлечением, а больше по привычке и по преданию о нем, как о передовом либеральном журнале».

Оценка, данная в этом отзыве (он помечен 18 января 1863 г.) «Современнику», не может быть названа вполне объективной. Хотя совершенно несомненно, что «Современник» во вторую половину 1863 г. должен был очень и очень умерить свой тон, приспособ-

сабливаясь к требованиям усердно нажимавшей на него цензуры, но, с другой стороны, едва ли правильно утверждать, как это делает Гончаров, что о направлении «Современника» в это время ничего нельзя сказать определенного. «Современник» и во вторую половину 1863 г. остался в основном верен тому знамени, которое было развернуто на его страницах Чернышевским и Добролюбовым. Вполне допустимо предположение, что Гончаров, всячески напирая на неопределенность направления журнала, сознательно лукавил. Объяснить это лукавство иначе, чем желанием не быть прикосновенным к каким-либо цензурным репрессиям в отношении «Современника», — трудно. А это желание, как мы уже указывали, легко могло возникнуть в виду недавнего сотрудничества Гончарова в журнале и не оборвавшихся еще связей с его главным редактором.

VI

Цензурная история «Современника» в 1864 г. началась с инцидента, весьма неприятным образом обернувшегося для редакции журнала.

Изучая взаимоотношения этого последнего с цензурным ведомством на протяжении многих лет, мы имели возможность убедиться, что только в исключительно редких случаях редакция пробовала жаловаться на самоуправства цензоров, руководствуясь, без сомнения, тем соображением, что подобные жалобы в огромном большинстве случаев не только не приносят пользы, но влекут за собой дальнейшее обострение отношений. Однако бывали моменты, когда редакция не в состоянии была воздержаться от той, собственно говоря, единственно возможной формы протеста, которую представляло обращение с жалобой в высшую цензурную инстанцию.

Цензурные придирки, которым подвергался «Современник» в течение второй половины 1863 г., с одной стороны, желание отстоять право журнала высказываться по одному из наиболее актуальных вопросов современной мысли, с другой, побудили Некрасова в январе 1864 г. обратиться в Совет по делам книгопечатания с «покорнейшим прошением».

В этом прошении¹ Некрасов веско и обоснованно протестовал против целого ряда изъятий, сделанных цензором Веселаго в тексте статьи «Пища и ее значение». ² Цензор Веселаго в особом донесении отстаивал свои изъятия, Гончаров же, который в качестве члена Совета, наблюдающего за «Современником», должен был высказаться по этому делу, поддержал точку зрения Некрасова. Не отрицая наличия материалистических и социалистических тенденций статьи, он позволил себе следующее, не лишенное смелости, с точки зрения того времени, суждение: «Мне кажется, можно было бы дать некоторый доступ такого рода статьям в публику по неудобству постоянно скрывать от ее ведения общеизвестные, впрочем, теперь выводы и теории, затем, чтобы последние потеряли тщательно укрываемый интерес заманчивости и разоблачались перед обществом, в надлежащем свете, со всеми недостатками, т. е. односторонностью, натяжками и преувеличениями, которые не замедлит обнаружить критика, наравне с цензурою (а иногда и строже ее, как недавно было в «Современной Летописи»), следящая за эксцентрическими воззрениями «Современника». Крайние воззрения оказываются несостоятельными перед строгой наукой и падают от прикосновения критического анализа, как это уже случилось в иностранных литературах со многими теориями, между прочим, коммунизма и другими».

Однако насколько условным и двусторонним был все-таки проявившийся в данном случае «либерализм» Гончарова, можно видеть из того, что свою записку о статье «Пища и ее значение» Гончаров закончил припиской сбоку, в которой «в виду важности вопроса, возникающего по поводу статьи», просил председателя «поручить рассмотрение статьи и его мнения о ней еще кому-нибудь из членов Совета». Эта приписка,

¹ Сведения о данном цензурном инциденте заимствованы из «Дела по Совету министерства внутренних дел по делам книгопечатания» за № 21, архива № 65; началось с февраля 1864 г.; решено 8 апреля 1864 г. «Прошение» — жалоба Некрасова, равно как и «отзыв» Гончарова, были напечатаны все в той же статье в «Северных записках». Остальные материалы «Дела» остаются до сих пор неопубликованными.

² Автором этой неподписанной статьи являлся М. А. Антонович.

введенная, без сомнения, с целью ослабить свою ответственность, привела в конце концов к тому, что статья, уже пропущенная, хотя и с некоторыми изъятиями, цензором, была вовсе запрещена и так и не появилась в «Современнике». Произошло это вследствие того, что другой член Совета, в данном случае А. В. Никитенко, привлеченный согласно гончаровской приписке к рассмотрению статьи, категорически высказался против ее допущения.

Как раз в то время, когда решался вопрос о статье «Пища и ее значение», вырабатывалась окончательная редакция сенатского «определения» по делу Чернышевского. Оно и начиналось и заканчивалось столь резкими оценками журнальной деятельности Чернышевского, что не могло не сыграть своей роли в деле политической компрометации «Современника» в самых высоких правительственных сферах. «Отставной титулярный советник Николай Чернышевский, — так начиналось «определение», — занимавшийся литературой, был одним из главных сотрудников журнала «Современник». Журнал этот своим направлением обратил на себя внимание правительства. В нем развивались материалистические и социалистические идеи, стремящиеся к отрицанию религии, нравственности и закона, так что правительство признало нужным прекратить на некоторое время издание сего журнала, а одновременно с сим открылись обстоятельства, которые указали правительству в Чернышевском одного из зловредных деятелей в отношении к государству». Далее «определение» довольно подробно излагало «дело Чернышевского», а затем утверждало, что если обвинение Чернышевского «в противозаконных сношениях» с Герценом и осталось недоказанным, то обвинения «в сочинении возмутительного воззвания к барским крестьянам» и в «приготовлении к возмущению» вполне доказаны.¹

Заключительная же часть «определения» была формулирована таким образом, что совершенно ясным становилось, в какой связи и зависимости находился неимоверно суровый приговор, вынесенный Чернышев-

¹ Эти «доказательства» зиждились на фальшивках, изготовленных предателем Вс. Костомаровым.

скому, от характера его журнальной деятельности.¹ «Обращаясь затем, — читаем здесь, — к определению степени подлежащего Чернышевскому наказания, сенат находит, что Чернышевский, будучи литератором и одним из главных сотрудников журнала «Современник», своею литературною деятельностью имел большое влияние на молодых людей, в коих со всею злою волею посредством сочинений своих развивал материалистические в крайних пределах и социалистические идеи, которыми проникнуты сочинения его, и указывая в ниспровержении законного правительства и существующего порядка средства к осуществлению вышеупомянутых идей, был особенно вредным агитатором, а посему сенат признает справедливым подвергнуть его строжайшему из наказаний».²

Раз обвинение Чернышевского строилось на таких основаниях, то, естественно, возникал вопрос, за что же он получил четырнадцать лет каторжных работ:³ за очень слабо доказанное, — этого не мог не понимать сенат, — «сочинение возмутительного воззвания» и «подготовление к возмущению» или же за сотрудничество в легальном журнале, ни одна строка в котором не могла появиться без разрешения цензуры?

Из изложенных фактов с несомненностью вытекает, что никогда положение «Современника» не было более угрожаемым, как весной 1864 г. Гласное обвинение, что на его страницах выступал «особенно вредный агитатор» с проповедью «материалистических в крайних пределах и социалистических идей», с проповедью «ниспровержения законного правительства и существующего порядка», являлось, само собой разумеется, чрезвычайно опасным и легко могло послужить вполне достаточным, с точки зрения охранителей, мотивом для окончательного запрещения журнала. Более того, говоря по существу, правительство в известной мере по-

¹ А характер журнальной деятельности Чернышевского был установлен двумя упоминавшимися выше записками неизвестного автора и того же Вс. Костомарова.

² Цитируется по книге Лемке «Политические процессы» (Гиз, 1923, стр. 486).

³ При конфирмации приговора Александром II срок каторжных работ был сокращен наполовину, но это сокращение, как показало будущее, являлось чистой фикцией.

ступало нелогично, столь круто расправляясь с Чернышевским и терпя в то же самое время существование «Современника». Объяснить эту нелогичность можно только тем, что в «Современнике» 1863 и 1864 гг. правительственные круги, с легкой руки Гончарова, видели только призрак былого «Современника», т. е. журнал неопределенный по направлению и теряющий, если не потерявший, прежнее влияние. Этот взгляд на «Современник» данного периода в значительной степени являлся ошибочным. Нами отмечалось уже, что Гончаров сознательно лукавил, высказывая его, но в нем, думается нам, заключалось спасение «Современника», единственная для него возможность не погибнуть. Вот почему сколько-нибудь открытое проявление не то, чтобы солидарности с Чернышевским, а простого сочувствия ему со стороны редакционного коллектива «Современника» могло оказаться губительным для журнала. Сказанное, между прочим, объясняет, почему Некрасов, без сомнения горячо любивший Чернышевского, совсем еще недавно сделавший попытку юридически помочь ему,¹ уклонился от прощального свидания с осужденным уже Чернышевским. Есть документальное доказательство, что Некрасов желал этого свидания: письмо А. Н. Пыпина на имя князя Суворова (М. Лемке, Политические процессы, стр. 491). Но когда разрешение на свидание было получено, он на свидание не явился. Почему? Не из малодушия ли? Мы полагаем, что он не мог быть на свидании прежде всего во имя интересов журнала. На свидании присутствовали, кроме Пыпина, Антонович и Елисеев. Явись еще на свидание Некрасов, оно неминуемо получило бы вид коллективного, — ибо на нем присутствовала бы вся редакция «Современника», — прощания с Чернышевским. В условиях переживаемого момента такое коллективное прощание с Чернышевским могло привести к немедленным репрессиям против журнала. Ценой бесчислен-

¹ Мы имеем в виду предъявление Некрасовым генералу Потапову письма группы политзаключенных, устанавливающего, что один из главных свидетелей обвинения против Чернышевского — Яковлев — лжесвидетель. Предъявляя Потапову, да еще при личном свидании, это письмо, Некрасов давал достаточно яркое доказательство своей заинтересованности в благополучном исходе дела Чернышевского.

ных, моральных и неморальных жертв, приносимых в течение почти двух десятков лет, Некрасову удавалось сохранить в лице своего журнала трибуну передовой общественной мысли, говоря конкретно — трибуну революционно-демократической мысли. Мог ли он, при таких условиях, поддавшись как чувству личной приязни к Чернышевскому, так и сознанию идеологической близости с ним, решиться на шаг, не лишенный нравственной красоты, но грозивший весьма тяжелыми последствиями для его журнала?

Ни в чем так явно не обнаруживается серьезность положения, создавшегося для «Современника» в 1864 г., как в свирепейшем нажиме на него предварительной цензуры. Мы имеем возможность выяснить силу и интенсивность этого нажима, обратившись к тому самому источнику, который уже неоднократно привлекался нами в предшествующем изложении, — к типографским счетам.

Вот рисуемая ими более чем мрачная картина:

В № 1 цензурой запрещено:

1) «Педагогические беседы»	1	п. л.
2) «Известие из Полтавской губ.»	$\frac{1}{2}$	п. л.
3) В разных местах	$3\frac{1}{2}$	п. л.
	5	п. л.

В № 2 цензурой запрещено:

1) «Французские законы о печати»	$\frac{5}{8}$	п. л.
2) «О русской журналистике»	$1\frac{3}{8}$	п. л.
3) «Методы юридической науки»	$2\frac{7}{8}$	п. л.
4) «Неизвестному корреспонденту»	$\frac{1}{8}$	п. л.
5) В разных местах	$1\frac{1}{4}$	п. л.
	$6\frac{1}{4}$	п. л.

В № 3 цензурой запрещено в разных местах $2\frac{3}{4}$ п. л.

В № 4 цензурой запрещено:

1) «Отрывок из дневника»	$\frac{1}{2}$	п. л.
2) «Сербские дела»	$1\frac{1}{8}$	п. л.
3) «Наша общественная жизнь»	$1\frac{5}{8}$	п. л.
4) В разных местах	2	п. л.
	$5\frac{1}{4}$	п. л.

В № 5 цензурой запрещено:

1) В статье «Франческо Доменико Гвераци»	2 $\frac{1}{4}$	п. л.
2) В «Политике»	1 $\frac{1}{2}$	п. л.
3) В приложении Помяловского	1 $\frac{1}{2}$	п. л.
4) Стихотворение Шекспира	1 $\frac{1}{8}$	п. л.
5) В разных местах	1 $\frac{5}{8}$	п. л.
		5 п. л.

В № 6 цензурой запрещено:

1) «Из воспоминаний о Сибири»	1 $\frac{1}{8}$	п. л.
2) «Из провинциальной жизни»	3 $\frac{3}{4}$	п. л.
3) «Самоубийца», стихотворение	1 $\frac{1}{8}$	п. л.
4) «Исторические очерки поповщины»	1 $\frac{1}{2}$	п. л.
5) В разных местах	2 $\frac{3}{8}$	п. л.
		7 $\frac{7}{8}$ п. л.

В № 7 цензурой запрещено:

1) «О семинарии»	1 $\frac{3}{4}$	п. л.
2) «Два генерала»	1 $\frac{1}{2}$	п. л.
3) В разных местах	2	п. л.
		4 $\frac{1}{4}$ п. л.

В № 8 цензурой запрещено:

1) «Невозможная сцена»	1 $\frac{1}{2}$	п. л.
2) «Централизация и земство»	1	п. л.
3) «Метафизика любви»	3 $\frac{3}{8}$	п. л.
4) В разных местах	2	п. л.
		3 $\frac{7}{8}$ п. л.

В № 9 цензурой запрещено:

1) «Что делают публицисты»	1	п. л.
2) «Афон»	3 $\frac{3}{4}$	п. л.
3) Из «Внутреннего обозрения»	2 $\frac{1}{4}$	п. л.
4) В разных местах	1 $\frac{3}{4}$	п. л.
		5 $\frac{3}{4}$ п. л.

В № 10 цензурой запрещено:

1) «О Ламанском»	5 $\frac{5}{8}$	п. л.
2) «Литературные кусты»	7 $\frac{7}{8}$	п. л.
3) «Журнальный ад»	5 $\frac{5}{8}$	п. л.
4) В разных местах	1 $\frac{3}{4}$	п. л.
		3 $\frac{7}{8}$ п. л.

В № 11—12 цензурой запрещено:

- 1) «Строение русской земли» $1\frac{3}{8}$ п. л.
- 2) Библиография $\frac{5}{8}$ п. л.
- 3) «Петербургские театры» $1\frac{1}{3}$ п. л.
- 4) «Впереди», рассказ $1\frac{7}{8}$ п. л.
- 5) В разных местах $1\frac{3}{4}$ п. л.

$6\frac{3}{4}$ п. л.

Нечего и говорить, насколько болезненной для журнала была подобная вивисекция. Более того, она создавала непосредственную угрозу самому его существованию. Если эта угроза и не была реализована, то, надо думать, не без участия Гончарова. Так, в своем новом отчете — «Отчете о чтении журналов и газет за 1864 г.»¹ — он с еще большей настойчивостью заговорил о падении «Современника». Данный отзыв Гончарова вошел — без имени, однако, автора — в текст «Собрания материалов о направлении различных отраслей отечественной словесности и журналистики за 1863—1864 гг.». Немногие даже из числа специалистов-литературоведов знают этот отзыв, и тем более мало кто догадывается, что это — гончаровский отзыв. Вот почему его не лишнее будет привести полностью:

«Современник».

«Еще недавно журнал этот соблазнительно действовал на молодое поколение, блистая смелостью и новизною доктрин новейших западных мыслителей — материалистов и социалистов и щеголяя крайностями отрицания в науке и жизни, чем возбуждал живое любопытство и внимание в своей публике и вместе с тем постоянно ставил в большое затруднение цензуру.

«С удалением одного из главных деятелей (Чернышевского), дававшего тон известному эксцентрическому направлению журнала, успех последнего заметно поколебался, а в прошлом и в предпрошлом году «Современник» не только утратил прежнее влияние и значение, но и в общем литературном значении уступил место другим. Он стал пуст, вял и не привлекает массы

¹ Он извлечен из «Дела по составлению отчета о деятельности Совета по делам книгопечатания за 1864 г.» за № 7 архива № 114); началось 11 января 1865 г.; решено 14 июня 1865 г.

читателей. Главная причина этому, кажется, заключается в том, что в самом обществе, в его настроении и направлении, произошло много благоприятных перемен, вследствие преобразований и улучшений в общественном и государственном ходе дел, вследствие сильно пробудившегося патриотизма по случаю польского мятежа и вообще вследствие разных важных событий и вопросов, которыми поглощено было все внимание и участие русского общества от старого до малого. Молодое поколение, заплатив дань увлечениям, не оставалось, конечно, равнодушным к призыву строгих обязанностей жизни и поспешило отрезвиться от крайностей своих утопий; цензура не дремала и с своей стороны полагала преграды пропаганде новых, незрелых и соблазнительных учений и начал. А. отсутствие серьезных дарований довершило падение журнала.

«В нынешнем году Щедрин, статьи которого были цветом «Современника», дал две-три статьи и в последние месяцы не печатал ничего. Прочие беллетристы с дарованием (например, Слепцов) напечатали по несколько страниц; а затем журнал наполнялся балластом: повестями, очерками и стихами, не выдающимися из общего уровня. Разрабатывалась, без дарования, (в повести «Ставленник») прежняя задача, которую с замечательным дарованием разрабатывал покойный Помяловский: уродливость семинарского воспитания и грубость нравов духовенства. Затрагивались, но также не слишком ярко, (в повестях и очерках «Биржевые артельщики», «Подлиповцы», «Деревенское веселье в Вологодском уезде», «Баня», «Игрище» и проч.) нравы деревенских и ремесленных классов народа.

«В стихотворениях большею частью господствует дух недовольства, иногда мрачной иронии, но так неопределенно, в таких неясных намеках, что их трудно применить к кому-нибудь и чему-нибудь: например, в стихотворениях «Поэту» (в сентябрьской книжке); «Доля бедняка» (в июле); «Из стихотворений Фаллерслебена» (в октябре).

«В сентябрьской книжке напечатана повесть «Фантазерка» (по слухам истинное происшествие), замечательная противоречием старому, основному направлению «Современника». Герой повести, из новых людей молодого поколения, является в невыгодном свете: он

увлекает новыми идеями молодую девушку, потом бросает ее для светской кокетки, увлекается карьерой, службой, а та кончает самоубийством.

«Отдел науки не представил ни одного оригинального деятеля и ни одной серьезной статьи. Публике, большею частью, предлагались труды иностранных писателей в критической оценке, с целью знакомить читателей с Смитом, Рикардо, Прудоном, и с намерением, конечно, провести в публику свой взгляд на этих писателей.

«Между прочим помещались также статьи об ассоциации рабочих классов за границей, с изложением теорий Шульце-Делича и Лассалья. В настоящее время, как известно, в Германии, Бельгии, Швейцарии и отчасти во Франции, общества рабочих классов разделились на партии относительно применения обеих теорий к практике: это животрепещущий современный вопрос на западе, волнующий классы рабочих населений и озабочивающий правительства.

«В Пруссии, например, теория Лассалья встретила сильную оппозицию со стороны правительства, и сторонники ее, если не ошибаюсь, подвергнуты уголовному суду. Статьи с изложением подобных теорий являются на страницах наших журналов почти без всякой пользы и цели и едва ли кем-нибудь читаются, кроме разве немногих специалистов по этой части, но и те вероятно предпочтут ознакомиться с трудами Шульце-Делича и Лассалья из иностранных источников. По различию состояния рабочих классов за границей и в России и по совершенному несхождению их быта — статьи об этом в наших журналах для публики едва ли понятны.

«Особенное внимание обращает на себя в прошлом году полемика «Современника» с другими журналами и именно с «Эпохой» и «Русским Словом». На этой полемике почти исключительно сосредоточивалась деятельность редакции и изощрялось ее остроумие. Журнал в течение нескольких месяцев служил ареной частных ссор между личностями журналов, причем не были пощажены даже детали домашней жизни: едва ли в журналистике нашей был другой пример такого неприличного препирания на словах, доходившего до брани, до школьнических выходок, прозвищ и прочего безобразия. Серьезные журналы не преминули указать на этот

турнир, и публика заметно была скандализирована этим явлением. «Современник», отличавшийся более других в этой схватке, спохватился, но поздно: он уже подорвал свой кредит и с этого времени начал быстро клониться к упадку. Слухи носят, что относительно подписки он остался позади других журналов.

18 февраля 1865 г.

Член Совета по делам книгопечатания

И. Гончаров».

Многие черты, характеризующие «Современник» в 1864 г., здесь подмечены верно. Но за всем тем, Гончаров явно преувеличивал, говоря об «утрате прежнего влияния» и о «падении журнала» как о совершившихся фактах. Ослабление влияния не есть еще окончательная утрата его, точно так же как известное понижение журнального уровня не является окончательным падением его. Что касается полемики «Современника» с «Эпохой» и «Русским словом», то, несмотря на все ее крайности, она не до такой степени уронила журнал, как это казалось Гончарову. Однако, несомненно, преувеличения, в которые сознательно или бессознательно впадал Гончаров (скорее, конечно, сознательно!), представляли ту выгоду для журнала, что, непомерно снижая его общественную роль, прививали убеждение в том, что журнал перестал уже быть опасным, а это убеждение, естественно, ослабляло бдительность наблюдавшего за ним «недреманного ока».

VII

Печатаемая в № 10 журнала за 1863 г. объявление о подписке на предстоящий 1864 г., редакция, хотя и отмечала, что переходный период от старого, уже изжитого устава о печати к новому, еще не введенному в жизнь, не мог «не отразиться невыгодно на журналистике», в частности на «Современнике»,¹ однако за-

¹ Вот относящиеся сюда слова объявления, свидетельствующие о том, что недостатки «Современника» этих лет признавались его новыми руководителями: «Мы сознаем, что «Современник» не всегда соединял в себе все те условия, присутствие которых необходимо для того, чтобы журнал был журналом, а не сборником случайных статей...»

канчивала объявление в духе более или менее оптимистическом. «Мы надеемся, — писала она, — что будущий устав книгопечатания, утвердив на прочных основаниях положение печати, точно определит границы, в пределах которых каждый журнал будет иметь возможность действовать самостоятельно без колебаний и без опасений, которые при настоящем неопределенном положении отнимают у журнала уверенность, необходимую для успешной деятельности. В этой надежде мы и решаемся продолжать издание «Современника» в будущем 1864 году». Однако то до крайности угрожаемое положение, в котором оказался «Современник» в 1864 г., неминуемо должно было подорвать всякий оптимизм в среде его руководителей.

Когда редакция опубликовала объявление «Об издании «Современника» в 1865 г.» (см. «Современник» 1864, № 11—12), то в нем зазвучали уже совсем иные ноты, чем в объявлении предыдущего года. «Мы, — говорилось в объявлении, — не питаем никаких надежд на 1865 г.,¹ не учащаем срока выхода книжек нашего журнала и вообще не даем читателям никаких особенных обещаний. Сознаем, что в истекшем году мы касались вопросов из русской жизни, живо интересующих наше общество, не так часто, как следовало бы и как бы нам хотелось;² но однако не можем сказать и обещать, что в наступающем году мы непременно будем касаться их чаще...»

Нужно ли доказывать, что сказавшийся здесь пессимистический взгляд на предстоящие перемены на фронте книгопечатания имел за собой солидные основания?

Уже самый ход и характер рассмотрения нового устава в Государственном совете (январь — март 1865 г.) рисовал довольно мрачные перспективы для передовой печати, ибо Валуеву, несмотря на оппозицию

¹ Курсив наш. — В 1865 г. должно было состояться окончательное утверждение, а следовательно и введение в жизнь, нового устава о печати.

² Вторичное, уже не лишенное некоторой декларативности заявление о том, что сама редакция была неудовлетворена содержанием журнала, причем читателю давалось понять, что улучшить его было не в ее власти.

некоторых членов Совета, удалось в общем отстоять основные положения своего в достаточной мере реакционного проекта. С другой стороны, нельзя не отметить, что на заседании Совета не один раз упоминалось имя Чернышевского, и смысл этих упоминаний был таков, что не сулил ничего доброго тому журналу, который столько лет был теснейшим образом связан с Чернышевским. Так например, кн. П. П. Гагарин, поддерживая мнение принца П. Г. Ольденбургского о необходимости особо бдительного отношения к сочинениям научного характера («гг. ученые... суть весьма часто материалисты по убеждению»), заявил, что и «Чернышевский находил, что ученые исследования всего удобнее для революционной пропаганды».

Затем в ряду причин, предрасполагавших редакцию «Современника» к пессимистической оценке предстоящих перемен в положении периодической печати, нельзя не указать на непрекращавшиеся в течение первых пяти месяцев 1865 года репрессии со стороны предварительной цензуры.

Совершенно ясно, что если бы правительство стремилось к сколько-нибудь существенному облегчению положения печати, оно, без сомнения, как раз в это время приняло бы меры к обузданию цензоров. Но этого-то как раз и не произошло. Цензурная практика зимних и весенних месяцев 1865 года не слишком отличалась от цензурной практики предшествующих лет. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует все тот же источник — счета типографии «Современника».

По данным этих счетов, за семь последних месяцев подцензурного положения «Современника»:

В № 1 было запрещено в разных
местах 2 п. л.

В № 2 было запрещено:

1) «Немецкие лгуны»	1	п. л.
2) В разных местах	2 ¹ / ₂	п. л.
	3 ¹ / ₂	п. л.

В № 3 было запрещено в разных
местах 2 п. л.

В № 4 было запрещено:

1) «Завещание моим детям»	$1\frac{1}{4}$	п. л.
2) «Мое цензорство»	1	п. л.
3) «Горнорабочие»	$2\frac{3}{4}$	п. л.
4) Заметки	$\frac{3}{4}$	п. л.
5) В разных местах	$1\frac{1}{4}$	п. л.
		7 п. л.

В № 5 было запрещено:

1) «О наших промышленных делах».	2	п. л.
2) В разных местах	$2\frac{7}{8}$	п. л.
		$4\frac{7}{8}$ п. л.

В № 6 было запрещено	$\frac{1}{2}$	п. л.
В № 7 было запрещено	$\frac{1}{2}$	п. л.

Таким образом, если судить по этим цифрам, только в июне и июле 1865 года цензурный нажим несколько ослабел. Впрочем, возможно и совершенно иное объяснение значительного сокращения числа цензурных вымарок в течение названных месяцев: оно могло явиться следствием того, что в летний сезон, наименее ответственный с журнальной точки зрения, сама редакция избегала острых тем, способных вызвать цензурные трения.

Во всяком случае, изъятие свыше чем 19 печатных листов из текста первых пяти книжек «Современника» за 1865 год являлось настолько показательным фактом, что, естественно, должно было способствовать укреплению того скептического отношения к новому закону о печати, которое, как мы видели, отразилось достаточно явно в «Объявлении об издании в 1865 г.».

Когда этот закон был наконец утвержден, опубликован и всякий желающий мог воочию ознакомиться с его содержанием, этот скептицизм не мог не усилиться.

Теперь уже стало совершенно ясно, что упразднение предварительной цензуры было не безусловным и к тому же в значительной степени фиктивным. Не безусловным потому, что предварительная цензура была сохранена как для целого ряда периодических изданий, так и для книг менее 10 печатных листов. Фиктивным потому, что «Правилами о типографиях, литографиях и металлографиях» предусматривалось, что всякое сочинение без предварительной цензуры может быть вы-

пущено в свет не прежде, как по истечении трехдневного срока с получения расписки в принятии цензурным комитетом узаконенного числа экземпляров (§§ 12, 13). Таким образом установление этого трехдневного срока давало возможность цензурному ведомству составить себе вполне определенное мнение о выпускаемом сочинении. В тех случаях, когда цензурное ведомство признавало, что, «по значительности вреда, предусматриваемого от распространения противозаконного издания, наложение ареста не может быть отложено до судебного о сем приговора», совету Главного управления и цензурным комитетам предоставлялось право *«немедленно останавливать выпуск в свет сего сочинения»*,¹ не иначе, впрочем, как начав в то же самое время судебное преследование против виновного». Можно ли было при таких условиях сколько-нибудь серьезно говорить об упразднении предварительной цензуры?!

Затем при оценке нового закона, — он был утвержден 6 апреля 1865 г., а потому и называется законом 6 апреля, хотя введение его в действие было отсрочено до 1 сентября 1865 г., — никоим образом нельзя упускать из виду, что он, независимо от действия на печать путем возбуждения судебных преследований, давал возможность цензурному ведомству прибегать в отношении периодики к чисто-административным карам, среди которых особое значение приобретали предостережения, ибо после третьего предостережения провинившееся издание могло быть приостановлено.

Несмотря на то, что по этим основаниям о законе 6 апреля трудно говорить как о сколько-нибудь либеральном, значительная часть печати приветствовала его шумными восторгами, видя в нем одно из достижений «эпохи великих реформ». В известной книге Лемке «Эпоха цензурных реформ» имеется особая глава, озаглавленная «Как печать встретила введение закона 6 апреля?» (стр. 417—426), в которой цитируются нередко переходившие в славословия отклики на данное событие «Северной почты», «С.-Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей», «Голоса» и «Дня». Иной, само собой разумеется, была реакция «Современника», нашедшая себе выражение в первой же бес-

¹ Курсив наш.

цензурной книжке журнала (1865, № 8) в статье М. Антоновича «Надежды и опасения». Об этой примечательной статье будет сказано ниже, а пока ограничимся лишь указанием, что главный редактор «Современника» разделял точку зрения Антоновича, согласно которой «опасения» решительно преобладали над «надеждами». Вчитаемся в некрасовские «Песни о свободном слове», создававшиеся в конце 1865 г., т. е. в то как раз время, когда «освобожденная» (sic!!) российская печать совершала свои первые шаги на новом поприще. Содержание данного стихотворного цикла утверждает о том, что правы не те, кто предается необоснованным восторгам, а те, кто настроен скептически. С этой точки зрения особенно интересно стихотворение «Литераторы»:

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!»
Заметил весело один.
— Теперь нас ждут простор и слава!
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!

В только что упомянутой книге Лемке собраны многочисленные факты (стр. 426—438), свидетельствующие о том, что последний из собеседников имел слишком достаточно основания покачивать головой. Валуев непосредственно после введения нового закона обрушил на голову многострадальной русской печати целый град репрессий. Одним из особенно пострадавших ее органов был, конечно, «Современник».

Однако, прежде чем перейти к истории первых двух предостережений, полученных этим журналом, вернемся несколько назад.

15 сентября 1865 г. «издателем и редактором журнала «Современник» дворянином Николаем Алексеевым Некрасовым и редактором «Современника» состоящим в чине VIII класса Александром Николаевым Пыпиным» было подано в Главное управление по делам печати нижеследующее «прошение»: ¹

¹ Этот документ, писанный рукой Пыпина, еще не появлявшийся в печати, извлечен из «Дела канцелярии Главного управления по делам печати» за № 73; началось 15 сентября 1865 г.; решено 30 июля 1866 г.

«На основании высочайше утвержденного указа Правительствующему Сенату от 6 апреля ходатайствуем о разрешении нам издавать журнал «Современник» без предварительного просмотра цензуры, представляя при сем: 1) Талон Государственного Казначейства в принятии от издателя и редактора «Современника» Некрасова двух тысяч пятисот руб. сер. залога; 2) Два контракта, заключенные Некрасовым — один с тайным советником П. А. Плетневым, другой со вдовою коллежского секретаря Панаева, — на коих основывается право Некрасова на издание «Современника»; 3) Письменное заявление Некрасова о том, что он отвечает за беллетристический отдел журнала как редактор; 4) Письменное заявление Пыпина о том, что он отвечает как редактор за остальные отделы журнала — ученый, критический и политический, — причем имеем честь присовокупить, что в случае выбытия одного из нас из Петербурга ответственность за весь журнал переходит к другому, о чем всякий раз Главное Управление будет своевременно извещаемо; 5) Документы о личности каждого из нас.

«Журнал «Современник» выходит в нынешнем году один раз в месяц, а в следующем году мы предполагаем выпустить его два раза в месяц, о разрешении чего и просим покорнейше Главное Управление; цена журнала 15 руб. сер., с пересылкой 16 р. 50 к. сер. Печататься он будет в типографии вдовы Вульф. Программа журнала находится при делах Цензурного Комитета. К сему прошению Дворянин Николай Алексеев Некрасов руку приложил. Жительство имею на Литейном, дом № 38.

«К сему прошению Член Археографической Комиссии в чине VIII класса Александр Николаев Пыпин руку приложил. Жительство имею на Васильевском Острове по Большому проспекту, между 7 и 8 лин. д. Вундерлиха».

Через три дня, 18 сентября 1865 г., новоназначенный начальник Главного управления, сенатор М. П. Щербинин, официально (за № 109) известил С.-Петербургский цензурный комитет, что им сделано распоряжение «о выдаче упомянутым издателям квитанции о внесении ими залога». Это значило, что прошение Не-

красова и Пыпина о разрешении им издавать «Современник» без предварительной цензуры было удовлетворено.

Какими соображениями руководствовалась редакция «Современника», настаивая на «бесцензурности», — ясно само собой: она все-таки полагала, что даже фикция «бесцензурности» лучше, чем официальная «подцензурность».

Не представляет также трудности прояснить другой вопрос — почему Некрасову понадобился официально утвержденный соредактор. Здесь имели место и причины, так сказать, формального характера и причины внутренние. Некрасову, и по состоянию его здоровья и по выработавшейся в течение многих лет привычке лето и часть осени проводить вне Петербурга, нужен был постоянный заместитель на время его иногда довольно-таки продолжительных побывок за границей или в Карабихе. Этим заместителем удобнее всего было стать официально утвержденному соредактору его. Затем, — и это не менее существенное обстоятельство, — Некрасов вполне отчетливо сознавал пробелы своего образования, а потому не мог не понимать, что он не обладает достаточной компетентностью для редактирования всего журнала. Антонович в своих воспоминаниях о Некрасове рассказывает, что при первом же знакомстве с ним Некрасов заявил ему, что об его *«серьезных статьях он судить не может,¹* но Чернышевский их одобряет, и он с ним согласен...» Так как разговор этот происходил в 1861 г., то, — явное дело, — Некрасов под «серьезными статьями» Антоновича имел в виду печатавшиеся в то время в «Современнике» философские его статьи. Трудно сомневаться, что Некрасов чувствовал себя недостаточно компетентным и для всесторонней оценки статей естествоведческого, исторического и экономического содержания. В статьях критического и публицистического характера он, несмотря на пробелы своего образования, конечно разбирался, но опять-таки не настолько, чтобы чувствовать себя в силах с абсолютным авторитетом руководить критическим и публицистическим отделами. Вот почему Некрасову был совершенно необходим такой соредактор, ко-

¹ Курсив наш.

торый мог бы взять на себя редактирование всей небеллетристической части журнала. Само собой разумеется, что это никоим образом не значило, что Некрасов имел в виду отстраниться от всякого участия в редактировании небеллетристической части, ограничив свои редакторские функции одной беллетристикой. С другой стороны, отсюда ни в малой мере не вытекало, что утвержденный редактором журнала Пыпин становится единоличным и полновластным хозяином всей небеллетристической его части. И Некрасов, и Пыпин, и прочие соредакторы их по «Современнику» являлись более или менее равноправными членами редакционной коллегии. Некрасов, бывший не только главным редактором, но и издателем журнала (издателем, но не собственником, ибо собственником оставался П. А. Плетнев), естественно, чувствовал себя как бы *primus inter pares*, но никаких стремлений к редакционной диктатуре не обнаруживал.

Вот какую картину внутриредакционных отношений рисует Антонович все в тех же воспоминаниях: Некрасов, говорит он, «был образцовый редактор: умный, дельный, энергичный, практический и усердный. Несмотря на свои клубные и спортивные развлечения и увлечения, он зорко следил за своим журналом и ни в каком случае не полагался беззаботно и безотчетно на своих соредакторов; все статьи он внимательно прочитывал в корректурах, или же только пробежал статьи, если они были индифферентными, заурядными. Затем в нем не было мелкого редакторского самолюбия... Он предоставлял своим соредакторам свободу, нимало не стеснял их и не подавал решающего голоса в тех журнальных вопросах и делах, в которых он считал себя некомпетентным. Когда в таких сомнительных случаях обращались к нему за разрешением, он обыкновенно отвечал: «Делайте, господа, как сами знаете. Только смотрите, хорошенько обсудите дело». И общему решению он подчинялся беспрекословно... Но зато и сотрудники с своей стороны столь же просто, благодушно и внимательно относились к замечаниям, возражениям и протестам Некрасова, принимали их без всяких обид и самолюбивых неудовольствий, и так же охотно подчинялись его решениям и уступали его настояниям, когда он был компетентен и прав. Но и в та-

ких случаях он никогда не прибегал к своей редакторской власти, а действовал убеждением, урезониванием».

Такова картина внутриредакционных отношений по Антоновичу. Сомневаться в ее достоверности не приходится,¹ ибо она вполне подтверждается целым рядом других источников.

Теперь еще один вопрос. Почему своим, так сказать, официальным соредактором Некрасов избрал именно Пыпина? Здесь могли повлиять различные соображения. Начать с того, что Пыпин среди соредакторов «Современника» был наиболее авторитетным в вопросах собственно научного порядка. Далее, как писатель он не отличался столь пылким темпераментом, как например Антонович, полемика которого с «Русским словом» и «Эпохой» стала в некоторых отношениях «притчей во языцех». Затем политическая репутация его была отнюдь не такова, чтобы вызывать сколько-нибудь серьезные сомнения среди «властей предержащих». С другой стороны, его родство с Чернышевским создавало вокруг его имени известный ореол в глазах революционных и демократических кругов того времени. Наконец, такие факты, как многолетняя дружба Некрасова с Чернышевским, как материальная поддержка, которую уже после ареста Чернышевского Некрасов оказывал ему и его семье, позволяли надеяться, что и с двоюродным братом Николая Гавриловича у Некрасова создастся тесный дружеский контакт...

¹ Но все же в видах беспристрастия следует отметить, что правильность ее, — как это ни странно, — вздумал оспорить... сам М. А. Антонович. В 1915 г. в своей полемической статье против автора этих строк («Редакция «Современника» в 1866 г.» — «Голос минувшего» 1915, № 2), т. е. по истечении тринадцати лет после того, как им были напечатаны воспоминания о Некрасове («Журнал для всех» 1903, № 2), из которых и были взяты приведенные выше цитаты, восьмидесятилетний Антонович в такой мере позабыл, очевидно, содержание этих воспоминаний, что не усомнился заявить: «Во главе и новой редакции стоял по-прежнему, сам Некрасов, как всеправный собственник журнала. Он имел в редакции первый, не только преобладающий, но и решающий голос. Это был властный президент редакции. Другие члены редакции высказывали только свои мнения и советы, а он постановлял по ним свои решения». Нет надобности распространяться о том, в какое разительное противоречие... с самим собой впадает в данном случае Антонович, допускающий в то же время прямые ошибки — вроде утверждения, что Некрасов был собственником журнала.

Обратимся, однако, к цензурной истории «Современника» с начала его «бесцензурности», т. е. с выхода в свет августовского номера.¹

В тексте этой книжки была напечатана упомянутая выше статья Антоновича «Надежды и опасения». Она-то и привлекла прежде всего внимание С.-Петербургского цензурного комитета, как это и видно из его отношения в Главное управление по делам печати от 11 октября 1865 г. за № 746.² В этом отношении комитет приводил заявление цензора, которому «была передана книга (т. е. № 8 «Современника». В. Е.-М.) на рассмотрение»,³ о том, что автор статьи «Надежды и опасения» «Антонович, представив действия французской администрации по делам печати в виде произвола и личной мести, возбуждающих презрение в обществе, и дав понять, что того же можно ожидать и у нас, имел, очевидно, целью: во 1-х, уронить и опошлить в глазах читателя вновь изданный закон о предостережениях, во 2), придать будущим действиям нашей администрации по применению сего закона характер произвола и своекорыстия, в 3), предварительно возбудить к сим действиям презрение в обществе и в 4), запугать самую администрацию и выговорить вперед своему журналу сочувствие и уважение в обществе, в случае могущих последовать предостережений».

Тем не менее ни цензор, ни солидарный с ним цензурный комитет не считали нужным возбудить судебное преследование против журнала, а о предостережении вовсе не поднимали вопроса.

¹ Не забудем, что августовский номер вышел в начале октября 1865 г., а действие нового закона о печати началось с 1-го числа предыдущего месяца.

² Это отношение сохранилось в составе уже упоминавшегося «Дела канцелярии Главного управления по делам печати» за № 73. Содержащийся в этом деле документальный материал, в том числе и отношение цензурного комитета от 11 октября, опубликован полностью в нашей статье «Агония» «Современника» («Былое» 1922, № 20), а потому в последующем изложении мы будем ограничиваться лишь извлечениями из него.

³ Имя цензора в отношении комитета не указано, и нам не удалось его установить.

Через четыре дня цензурному комитету пришлось рассматривать новое заявление о том же августовском номере «Современника», причем на этот раз автором его был влиятельный цензор Еленев.¹

Из отношения цензурного комитета в Главное управление от 18 октября, за № 766, явствует, что прежде всего Еленев обрушился на статью «Новые времена». Статья эта, писал он, «заимствованная из одного английского журнала и описывающая общину реформаторов, существующую в Нью-Йорке и устроенную по началам коммунизма. В статье восхваляются, между прочим, свободные половые отношения, существующие в общине; приводится речь одной женщины (члена общины), которая осуждает брак, как самоубийство любви, как затверделые цепи, называет это учреждение сказочным чудовищем, престол которого стоит на человеческих черепах, и требует свободы брачных отношений, в виде ли моногамии, или же в виде бигамии и полигамии (стр. 376, 383—384). Редакция «Современника» с своей стороны находит, что такие требования весьма естественны, в виду существующего уже мормонства и отдельных последователей и последователей бигамии и полигамии (370)».

Затем Еленев подверг очень придирчивому разбору все ту же статью Антоновича «Надежды и опасения», причем наибольшее возмущение с его стороны возбудила фраза: «трудно себе и вообразить, как было бы хорошо, если бы люди были свободны во всех отношениях» (стр. 178), а также указания автора на то, что «управлять и руководить бесцензурной прессою призваны те же самые деятели, которые прежде занимались цензурою», подчиняясь в своей деятельности не закону, а «капризу и произволу высших административных лиц».

Далее Еленев заявлял, что в статье «Фердинанд Лассаль» им усмотрены «горячее сочувствие к демократизму и восхваление политического агитаторства Лассалья», а в статье «Парижские письма» — сочувствие французской революции 1789 г. и осуждение монархи-

¹ Нельзя не отметить, что самый факт встречного рассмотрения и обсуждения уже рассмотренного и обсужденного номера не вполне обычен. Он во всяком случае свидетельствует о повышенном внимании к «Современнику».

ческого начала «не только в виде нынешнего империализма, но и в виде легитимистской и орлеанистской конституционной монархии».

Наконец, в статье «Записки современника» Еленев нашел «крайне абсурдную» «пропаганду... социального демократизма, по идеям Лассаля, и некоторые следы коммунистических тенденций». В ней, по его утверждению, «доказывается право крестьян на вознаграждение из *общей выработки*, — т. е. из той массы капиталов, которая, составляя сбережение, сделанное руками рабочих классов, несправедливо отдана в руки капиталистов (321)».

Несмотря на весьма одиозный характер заявления Еленева, он не настаивал все же ни на судебном преследовании журнала, ни на объявлении ему предостережения. Цензурный комитет с ним согласился.

Вторая «бесцензурная» книжка «Современника» (сентябрьская) вызвала еще более недоброжелательное отношение цензурных сфер.

Вот заключительная часть отношения цензурного комитета в Главное управление от 5 ноября 1865 г., за № 814:

«Принимая в соображение, что статья «Записки современника» осуждает в самых резких выражениях существующее повсюду и неотвратимое никакими искусственными системами неравномерное распределение собственности, что она выставляет существование капиталов и личной поземельной собственности, как действие насильственное и бесчестное, что существование рабочего класса и вытекающую отсюда необходимость наемной работы она изображает как илотство и ниспровержение человеческой личности, как спекуляцию над народом, что она старается, наконец, доказать необходимость возвращения рабочему классу отнятых у него земель и капиталов, цензор¹ полагает, что упоминаемая статья составляет прямое оспаривание и порицание повсюду существующих и общепризнанных начал собственности, и потому, на основ. высочайше утв. 6 апреля 1865 г. мнения государственного совета, отд. IV, ст. 9, п. 3, подлежит судебному преследованию.

¹ Этим цензором был тот же Еленев.

«Во-вторых, означенная статья, утверждая, что дворянство и вообще привилегированные классы несправедливо владеют достоянием, которое по праву должно бы принадлежать крестьянам, изображая эти классы глубоко безнравственными и, по самому принципу их существования, враждебными остальному народу, выставляя самый факт владения землею и капиталами действием бесчестным и постыдным, означенная статья, очевидно, стремится доказать зловерность высших классов для народного благосостояния и представить их в ненавистном и презрительном виде. При всем том цензор полагает, что эта статья, по форме изложения, не может быть отнесена к роду воззваний, упоминаемых в высочайше утв. 6 апреля мн. гос. сов., отд. IV, ст. 9, п. 2. Под воззванием законодательство обыкновенно понимает непосредственное возбуждение к какому-либо преступному деянию, обращенное или ко всему населению, или к известной его части; упоминаемая же статья есть литературное рассуждение, хотя и написанное в духе крайних социалистов, но ни к кому в особенности не обращаемое и притом недоступное пониманию простого народа. Потому цензор полагает, что приведенная выше статья закона 6 апреля, в ее буквальном смысле, не может быть применена к статье «Записки современника».

Цензурный комитет и на этот раз соглашался с мнением цензора, отметив, что цензор, кроме «Записок современника», находил предосудительными еще три статьи этого номера, а именно: «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» (статья Лассаля), «Интересы дворянства или интересы барона Френкеля, что дороже «Московским Ведомостям»?» и «Русская литература. Губернская пресса».

Данное отношение цензурного комитета придало вопросу о «Современнике» такую остроту, что он был подвергнут обсуждению на ближайшем заседании Совета Главного управления.

В качестве материала на заседании были заслушаны отношение комитета и письменное мнение члена Совета В. Фукса, которому еще в октябре было поручено составить отзыв о направлении «Современника» вообще и о направлении его последних книжек в особенности.

В своем мнении¹ Фукс так характеризовал прошлое «Современника»: «Журнал «Современник», по поводу обнаруженного им вредного направления, был приостановлен в 1862 г. на восемь месяцев. По возобновлении своем, по истечении срока приостановки, этот журнал дал своим читателям романы «Что делать?» г. Чернышевского и «Смелый шаг» г. Леона Бранди, в которых выразилось то же самое направление журнала, которое вызвало временную его приостановку. Независимо от сего, в течение последних двух лет, в этом журнале помещались ученые статьи и обзоры общественной жизни, направленные, с крайне редкими исключениями, к той же цели. Эта цель журнала заключалась не в литературном только нигилизме, но и в политическом и общественном; она состояла в стремлении к поколебанию авторитета правительственных распоряжений и высших классов общества, которые были постоянно выставляемы исключительно в виде недобросовестных эксплуататоров низших слоев народа, далее в подрывании основ собственности, семейного союза и общественной нравственности. Такой взгляд на направление «Современника» был высказываем как в здравомыслящей части публики, так и в журналистике. Но направление это до 1 сентября сего года, будучи сковываемо, хотя не всегда с успехом, цензурою, не могло приносить много вреда, особенно в виду последовавшего, под влиянием многих последних событий, отрезвления молодежи. Затем, с выходом этого издания из-под цензуры, в публике разнеслась молва, достигшая и до правительственных сфер, что редакция означенного журнала, в виду новых более льготных для отечественной печати условий, намерена умерить свое направление и свой тон. И, действительно, в первой, вышедшей без цензуры августовской книжке редакция, в статье под заглавием «Итоги», путем довольно ловких, хотя и натянутых выводов, старается представить себя в ином свете как перед обществом, так и перед правительством, с которым журнал, по словам статьи, как будто действовал заодно и для достижения тех же целей в борьбе с большинством общества. Но этот умеренный

¹ См. «Дело канцелярии Главного управления по делам печати» за № 40; началось 6 сентября 1865 г.; решено 28 декабря 1865 г.

поворот только и остался на страницах передовой статьи августовской книжки, ибо в прочих статьях той же книжки журнала развиваются совершенно прежние его тенденции, которые во второй, т. е. сентябрьской книжке, доходят до крайнего выражения, благодаря отсутствию цензуры, переставшей уже быть препятствием той аффектации, которая не может не действовать воспламенительно на молодежь, доселе еще далеко не остывшую к сему журналу».

В дальнейшем Фукс давал обзор содержания «предосудительных» статей августовского и сентябрьского номеров. Ссылаясь на статьи «Новые времена» (№ 8), «Надежды и опасения» (там же), «Записки современника» (№№ 8 и 9), он формулировал их предосудительность или в выражениях, тождественных с формулировками цензурного комитета, или в выражениях, представляющих их вольный пересказ.

Характерно, что перечень «предосудительных» статей был дополнен Фуксом указанием на стихотворение Некрасова, «Газетная», в августовском номере, где «изображено в оскорбительном виде существующее, а следовательно охраняемое силою закона звание цензора, в особенности на стр. 511, от слов «освежившись...» до слов: «труден наш путь». Данный отрывок в стихотворении читается так:

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: — А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
И грозился... (да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал).
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
Удержали... Да, труден наш путь!

Заканчивал Фукс свой доклад Совету Главного управления нижеследующим заявлением:

«На основании вышеуказанного, разделяя мнение С.-петербургского комитета о предосудительстве направления двух вышедших без цензуры книжек «Современника», я не разделяю, однако, его заключения

о том, что большая часть статей, по неуловимости преступного их содержания, должны быть оставлены без последствий, и что только оспаривание начал собственности во второй статье под заглавием «Записки современника» должно подлежать преследованию, а также, что это преследование должно быть судебное. Находя необходимым не оставить без надлежащего взыскания ни одной из указанных во всем отзыве статей, из которых действительно не все могут быть успешно подвергнуты судебному рассмотрению, а с другой стороны, признавая полезным, помимо свойственной судебной процедуре медленности, предварить как «Современник», так в лице его и другие редакции от дальнейших попыток к пропаганде подобного направления, я полагал бы объявить журналу «Современник» первое предостережение».

При обсуждении предлагаемой Фуксом меры среди членов Совета произошло разногласие. Председательствующий (очевидно М. Щербинин) и члены — действительные статские советники Ф. Толстой, А. Петров и Мартынов (большинство) всецело присоединились к мнению Фукса, но другая часть Совета, в лице тайных советников Турунова и Тютчева (поэт) и действительных статских советников Варадинова и Гончарова, настаивала на возбуждении против «Современника» судебного преследования, которое в обстановке того времени не сулило особенно неприятных последствий для журнала.

Министр внутренних дел Валуев утвердил мнение большинства, и 10 ноября «Современнику» дано было первое предостережение за оскорбление начал брачного союза (статья «Новые времена» в № 8), за ковенное «порицание начал собственности в применении к капиталистам, несправедливо будто бы присвоившим себе сбережения рабочих классов» (статья «Записки современника» в № 9) и за возбуждение «вражды к высшим и вообще имущественным классам, выставляемым, по самому принципу их существования, безнравственными и зловердными для народного благосостояния» (там же). В пояснение предостережения было сказано, что оно вызвано вредным направлением журнала вообще, и была приведена подробная квалификация предосудительных статей из доклада Фукса, с упоминанием и стихотворения «Газетная».

Того же 10 ноября, которым было датировано предостережение, о нем было официально сообщено редакторам «Современника», как это явствует из автографа Некрасова, сохранившегося в делах Главного управления по делам печати.

Третья «бесцензурная» книжка «Современника», т. е. № 10 за 1865 г., в свою очередь привлекла недоброжелательное внимание цензурных инстанций.

В статье Антоновича «Суемудрие «Дня» цензор Еленев, а вслед за ним и цензурный комитет готовы были усмотреть, как это видно из отношения комитета в Главное управление от 25 ноября, за № 877, неуважительное отношение к православию и вообще к христианской религии, но «принимая во внимание, что автор далеко не высказывает своих мыслей ясно и категорически, а дает их понять посредством различных намеков, сопоставлений и умышленного смешения слов и понятий, одним словом, посредством той условной и искусно запутанной фразеологии, смысл которой вполне ясен лишь для читателя, привыкшего к подобному способу выражения и близко знакомого с направлением журнала», полагали, что «суд затруднился бы признать в этой статье явное и положительное нарушение закона».

Еще большие опасения со стороны цензора и комитета возбудил рассказ Г. И. Успенского «Деревенские встречи». В статье этой, читаем мы в отношении комитета, «выводится на сцену развратный, буйный и обезумевший от пьянства певчий Никитич. Потеряв голос от перепоя, он получает сперва место диакона, а потом, как видно по смыслу всего рассказа, назначается священником; продолжает вести самую развратную жизнь, убивает жену и за это отставляется от служения. В рассказе встречается несколько выражений кощунственных и оскорбляющих религиозное чувство. Например, одно действующее лицо духовного звания, по словам автора, выказывает такие качества, имена которых можно брать только из истории ветхого завета и притом не позднее появления 10 заповедей: любостяжание, лжесвидетельство, страстное желание чужого осла и вола и всякого скота. Автор выражается, что в этом действующем лице «раззадариваются библейские похоти»; и здесь же упоминает о «старинных книгах, сказках и житиях», очевидно, разумея в том

числе и священное писание, как то явствует по смыслу речи (412). Представив в самом пошлом виде жизнь мелкого чиновничества и городского духовенства, автор заканчивает картину следующими словами: «геморрой, поясницы и ревматизмы принимались хозяйничать и оставалось только желание, пронесенное в целости чрез всю жизнь и состоявшее в том, чтобы как-нибудь попасть в царство небесное, ибо в аду жара представлялась до такой степени ужасною, что одна капля воды равнялась целому кувшину холодного кваса, который в сей тленной жизни всякий чиновник выпивал залпом с просонок» (421). При чтении Никитичем Апостола, любители его голоса, по словам автора, принимались в церкви трепать в ладоши (419). В рассказе «Деревенские встречи» содержится, во 1-х, кощунство над священным писанием, над верою в будущую жизнь и над церковным богослужением, и во 2-х, оскорбляется священнослужительское звание. По неимению прямого закона против кощунства посредством сочинений, а также по отсутствию в законе статей против оскорбления священнослужительского звания, цензор полагает, что статья эта могла бы подлежать судебному преследованию на основ. ст. 1356 улож. о наказ., как сочинение, явно противное нравственности и благопристойности. Но принимая в соображение, с одной стороны, что кощунство заключается лишь в некоторых отдельных выражениях этой статьи и скорее может быть приписано нравственному невежеству автора, чем умышленному намерению оскорблять религию, а с другой стороны — выведенное изображение развратного духовного лица представлено, как частный случай, возбуждающий ужас и отвращение в других действующих лицах духовного звания, цензор и относительно этой статьи полагал бы более удобным отложить судебное преследование до того времени, когда совокупность нескольких нарушений закона представит к тому более достаточные поводы».

В заключительной части отношения цензурного комитета содержалось указание на эпиграф к стихотворению Некрасова «Железная дорога», в котором был назван по имени гр. П. А. Клейнмихель. «Подобное выставление имен высших правительственных лиц, — заявил комитет, — крайне неуместно».

Отношение комитета было передано на рассмотрение члену Совета Главного управления Мартынову, составившему по поводу него обстоятельный доклад,¹ в котором прежде всего привлекал к рассмотрению, как предосудительные, еще две статьи октябрьского номера — «Очерки по истории русской литературы» Грыцько («автор силится доказать, что коммунизм и социализм не перестают гнездиться в России» и т. д.) и «Хронику жизни солдатского сына» Свячченко («автор напрягает все возможное, ... чтобы выставить... учреждение военных кантонистов в самом потрясающем виде»). Затем, соглашаясь с мнением цензора по поводу «Деревенских встреч» Успенского, Мартынов находил замечания цензора в отношении «Суемудрия «Дня» и «Железной дороги» «слишком умеренными». Особенно резкий характер носили его суждения о «Железной дороге»:

«Обращаясь за этим к стихотворению за подписью Некрасова «Железная дорога», я нахожу с своей стороны мнение об оном г. цензора чрезмерно снисходительным и отчасти неуловимым. Нельзя без содрогания читать эту страшную клевету на первое благотворное предприятие нашего правительства к усовершенствованию на западный образец наших путей сообщения, клевету, изложенную в весьма звучных стихах, напоминающих собою балладу Бюргера. Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, «гроб обрели здесь себе», — что рельсы дороги вместо подушек укрепляемы чуть ли не на «косточках русских», что «начальство секло народ», предоставляя ему право «мерзнуть и гибнуть от цыгги в землянках». Не довольствуясь общими выражениями наглой клеветы, автор позволяет себе даже сделать произвольное исчисление мучеников, потерпевших смерть за железную дорогу — утверждая, что таковых «пять тысяч». Наконец, в эпиграфе упомянуто, вещь всем известная, что главным строителем дороги был граф Клейнмихель, очевидно, с целью возбудить в читателях негодование против этого имени, рассчитывая на страшную эффективность стихотворения, каковое указание лица и самый

¹ Полностью напечатан в нашей статье «Агония» «Современника» («Былое» 1922, № 20, стр. 44—47).

способ изложения мнимых злоупотреблений по построению дороги вовсе не подходит под требование ст. 16-ой, 4 отд.».

«Из числа всего мною приведенного, — так заканчивал Мартынов свой доклад, — из статей 10-й октябрьской книжки «Современника» в особенности, по мнению моему, заслуживают нарекания и преследования статьи:

«1) «Суемудрие «Дня», как заключающая: а) неприличные суждения о значении православия вообще и в особенности в отношении к событиям отечественной истории (стр. 195 и 196), б) сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов и насмешки над уважением к религии и законам (стр. 188), в) глумление над нашим государственным устройством, равно над отношениями народа к высшей власти (стр. 195 и 205),

«2) Стихотворение «Железная дорога», как представляющее сооружение этого пути результатом притеснения народа со стороны правительства, с возбуждением негодования против высшего правительственного лица.

«В виду подобного неумолкающего настойчивого проповедования ложных идей, постоянной грубейшей клеветы как на правительственные учреждения, так и на сословия и частные лица, и принимая во внимание, во 1-х, что в 10 октябрьской книжке «Современника» неоднократно нарушаются правила, изложенные в статьях 13 и 16 отд. IV и во 2-х, что за подобные отступления от цензурных правил уже однажды по журналу совета 9-го ноября, утвержденному г. министром внутренних дел, «Современнику» объявлено предостережение, я полагал бы сделать этому журналу второе предостережение в лице его ответственных издателя и редактора».

Менее реакционно настроенная часть членов Совета пыталась возражать Мартынову. Попытку такого возражения, облеченного в очень осторожную форму, представляет отзыв Гончарова, напечатанный впервые в книге Мазона об этом писателе («Un maître du roman russe Iwan Gontcharow», Paris, 1914). «Нужно, — заявлял Гончаров, — повременить до следующей или следующих книжек, когда по всей вероятности явятся новые и более осязательные поводы ко второму предостере-

жению, если только «Современник» не решится изменить своего направления, чего, впрочем, конечно, никто не ожидает».

Гораздо принципиальнее, чем Гончаров, ставил вопрос другой член Совета Главного управления Ф. М. Толстой, письменное мнение которого подписал и Тютчев. Отмечая, что в полемической статье «Суемудрие «Дня» допущен ряд выражений, неприличных по тону и неловких по редакции, которые и дали повод к обвинениям автора в кощунстве и неуважении к православию, Толстой и Тютчев отказываются признать, что у автора на самом деле было подобное намерение, тем более, «что сущность статьи, заключающаяся в стремлении доказать превосходство западного просвещения и европейской цивилизации над невежеством древней России, не может быть порицаема». В рассказе Успенского Толстой и Тютчев в свою очередь усматривали лишь «неловкие выражения»; цель же рассказа, «заключающуюся в том, чтобы представить в самом отталкивающем виде последствия пьянства», считали заслуживающей одобрения.

Особенно любопытна заключительная часть мнения Толстого и Тютчева: «Конечно, тон и направление, отличающие журнал «Современник» от прочих периодических изданий, проглядывают и в этих статьях, но они не проникнуты тем духом социализма и ненавистью к поземельной собственности, которые подвели предшествующий № «Современника» под заслуженное административное взыскание. Без сомнения, желательно, чтобы у нас было поменьше журналов, придерживающихся направления «Современника» или даже, чтобы их вовсе не существовало, но, к сожалению, последнее предположение невозможно иначе, как при строгой подцензурной прессе. Вообще желательно было бы, чтобы русская пресса пользовалась с наибольшею умеренностью правами и льготами, дарованными ей указом 6-го апреля; но во всяком случае совет, я полагаю, должен установить существенное различие между подцензурными изданиями и изданиями, освобожденными от предварительной цензуры. Обязанность совета строго преследовать учения, стремящиеся поколебать должное уважение к существующим узаконениям, но опыт доказал, как весьма справедливо заметил его превосходительство

Феодор Иванович Тютчев, что лжемудрствование и другого рода неопасные уклонения и увлечения прессы несравненно успешнее опровергаются и даже иногда вовсе искореняются открытым противодействием благомыслящих даровитых писателей, которые неминуемо оставят без возражения самые вызывающие разглагольствования, если журнал, напечатавший их, подвергся уже административному предостережению. На основании этого опыта, и выработался, мне кажется, новый закон по делам печати, — и я сомневаюсь, чтобы излишняя строгость, т. е. преследования, помимо цели и основной мысли, каждой отдельной фразы, соответствовали бы видам правительства, признавшего за благо изменить и пополнить существовавшие постановления о печати новым узаконением. Вследствие всего вышесказанного, я полагаю, по крайнему моему убеждению, что статьи «Суемудрие «Дня» и «Деревенские встречи» не подают повода ни к судебному преследованию, ни к административному взысканию. 4-го декабря 1865 г.»

Умеренная группа членов Совета и на этот раз потерпела неудачу. Большинство упорно настаивало на предостережении, которое и было объявлено 4 декабря, по утверждению мнения большинства министром. Текст предостережения, равно как и мотивировка его всецело базировались на отзыве Мартынова.

«Принимая во внимание: что в журнале «Современник» (№ 10), в статье «Суемудрие «Дня» заключаются неприличные суждения о значении православия вообще и в особенности в отношении к событиям отечественной истории (стр. 195 и 196), сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов и насмешки над уважением к религии (стр. 188), глумление над нашим государственным устройством, равно над отношениями народа к правительственной власти (стр. 195—205); а в стихотворении «Железная дорога» сооружение Николаевской железной дороги изображено, как результат притеснения народа, и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, — министр внутренних дел на основании ст. 29, 31 и 33 высочайше утвержденного 6-го апреля сего года мнения государственного совета и согласно заключению совета Главного управления по делам печати определил: «объявить второе предосте-

режение журналу «Современник», в лице издателя-редактора, дворянина Николая Некрасова, и редактора, состоящего в чине VIII класса Александра Пыпина».

Насколько удушливой являлась атмосфера, царившая в это время в цензурных сферах, видно хотя бы из «Дневника» Никитенко. Вот очень характерный отрывок, относящийся как раз к декабрю 1865 г.: «Вечер просидел у меня Гончаров. Он с крайним огорчением говорил о своем невыносимом положении в Совете по делам печати. Министр смотрит на вопросы мысли и печати, как полицейский чиновник; председатель Совета Щербинин есть ничтожнейшее существо, готовое подчиниться всякому чужому влиянию, кроме честного и умного, а всему дает направление Фукс и делопроизводитель. Они доносят Валугеву о словах и мнениях членов и располагают его к известным решениям, настраивая его в то же время против лиц, которые им почему-нибудь не угодны. Выходит, что дело цензуры, пожалуй, никогда еще не было в таких дурных, т. е. невежественных и враждебных мысли руках».

Как ни усердствовал вдохновляемый Фуксом Валугев, однако тогдашняя общественная среда была такова, что в ней находились люди, готовые обвинять его ни больше ни меньше, как в потворстве крамольной печати. В архиве Главного управления сохранилось интереснейшее письмо на имя Валугева Андрея Николаевича Муравьева, брата знаменитого Муравьева Виленского, известного в светском кругу своими многочисленными сочинениями по церковным и богословским вопросам:

«Милостивый Государь
Петр Александрович.

«Прочитав в 182-м № «Петербургского Листка» второе уже предостережение «Современнику», где сказано, что статья его заключает в себе сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов и глумление над нашим Государственным устройством, над отношениями народа к правительственной власти и над уважением к религии... я ужаснулся, но, признаюсь, когда я прочел, что за все это сделано только предостережение, и уже вторичное, я было хотел улыбнуться, но невольно опять ужаснулся, когда сообразил, что такими поблажками правительственная цензура, долженствующая охра-

нять веру и правительство, вместо того как бы подает руку возмутителям общественного порядка, умножая их торжество и роняя свое достоинство столь малодушными предостережениями, которые уже лучше было бы не оглашать на русской почве, если не хотят действовать, как следует, для водворения порядка против подобных возмутителей оного.

«Простите искреннему слову православного человека, любящего свою родину.

«С глубочайшим уважением имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Андрей Муравьев.

10 декабря 1865 г. С.-Петербург».

Валуев ответил на это письмо очень кратко, разъясняя, что в случае третьего предостережения издание может быть или совершенно прекращено или приостановлено на срок до шести месяцев. «В этом именно, — писал министр, — и заключается значение предостережений».

Едва ли будет ошибочно заключить, что письмо А. Н. Муравьева, брата грозного искоренителя польской крамолы, друга митрополита Филарета, человека, имевшего некоторый вес в сферах, не осталось без влияния на Валуева, укрепив этого последнего в его намерении не щадить «Современника».

IX

Однако не только цензура угрожала «Современнику» в исходе 1865 года: катастрофически падала подписка на журнал.

О падении подписки говорят, между прочим, ниже следующие строки из письма Некрасова к В. Я. Фуксу от 22 января 1866 г.: «Подписка на «Современник» идет очень тихо. Видно, что боятся подписываться. Каждое почти требование выражает опасение, что журнал будет запрещен. По сей поры всего 2100 подпис[чиков]!..»

Чтобы оценить по достоинству грозный смысл этой последней цифры, следует припомнить, на каком уровне стояла подписка на журнал в предшествующие годы его издания. В свое время автором этих строк были

прояснены цифры подписчиков на «Современник» за все время его существования, исключая 1866 г., т. е. с 1847 по 1865 г. включительно, причем лишь в первый год существования журнала число подписчиков определялось в 2000, т. е. было равно числу подписчиков в 1866 г. Во времена наибольшего процветания «Современника», например, в 1860 г., оно доходило до 7000, в 1865 же году колебалось между 6000, 5000, 4600 и 4250. Беря даже эту последнюю цифру, относящуюся ко второму полугодью 1865 г. и уже сигнализировавшую о падении подписки, и то придется заключить, что подписка на журнал в 1866 г., по сравнению с предыдущим годом, упала вдвое. Это существенным образом подрывало финансовую базу журнала, нанося тем самым материальный ущерб его редактору-издателю.

Однако Некрасов в данном случае думал не только о своих личных интересах. В письме его к Плетневу от 19 декабря 1865 г. содержится следующее заявление: «Панаев умер, оставив долгу на своей половине «Современника» до 17 т. руб. сер. Два наши сотрудника — один смертью, другой ссылкой лишены были возможности возместить своею работою значительную сумму, которую редакция выдала им вперед; для погашения этих-то долгов издавал я «Современник» в последние годы; сверх того, после Панаева осталась мать, старуха 75 лет, без куса хлеба, сын 4 лет — тоже; после Чернышевского — жена и двое малолетних детей; после Добролюбова — двое малолетних братьев; всем этим лицам дается кусок хлеба и иные средства к воспитанию из средств «Современника», который с каждым годом приносит менее. Чтобы выдавать вам полную ренту, я должен сжимать этих бедных людей, долг тоже почти не убывает. Неужели вы будете меня теснить?»

Таким образом к мотиву эгоистическому — стремлению оградить себя от убытков — присоединился и мотив альтруистический — желание поддержать семьи Панаева, Чернышевского и Добролюбова.

Но можно ли верить в данном случае Некрасову, тому Некрасову, которого и при его жизни и после его смерти повелось обвинять в избытке практичности, якобы доходившей до денежной нечистоплотности?

Чтобы ответить на этот вопрос, имеющий с нашей точки зрения не только узко-биографическое, но и общественное значение, ибо речь идет не о рядовом издателе, а о главе передовой журналистики того времени, являвшемся к тому же самым талантливым и популярным поэтом эпохи, — необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать те методы и приемы, которые Некрасов применял в качестве издателя «Современника».

Когда последний перешел в руки Некрасова и Панаева, его материальная база, составившаяся из взносов обоих компаньонов, была очень скромной. Несмотря на успех, который имел журнал в первый же год своего издания, расходы по изданию превысили его доходы. На журнале образовался очень значительный долг. Надежды погасить его в ближайшие годы не оправдались, ибо реакция 1848—1854 гг. на целые семь лет создала на журнальном фронте такую обстановку, что думать приходилось не о повышении доходов и увеличении числа подписчиков, а лишь о том, как бы всеми правдами и неправдами сводить концы с концами. Бывали моменты, когда внезапно налетавшие цензурные шквалы обременяли бюджет журнала непредвиденными расходами, иногда столь крупными, что они грозили самому существованию его. Так было, например, в 1848 г., когда цензурная катастрофа с уже отпечатанным «Иллюстрированным альманахом» не только сделала совершенно непроизводительными все затраты на его издание, но и лишила редакцию возможности выполнить данное подписчикам обещание («Иллюстрированный альманах» был обещан подписчикам как бесплатное приложение к журналу), а это самым неблагоприятным образом сказалось на подписке. При таких условиях долги, лежавшие на журнале, не уменьшались, а имели тенденцию к непрестанному повышению.

Поскольку «Современник» первого периода его существования был, без преувеличения говоря, «в долгу как в шелку», Некрасову приходилось немало времени, сил, труда, наконец изворотливости тратить на преодоление постоянно возникавших денежных затруднений. Такое положение вещей отражалось — не могло не отражаться — и на его отношениях с сотрудниками. Бывали случаи, когда он не мог быть очень пунктуальным в уплате следуемых им денег; бывали случаи, когда

ему приходилось вести тяжелые и утомительные переговоры на гонорарные темы. В результате создавалось впечатление о сугубой практичности, чуть ли не о прижимистости Некрасова. В одном из писем его к Салтыкову, писанных весной 1869 г., содержится следующее любопытное признание: *«По моей роли в журналистике мне постоянно приходилось, так сказать, торговаться, и я думаю, найдется... не один человек из людей порядочных, который выражал в письме к приятелю свое неудовольствие на меня по этому поводу»*.¹

А между тем ничего своекорыстного в образе действий Некрасова не было. То, что расценивалось как его сугубая практичность или прижимистость, являлось неизбежным следствием крайне тяжелого материального положения журнала. Свое личное благосостояние Некрасов строил отнюдь не на доходах с журнала. Об этом мы знаем из воспоминаний современников, а прежде всего из воспоминаний Н. Г. Чернышевского. В его рассказ о первом знакомстве с Некрасовым включена следующая драгоценная страница: *«[Некрасов] говорил мне о денежном положении «Современника», само собой разумеется чистейшую правду без всякой утрировки*.¹ (Я в довольно скором времени стал сам знать денежные дела журнала, и тогда мог судить, верное ли понятие давал мне о них Некрасов в этом разговоре). Существенные черты тогдашнего² положения «Современника» были: он обременен большими долгами за прежние годы издания... «Сам я не в тягость кассе журнала, когда у меня нет своих денег, я беру деньги из нее или занимаю... Но у меня бывают временами свои деньги; я из них употребляю на расходы журнала сколько считаю возможным, а свои позаимствования из его кассы уплачиваю всегда все. Не скажу вам, что вовсе не беру никакой доли из его доходов в вознаграждение себя за редакционный труд. Но думаю, что это меньше, чем те деньги, которые расходую на журнальные надобности из моих собственных денег...»

Если бы кто-либо усомнился в «чистейшей правде», передаваемой Чернышевским, — этому скептику мы посоветовали бы заглянуть в воспоминания заведывавшего

¹ Курсив наш.

² Разговор Чернышевского с Некрасовым происходил в конце 1853 г.

конторой «Современника» Ипп. Ал. Панаева,¹ целиком подтверждающие слова Чернышевского.

Со середины 50-х гг., когда под влиянием начинавшегося общественного оживления потребность в свободном и независимом печатном слове день из дня становилась сильнее и настоятельней, подписка на «Современник», которая с 1847 по 1854 г. застыла приблизительно на одном и том же уровне (от 2000 до 3000 в год), — стала расти как на дрожжах, достигнув 5000 в 1859 г., 6000 — в 1860 г. и почти 7000 — в 1861 г.

В соответствии с этим доход от издания «Современника» повысился настолько, что возникла возможность приступить к погашению, хотя бы частичному, лежавших на журнале долгов. Однако процесс погашения долгов нельзя было вести ускоренными темпами, не рискуя поколебать бюджет журнала, тем более, что по мере того, как укреплялось материальное его положение, все шире и шире стала практиковаться система авансирования сотрудников, которая, конечно, ставила этих последних в привилегированное положение по сравнению с сотрудниками других журналов, но несомненным бременем ложилась на журнальный бюджет, ибо очень значительные суммы, — без преувеличения говоря, десятки тысяч рублей, — лежали мертвым капиталом, так как многие из сотрудников или не торопились отработать взятых авансов или лишены были возможности это сделать.

Нашу характеристику материального положения «Современника» и методов, практиковавшихся Некрасовым как его издателем, мы имеем возможность в значительной ее части обосновать документально. Дело в том, что если утерян — и утерян, повидимому, безвозвратно — архив редакции «Современника», то архив конторы журнала за последние десять лет его существования почти целиком сохранился. Этим мы

¹ Ипполит Александрович Панаев — двоюродный брат Ив. Ив. Панаева, инженер, автор многочисленных, но лишенных научного значения философских трактатов, а также беллетрист, поместивший, между прочим, в «Современнике» за 1854 г. малоудачную повесть «Бедная девушка». Со середины 50-х гг. по 1866 г. заведывал конторой «Современника», проявляя исключительную пунктуальность в ведении отчетности. Воспоминания Панаева о Некрасове вошли в нашу книгу «Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов», М. 1914, стр. 128—133.

обязаны тому же И. А. Панаеву. Он не только оставил вышеупомянутые очень интересные воспоминания о Некрасове, но и сберег как огромные пачки всевозможных деловых, главным образом денежных документов, так и объемистые, прочно переплетенные конторские книги «Современника» за несколько лет.¹

Обладая подобного рода документальным материалом, Ипп. Ал. Панаев хорошо сознавал его значение, а однажды прибег к нему для публичного изобличения клеветнических утверждений Николая Вас. Успенского, попытавшегося на страницах бульварного журнальчика «Развлечение»² обвинить Некрасова в денежной нечистоплотности («Развлечение» 1888, №№ 20—21).

Для историка «Современника», а также и для биографа Некрасова архив конторы «Современника» представляет особенную ценность, ибо содержащиеся в нем документальные данные оспорены быть не могут. Нам в наших предшествующих работах, особенно в статье «Практичность» Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» («Вестник Европы» 1915, № 4), довольно широко приходилось пользоваться

¹ Двадцать пять лет тому назад автору этих строк, благодаря любезности сына и дочери Ипп. Ал. Панаева — Александра Ипполитовича Панаева и Ольги Ипполитовны Гильдебранд — удалось получить доступ к архиву конторы «Современника». На основе беглого изучения этого архива им была написана статья «Практичность» Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» («Вестник Европы» 1915, № 4). Впоследствии архив этот был передан его владельцами в Пушкинский дом Академии наук.

² Ему тогда же отвечал Ипп. Ал. Панаев («Новое время» 1889, от 18 января), с фактами и цифрами в руках доказавший вздорность его обвинений. Впоследствии к этому вопросу вернулся автор настоящих строк, публикуя воспоминания И. А. Панаева в своей книге («Некрасов. Сборник статей и материалов», М. 1914, стр. 128). К. И. Чуковский в своих статьях о Н. В. Успенском (см., например, в книге «Рассказы о Некрасове», 1930 г., стр. 11—34) подкрепил точку зрения И. А. Панаева и моими новыми соображениями и данными. Это не помешало М. Успенскому, родственнику Н. Успенского, выступить в «Известиях Академии наук СССР» (1933, № 7) со статьей, в которой он повторял старую клевету на Некрасова. К. И. Чуковский дал убийственную отповедь М. Успенскому на страницах «Литературной газеты» (1933, № 17, от 11 апреля).

этими данными. Без использования их нельзя обойтись и в настоящем изложении.¹

Первое, что бросается в глаза даже при беглом знакомстве с архивом конторы «Современника», — это только что отмеченная система необычайно широкого авансирования сотрудников, которая, повторяем, в конце концов привела к крайнему обременению журнального бюджета. Ипп. Ал. Панаев в своих воспоминаниях подробно рассказывает о тех порядках, которые установились, благодаря щедрости Некрасова, в отношении выдач авансов. «Без всякого соображения с финансовым состоянием журнала, — говорит он, — многим деньги выдавались вперед, в счет будущих работ, на неопределенное время. На замечания мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставят издание в затруднение, Некрасов часто говорил, что, если денег у журнала не хватит, то для необходимых потребностей издания он даст свои собственные деньги, что неоднократно и делал... Разумеется, при этом не мало сделанных выдач не было записано: он или действительно не припоминал их, или не хотел вспомнить, и я имею основание думать, что не одна тысяча рублей осталась не записанной... Почти всякому обращавшемуся деньги выдавались вперед... Вообще, выдачи денег из кассы «Современника» делались в таких размерах, что у издателей ничего к концу года не оставалось... Резюмируя все, что сказано мною касательно денежных отношений к литераторам «Современника», я скажу, что таких лиц, из помещавших свои работы в журнале, которые не остались бы должными «Современнику», очень мало и что общая сумма долгов представляет крупную сумму».

Нарисованная здесь картина целиком подтверждается многочисленными документами из архива конторы журнала.

Вот несколько цифр, иллюстрирующих задолженность сотрудников «Современника», постоянно прибегавших к авансовым займам из кассы жур-

¹ При этом считаем необходимым оговориться, что мы совершенно сознательно ограничились лишь беглым изучением архива конторы «Современник». Архив этот столь велик, что на основе его можно было бы написать специальное исследование о «Современнике» как хозяйственном предприятии.

нала. К январю 1864 г. долги отдельных литераторов журналу достигли в своей совокупности почти 35 000 руб. Из них наибольшие суммы приходились на долю Н. Г. Чернышевского (13 302 р. 78 к.), Н. А. Добролюбова (5399 р. 25 к.), Н. Успенского (2313 р. 55 к.), Н. Г. Помяловского (1991 р. 17 к.), Колбасина (644 р. 32 к.), Григоровича (616 р. 50 к.), Бекетова (601 р.), Слепцова (522 р. 22 к.), Дрианского (450 руб.), Пыпина (417 р. 8 к.) и т. д. Так как часть должников журнала лишилась своей платежеспособности по обстоятельствам, от них независящим (ссылка, смерть), то в 1864 г. Некрасовым было отдано распоряжение списать долги этих лиц в убыль. По счету Чернышевского было, таким образом, списано 14 354 р. 53 к. (долг самого Ник. Гавр. 13 302 р. 78 к. + 1051 р. 75 к., забранные с января по июнь его женой Ольгой Сократовной); по счету Добролюбова — 6239 р. 25 к. (долг Ник. Ал-ча по 1 января 1864 г. 5399 р. 25 к. + 840 руб., выданные в течение 1864 г. учителю Юрьеву за воспитание братьев Добролюбова; осталось на счете Добролюбова к 1 января 1865 г. всего 1200 руб., взятых заимообразно на издание его сочинений). В этом же году были списаны в убыль по счету умершего редактора и соиздателя Некрасова, Ив. Ив. Панаева, 19 361 р. 36 к. (долг Ив. Ив. 17 388 р. 68 к. + 1972 р. 68 к. вспоможения, выданного его матери Марии Ефимовне Панаевой); по счету его вдовы Авдотьи Яковлевны — 5280 руб. Неудивительно при таких условиях, что баланс 1864 г. пришлось свести с дефицитом в 19 643 р. 37 к.

Благодаря массовому, если так можно выразиться, списыванию долгов в убыль, к следующему 1865 г. задолженность сотрудников «Современника» значительно сократилась: она не достигала даже $\frac{1}{5}$ прежней суммы, составляя несколько менее 7000 руб. Тем не менее значительное уменьшение числа подписчиков (в 1864 г. их было свыше 5000, а в 1865 г. осталось только 4000), при тех же расходах и продолжавшемся, хотя и не в таком грандиозном масштабе, как в 1864 г., списывании долгов в убыль, помешало «Современнику» улучшить свое материальное положение: баланс 1865 г. был сведен уже с дефицитом в 23 307 р. 43 к.

Авансирование на широких основаниях сотрудников не было единственным средством, к которому прибегал «Современник» в целях облегчения тяжелого материального положения близких ему писателей. Указание Ипп. Ал. Панаева в его воспоминаниях на то, что Николай Алексеевич предугадал много талантов и «многим своевременным пособием в трудное время дал возможность развиваться», — подтверждается документами его архива. Действительно, верно, что, как говорит Панаев, из кассы журнала «производились постоянные ежемесячные содержания» некоторым лицам. К их числу относятся, между прочим, Н. Г. Помяловский, В. Слепцов, Н. Успенский и др.

О Помяловском известно, что он с глубокой признательностью принимал субсидию «Современника». Об этом можно судить по письмам его к Н. Г. Чернышевскому и И. А. Панаеву, опубликованным в тексте нашей статьи «Практичность» Некрасова в освещении цифровых и документальных данных». Как содержание этих писем, так и тот факт, что Помяловский умер, оставшись должен «Современнику» целых две тысячи рублей, подрывают мнение тех биографов (например, В. Острогорского), которые готовы считать причиной его смерти недостаток «участливого внимания» к нему со стороны «литературного круга». Во всяком случае, редактор-издатель «Современника» от этого упрека остается совершенно свободным.

Показателем того, насколько он был далек от мысли смотреть на свой журнал как на источник личного обогащения, является также сравнительно высокий уровень выдаваемого авторам гонорара.

Вот сведения о полистой плате постоянных сотрудников «Современника» в конце 50-х гг.¹ Известные беллетристы Островский, Толстой, Тургенев, Григорович, Салтыков-Щедрин, Потехин и В. И. Даль получали не менее 75 руб. за лист, а обычно значительно больше. Собственно по 75 руб. «Современник» платил только Григоровичу и Далю, но при этом нужно заметить, что первый из них в 1857 г. получил часть общего ди-

¹ Мы их приводим в работе, посвященной «Современнику» 1863—1866 гг., в тех целях, чтобы читатель имел возможность сопоставить гонорарный уровень 50-х гг. с гонорарным уровнем 60-х гг.

виденда по журналу на основании договора об «исключительном сотрудничестве» в «Современнике» его, Тургенева, Толстого и Островского.¹

Тургенев в 1856 г. получал 100 руб. за лист (например за «Фауста», помещенного в № 10), а в следующем, 1857 г. — 75 руб. за лист (в № 3 была помещена его комедия «Чужой хлеб»), но зато в 1857 г. он имел долю в дивиденде, значительно повышавшую его заработок. В 1858 г. Тургенев поместил в «Современнике» «Асю», за которую получил по 75 руб. за лист. Но уже в 1859 г. ему был уплачен прямо-таки колоссальный гонорар — 4000 руб. — за «Дворянское гнездо» (в этом романе было менее 10 листов; таким образом Тургенев получил свыше 400 руб. за лист).

Что касается Л. Н. Толстого, то он в 1857 г. за большую повесть «Юность» (9 л. 7 стр.) был рассчитан по 100 руб., а за короткий сравнительно очерк «Из записок кн. Нехлюдова» — по 75 руб.; надо заметить, что Толстой в свою очередь пользовался в это время дивидендом, достигавшим весьма значительных размеров.

Островский, четвертый писатель, участвовавший в получении дивиденда, как в 1857 г. (за комедию «Праздничный сон до обеда» в № 2), так и в 1853 г. (за комедию «Не сошлись характером») получал по 100 руб.

Салтыков-Щедрин дебютировал в «Современнике» рассказом «Жених» (1857 г. № 10), за который ему было уплачено по 100 руб. за лист; в следующем году, когда материальное положение журнала окрепло, он получил уже за «Развеселое житье» (1859, № 2) — 125 руб. Очевидно, по той же причине и Потехину за этнографический очерк «Река Керженец» (№ 2) и за комедию «Новейший оракул» (№ 3) было уплачено по 125 руб. за лист.

Не столь крупные беллетристы получали значительно менее — от 40 до 60 руб. за лист.

Беллетристы второстепенные, которых, кстати сказать, среди сотрудников «Современника» было очень

¹ О договоре об «исключительном сотрудничестве» и выгоде для участников подробно говорится в нашей книге «Современник при Чернышевском и Добролюбове» (стр. 221) и статье «Неудавшаяся коалиция» («Литературное наследство» 1936, № 25—26).

немного, получали по 30 и по 25 руб. за лист, но такая оплата практиковалась лишь в единичных случаях.

При расценке стихов, помещаемых в «Современнике», редакция руководствовалась уже не полистным принципом; гонорар уплачивался за каждое стихотворение в отдельности, причем небольшие лирические произведения, занимавшие лишь одну печатную страницу, оценивались в 10—15 руб. Так, по данным 1856 и 1857 гг. по 15 руб. за каждое стихотворение получали и Некрасов, и Фет, и Майков.

Переводная беллетристика оплачивалась сравнительно дешево; так, присяжный поставщик ее Бутузов получал 10—12 руб. за лист. Зато переводы в стихах котировались довольно высоко.¹

После беллетристического отдела в «Современнике» одним из наиболее важных являлся критико-библиографический. В середине 50-х гг. он находился всецело в руках Н. Г. Чернышевского. Его гонорар за статьи критические, библиографические и литературные, как например «Лессинг», определялся в 1856 и 1857 гг. в 40 руб. за печатный лист. В следующем году критико-библиографический отдел, по желанию самого Николая Гавриловича, перешел к Добролюбову, Чернышевский же оставил за собой научный и политический отделы. В соответствии с улучшившимся материальным положением журнала он уже получал по 50 руб. за лист; по этой расценке была оплачена, например, его известная статья «О новых условиях сельского быта» в № 2 за 1858 г. При суждении о размерах литературного заработка Чернышевского в «Современнике» 50-х гг. надо иметь в виду, что уже с 1856 г. он заключил с Некрасовым условие, по которому (оно приводится Ляцким в его статье в «Современном мире» (1911, № 9) ему назначалось постоянное жалованье, в размере 3000 руб. в год, за ведение определенных от-

¹ Так например, за перевод «Фауста» (9 л. 6 стр.) редакция заплатила в 1856 г. Струговщикову 400 руб.; за перевод «Короля Лира» в том же году Дружинину — 550 руб. (по 50 руб. за лист); за 10 стихотворений Беранже в 1857 г. — 100 руб.; за 6 стихотворений Гейне в 1858 г. Михайлову — 50 руб.; за «Мазепу» Байрона в 1858 г. — 81 р. 25 к. (по 50 руб. за лист); за перевод «Паризины» в 1859 г. Григорьеву — 150 руб. (по 100 руб. за лист) и т. д.

делов журнала, чтение вторых корректур и участие «в заготовлении материала и редакции журнала». Подобное условие, но относящееся уже к 1858 г., было найдено и нами в архиве конторы «Современника», оно фиксировало ту же сумму жалованья, но полистный гонорар поднимало с сорока рублей до пятидесяти, что вполне соответствует тем данным, которые приводились выше.

Добролюбов, начавший свое сотрудничество в «Современнике» статьями о «Собеседнике» (1856, №№ 8 и 9), получил за них по расчету 30 руб. за лист. Эту расценку нельзя считать низкой, если принять во внимание, что автор статей был двадцатилетний писатель-студент, ничем покамест не ознаменовавший себя на литературном поприще. Так же были оплачены статьи «Несколько слов о воспитании» (1857, № 5) и о сочинениях гр. Соллогуба (1857, № 7). С сентября 1857 г. гонорар Добролюбова был увеличен до 40 руб. за лист; однако на этом уровне он продержался менее года: с мая 1858 г. он возрос до 50 руб. за лист и таким оставался в течение всего 1859 г. При этом надо заметить, что с 1858 г. Добролюбову было установлено определенное жалованье по 50 руб. в месяц за чтение вторых корректур. Так как вторые корректуры уже читались Чернышевским, то едва ли в данном случае мы не встречаемся с замаскированным и известным образом обставленным стремлением улучшить материальное положение начинающего писателя.

Что касается статей по внутренним и экономическим вопросам, то оплата их была неодинакова: Чернышевский, как мы знаем, получал за них в 1858—1859 гг. по 50 руб. Столько же получил В. А. Панаев за свою «Общину» в 1859 г. Вдвое дороже была оценена известная статья Кавелина «О новых условиях сельского быта» в № 4 за 1859 г. Остальные писатели, принимавшие участие в этом отделе, получали несколько меньше, в особенности в середине 50-х гг.

Статьи исторического характера оценивались гонораром в соответствии с именами авторов. П. Пекарский (статья «Мистерии», 1857, № 2, и статья «Актеры при Петре Великом», 1858, № 2) получил по 30 руб.; Н. Костомаров («Очерк торговли Московской Руси», 1857, и «Могильные предания», 1858) — по 50 руб.

Столько же получили С. М. Соловьев за статью «Русская промышленность» (1857, № 1), Буслаев — за статью «Изображение Страшного суда» (1857, № 10) и Березин — за статью «Восточные реформаторы» (1857, № 10).

Приведенных цифровых данных совершенно достаточно, чтобы составить вполне определенное мнение о размерах гонорара, выдававшегося в «Современнике». Для всякого мало-мальски знакомого с вопросом должно быть ясно, что гонорар этот ни в коем случае нельзя признать эксплуататорским; скорее наоборот — нередко он достигал значительной по тем временам высоты.

Что касается авторских гонораров в последующий период существования «Современника» — 60-е гг., то они или увеличились или удержались на прежней высоте.

Из крупных беллетристов в «Современнике» принимали в это время участие Гончаров, Григорович, Салтыков-Щедрин и Островский.

Гончаров в январе 1860 г. напечатал в «Современнике» несколько глав из «Обрыва» (отрывок под заглавием «Софья Николаевна Беловодова»), получив за них 1000 руб. 1000 руб. за 2 л. 13 стр. текста — это составит свыше 350 руб. за печатный лист!

Гонорар Григоровича увеличился на 33%: вместо прежних 75 руб. за лист он стал получать 100 руб., например за рассказ «Пахотник и бархатник» (1860, № 11).

Салтыков-Щедрин за время своего участия в редакционном кружке «Современника» (1863—1864 гг.) получал, как мы знаем, по 100 руб. за печатный лист, причем не делалось различия между его беллетристическими произведениями и прочими статьями. Если принять во внимание, с одной стороны, что сверх гонорара Салтыкову уплачивалось жалованье в размере 150 руб. в месяц, а с другой стороны — необыкновенную продуктивность этого писателя, то полистное вознаграждение его никоим образом нельзя признать незначительным. В самом начале же 1860-х гг., пока Салтыков был более или менее случайным сотрудником «Современника», он получал более крупные гонорары. Так например, за «Скрежет зубовый» (1860,

№ 1) он получил по 250 руб. за лист, а за «Наш дружеский хлам» (1860, № 8) — по 200 руб.

Огромные гонорары платил «Современник» Островскому: в 1860 г. (№ 9) за комедию «Старый друг лучше новых двух» Островский получил по 200 руб. за лист; в 1862 г. (№ 1) за драматическую хронику «Козьма Минин», в которой было всего 6 л. 13 стр., — 3000 руб., т. е. по 450 руб. за лист; в 1865 г. за «Воеводу» (№ 1) — 2000 руб. и т. д.

Гонорар Чернышевского и Добролюбова за статьи критического и политического отделов держался на уровне 50 руб. за печатный лист. Это, конечно, немного, но ведь с 1861 г. оба названные писателя вошли в число дольщиков журнала и получили за этот год по 5000 руб. дивиденда!

Размеры вознаграждения, получаемого в 1863—1864 гг. четверьмя соредакторами Некрасова по «Современнику», призванными замещать умершего Добролюбова и арестованного Чернышевского, были указаны выше (см. стр. 19). Их нельзя не признать более чем удовлетворительными. Остальные сотрудники небеллетристических отделов «Современника» получали в рассматриваемое время гонорар не меньший, чем в 50-е гг.

Таким образом и в 60-е гг. об эксплуатации «Современником» своих сотрудников и речи быть не может: гонорары уплачивались им по нормальной, а нередко и по повышенной расценке.

Однако щедрое авансирование, выдача немалому количеству сотрудников ежемесячного вознаграждения, отнюдь не низкий, а обычно превышавший среднюю норму полистный гонорар обрисовывают только одну сторону редакционно-издательской политики Некрасова. Другую ее сторону, отнюдь не менее интересную и показательную, проясняют неоднократно возобновляемые Некрасовым попытки сделать «Современник» своего рода артельным журналом.

Сюда прежде всего относится уже упоминавшийся выше договор об «исключительном сотрудничестве», заключенный с Тургеневым, Толстым, Островским и Григоровичем. Договор этот, предоставлявший четырем названным писателям равные права с двумя редакторами журнала, был чрезвычайно выгоден для них и в материальном отношении (см. об этом в книге «Со-

временник» при Чернышевском и Добролюбове», стр. 221), и если действие его ограничилось одним только годом, — 1857-м, — то отнюдь не по вине редакции. «Исключительные сотрудники», в особенности Тургенев, Толстой и Григорович, становились все более чуждыми, если не сказать — враждебными, идеологическим позициям журнала, а потому работали в нем вяло и неохотно, ставя его временами в чрезвычайно неудобное положение перед подписчиками, заинтересованными в том, чтобы «исключительное сотрудничество» не было «исключительным» только на бумаге.

Потерпев в этом случае неудачу, и неудачу весьма ощутительную, Некрасов не изверился, однако, в жизненности артельного принципа в редакционно-издательском деле. В 1861 г. им была организована новая артель для ведения и издания «Современника», состоявшая из Некрасова с Панаевым и Чернышевского с Добролюбовым. В первый год ее существования, несмотря на болезнь Добролюбова, дела журнала шли так хорошо, что каждый из ее четырех участников получил по 5000 руб. В следующем, 1862 г. оставшиеся в живых участники артели, т. е. Некрасов и Чернышевский, получили в качестве дивиденда только по 759 р. 90 к. Столь резкое падение дивиденда объясняется не чем иным, как восьмимесячной приостановкой «Современника». Эта приостановка не принесла журналу никаких барышей, как некоторые полагали, ибо, по данным конторы «Современника», Некрасов обязался возвратить подписчикам, поскольку вместо полного комплекта журнала они получили только пять номеров, часть подписной платы, а именно по 8 руб. с экземпляра.¹

¹ Первоначально Некрасов предполагал компенсировать подписчиков иным способом, а именно — изданием особого сборника. В «Деле особенной канцелярии министра народного просвещения» за № 171 (начато 28 июня 1862 г.; окончено 30 июня 1862 г.) сохранилось «прошение» об этом Некрасова, адресованное А. В. Головнину. Последний не возражал, ибо не имел сколько-нибудь законных оснований для возражений против издания сборника, однако предписал С.-Петербургскому цензурному комитету в особом отношении (от 30 июля, за № 1205) «строго цензуровать этот сборник». Подобного рода предписание, о котором, разумеется, был осведомлен и Некрасов, заставило его отказаться от издания сборника, и заготовленное для «опубликования в газетах» объявление о сборнике так и не было напечатано.

Подводя итог длинному ряду фактов, цифровых и документальных данных, извлеченных из архива конторы «Современника», мы вправе утверждать, что пресловутая «практичность» Некрасова в том ее истолковании, которое нередко делалось буржуазным литературоведением, не более как миф. Возник же этот миф, с одной стороны, благодаря клеветам и инсинуациям, распускавшимся о поэте его недоброжелателями, вроде Н. Успенского, с другой стороны, вследствие бесспорной деловитости Некрасова, выгодно отличавшей его от возросших в атмосфере барского сибаритства идеалистов 40-х гг., которым эта деловитость бросалась в глаза и вызывала обидные для доброго имени поэта предположения и замечания.

Принимая ближайшее участие в ведении хозяйственной стороны журнала, Некрасов иной раз обнаруживал недюжинные коммерческие способности,¹ которые проявлялись и в большом и в малом. Некрасов, например, никогда не дал бы себя обсчитать владельцу типографии или бумажному фабриканту. Когда он видел, что с него запрашивают, он непрочь был и поторговаться. Вообще, считал своим долгом вникать во все подробности журнального хозяйства и делал это не по принуждению, а искренно интересуясь вопросами хозяйственного порядка, являвшимися для многих презренной прозой.

Х

Так интересующий нас вопрос представляется исследователю нашего времени, способному *sine ira et studio*, во всеоружии фактических и документальных данных, вникнуть в его сущность. Иначе обо всем этом думали и судили некоторые из современников, в том числе и соредакторы Некрасова по журналу. В их сознание слишком глубоко вкоренилось недоверчивое

¹ Недаром Н. К. Михайловский записал о нем в своих воспоминаниях следующие слова: «Некрасов был, прежде всего, необыкновенно умен. Для меня нет никакого сомнения в том, что на любом поприще, которое избрал для себя, он был бы одним из первых людей уже в силу своего ума. Он был бы, если бы захотел, блестящим генералом, выдающимся ученым, богатым купцом...»

отношение и к личности и к общественному облику Некрасова. Выше было отмечено, как легко Елисеев и Антонович поверили слухам о том, что Некрасов по возобновлении приостановленного «Современника» намерен изменить его направление и отказаться от услуг прежних сотрудников (см. стр. 15). Хотя эти подозрения совершенно не подтвердились, но застарелое недоверие к Некрасову не исчезло. В конце 1864 г. — в начале 1865 г. оно нашло случай проявиться по иному уже поводу. Об этом существует рассказ Елисеева в его воспоминаниях, написанных в 1889 г., но опубликованных много позже.¹ Прежде чем привести этот рассказ, необходимо заметить, что многолетняя совместная работа с Некрасовым в «Отечественных записках» и создавшаяся во время этой работы близость заставили Елисеева не только отрешиться от прежнего недоверчивого отношения к личности и общественному облику Некрасова, но и выработать совершенно иной, в основе своей вполне положительный взгляд на них. Именно Елисееву принадлежит замечательная характеристика Некрасова, до нашего времени не потерявшая своего значения. «Для каждого времени, — писал он в начале 80-х гг. в своем возражении Худякову,² — является свой муж потребен, герой тот, кто понял условия борьбы и выиграл победу. Хорош и тот герой, который умирает за свое дело, так сказать, мгновенно, всецело, публично, запечатлевая перед всеми свою смертью свои убеждения; хорош и другого рода герой — герой-раб, который умирает за свое дело в течение десятков лет, умирает, так сказать, по частям, медленною смертью в ежедневных мелких пытках от внешних мелких гонений и стеснений, от сде-

¹ Несколько отрывков из текста этих воспоминаний автор этих строк опубликовал в своих статьях в «Голосе минувшего» (1915, № 1, и 1916, № 2). Целиком же они были напечатаны в вышедшей под его редакцией книге «Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева», «Academia», 1933.

² Возражение Елисеева И. А. Худякову, жестко и несправедливо отзывавшемуся о Некрасове в своей вышедшей за границей автобиографии (Женева, 1882), впервые, но с большими цензурными купюрами, было напечатано П. Ф. Якубовичем в его статье о Некрасове в «Русском богатстве» (1902), полный же текст этого возражения вошел в книгу «Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева».

лок со своею совестью, умирает никем не признанный в своем геройстве, но даже под общим тяжелым обвинением или подозрением от толпы в измене делу».

Видя в Некрасове такого героя-раба, последовательно и убежденно защищая его от обвинений Худякова, Елисеев естественно должен был осознать несправедливость своего прежнего отношения к Некрасову. Вот почему в его воспоминаниях, написанных еще позже, чем возражение Худякову, так явственно звучат покаянные ноты. Вот почему с такой нескрываемой иронией Елисеев говорит о «честных людях», т. е. о себе и других руководящих сотрудниках «Современника», которые так недоверчиво и подозрительно относились в то время к якобы нечестному Некрасову.

«Говорят, — читаем в воспоминаниях Елисеева, — Некрасов заботился о «Современнике» вовсе не для литературы, а для самого себя, для своего обогащения, или эпикурейского наслаждения жизнью. Однако Некрасов умер, не оставив после себя ни гроша. А мы хоть не эпикурейцы, как Некрасов, но были избалованы хорошим гонораром, который давал нам «Современник», и привыкли к некоторым удобствам жизни. При том уже у всех нас были супруги, которым нужно было дать приличную обстановку.

«И вот, мы, честные люди, по инициативе нашего политико-эконома,¹ решились заставить Некрасова именно сделаться таким же честным человеком, как и мы. В один раз, когда Некрасов стал жаловаться на бедность доходов журнала, на недостаток денег и на наши возражения предложил нам проверить его конторские книги, то мы, о срам! вызвались итти и делать самоличную поверку. Признаюсь, при одном воспоминании об этом по малой мере неприличном походе для ревизии конторских книг «Современника» у меня до сих пор выступает краска на лице. Никому из нас и в голову в то время не приходило: какое жестокое издевательство совершаем мы над Некрасовым. Никто не подумал о том, что должен был передумать и перечувствовать этот человек во время этой ревизии? А еще больше, что он должен передумать и перечувствовать после того, как эта неслыханная не только

¹ Ю. Г. Жуковского. (В. Е.-М.)

у нас, но и во всей литературе, ревизия сотрудников над кассою своего редактора огласилась в литературных и журнальных кружках? Ведь подобная ревизия равносильна объявлению редактора если недоказанным, то подозреваемым воров.

«Таких унижений, самых оскорбительных для самолюбия всякого человека, от нашей честности Некрасов претерпел не мало, так что, обращаясь на прошедшее, думаешь, как мог выносить все это Некрасов, чего, я уверен, не вынес ни один из известных мне... редакторов».

Нельзя отрицать, что этот рассказ Елисеева в достаточной степени ярок и красноречив. Только в одном пункте он, думается нам, нуждается в пояснении. Если ближайшим образом «ревизия» была продиктована желанием проверить основательность жалобы Некрасова «на бедность доходов журнала», то какую же конечную цель она преследовала? Мы попробуем ответить на этот вопрос несколько позднее, а пока перейдем к той версии, которую противопоставил приведенному рассказу Елисеева Антонович в своей статье «Редакция «Современника» в 1866 г.» («Голос минувшего» 1915 г., № 2). Статья эта, как уже отмечалось выше, полемически заострена и против Елисеева и против автора настоящих строк, поскольку он в основном согласился с Елисеевым (см. нашу статью в «Голосе минувшего», 1915, № 1).

В интересах беспристрастия приведем версию Антоновича в подробных извлечениях, почти что целиком.

«Ни сам Некрасов, ни заведывавший хозяйственной частью журнала инженер Панаев, — утверждает Антонович, опровергая Елисеева, — никогда не жаловались на бедность доходов, на убыточность журнала, «на значительные дефициты», о которых с непереложностью утверждает г. Евгеньев, но которые на деле не существовали.¹ Пусть г. Евгеньев сообразит, каковы могли быть дефициты у «Современника» в те годы, когда он получал годовую подписку, а издавался только несколько месяцев.¹ При заключении условий с соредакторами в конце каждого года на следующий год Некрасов назначал им гонорар за статьи и за редакторство,

¹ Курсив наш.

по тому времени очень удовлетворительный. Затем при следующем свидании говорил: «А вот что, господа, я должен сказать вам по зрелом размышлении: наши условия будут иметь силу только в том случае, если число подписчиков на следующий год не будет меньше, чем в нынешнем году». Но ни разу эти условия не изменились и тогда, когда число подписчиков было больше.¹ И в данном случае Некрасов ни слова не говорил о бедности доходов и о значительных дефицитах, а так просто среди другого разговора, как будто мимоходом, сказал, что у «Современника» много должников, что вот посмотрите сами составленный Панаевым список должников и больше ни слова. В это время у него были Елисеев, Жуковский и я. Елисеев взял список и, не взглянув на него, положил в карман, и разговор продолжался прежний, как ни в чем не бывало. Затем мы отправились к Елисееву, для рассмотрения полученного от Некрасова документа. Взглянув на документ, Елисеев страшно расхохотался и едва мог выговорить: «Да это вовсе не отчет, который я предполагал и который можно было бы проверять, а список должников журнала...» Это был лист бумаги, исписанный крупным писарским почерком и имевший такое заглавие: «Редакции должны к 1 Генваря 1865 года». Елисеев продолжал смеяться и иронизировать над этим документом. «А я думал, — говорил он, — что это годовой отчет, баланс журнала, что в нем будет показано, сколько получено от подписчиков, сколько израсходовано и сколько осталось или нехватило, а вот оказывается, что это список должников...» Между прочим, Елисеев, полушутя, полусерьезно, сказал: «А знаете что, — возьмем эти долги на себя, уплатим их Некрасову, но с условием, чтобы он передал нам весь журнал».¹ Это замечание Елисеева послужило переходом и поводом к серьезным обсуждениям о денежной стороне журнала. Елисеев и Жуковский, вооружившись карандашами, стали проектировать сметы издания журнала, составлять баланс, выставлять возможные прибыли и убытки и несколько листов исписали цифрами и выкладками. Эти листы, так же как и список должников каким-то образом сохранились

¹ Курсив наш.

у меня до сих пор.¹ Дальнейшее обсуждение предполагалось у меня, поэтому и документы были вручены мне. Но это обсуждение не состоялось. Мы не придали значения этой истории, отвлекли от нее наше внимание и скоро совсем ее забыли.

«И вот фантазия Елисеева из этой простой *невинной и незначительной истории*² нарисовала в его воспоминаниях такую картину: «И вот гурьбой все мы, сотрудники... отправились к Панаеву»... Кто придумал и признал необходимым для ревизии целую гурьбу ревизоров? Гораздо целесообразнее было бы послать на ревизию одного Жуковского, знавшего терминологию бухгалтерии... Что же было результатом ревизии, сделали ли ревизоры Некрасову доклад о ней и какую резолюцию на этом докладе положил Некрасов? Таким образом в рассказе Елисеева есть черты, не говорящие в пользу его достоверности».

Последними словами Антонович весьма недвусмысленно намекает, что рассказ Елисеева о «ревизии» является в значительной степени результатом его «фантазии» и, во всяком случае, вполне достоверным признан быть не может. То же самое приходится сказать и о рассказе самого Антоновича, который воссоздавался по памяти через пятьдесят лет (sic!) после описываемых в нем событий. Если допустить, вслед за Антоновичем, что Елисеев кой в чем мог напутать, то еще естественнее предположить, что не меньше, а больше напутал Антонович, опровергающий рассказ Елисеева через двадцать пять лет (sic!) после того, как он был написан.

За всем тем, мы категорически отвергаем предположение о том, что со стороны Елисеева или Антоновича имело в данном случае место сколько-нибудь сознательное уклонение от истины. Каковы бы ни были ошибки идеологического пути этих писателей, сколь крупными ни представлялись бы их личные недостатки, — ни один из них, разумеется, не заслуживает обвинения в сознательной лжи. Но путаница, а то и прямые ошибки в их воспоминаниях, поскольку эти последние писались через несколько десятилетий после воспоминае-

¹ В бумагах Антоновича, перешедших к его дочери Ольге Максимовне Антонович-Мижуховой, этих документов не оказалось.

² Курсив наш.

мых событий, были прямо-таки неизбежны. В особенности это относится к воспоминаниям Антоновича. Несмотря на их полемическую резкость, несмотря на категорический характер содержащихся в них утверждений, далеко не все в их содержании соответствует истине! Возьмем начало приведенного выше рассказа Антоновича, в котором мы выделили курсивом заведомо ошибочные утверждения.

1) Антонович ошибается, думая, что «Современник» не имел дефицитов; он их имел, как это явствует из документов архива его конторы, и в 1864 г. и в 1865 г. (см. выше, стр. 119), вследствие как массового списывания в убыль безнадежных долгов, так и падения подписки.

2) Антонович ошибается, утверждая, что в те годы, когда «Современник» «получал годовую подписку, а издавался только несколько месяцев», он приносил повышенный доход, — ошибается, так как не учитывает, что в 1862 г., — год приостановки «Современника», — значительная часть подписных денег была возвращена подписчикам.

3) Наконец, Антонович ошибается, полагая, что бывали годы (речь идет о 60-х гг.), когда число подписчиков на «Современник» превышало прошлогоднюю их цифру, а Некрасов между тем и не думал увеличивать гонорар своим соредакторам, — ошибается, ибо после возобновления «Современника» ни одного такого года не было: подписка не только ни разу не превысила подписку прошлого года, но и в 1863 г., и в 1864 г., и в 1865 г., и в 1866 г. была ниже уровня предыдущего года.

Трудно сомневаться, что и в воспоминаниях Елисеева возможно было бы найти немалое количество неточностей.

Однако суть вопроса не в неточностях Елисеева и не в ошибках Антоновича, — суть вопроса в том, что у нас нет решительно никаких данных предполагать, что Елисеев сочинил рассказ о «ревизии» конторы «Современника» соредакторами Некрасова по журналу, а Антонович выдумал рассказ о том, как соредакторы Некрасова обсуждали вопрос, как бы предложить Некрасову передать журнал им. Если эта «ревизия», по справедливому замечанию Елисеева, была поступком

в некоторой мере неприличным, то обсуждение за спиной у редактора-издателя, да еще такого редактора-издателя, как Некрасов, вопроса об отобрании у него его журнала — это уже поступок еще более одиозного характера. И нельзя не удивляться наивности или пристрастию Антоновича, когда он квалифицирует его как «невинный» и «незначительный». «Ревизия» конторы указывала лишь на то, что соредакторы относились с недоверием к жалобам Некрасова на бедность доходов журнала. Обсуждение, да еще деловое, с цифровыми выкладками, вопроса о передаче журнала в их руки — это уже акт, неопровержимо свидетельствующий не только о недоверии, но и о готовности начать враждебные действия против своего редактора-издателя. В самом деле, как же можно было бы иначе расценивать предложение соредакторов уступить им свои права на «Современник», — предложение, обращенное к тому, кто уже около двадцати лет стоял у его кормила, сначала вместе с Белинским и Герценом, затем вместе с Чернышевским и Добролюбовым, кто довел этот журнал до небывалой еще в летописях русской журналистики литературной и идеологической высоты, кто, наконец, с необычайным искусством, упорством и настойчивостью преодолевал поистине бесчисленные трудности как цензурного, так и чисто-материального характера?! Антонович, как мы видели, в объяснение того, почему «дальнейшее обсуждение» «не состоялось», выдвигает чисто-обывательские мотивы: «мы... отвлекли» от всей этой истории «наше внимание и скоро совсем ее забыли». Мы не удивились бы, если бы оказалось, что и в данном случае, описывая уже восьмидесятилетним старцем события, происходившие полвека тому назад, он просто-напросто ошибся. Соредакторы Некрасова по «Современнику», думается нам, не реализовали своей мысли предложить ему передать им свой журнал не потому, что «забыли» о своем намерении, а потому, что по зрелом обсуждении от него отказались как от такого, которое оскорбило бы Некрасова, до крайности могло бы обострить их отношения с ним, а кроме того имело очень мало шансов на успех. Некрасов в 1860 г. мог писать Добролюбову, которого считал одним из самых выдающихся писателей своего времени, в ко-

тором, кроме того, видел одного из наиболее близких себе людей, что хочет передать ему редакцию «Современника», но едва ли тот же Некрасов согласился бы передать свое журнальное детище в руки Антоновича, Елисеева и Жуковского — людей несравненно менее даровитых, чем Добролюбов, и отнюдь не связанных с ним не только узами интимной дружбы и глубокого уважения, но и узами сколько-нибудь добрых отношений.

Хотя рассказы Елисеева и Антоновича как бы противостоят один другому, однако изложенные в них факты можно рассматривать как два момента одного и того же события. «Ревизия» соредакторами хозяйственной части «Современника» могла потребоваться именно потому, что у них возникло намерение начать переговоры с Некрасовым о передаче им журнала. С другой стороны, дело могло обстоять совершенно иначе: в процессе «ревизии», заинтересовавшись вопросами хозяйственного порядка, соредакторам легко было прийти к мысли о желательности взять журнал в свои руки. Восстановить точную картину происходившего едва ли когда-нибудь удастся, ибо «последний из могикан» некрасовского «Современника», М. А. Антонович, скончался уже свыше двадцати лет тому назад; документов же, которые пролили бы свет на интересующий нас эпизод в истории «Современника», повидимому, не сохранилось, а может быть, и вовсе не существовало. Одно представляется совершенно несомненным: и факт «ревизии» и факт того обсуждения, о котором говорит Антонович, не могли бы состояться, если бы отношения соредакторов «Современника» к Некрасову отличались большей благожелательностью, будучи свободны от тех элементов недоверия, на которые нам уже неоднократно приходилось указывать.

В нашем распоряжении нет никаких данных, которые позволяли бы судить о том, как Некрасов реагировал на «ревизию»; тем более нет данных, указывающих на то, что он знал или, по крайней мере, догадывался о происходившем между его сотоварищами обсуждении вопроса о захвате «Современника». Зато мы обладаем документальным доказательством того, что в начале 1866 г., т. е. незадолго до запрещения журнала,

он вел переговоры о каком-то новом договоре если не со всеми соредакторами, то, по крайней мере, с Антоновичем. В неизданном письме к этому последнему, написанном непосредственно после их разговора, Некрасов говорит: «Первую часть нашего условия, т. е. что на первые три месяца 1866 года наши расчеты будут такие же, как в нынешнем году — можете считать порешенною и поконченною, что же касается до второй — то положить ей окончательное решение теперь не могу, о чем и спешу Вас уведомить. Оно определится только подпиской...» Трудно сомневаться, что «вторая» часть условия, о которой здесь говорится, предусматривала какие-то новые обязательства Некрасова в отношении Антоновича. Таким образом, и в отношении своих соредакторов, во всяком случае в отношении одного из них, Некрасов готов был идти на повышение и без того высокой по тем временам платы его труда.

Если бы издание «Современника» продолжалось, то возможно, что редакционный коллектив журнала перешел бы на положение участников в прибылях от издания, т. е. подобно тому, как это имело место с Чернышевским и Добролюбовым, участвовал бы в распределении дивиденда на равных правах с Некрасовым.

Еще раз напоминаем, что этот последний не один раз проявлял стремление к переходу от единоличного хозяйствования на хозяйствование артельное. И не его вина, что на этом пути его постигали неудачи.

В первый раз неудача явилась, как мы знаем, следствием особенно вялого, апатичного, если не сказать — недобросовестного, отношения четверых «исключительных» к принятым на себя обязательствам.

Во второй раз неудача произошла благодаря столь непредвиденным обстоятельствам, как смерть Добролюбова и арест Чернышевского.

В третий раз Некрасову помешали поднять вопрос об участии его соредакторов в распределении доходов, с одной стороны, непрекращавшееся падение подписки, особенно обострившееся в 1866 г., а затем запрещение журнала.

Лишь с переходом в руки Некрасова редакции «Отечественных записок» ему удалось наконец на долгие

годы — вплоть до своей смерти — осуществить при организации журнала некоторые элементы артельности. По его инициативе М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев не только вошли в редакцию, образовав вместе с Некрасовым высокоавторитетный редакционный «триумвират», но и участвовали в распределении доходов от издания журнала.

Едва ли можно оспаривать, что, проявляя и в годы «Современника» и в годы «Отечественных записок» стремление к артельности, охотно принося в жертву этому стремлению преимущества своего «хозяйского положения», Некрасов действовал как один из передовых людей своего времени. Однако его соредакторы по журналу в период с 1863 по 1866 г. склонны были к недооценке его положительных свойств как в этом, так и в некоторых других отношениях. Отсюда происходило отсутствие той тесной, внутренней спайки между редактором и соредакторами, которая сыграла такую крупную и благотворную роль в предшествующий, поистине блестящий период истории «Современника», когда в лице своих соредакторов — Чернышевского и Добролюбова — Некрасов нашел не только даровитейших писателей, не только представителей наиболее прогрессивной идеологии, но и людей, относившихся к нему с безусловным доверием и уважением, более того — людей, искренно любивших его как человека.

Отмеченное обстоятельство не было, конечно, единственным, усложнявшим положение «Современника» в 1863—1866 гг. Еще более его усложняли, как и указывалось выше:

1) намечавшиеся среди руководящих работников журнала идеологические расхождения («discordia»);¹

2) невыносимый, из месяца в месяц усиливавшийся цензурный нажим, которого отнюдь не прекратило введение в действие нового закона о печати, и

3) прогрессирувавшее падение подписки, вызванное отчасти ошибками¹ нового руководства журнала, отчасти все возрастающими цензурными репрессиями, сулившими журналу скорую гибель.

¹ Об этих расхождениях и ошибках подробно будет сказано во второй части книги.

Некрасов при его широких связях и знакомствах в цензурном ведомстве не мог к концу 1865 г. не прийти к убеждению, что над его журналом нависла гроза, и для предотвращения ее решил принять некоторые меры.

В бумагах поэта сохранился нижеследующий черновик его письменного обращения повидимому к председателю Совета Главного управления по делам печати М. П. Щербинину:

«Существование журнала с двумя предостережениями немыслимо, подобно существованию человека с пораженными легкими. Чтоб выиграть несколько дней жизни, эти люди, выходя на воздух, надевают на рот особенный снаряд, который и мешает дыханию, и вместе с тем, как думают, способствует продолжению его.

«Современник» отныне должен являться в публику в подобном снаряде. Как будет ему дышаться, какова будет его речь, — об этом бесполезно говорить. Величайшим для меня счастьем было бы закрыть журнал теперь же, не подвергаясь неприятности присутствовать при медленной агонии журнала, на который потратил я лучшие мои силы, работая над ним в первое десятилетие почти один. Но ликвидировать дело, длившееся 20 лет, — внезапно, в один месяц, при тех затратах, которые сделаны мною на следующий год и при некоторых других обстоятельствах, о которых по краткости сей записки считаю неудобным говорить, — слишком убыточно и тяжело.

«На ликвидацию мне необходим следующий год, который во всяком случае будет последним годом существования «Современника» под моею редакцією.

«Итак, цель издания «Современника» в следующем году — единственно хозяйственная. Уже самая эта цель обязывает меня действовать со всевозможною осторожностью; в моем положении и в виду этой цели самое удобное было бы для меня возвращение к предварительной цензуре, но мне сказано, что подобное возвращение невозможно. Между тем, при всей моей готовности подчиняться требованиям правительства, продолжение журнала без предварительной цензуры сопряжено для меня с риском, угрожающим ухудшить

мое положение, ибо я не владелец «Современника», а только арендатор его, обязанный в случае запрещения журнала заплатить владельцу его 8500 р. с.

«В этих обстоятельствах прибегаю к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою дать мне некоторую гарантию, что изложенный мною план ликвидации журнала может быть доведен мною до конца, заявляя с своей стороны полную готовность подчиняться тем условиям, в которые для этой цели ваше превосходительство найдете нужным поставить мой журнал. Почту себя много обязанным, если XI книжка «Современника», составленная до получения второго предостережения, будет предварительно пересмотрена; охотно исключу статьи, на которые мне будет указано. Равным образом и на будущее время готов буду, по представлении книги в комитет, вместо положенных двух дней медлить выпуском ее в свет неделю и более, лишь бы уберечься предостережения. Есть еще обстоятельство, о котором я должен заявить вашему превосходительству. Два предостережения, данные «Современнику», внушили публике мысль, что существование этого журнала будет весьма кратко. Вследствие этого подписка остановилась. Чтоб иметь подписчиков... необходимо рассеять эту мысль, объявив публике, с одной стороны, что, по смыслу закона, и третье предостережение не есть еще непременно смертный приговор журналу, а, с другой стороны, то, что мною приняты меры, при которых я питаю надежду избежать третьего предостережения. Итак, да не будет принято подобное объяснение с моей стороны как бы за жалобу мою публике на полученные мною предостережения.

«В заключение, покорнейше прошу ваше превосходительство довести эту мою записку до сведения г. Министра внутренних дел и Совета по делам печати».

Было ли послано настоящее письмо своему адресату — сказать трудно. Больше вероятий, конечно, за то, что было. Некрасов по натуре своей принадлежал к числу тех людей, которые, придя однажды к определенному решению, в особенности в отношении вопроса практического, делового, не склонны бывают менять его. За всем тем, только нахождение беловика даст возможность категорически утверждать, что письмо

было послано. Во всяком случае, несомненно, что какие-то сношения по данному вопросу у Некрасова с цензурным начальством происходили. В бумагах П. А. Плетнева, собственника журнала «Современник», сохранилось письмо Некрасова к нему от 19 декабря 1865 г., в котором Некрасов настаивает на уничтожении в контракте об аренде «Современника» пункта, обязывающего его, Некрасова, уплатить Плетневу 30 000 руб. ассигн. в случае запрещения журнала цензурою, мотивируя свою просьбу тем, что «теперь, собственно, у нас цензуры нет, но запретить журнал могут всякий раз, как это вздумается министру внутренних дел». В конце этого письма Некрасов так характеризует положение «Современника»: «Он получил два предостережения (впрочем, не думайте, что предостережения получены одним только «Современником», — у нас для начала на них довольно щедры). После третьего предостережения, журнал, по закону, закрывается временно от двух до шести месяцев, а потом предостережения снимаются впредь до новых. Я, однако же, надеюсь избежать в следующем году 3-го предостережения, для чего принял свои меры и имел объяснения с начальством. *Насчет запрещения журнала, мне положительно заявлено, что подобного намерения нет у правительства;*¹ я ставил вопрос прямо, предлагая, что сам лучше закрою журнал, если имеется подобное намерение. Самое худшее тут то, что два предостережения публика наша, по новости закона, приняла за близкие предвестники смерти журнала, и подписка на 1866 год остановилась. — Теперь я хлопочу, чтобы рассеять это предубеждение и с этою целью написал объяснение, которое я пущу в публику, показав предварительно министру».

Приведенная выписка убеждает, что переговоры Некрасова с цензурным начальством касались как раз тех пунктов, которые составляли содержание его чернового письма к Щербинину. Результатом этих переговоров поэт мог считать себя, в известной мере, удовлетворенным, тем более, что цензурная травля против «Современника» в ближайшие месяцы несколько ослабела. По крайней мере, в официальной форме вопрос

¹ Курсив наш.

о «предосудительности» той или другой статьи «Современника» отнюдь не возбуждался. Конечно, это далось недаром... Книжки журнала очень обесцветились и потускнели.

Нельзя не признать сравнительно успокоительным симптомом и тот факт, что Некрасову удалось получить разрешение на напечатание того «объяснения», о котором он говорит в своем письме Плетневу. В бумагах его сохранился черновик этого «объяснения», не его рукою писанный, но снабженный его собственноручными исправлениями и подписью.

Приводим этот любопытный документ, текст которого почти полностью совпадает с печатным:

[Ответ на запросы некоторых, будет ли издаваться «Современник» в будущем году.] ¹

«От редакции «Современника».

Необходимое объяснение.

«С получением «Современником» второго предостережения в Петербурге разнесся слух, что «Современник» в следующем году издаваться не будет. Так как мы ничего подобного не публиковали, а напротив, объявляем о продолжении журнала, то это значит, что публика по двум предостережениям поспешила притти к заключению, что правительство имеет намерение запретить «Современник». Не принимая на себя права входить в намерения правительства, мы все-таки скажем, что с своей стороны не можем притти к подобному заключению, иначе сами бы закрыли журнал. Не говоря уже о том, что и третье предостережение, по смыслу закона, не есть еще непременно смертный приговор журналу, укажем на следующее обстоятельство: в течение 19-летнего существования под нашею редакциею, — «Современнику», как и другим органам прессы, не раз случалось временно становиться в такое положение, где правительство признавало нужным тою или другою мерою дать журналу почувствовать свое неодобрение. Естественно, что недоразумения, случавшиеся и при прежнем порядке и вызывавшие неодобрение правительства, теперь, в самом на-

¹ В прямые скобки взято первоначальное название «объяснения», потом зачеркнутое.

чале реформы, освободившей русскую прессу от предварительной цензуры, не только не могли прекратиться, но даже неизбежно должны были усилиться.¹ Но следует ли из этого, что эти недоразумения воспрепятствовали литературе воспользоваться благодеяниями указа 6 Апреля 1865 года и вместо улучшения положения литературы привели к закрытию ее органов? Думать что-нибудь подобное было бы слишком грустно. Нет сомнения, время и сопряженный с ним опыт, сообщая известный такт, указывая границы одним, умеряя взыскательность других, дадут литературе возможность воспользоваться выгодами нового положения. На этом основаны наши надежды на существование «Современника» в следующем году и мы прибавим, что видим возможность, не изменяя нашим убеждениям,² вести наше дело так, чтобы избегать предостережений, представляющихся некоторой части наших читателей столь роковыми для журнала».³

¹ В печатном тексте после слова «усилиться» было вставлено: «на первое время».

² В печатном тексте вместо слов «не изменяя нашим убеждениям» были внесены звучащие более нейтрально слова: «не изменяя нашей программе».

³ Последние девять слов вовсе отсутствуют в печатном тексте. Зато печатный текст содержит целую страницу, отсутствующую в черновике Некрасова. Приводим ее:

«Современник» в 1866 году будет издаваться на прежнем основании, под редакцией нижеподписавшегося и А. Н. Пыпина, при участии прежних сотрудников М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева и Ю. Г. Жуковского. В отделе беллетристики мы напомним напечатать между прочим новые произведения А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова (Щедрина), В. А. Слепцова, поэму и новые сатиры и песни Н. А. Некрасова. Простор, представляющийся ныне в выборе произведений иностранных литератур, также даст нам богатые материалы для этого отдела.

«При увеличивающемся числе газет и журналов нет возможности самому ревностному читателю следить за всем, что появляется в журналистике; возникает потребность в органе, который указывал бы читателям на явления, заслуживающие внимания, и по возможности знакомил их с ними. Поэтому мы оставляем на следующий год прежнюю форму «Современника», то есть 12 книг в год, с тем, чтоб придать журналу более строгий характер обозрения. С этой целью, с следующего года в критическом отделе «Современника» мы откроем постоянную рубрику «Обозрение газет и журналов» и дадим большее развитие фельетону. Мы будем также время от времени следить за ходом нашей провинциальной прессы.

Несмотря на разрешение напечатать «объяснение», результатами письма Некрасова к Щербинину и тех переговоров, которые он вел в цензурном ведомстве, все же нельзя было особенно обольщаться. Единственное ведь, чего удалось добиться Некрасову, — это ни к чему не обязывающего власть заявления, что «намерения» запретить «Современник» «у правительства нет». Мы говорим — «ни к чему не обязывающего», ибо если даже допустить, что во время переговоров с Некрасовым «подобного намерения», действительно, не было, то отсюда отнюдь еще не вытекало, что оно не могло явиться на следующий день.

Во всяком случае, выражение, употребленное Некрасовым в письме к Щербинину, — «медленная агония журнала» — как нельзя лучше рисует то положение, в котором очутился «Современник» в течение последнего полугода своего существования. У нас нет достаточных оснований предполагать, что письмо к Щербинину являлось не более как тактическим приемом, дипломатической уверткой. Возможно, конечно, что в душе Некрасова не переставала теплиться надежда, что в ближайшие же месяцы цензурная конъюнктура изменится и «Современнику» станет дышаться свободнее. Но едва ли эта надежда могла определять собой его образ действий. Некрасов, повидимому, на самом деле не видел иного выхода из создавшегося положения вещей, как взять курс на «ликвидацию» журнала, для осуществления которой, как он и писал Щербинину, ему нужно не менее года.

Чтобы подобного рода план удался — необходимо было во что бы то ни стало обезопасить журнал от цензурных репрессий. За невозможностью вернуться к предварительной цензуре, Некрасову ничего не оставалось, как взять на себя обязанности цензора своего собственного журнала. Эти обязанности ему, страстному ненавистнику царской цензуры, заклеившему

«В следующем году «Современник» может уже действительно обещать своим читателям строгую аккуратность в выходе книжек. Кроме первой книги, которая выйдет между 20 и 25 января, дальнейшие книги «Современника» будут являться непременно в половине месяца».

Далее говорится об условиях подписки.

ее в ряде стихотворений,¹ были, само собой разумеется, глубоко антипатичны, но он все же, хоть и скрепя сердце, счел себя вынужденным за них взяться.

Сохранился стихотворный ответ Некрасова на стихотворное же приглашение одного из его знакомых охотников В. А. Асташева бросить карты и отправиться с ним на охоту. В этом ответе, несмотря на усилия поэта придать ему юмористический колорит, прорываются грустные ноты:

.....
На письмо твое должен сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Как изволите вы полагать.
Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои, —
Сам читаю теперь корректуры
*И мараю чужие статьи!*²
Побежал бы, как школьник из класса,
Я к тебе, позабывши журнал,
Но не знаю свободного часа,
*С той поры, как свободу узнал!..*²
Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно так спали,
На охоте бывать успевали
И не мало в картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Ододела пииту забота,
Позабыл я, что значит игра,
Позабыл я, что значит охота. —
Потому что Валуев сердит;
Потому что закон о печати
Запрещеньем журналу грозит,
*Если слово обронишь не к стати!*²

Хотя эти стихи относятся к весне 1866 г., однако засесть за «чтение корректур» и в особенности за «марание чужих статей» Некрасов вынужден был много раньше, чуть ли не с самого начала пресловутого «упразднения предварительной цензуры».

В нашем распоряжении имеется интересный документ, представляющий собой как бы иллюстрацию к

¹ О ненависти, — другого выражения не подберешь, — Некрасова к цензуре говорит целый ряд его высказываний как в письмах, так и в передаче мемуаристов (см., например, письмо его к Л. Н. Толстому от 2 сентября 1855 г. или «Воспоминания» С. Н. Терпигорева — «Исторический вестник» 1896, № 3).

² Курсив наш.

содержанию приведенного отрывка: это счет типографии Вульфа за последние месяцы 1865 г.

В прежних счетах неизменно указывались цензорские вымарки, — с августовского же номера журнала за 1865 г., первого «бесцензурного» номера, вместо цензорских вымарок, стали в счетах указываться вымарки, произведенные редакцией.

Таких вымарок

в № 8 было сделано	$1\frac{1}{2}$	п. л.
в № 9	$3\frac{3}{4}$	п. л.
в № 10	$2\frac{3}{4}$	п. л.
в № 11—12	$10\frac{1}{8}$	п. л.

Прогрессирующее увеличение вымарок говорит как об ухудшении цензурной ситуации, так и о настоящих попытках редакции приспособиться к этой ситуации путем широкого исключения сколько-нибудь «предосудительного» с точки зрения «властей предержащих» материала. Эта тактика продлила существование «Современника» на целых шесть месяцев, но — увы! — обошлась чрезвычайно дорого.

Вот список статей, исключенных редакцией из последней ноябрьско-декабрьской книжки журнала:

1) «Рабочая плата и прибыли»	2	п. л.
2) «Об Ирландии»	$1\frac{1}{8}$	п. л.
3) «О книге Радищева»	$\frac{7}{8}$	п. л.
4) «Брест-Литовские драки»	$1\frac{1}{8}$	п. л.
5) «Письма в глушь»	$\frac{1}{2}$	п. л.
6) «Где искать средства»	1	п. л.
7) Стихотворения	$1\frac{1}{4}$	п. л.
8) В разных местах	$2\frac{1}{4}$	п. л.
		$10\frac{1}{8}$ п. л.

Всякая цензурная вивисекция представляет собой неприятнейшую операцию. Но она вдвое неприятнее, когда совершается не цензурным чиновником в мундире и при регалиях, а самой редакцией,¹ вынужден-

¹ «Марание чужих статей» составляло функцию не одного только Некрасова. Несомненно, что в известной мере эта обязанность лежала и на других членах редакции и прежде всего на Пыпине, который, подобно Некрасову, считался «ответственным» редактором (см. об этом ниже, стр. 151, письмо Некрасова к Пыпину от 23 августа 1866 г.).

ной так поступать со «скрежетом зубов»,¹ за отсутствием какого-либо иного способа продлить существование журнала.

Печальнее всего то, что, сколь ни велика указанная в счете типографии цифра редакционных вымарок в тексте № 11—12 «Современника» за 1865 г., она, по всей вероятности, ниже действительной. В том же архиве конторы «Современника», из которого извлечен приведенный типографский счет, имеется записка корректора, удостоверяющая, что сверх указанных в счете статей редакцией были вымараны еще две статьи, а именно: 1) «Конституционный вопрос» и 2) «Завещание моим детям».

Нам не удалось установить авторство всех² статей, входящих в этот печальный синодик, тем более не удалось разыскать самые статьи.³ Однако уже одни их заглавия указывают на то, что, исключая их, редакция лишила ноябрьско-декабрьскую книжку журнала наиболее интересного с общественной точки зрения материала. Без этих статей последний номер журнала на 1865 г., которому, — именно потому, что он был последним, — надлежало быть максимально-интересным и тем способствовать привлечению подписчиков, чрезвычайно обесцветился. Чтобы убедиться в этом — достаточно взглянуть на его оглавление. И в первом и во втором отделе преобладает явно-второстепенный материал. Выделяются лишь два произведения — «Усмирение своеправной» Шекспира и «Последний день приговоренного к смерти» Гюго, но оба они — переводы.

В достаточной степени ярко процесс обесцвечивания журнала в угоду требованиям власти сказывается и на первых книжках 1866 г. Они не плохи с точки

¹ Это выражение употребляет сестра Некрасова А. А. Буткевич, рисуя те горькие настроения, которые испытывал ее брат, приспособлявая одно из своих предсмертных произведений к цензурным требованиям.

² Что касается авторства некоторых из этих статей, то прояснить его никакого труда не представляет. Так, автором «Писем в глушь» был П. М. Ковалевский, автором «Где искать средства» — Жуковский, автором «Завещания моим детям» — Салтыков-Щедрин.

³ Нет их и в том собрании корректур «Современника», которое было передано наследниками А. Н. Пыпина в Пушкинский дом.

зрения широкого читателя, — не плохи главным образом потому, что редакции удалось подобрать для них немалое количество первоклассной беллетристики как оригинальной («Кому на Руси жить хорошо. Пролог» Некрасова — в № 1, «Песни о свободном слове» Некрасова — в № 3, «Завещание моим детям» Салтыкова-Щедрина — в № 2, «Горнорабочие» Решетникова — в №№ 1 и 2, «Нравы Растеряевой улицы» Гл. Успенского — в №№ 2 и 3), так и переводной («Дон Жуан» Байрона — в №№ 1 и 4, «Рецепты доктора Мериголда» Диккенса — в № 2, «Песня о Гайавате» Лонгфелло — в № 4 и т. д.). Тем не менее, прочитывая эти книжки, чувствуешь, что дух прежнего «Современника» в значительной степени уже отлетел от журнала, что он уже не жил полной жизнью. Пригнетающее влияние мысли: «не перейти бы границ осторожности»¹ — сказывалось почти на каждой его странице, а в особенности на втором отделе его.

«Современное обозрение» до чрезвычайности изменило свой облик. В подтверждение нетрудно было бы привести ряд фактических примеров и ссылок. Думается, однако, что насущной необходимости в этом нет. Достаточно будет хотя бы указания на то, что в этих книгах очень сильно сократилось сотрудничество таких «столпов» «Современника», как Антонович и Елисеев, что, соответственно с этим, исчезли со страниц журнала целые отделы, в которых в свое время подвизались названные писатели: уже не было антоновичевских «Литературных мелочей», не было елисеевских «Внутренних обозрений». В качестве «обозревателей» журнала появились какие-то *homines novi*, вроде Гайдебурова, взявшегося поставлять «Провинциальное обозрение», или Розанова, которому был поручен новый отдел «Действительность».

Все эти факты отнюдь не следует истолковывать как симптомы каких-то внутриредакционных перемен. Нет никаких оснований думать, что в составе редакционного коллектива произошли сколько-нибудь существенные изменения. Нет, состав редакции оставался тем же, но, очевидно, из соображений все того же цензурного порядка было признано необходимым

¹ См. стихотворение Некрасова «Как празднуют трусу».

несколько завуалировать участие в руководящем кружке его таких писателей, которые пользовались репутацией особо «неблагонадежных». К этой категории в первую голову относились, конечно, Антонович и Елисеев. Завуалировать же их руководящее участие в «Современнике» нельзя было, не ограничивая их сотрудничества.

Не забудем, однако, что к 1866 г. в редакции «Современника» сильно возросло значение Ю. Г. Жуковского. Елисеев в своих воспоминаниях так изображает «современниковскую» карьеру этого ныне абсолютно забытого, а в те времена пользовавшегося известной популярностью писателя: «Знакомый с иностранными языками, он наполняет журнал классными учебными сведениями богатого багажа иностранной учености и время от времени делает иные вклады в «Современник» статьями по политической экономии и политическим наукам. За недостатком специалиста по этой науке, в то время самой модной, он делается в «Современнике» человеком нужным. Он примечает это, и у него является мысль занять место арестованного члена консистории (т. е. Чернышевского. В. Е.-М.) и сделаться таким же воротилой в «Современнике», каким был тот. Конечно, это было с его стороны чудовищным самомнением. Арестованный член консистории был палата ума, безукоризненных и непоколебимых нравственных принципов, наконец, открытое благородное сердце, полное любви ко всем, самоотвержения. А он чужд всякой самостоятельной мысли в «жизни» и в своих «ученых упражнениях», самых шатких моральных принципов и правил, и эгоист до мозга костей. Но кто же из литераторов не ценил себя выше той цены, какой стоит?.. Чтобы заставить Некрасова оценить себя в ту именно цену, в какую он сам себя ценил, Жуковский является как раз накануне Каракозовской истории самым ярким пропагандистом прогрессивных идей, каким никогда не бывал доселе; с шумом и треском пишет он несколько таких фельетонов; в сущности фельетоны представляют собою больше отчаянное многословие и пустословие, полны мыслей заурядных, высказываемых тогда ежедневно чуть ли не во всех газетах и журналах, и во всех фельетонах едва ли найдется две-три дельных соб-

ственных мысли. Но они написаны горячо, бойко, с наскоком и возбудили общую сенсацию своей красотой. За один из этих фельетонов, кажется, самый неудачный, представляющий вместо ответа на вопрос общее место, автор был привлечен к суду...»

Хотя, приводя данную цитату, мы опустили несколько особенно резких суждений о Жуковском очень нерасположенного к нему Елисеева,¹ все же ее смысл крайне неблагоприятен для Жуковского. Тем не менее оценка Жуковского Елисеевым в основном представляется правильной. Ниже будет дан краткий анализ последней статьи Жуковского в «Современнике» — «Вопрос молодого поколения» (1866, №№ 2 и 3). Покамест ограничимся лишь указанием, что радикальная фразеология последней послужила причиной для новой репрессии против журнала, причем, — любопытный факт! — репрессия эта была решена задним числом.

Дело происходило так: в 20-х числах марта 1866 г. вышла третья книжка «Современника» со второй частью статьи Жуковского «Вопрос молодого поколения» (первая часть этой статьи появилась в предыдущем номере журнала); в течение целого месяца со дня выхода книжки цензурный комитет молчал о ней и только 22 апреля отправил в Главное управление по делам печати длинное донесение (за № 361), воспроизводившее доклад о данной статье цензора Еленева.

Чем объяснить, что вопрос о «Вопросе» был поднят комитетом с таким опозданием? Ответ не представляет затруднений, если вспомнить, что вслед за покушением Каракозова (4 апреля) началась оргия самой дикой и безудержной реакции. В «нормальное», так сказать, время цензурный комитет не видел оснований поднимать тревогу из-за статьи, подобной статье Жуковского, но во времена экстраординарные, когда каждый правительственный чиновник считал своим

¹ Вражда Елисеева к Жуковскому не лишена была личного характера. Не забудем, что в 1867 г., в дни перехода «Отечественных записок» в руки Некрасова, Жуковский пытался добиться исключения Елисеева из числа членов проектируемого редакционного коллектива (см. нашу статью «Некрасов и Елисеев в деле воссоздания «Отечественных записок» — «Голос минувшего» 1916, № 2). Затем в полемической брошюре 1869 г. против Некрасова Жуковский жестоко нападал и на Елисеева.

«священным» долгом выказывать сугубую «благонамеренность», статья Жуковского давала для этого очень удобный повод. Тем не менее, обвиняя статью в том, что она «направлена против русского дворянства и написана в социально-демократическом духе», цензор все же заключал, что «при всей резкости выражений этой статьи и крайности проводимых в ней социально-демократических идей, она, по форме изложения, не имеет, однако, характера воззваний, возбуждающих вражду сословий...» На иную точку зрения стал начальник Главного управления М. Щербинин: в обширном письменном «мнении» он доказывал, что статья Ю. Ж. «имеет прямою целью возбудить вражду всех сословий против принципа дворянства» и что, кроме того, она «прямо направлена к поколебанию основ начала собственности», а потому-де есть полное основание к возбуждению судебного преследования против журнала. «Мнение» Щербинина восторжествовало, и 16 июня 1866 г. Главное управление уже обратилось по этому делу к прокурору С.-Петербургского окружного суда с особым отношением (за № 1209), в заключительной части которого сообщалось, что «ответственными в настоящем случае лицами, на основ. ст. 2 по IV отд. закона 6 апреля 1865 г., представляются: 1) бывший ответственный редактор помянутого журнала, состоящий в чине VIII класса Александр Пыпин и 2) автор статьи «Вопрос молодого поколения», надворный советник Юлий Жуковский».

Процесс Жуковского и Пыпина был одним из сенсационных и вызвал большое оживление в обществе. Подсудимые отделались сравнительно легко: окружный суд в заседании 25 августа их оправдал, а судебная палата, куда дело было перенесено по апелляции прокурора, в заседании 4 октября приговорила того и другого к 3 неделям ареста на гауптвахте и ко взносу штрафа по 100 руб. с каждого.

Почему, однако, в качестве ответственного редактора к суду привлекался Пыпин, а не Некрасов? Конечно, потому, что, при переходе «Современника» на положение «бесцензурного» журнала, в заявлениях Некрасова и Пыпина в Главное управление черным по белому было сказано, что первый принимает на себя ответственность за беллетристику, а второй — за про-

чие отделы журнала (см. выше, стр. 94). Таким образом, естественно, что за помещение статьи Жуковского ответственным был только Пыпин. Тем не менее Некрасов, — и это делает честь его щепетильности, — накануне суда писал Пыпину (см. его письмо к Пыпину из Карабиhi от 23 августа): «Я советую и прошу Вас представить в свое оправдание дело, как оно было, т. е. что с получением «Современником» второго предостережения, в видах большей осторожности, все статьи для «Современника», а в том числе и статья Жуковского, рассматривались нами обоими и одобрялись к печатанию с общего нашего согласия, таким образом если я как собственник журнала не находил ст. Жуковского опасною, то с Вашей стороны это было тем возможнее. Поставьте на вид Вашим судьям, что со второго предостережения (4 декабря) мы с Вами просмотрели и выпустили в свет до 180 печатных листов, и во всех этих статьях, кроме статьи Жуковского, состоящей из 2 листов, Главное управление по делам печати не нашло ничего противозаконного. Таким образом, если Вам будут поставлены в вину эти два листа, то справедливость требует остальные 178 листов поставить Вам в заслугу. Письмо это можете предъявить суду, а если понадобится личное мое засвидетельствование, то я по первому Вашему известию готов приехать в Петербург».

Поэтическим откликом Некрасова на процесс Пыпина и Жуковского явилась «современная повесть» «Суд», в которую, между прочим, вошли яркие стихи, изображающие состояние духа автора, когда он перечитывает свое произведение, подходя к нему «с точки зрения судьи» или цензора:

Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи,
И нечто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Занятые скверное, друзья!

Этим «занятъем скверным» и в отношении своих и в отношении чужих статей Некрасову как редактору-

издателю «Современника» приходилось заниматься всю жизнь, но никогда это занятие не принимало такого интенсивного, а вместе с тем мучительного характера, как в последние месяцы существования его журнала.

XII

Вернемся, однако, к роковой для «Современника» весне 1866 г. Как ни старался Некрасов приспособить свой журнал к требованиям власти, воплощаемой для него прежде всего в лице цензурного ведомства с П. А. Валуевым во главе, — он все же не мог не чувствовать, что почва под ногами его журнала продолжает оставаться зыбкой. Это сознание на него, старого журнального работника, отдавшего журналу лучшие годы жизни, лучшие силы, видевшего в нем лучший способ гражданского служения, действовало деморализующим образом, повергая его в состояние сильнейшей душевной тревоги, и он метался из стороны в сторону в тщетной надежде продлить существование журнала.

Едва ли не этими именно соображениями было вызвано возобновление им старого знакомства с В. П. Боткиным, когда-то, в 50-е годы, интимно близким ему, приятелем в полном смысле этого слова, а теперь заклятым врагом если не его лично, то тех идей, выразителем которых стал «Современник». Боткин в своих письмах Фету (например, в письме от 1 февраля 1866 г.) не без злорадства сообщает, что к нему «начал похаживать» Некрасов, не только начал похаживать, но и «протестовать против гадких тенденций своего журнала». Идя на подобный компромисс, Некрасов, без сомнения, рассчитывал использовать влияние Боткина в реакционных кругах, чтобы смягчить их непримиримо-враждебное отношение к «Современнику». Однако расчет этот не оправдался. Скорее наоборот. Боткин в том же письме к Фету с удивительным цинизмом признается, что он старался использовать свое влияние во вред некрасовскому журналу. Вот его подлинные слова: «Я же, пользуясь моим знакомством с членами совета по книгопечатанию, стараюсь поддержать их в их энергии...» Какую, мягко

выражаясь, «эволюцию» нужно было совершить, чтобы из друга и единомышленника Белинского, многолетнего сотрудника «Современника», не раз терпевшего за время своего сотрудничества от той же цензуры, превратиться в реакционера настолько заядлого, что ему не было противно тайно подстрекать цензурных черберов против «Современника»!

Приблизительно в то же время, к которому относятся только что упомянутые письма Боткина к Фету, в «Колоколе» (№ 214) в статье «Из Петербурга» появилось сообщение, что Некрасов просил Валуева «поставить «Современник» снова под цензуру, но Валуев отказал, дав слово не давать третьего предостережения и не закрывать журнала, если редакция будет представлять ему материал на предварительное рассмотрение». Возможно, что в данном случае речь идет о той самой попытке сменить «бесцензурность» на «подцензурность», о которой содержится упоминание в цитированном выше письме к Щербинину. С другой стороны, вполне допустимо предположение, что Некрасов в январе — феврале 1866 г. повторил эту попытку.

Гораздо существеннее, чем вопрос, к какому времени относятся переговоры с Валуевым, указание на исход этих переговоров. Исход этот, на основании сообщения «Колокола», представляется нам в таком виде: Валуев, отказав редакции «Современника» в официальном восстановлении предварительной цензуры, потребовал от нее согласия на неофициальное предварительное рассмотрение предназначенного для журнала материала. Смысл этой игры совершенно ясен. Официальное восстановление цензуры для Валуева как главы цензурного ведомства было совершенно неприемлемо, ибо явилось бы нагляднейшим доказательством реакционной сущности нового закона о печати, который в правительственных кругах расценивался как одно из важнейших достижений пресловутой эпохи «великих реформ». Неофициальный же предварительный просмотр имел, с точки зрения Валуева, то неоспоримое преимущество, что давал возможность контролировать каждую строчку, предназначенную для помещения в «Современнике», не нарушая в то же время видимости той самой «бес-

цензурности», в которой как раз и видели наиболее существенную черту нового закона.

Если рассматриваемое сообщение «Колокола» о соглашении между Некрасовым и Валуевым признать достоверным, то отмеченную выше обесцвеченность первых книжек «Современника» за 1866 г. пришлось бы объяснить результатом непосредственного воздействия цензурных инстанций. Если же считать, что для признания его достоверным достаточных данных нет, пришлось бы остаться при высказанном ранее мнении, что редакция «Современника» с тоской и болью должна была сама выполнять обязанности предварительной цензуры. Как бы то ни было, обесцвеченность первых трех номеров «Современника», повторяем, является совершенно неоспоримым фактом.

Если у Некрасова создалось убеждение, что понесенные редакцией журнала действительно тяжкие жертвы гарантируют в большей или меньшей степени выполнение того «хозяйственного плана» ликвидации журнала в течение 1866 г., о котором он говорил в письме к Щербинину, то действительность не замедлила это убеждение опровергнуть. Столь старательно сооружаемые им «щиты и громоотводы», как правильно указывает Н. К. Михайловский в своих «Литературных воспоминаниях», оказались бессильны при «экстраординарной грозе»: «Экстраординарной» же грозой явилась реакция, вызванная выстрелом Каракозова. Было бы излишне вдаваться в ее характеристику, тем более, что это уже делалось не один раз, в частности на страницах работы, посвященной Некрасову и пользующейся широкой известностью.¹ А потому ограничимся лишь цитатой из воспоминаний Елисеева, представляющей для нас особый интерес, так как она рисует переживания одного из участников редакционного кружка «Современника».

«Я был арестован и отвезен в крепость, — читаем мы здесь, — 28 или 29 апреля. Но самым злополучным временем было не то, когда меня посадили в крепость, — напротив, по заключении в крепость я зна-

¹ См. К. И. Чуковский, Поэт и палач (в 1922 г. вышла отдельной брошюрой; затем несколько раз перепечатывалась в сборниках статей того же автора о Некрасове).

чительно успокоился, — а время, проведенное от 4-го апреля до 29-го апреля в тревожном, ежедневном, ежечасном ожидании обыска и ареста, которое не давало покоя ни днем, ни ночью. Тот, кто не жил тогда в Петербурге и не принадлежал к литературным кругам или, по крайней мере, не был к ним так или иначе прикосновенен, не может представить той паники, которая здесь происходила. Всякий литератор, не принадлежавший к направлению Каткова, а не принадлежала к этому направлению вся тогдашняя литература, считал себя обреченною жертвою и был уверен, что его eo ipso непременно, потому только, что он литератор, арестуют. Так все были убеждены, что граф Муравьев держится вполне взглядов Каткова и следует его указаниям. Сотрудники «Современника», на которых Катков смотрел как на очаг и притон всяких зловерных учений, тем более были уверены в неизбежности такой участи для себя... Что касается до меня, то я был уверен, что меня непременно арестуют и, начиная с 4-го апреля, находился в постоянном нервном возбуждении и непрестанной тревоге, не имея возможности ничего сделать и ни о чем думать, кроме ожидаемого ареста и неизбежно сопряженных с ним разного рода самых неутешительных возможностей в жизни моей и моей жены и в настоящем, и в будущем. Это тревожное состояние увеличивалось существовавшею кругом меня паникою в обществе. Каждый день, и всегда почти утром, приносили известия: сегодня ночью взяли такого-то и такого-то литератора, на другое утро опять взяли таких-то и таких-то и т. д. Всеми этими слухами, непрестанно возраставшим тревожным состоянием, бессонными ночами я до того был энервирован, так близок был к полной прострации, что подумывал итти сам просить, чтобы меня заключили в крепость...»

Эти настроения редакционного кружка «Современника» не могли не влиять и на Некрасова. Они, надо думать, и определили его образ действий в апреле 1866 г.

5 апреля, т. е. на другой день после покушения, Некрасов посетил нескольких высокопоставленных лиц, в том числе зятя Муравьева-Вешателя егермейстера Сергея Шувалова, министра двора Адлерберга,

Г. А. Строганова,¹ а также члена Совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстого, с целью узнать, чего должен ждать после каракозовского выстрела «Современник», и получил от них весьма неутешительные на этот счет сведения.

6 апреля на экстренном заседании Литературного фонда он, вместе с прочими членами его, подписал верноподданнический адрес Александру II.

9 апреля на торжественном обеде в Английском клубе в честь «спасителя царя» О. И. Комиссарова прочел посвященное ему патриотическое стихотворение.

16 апреля на торжественном обеде в Английском же клубе в честь М. Н. Муравьева прочел восхвалявший этого последнего «мадригал».²

26 апреля выпустил очередную книжку (№ 4) «Современника», не только напечатав в ней стихи Комиссарову, но и поместив большую верноподданническую статью Розанова по поводу события 4 апреля.

Таким образом, если в конце 1865 г. и самом начале 1866 г. Некрасов, чтобы иметь возможность выполнить свой «хозяйственный план» «ликвидации журнала», вынужден был систематически изымать из его содержания сколько-нибудь острые в социально-политическом отношении статьи, то теперь он совершил ряд поступков, которые давали уже основание говорить о полной перемене им фронта — как поэтом и как журналистом.

¹ Не об этом ли посещении Строганова и беседе с ним вспоминал Некрасов накануне своей смерти в разговоре с Пыпиным? Здесь он прямо сослался на то, что Строганов «подбивал» его написать стихотворение Муравьеву, утверждая, что этому последнему «надоела катковская газета, но что стихотворение от Некрасова могло бы на него подействовать и укротить» (см. публикацию «Из записной книжки А. Н. Пыпина» в новом «Современнике» 1913, № 1).

² Знаменательно, что накануне своего выступления в Английском клубе Некрасов получил от члена Совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстого записку (она помещена 14 апреля), в которой Толстой извещал его, что участь «Современника» уже предreshена и его хлопоты в пользу журнала успеха не имели. Допустимо предположение, что эта именно записка повергла Некрасова в состояние такой душевной тревоги, что он решился прибегнуть во имя спасения журнала к крайнему средству, т. е. публично приветствовать Муравьева.

Имела ли место на самом деле подобная перемена фронта?

Мы глубоко убеждены, что ее не было. В подтверждение сошлемся на два в достаточной степени показательные факта.

Вечером 16 апреля, вернувшись из Английского клуба, Некрасов пишет свое знаменитое двенадцатистишие:

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бесшумно предо мной
Великие страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени,
И клятвы мести грозно повторял.
За то кричат безликие: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

Нет надобности доказывать, какое суровое самоосуждение содержится в этих воистину слезами и кровью писанных стихах.

Небезынтересно сопоставить это двенадцатистишие с тем восьмистишием, которое Некрасов посвятил Муравьеву.¹

В двенадцатистишии рисуется во весь свой рост вдохновенный певец революционной демократии, который, хотя и исторгал иной раз «неверные звуки» со струн своей лиры, но в течение всей своей жизни с неослабеваемой энергией боролся за поправленные права народа. В восьмистишии же перед нами растерявшийся обыватель, бросающийся из стороны в сторону, готовый на всякие компромиссы, лишь бы отвести от себя грозу...

Какой образ более соответствует объективному представлению о Некрасове, этом любимом поэте рус-

¹ Такое сопоставление, если понимать его в буквальном смысле, невозможно, ибо восьмистишия, прочтенного Некрасовым Муравьеву, мы не знаем, да, вероятно, никогда и не узнаем. Во всяком случае, Б. Я. Бухштабом доказано, что то стихотворение, которое Бартенев опубликовал в «Русском архиве» (1885, № 4) как стихотворное приветствие Некрасова Муравьеву, вовсе не принадлежит Некрасову, а сочинено одним из чиновников Муравьева Никотиным.

ского трудового народа как в дореволюционные, так тем более в послереволюционные времена?!

Думается, что этот вопрос не требует ответа...

Не менее показателен и другой факт. Вскоре после выхода апрельского номера «Современника», казалось бы, неопровержимо свидетельствовавшего о перемене фронта Некрасовым, — этот последний не побоялся явиться на квартиру только что арестованного Елисеева.

Предоставим слово этому последнему. «На другой день после моего ареста, — пишет он в своих воспоминаниях, — Некрасов храбро явился на мою квартиру, чтобы осведомиться: что случилось и как. Я говорю храбро потому, что ни один из моих товарищей и вообще никто из сотрудников «Современника» не решался этого сделать. Ибо с того самого момента, как известие о выстреле Каракозова стало известно всему Петербургу, все прикосновенные к литературе тотчас поняли, что как бы ни пошло дело следствия, но литература, по установившемуся у нас обычаю, все-таки первая будет привлечена к ответу, и потому все засели дома, стараясь как можно меньше иметь между собой сообщений, исключая, разумеется, случаев крайней нужды. Некрасов прибыл на мою квартиру как раз в тот момент, когда там присутствовал гвардейский офицер, тот самый, который накануне арестовал меня и который теперь отбирал показания у моей жены и прислуги. Гвардейский офицер, при появлении Некрасова, немедленно арестовал и его»...

Правда, арест Некрасова был непродолжителен, ибо офицер, установив путем допроса жены Елисеева, что Некрасов не принадлежит к числу ее знакомых, вынужден был освободить его. Тем не менее значение данного факта нельзя недооценивать. Если бы Некрасов сколько-нибудь серьезно думал о перемене фронта — он никоим образом не поехал бы на квартиру арестованного Елисеева справляться, что и как случилось, ибо подобный шаг неизбежно был бы истолкован как выражение если не солидарности с арестованным, то во всяком случае сочувствия ему. И что является, быть может, самым показательным во всем этом эпизоде — Некрасов был единственным из участников современниковского кружка, решившимся посе-

тить Елисеева, с которым в то время далеко не находился в столь близких отношениях, как предпочитавшие сидеть дома Антонович, Жуковский, Пыпин...

Однако, если Некрасов в роковые послекаракозовские дни не думал о перемене фронта, то чем же объяснить такие поступки его, как публичное прочтение стихов Комиссарову и Муравьеву, как верноподданническое содержание некоторой части апрельского номера журнала?

Мы никоим образом не рискнули бы утверждать, что эти поступки его не были в известной мере вызваны страхом за себя, за свою судьбу. Тем более не рискнули бы утверждать этого, что у Некрасова были несомненные основания бояться за себя.

Рассказ Елисеева об аресте поэта на его квартире заканчивается указанием на следующий характерный факт. Отпустив арестованного было Некрасова во-свояси, офицер, производивший обыск и допрос, вскоре «одумался и раскаялся» в этом. «А все вы виноваты, — ворчал он то и дело, обращаясь к моей жене с упреком. — Со страху Некрасов очень легко мог бы сказать что-нибудь такое, что послужило бы нитью на раскрытие заговора. Некрасов наверное играет тут не последнюю роль».¹

По словам Е. П. Елисеевой, также оставившей свои воспоминания о данном эпизоде,² офицер настолько был рассержен тем, что ее показания вынудили его отпустить Некрасова, «что чуть ли ни с пеной у рта и с сжатыми кулаками стал кричать на нее, что она у правосудия выхватила самую ценную добычу, что они много бы дали, чтобы найти какой-нибудь клочок или иной повод взять этого подлеца, что она не понимает, какой это вредный иезуит и что из-за него половина сидит, а он остается невредимым и катается в колясках, что он думает подкупить правосудие, написавши и читавши стихи в честь Муравьева, но Муравьев во время чтения с презрением отвернулся от него, и, уж погоди, не увернется он, не может быть, чтобы нельзя было его запопасть, и проч., и проч.».

¹ Курсив наш.

² Они напечатаны в книге «Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева».

В заключение Е. П. Елисеева добавляет: «Этот эпизод я считаю необходимым ввести, так как он, кажется, единичный случай, который указывает *de facto*, что Муравьев имел намерение арестовать Некрасова...»

Права ли Е. П. Елисеева в этом последнем своем утверждении — сказать трудно. Тем не менее, как из ее рассказа, так и из рассказа ее мужа нельзя не сделать вывода, что Некрасов в апреле 1866 г. мог и должен был тревожиться за свою судьбу. И все-таки, думается нам, не только чувство личного самосохранения руководило им, когда он совершал свои роковые компромиссы.

Не в меньшей степени он стремился с их помощью спасти свой журнал от угрожавшего ему запрещения. Пусть уже несколько месяцев тому назад он пришел к убеждению, что наилучшим выходом из создавшегося положения вещей является постепенная ликвидация «Современника», пусть это убеждение зиждилось на целом ряде строго обоснованных и проверенных соображений, — тем не менее, когда беда пришла, Некрасов, связанный с «Современником» двадцатью годами усиленной работы, достижений и невзгод, радостей и печалей, должен был испытать такую жгучую боль, что, пренебрегая голосом рассудка и поддаваясь голосу одного только чувства, очертя голову шел на всевозможные жертвы, в том числе и жертвы морального характера, лишь бы только избавить свое детище от грозившей ему гибели.

XIII

Как ни велики были жертвы, принесенные Некрасовым в апреле 1866 г., они не достигли своей цели. Под влиянием страха, под влиянием крайней растерянности, Некрасов не учел того обстоятельства, что Муравьев и стоявший за его спиной Катков — слишком умные враги, чтобы увидеть в хвалебных стихах или в содержании апрельского номера его журнала серьезные доказательства того, что якобы прозревший Некрасов перешел в лагерь их единомышленников. Катков в 1863 г. мог «простить» Достоевского за помещение во «Времени» статьи Страхова «Роковой вопрос»,

ибо непростительной близорукостью было бы с его стороны не увидеть в Достоевском и Страхове в значительной степени «своих». Увидеть же «своего» в Некрасове, несмотря на его компромиссы, Катков органически был не в состоянии. То же самое, думается, можно сказать и о Муравьеве. Не находишь Некрасов в эти роковые для него дни в состоянии полной депрессии, он не стал бы славословить Комиссарова и Муравьева, прежде всего потому, что должен был бы понять, что эти славословия, наложив трудноизгладимое пятно на его репутацию, все равно не спасут «Современника» от уготованной ему участи.

Одним из ближайших последствий незадачливого выступления Некрасова в Английском клубе явился, если верить Елисееву, уход из «Современника» его руководящих сотрудников. «Нас, — рассказывает Елисеев в своих воспоминаниях, — эта история (т. е. выступление Некрасова. В. Е.-М.) повергла в уныние. В первый редакционный день мы явились в редакцию с мрачными лицами. Напрасно Некрасов хотел перед нами оправдаться, напрасно читал стихотворение, сказанное перед Муравьевым, указывал, что в нем нет противного нашей честности. Весь смысл стихотворения заключался, помнится, в том, что поэт, обратясь к Муравьеву, говорил: «разыщи виновных и казни их». Другого, конечно, и сказать было нельзя, уж если начал говорить приветствие следователю. Но нам претила самая инициатива и факт такого приветствия, вызванного, очевидно, трусостью. Конечно, мы все трусили не менее Некрасова, и прими граф Муравьев приветствие благосклонно, мы бы извинили Некрасову его трусость. Теперь же мы были непреклонны в нашей честности, и он погиб в нашем мнении навсегда. А мы были тогда для Некрасова — целый мир. Что мир? Больше целого мира! Мы были для него все. Признай мы поступок его, положим, необдуманном, но ничего криминального не заключающим и никакой кары незаслуживающим, каким он действительно и был, Некрасов был бы совершенно спокоен, что бы о нем ни говорили и ни писали другие. Но этого мало: мы были настолько влиятельны для общественного мнения, что если бы мы высказали твердо наш взгляд на поступок Некрасова, как на дело совершенно не-

значашее и никакого внимания незаслуживающее, то общество перестало бы смотреть на него, как на дело позорное, и немедленно бы о нем забыло. Но наша честность продолжала распространять и усиливать враждебное отношение общества к Некрасову на основании этого незначашего его поступка. Вскоре после этого был закрыт «Современник», и дела его были ликвидированы. Расставаясь с сотрудниками, ставшими по отношению к нему в враждебное положение, он обещал каждому из трех бывших налицо дать по тысяче рублей».

Иначе освещает уход сотрудников «Современника» Антонович. Все в той же статье «Редакция «Современника» в 1866 г.» («Голос минувшего» 1915, № 2) он цитирует только что приведенный рассказ Елисеева лишь для того, чтобы самым категорическим тоном заявить: «Это неверно. На деле, фактически этот строгий суд кончился тем, что сотрудники единогласно решили попрежнему продолжать работать в журнале. И они, действительно, продолжали ее до тех пор, пока сам Некрасов не попросил сотрудников удалиться из его журнала. И как я писал в свое время (в «Воспоминаниях о Н. А. Некрасове», «Журнал для всех» 1903, № 2. В. Е.-М.), сотрудники расстались с ним мирно, по-хорошему. Если бы они вздумали дерзить и грубить ему и упорно отказываться от сотрудничества, в таком случае Некрасов сказал бы им: «Не хотите сотрудничать, — ваша воля, прощайте». Но он объяснил им свой план и мотивы отказа сотрудникам; признал, что он нарушает заключенные с ними условия, лишает их работы и потому чувствует себя обязанным выдать им отступного и, действительно, выдал. Ничего этого не было бы, если бы возмущенные сотрудники сами ушли, перегрызшись с Некрасовым, как это настоятельно утверждает Елисеев».

Вдумываясь в эти два рассказа, прежде всего, необходимо признать, что Антонович погрешил против истины, стараясь в своей полемике против Елисеева-мемуариста смазать одно обстоятельство, которое он сам же упорно подчеркивает в более ранних по времени написания «Воспоминаниях о Некрасове». В этих последних он несколько раз заговаривает о крайнем возмущении сотрудников стихотворениями

Некрасова в честь Комиссарова и Муравьева. Если первое из них возбудило, по его словам, только подозрение, что «Некрасов переменял свои мысли и убеждения и решился перестроить свою лиру на иной лад», то после прочтения Некрасовым второго стихотворения они, «сотрудники... окончательно решили, что их сомнения и опасения оправдываются, что Некрасов перестроил лиру и переменял направление». Решить это — значило прийти к заключению, что Некрасов стал ренегатом. Теперь, спрашивается, могли ли сотрудники, не теряя своего общественного лица, продолжать работу в принадлежащем ренегату журнале?! Вот то основное соображение, которое не может не привести к убеждению, что версия Елисеева правильнее освещает происшедшее, чем версия Антоновича.

Едва ли во всяком случае можно сомневаться, что уход руководящих сотрудников из «Современника» был вызван тем, что они стали во «враждебное положение» к Некрасову. Это, конечно, не значит, да Елисеев и не говорит этого, что перед уходом они «перегрызлись с Некрасовым». Уход мог быть обставлен с внешней стороны вполне корректно. Эта внешняя корректность, очевидно, и дала Антоновичу повод утверждать: «мы расстались по-хорошему, не враждебно, но и не дружелюбно».

Далее при рассмотрении данного эпизода должно быть принято во внимание еще одно немаловажное обстоятельство. В нашем распоряжении имеется не внушающее никаких сомнений доказательство того, что накануне запрещения «Современника» Главным управлением по делам печати было предъявлено Некрасову требование «отстранить от участия в журнале некоторых из зловернейших писателей (как, например, Антоновича и Ю. Жуковского)». Слова взяты из официального письма члена Совета Главного управления Ф. М. Толстого к Валуеву. Совершенно ясно, что Толстой никогда бы не решился ссылаться в письме к своему шефу, да еще столь строгому, как Валуев, на факт не вполне достоверный.

Итак, сотрудники стали к Некрасову во «враждебное положение», видя в нем ренегата; попытка его оправдаться в их глазах, о которой определенной

образом сообщает Елисеев-мемуарист, успеха не имела; вследствие всего этого совместная работа с ними сделалась для него невозможной. Это — с одной стороны. С другой — Совет Главного управления настоятельно требовал «отстранения зловреднейших писателей».

Что при таких условиях оставалось делать Некрасову?

Единственно достойным выходом из создавшегося положения вещей явилось бы коренное изменение политики в отношении власти. Попытки спасти журнал и без того слишком дорого обошлись Некрасову, ибо трудно себе представить большие моральные жертвы, чем те, которые он уже принес. Поскольку эти жертвы явным образом не достигали цели и дамоклов меч запрещения все ниже и ниже опускался над злосчастным журналом, нужно было во что бы ни стало преодолеть свою привязанность к журналу, преодолеть опасения за свою собственную участь, примириться с возможными материальными убытками и прекратить систему явно не оправдывающих себя компромиссов, хотя бы это и могло вызвать немедленное прекращение журнала. Некрасов, к величайшему сожалению, на это не пошел. Он продолжал упорно цепляться за свой план постепенной ликвидации журнала. В воспоминаниях Антоновича о Некрасове отмечается, что, расставаясь с сотрудниками, он объявил им, «что он только для того, чтобы не возвращать подписных денег, доведет журнал до конца года как-нибудь один и без них, а затем бросит его».

Благодаря ошибочному образу действий, избранному Некрасовым, не одни сотрудники журнала, но и руководящие работники цензурного ведомства были убеждены, что журнал, по воле Некрасова, переменил свое направление. В подтверждение сошлемся на только что упомянутый документ — письмо Ф. М. Толстого к П. А. Валуеву, много лет тому назад извлеченное нами из архивов цензурного ведомства:

«Милостивый государь Петр Александрович!»

«В качестве члена Совета, наблюдающего за «Современником», почитаю священным долгом формально заявить вашему высокопревосходительству, что вред-

ное и предосудительное направление этого издания, на которое указано в высочайшем повелении, в настоящее время изменилось совершенно.

«Редакция «Современника» отстранила вовсе, по указанию Совета, от участия в журнале некоторых из злобнейших писателей (как, например, Антоновича и Ю. Жуковского) и в последних двух номерах, в 4-м и 5-м (последний не вышел еще, но находится уже у меня для просмотра), нет ни одного слова, напоминающего прежнее направление «Современника».

«На явное это отречение от прежних заблуждений обращено уже внимание всей журналистики (за исключением, конечно, «Моск. Ведомостей»), а потому и полагаю, что при обнародовании постановления о прекращении «Современника» следует по возможности избежать осуждения настоящего направления этого журнала. Председательствующий Совета по делам печати и все члены Совета положительно могут засвидетельствовать о справедливости моего показания, — касательно перемены направления «Современника», — обстоятельство, которое при подписании журнала и по долгу чести обязан буду заявить.

«Почитаю также обязанностью присовокупить, что издание «Современника» не составляет исключительную собственность редакции, а есть также единственное достояние и наследие семейства покойного И. Панаева. Весьма может быть, что последнее обстоятельство и вынудило отчасти нынешнего редактора Некрасова покориться беспрекословно всем требованиям Совета.

«Прекращение «Современника» в конец разоряет неповинное семейство Панаева и даже не по вине настоящего редактора, который в виду сохранения Панаевыми законного их наследства, сделал все возможные уступки требованиям Совета, и изменил совершенно направление журнала.

«Я не смею надеяться, конечно, что слова мои могли бы отсрочить исполнение высочайшего повеления, но почитаю своим священным долгом, в виду высочайшего рескрипта от 13-го мая, представить все вышеизложенные обстоятельства на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

«С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга.

Ф. Толстой.

«31 мая 1866 г.

«Р. S. Статьи и набор каждого № стоят до 2000 р. — ныне приступлено к напечатанию 6-го №, следовательно, не признаете ли возможным немедленно уведомить редакцию о постигшем ее несчастье, дабы не вводить ее в напрасные убытки».

Характерным дополнением к картине, рисуемой этим письмом, могут служить несколько строк из письма другого члена Совета Главного управления по делам печати И. А. Гончарова к И. С. Тургеневу от 15/27 июня 1866 г. Сообщая о состоявшемся уже запрещении «Современника», Гончаров пишет: «Некрасов только было задумал расстаться с красной партией и передать журнал в другие консервативные руки. Внезапная остановка журнала будет стоить ему тысяч двадцать убытка» («И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского дома», П. 1923, стр. 48).

XIV

И Ф. Толстой и Гончаров в своем убеждении о перемене фронта Некрасовым в значительной степени основывались на содержании последних номеров журнала: апрельского (№ 4), вышедшего, и майского (№ 5), не вышедшего, но уже совершенно подготовленного к выходу.

Присмотримся же к каждому из них в отдельности.¹

Первое, что бросается в глаза при самом поверхностном ознакомлении с апрельской книжкой журнала, — это гипертрофия, если так возможно выразиться, первого отдела за счет второго, т. е. «Современного обозрения». В первом отделе — 269 страниц, а если присчитать сюда 76 страниц беллетристического же приложения, то 345 страниц, а во втором —

¹ В ИЛИ Академии наук СССР (б. Пушкинском доме) нам удалось разыскать один из немногих уцелевших от гибели экземпляров невышедшего майского номера, вследствие чего мы получили возможность привлечь к рассмотрению и его содержание.

87 страниц. Иными словами, первый отдел занимает около 80% всего состава книжки, а второй — 20%. Никогда за все время существования журнала «Современное обозрение» не низводилось на его страницах до такой второстепенной роли. Этот факт, разумеется, симптоматичен. Поскольку редакция в своем стремлении «дотянуть до конца года» твердо решила избегать всяких трений с властью, для нее было вполне естественным и логичным, елико возможно, обкорнать второй отдел, ибо при обозрении современной жизни легче всего могли проскользнуть факты и суждения, способные раздражать власть.

Далее, из 345 страниц первого отдела 138 страниц, т. е. 40%, отдано под специальнейшие статьи научного характера, причем книжку журнала открывает занимающая свыше 60 страниц статья Леонида Черныяева «О значении соли в народном хозяйстве». Совсем еще недавно (в № 1—2 1863 г.) заметка того же автора и на ту же тему была напечатана в самом конце елисеевского «Внутреннего обозрения», — теперь же Черныяев попал в открывающие номер авторы. И раньше бывали случаи, что некрасовский журнал открывался не беллетристическим произведением, а научной статьей, но это, во-первых, делалось не часто, а во-вторых, обыкновенно тогда, когда научная статья имела общеполитическое значение и принадлежала известному автору. Так, № 1 «Современника» за 1858 г. открывался статьей Чернышевского «Кавеньяк», в которой, как это и показано в нашей книге «Современник» при Чернышевском и Добролюбове» (стр. 242—243), содержался ряд откликов на важнейшие проблемы русской современной действительности.

Из пяти беллетристических произведений, помещенных в апрельском номере «Современника» и занимавших в общей сложности 207 страниц, только одно представляло собой оригинальный рассказ русского автора («Свадьба» Н. Смирнова). И это произведение занимало всего-навсего 22 страницы, что составляет немногим более 10%. Десять процентов под оригинальную беллетристику! Можно сказать с полной уверенностью, что за всю многолетнюю историю «Современника» подобной пропорции не встречалось ни разу!

Переходя к содержанию беллетристического отдела, нельзя не отметить, что оно отнюдь не фиксировало внимания читателей на проблемах социального порядка. Весьма характерно, с этой точки зрения, то, что весь интерес единственного непереводаемого произведения — только что упомянутого рассказа «Свадьба» — зиждился на психологических переживаниях героя, купца Болтина, а не на изображении того, что он представляет собой как купец и каким образом досталось ему его богатство.

Если второй отдел журнала — «Современное обозрение» — давал несравненно больший материал для утверждения, что «Современник» переменял свое направление, то это происходило отнюдь не потому, что содержание всех его статей могло послужить основанием для подобного рода выводов, а исключительно потому, что на его страницах появилась статья Розанова «С. Петербург. Апрель 1866 г.» и стихотворение Некрасова «Осипу Ивановичу Комиссарову».

Хотя и Гайдебуров в «Провинциальном обозрении», и Пыпин в «Новых книгах», и Ватсон в «Политике», и тот же Розанов в «Действительности» старательно избегали острых тем, однако их статьи не производили впечатления сколько-нибудь заметного диссонанса с прежними высказываниями журнала.

Другое дело — передовая статья Розанова, открывающая «Современное обозрение». Она начинается коротким, занимающим всего две страницы, вступлением, имевшим целью обосновать искренность присоединения «верноподданнического голоса» «Современника» к «голосу всего русского народа, выражающего в эту торжественную минуту чувства беспредельной преданности, любви и благоговения к государю». В этих целях автор доказывал, что вся предыдущая деятельность журнала была продиктована стремлением «к развитию и разъяснению общественных интересов, вызванных державною волею государя». «С великими предприятиями этого царствования, — писал он, — с освобождением крестьян, с общественными реформами, с зачатками гласного суда, земского самоуправления, свободы печати — связаны все наши надежды и сочувствия; здесь то великое дело, на служение которому мы отдали всю нашу деятельность».

Дальнейшее содержание статьи представляет собой компиляцию из различных официальных сообщений о покушении, личности Комиссарова, личности Каракозова, об адресах и приветствиях дворянства и т. д. и т. п.

Вслед за передовой редакция, в нарушение традиций журнала, предписывавших стихотворный материал печатать в тексте первого отдела, поместила стихи Некрасова Комиссарову. Это было сделано с той целью, чтобы, соединив два отклика на злобу дня, усилить их актуальность. Смысл некрасовских стихов, как и смысл вступительных страниц передовой статьи, сводился к прославлению царя, покончившего «рабские стоны, вековую бесправность людей» и даровавшего «отчизне своей» миллионы «свободных сынов». Нечего и говорить, что статья Розанова не в меньшей степени дисгармонировала с содержанием «Современника» в 60-е годы, чем стихи Некрасова дисгармонировали с общим направлением «музы мести и печали».

Тем не менее, при окончательной оценке компромисса, совершенного в данном случае редакцией «Современника», должны быть учтены и некоторые иные моменты.

Прежде всего следует иметь в виду, что столь претящая современному читателю рабская фразеология рассматриваемых произведений была неизбежной данью времени: в известные моменты об известных событиях и лицах писатели царской России лишены были возможности говорить, не прибегая к этой фразеологии. Не лучше ли было тогда вовсе не говорить? — спросит современный читатель. В том-то и беда, — ответим мы ему, — что и не говорить было нельзя. «Современник» не мог, не рискуя немедленным прекращением, не откликнуться на тему «чудесного спасения», «злодейского покушения», «всенародного ликования». Таким образом обвинение в рабской фразеологии отпадает почти что целиком.

Другое, несравненно более серьезное обвинение: в статье Розанова и в стихах Некрасова журнал, по самому существу своему революционный, по самому существу своему антимонархический, явным образом изменил самому себе — остается, разумеется, в силе.

Мы менее всего склонны в данном случае оправдывать редакцию журнала, но все же, в видах беспристрастия, считаем необходимым подчеркнуть два обстоятельства.

Первое — террористический акт, совершенный Каразовым, уже потому, что он был террористическим актом, вызывал отрицательное отношение со стороны многих представителей передовой общественности того времени. Известно, например, что его резко осудил Герцен. Неудивительно поэтому, что и редакция «Современника» относилась к нему с осуждением.

Второе — защита реформ, в частности «освобождения» крестьян, — а в этой защите основной смысл и статьи Розанова и стихов Некрасова, — в удушливо-реакционной атмосфере весны 1866 г. не лишена была прогрессивного значения. Пусть эти реформы были половинчаты и недостаточно демократичны, все же они, при всех их недостатках, толкали страну вперед, а не назад. Вспомним общеизвестное суждение В. И. Ленина о крестьянской реформе:

«Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

«Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».¹

Вот почему самая жестокая критика реформ, — а к чести «Современника» нужно сказать, что он никогда от нее не уклонялся, — могла совмещаться с убеждением, что реформы все же следует защищать, когда против них готовятся посягательства. А реакция 1866 г. тем-то и была страшна, что она непомерно усилила позицию принципиальных обскурантов, принципиальных противников реформ, одним из наиболее колоритных представителей которых был М. Н. Муравьев. В явно-преувеличенных выражениях восхваляя реформаторскую деятельность «монарха-освободителя», «Современник», конечно, впадал в противоречие со

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 109.

своими прежними антимонархическими установками, но скрытое за этими восхвалениями стремление дать отпор обскурантам и мракобесам разных мастей и рангов диктовалось такого рода соображениями, которые отнюдь не шли вразрез с основными тенденциями журнала.

Теперь несколько слов о невышедшем в свет майском номере журнала. На обложке его стоит дата 27 мая, указывающая, что предполагаемый выход книжки и запрещение журнала, состоявшееся 28 мая (см. об этом ниже, стр. 175), почти совпали. Отсюда вытекает, что майский номер «Современника», хотя он и не вышел, следует рассматривать как состоящий из материала, окончательно уж апробированного редакцией.

Общее впечатление от него вполне тождественно с впечатлением от апрельского номера. То же стремление к аполитичности, тот же нарочитый уход от современности, вследствие которого «Современник» оставался современником только по названию. Из 444 страниц номера «Современному обозрению» уделяется всего 76 страниц, что не составляет даже и 20% (sic!!). Первый отдел занимает зато 363 страницы — 83%. В нем под переводы — «Венецианский купец» Шекспира и романы Винтропа и Джильберта — отдано 232 страницы.

Оригинальная беллетристика, занимающая 131 страницу, т. е. около 30%, представлена всего двумя произведениями — «повестью из старых нравов» «Темные люди» М. Стопановского и «Записками охотника Восточной Сибири». В первом из них речь идет о промотавшемся помещике Шмелеве, занимающем, с помощью различных махинаций, деньги без отдачи. Однако антидворянская установка «Темных людей» выражена сравнительно слабо.

«Записки охотника Восточной Сибири», — нечто среднее между научной статьей и рассказом, — представляли собой лишь сырой материал: наблюдения охотника над отдельными породами зверей, описание способов охоты за ними и т. д. и т. п.

Что касается «Современного обозрения», то весь этот отдел, состоящий всего из двух статей («Австрия

после 1859 г.» и «Политика») и трех рецензий, принадлежал, повидимому, перу Ватсона.¹

Статья «Австрия после 1859 г.» была задумана как начало серии статей, посвященных характеристике политической истории Австрии за последние семь лет. Но при описании событий автора интересует по преимуществу лишь внешнеполитическая борьба различных национальных партий Австрийской империи, и он совершенно не касается ни социальных взаимоотношений, ни тем более проблем классовой борьбы. В результате статья Ватсона, актуальная по теме, теряла очень значительную долю своей актуальности.

В «Политике» Ватсон хотя и говорил о злободневнейшем вопросе — назревающим вооруженном конфликте между Австрией и Пруссией, — однако освещал его в плане чисто-информационном, отнюдь не выражая мнения журнала.

Если политические статьи Ватсона характеризуются отсутствием определенной политической точки зрения, которая при Чернышевском столь выгодно отличала политические обзоры «Современника», то ватсоновские же рецензии на «Историю философии» Льюиса и «Собрание сочинений» Герберта Спенсера свидетельствуют о значительном отклонении автора от прежних философских установок журнала. Как бы продолжая линию, начатую его большой статьей об Огюсте Конте (см. ниже, стр. 260), Ватсон в первой из этих рецензий превозносит ярого контиста Льюиса, а во второй, в подтверждение значения издания сочинений Спенсера, приводит следующую весьма показательную цитату из предисловия к рецензируемому тому его сочинений: «В тревожное время нам пришлось выпускать первый том этого издания. Не до книг теперь обществу, не до философских теорий. Оно ищет успокоения и обеспечения от опасностей, которые грозили

¹ Авторство Ватсона в отношении первой из этих статей устанавливается на основании следующих слов автора: «еще недавно, по поводу затруднений в Шлезвиггольштейнском вопросе, мы указывали на нетвердость и нерешительность Австрийского правительства» и пр. Эти указания мы находим в отделе «Политика» № 3 «Современника» за 1866 г., принадлежащем, несомненно, Ватсону. Отсюда видно, что и данная статья также написана Ватсоном.

ему... но... когда тревожная пора минет, общество начнет читать эти томы и поблагодарит нас за них. Оно поймет, что всякого человека, способного увлекаться, Спенсер увлекает в такую область, в которую нет доступа политическим страстям и порокам. Своя мысль, свое умственное и физическое совершенствование становятся конечной целью такого человека, когда он поймет Спенсера. Никакая злонамеренность, никакое честолубие, никакие заблуждения не в состоянии будут увлечь такого человека на разыгрывание политических ролей, а не в этом ли заключается и вся сущность того обеспечения, которого ищет общество в настоящую минуту?» («Современник» 1866, № 5, стр. 38).

Нет надобности доказывать, что содержащейся здесь пропаганде аполитизма и примиренчества — «Современник» докаракозовского периода никоим образом не дал, не должен был бы дать места на своих страницах. В «Современнике» же послекаракозовском приведенные строки были уже вполне возможны, сигнализируя о несомненном крене журнала вправо.

Тем не менее просмотр и анализ всего содержания двух последних номеров журнала дает несравненно более веские основания для вывода, что редакция его стремилась не к тому, чтобы сделать его органом направления, враждебного направлению прежнего «Современника», а к тому, чтобы лишить его всякого направления вообще, чтобы, елико возможно, приблизить его к типу нейтральных по своему составу сборников с преобладанием беллетристики, да и то главным образом переводной. Если бы подобного рода изменениям подвергся журнал с не столь ярко очерченным идеологическим лицом, как «Современник», — они, быть может, и не бросались бы в такой мере в глаза, они, быть может, и не породили бы столько толков о перемене направления, как в данном случае.

И все же добившаяся в то время своего рода диктатуры катковско-муравьевская партия пренебрегла этими толками и учинила задуманную ею беспощадную расправу с «Современником». О том, как разворачивались события, повествуется в найденном нами (см. «Дело особой комиссии под председательством князя П. П. Гагарина»; началось 13 мая 1866 г.; решено — 21

августа того же года) журнале заседания комиссии от 23 мая 1866 г. Из журнала явствует, что на заседании обсуждались, в числе прочих, следующие вопросы: «1) не следует ли изменить или дополнить закон о печати от 6 апреля 1865 г. и 2) не полезно ли будет прекратить немедленно издание тех журналов, которые с давнего времени служат проводниками вредного направления».

По первому вопросу комиссия решила «предоставить министру внутренних дел, согласно с его предположениями, войти по этим предметам с подлежащими представлениями в установленном порядке». Последние слова доказывают, что комиссия не имела в виду брать на свою ответственность коренное изменение действующих узаконений о печати.

По второму вопросу комиссия нашла, «что из всех существующих журналов и повременных изданий «Современник» и «Русское Слово» принадлежат бесспорно к числу таких, которые постоянно, с давнего времени, развивая на своих страницах учение социализма и нигилизма, более прочих способствовали развращению молодого поколения. По отзыву министра внутренних дел «Русское Слово» приостановлено, а «Современник» переменил свой тон после сделанного ему второго предостережения. Но, при доказанном, постоянно вредном направлении сих журналов, временное изменение тона и приостановление издания лишь на некоторое время — недостаточны, чтобы отвратить наносимое ими зло и остановить его и на будущее время. Хотя закон предоставляет министру внутренних дел, после третьего предостережения и приостановления издания не свыше шести месяцев, входить с представлением в I департамент правительствующего сената о совершенном прекращении издания, но как для исполнения сего обряда требуется время, правительству же, после высочайшего рескрипта 13 мая, необходимо высказать немедленно прямое и положительное осуждение тех органов печати, которые постоянно и сознательно проводили в обществе понятия, противные коренным основам веры, нравственности и общего благоустройства, то комиссия признает полезным поручить министру внутренних дел ныне же вовсе прекратить издание «Современника» и «Русского Слова».

«Министр внутренних дел при сем заявил, что для прекращения этих журналов нужно особое высочайшее повеление, и что хотя он лично не усматривает необходимости испрашивать это повеление и полагает средства, указанные в законе, достаточными для обуздания злонамеренной прессы, но в настоящем случае подчиняет себя мнению других членов комиссии, для избежания разногласия и по нежеланию принять на себя вид защитника таких журналов, каковы «Современник» и «Русское Слово».

Отсюда нельзя не заключить, что П. А. Валуев, собственно говоря, был против такого противозаконного акта, каким в сущности было постановление комиссии о запрещении «Современника» и «Русского слова», поскольку это постановление являлось прямым нарушением порядка, установленного законом 6 апреля 1865 г., но проявить настойчивость в защите своей точки зрения в комиссии, направляемой не столько Гагариным, сколько Муравьевым, не решался.

Трудно сомневаться, что об отношении Валуева к запрещению «Современника» очень хорошо были осведомлены и члены Совета Главного управления по делам печати. Этим и объясняется столь смелый шаг Ф. М. Толстого, как посылка приведенного выше письма к Валуеву. Однако письмо это никаких последствий не имело, не могло иметь, хотя бы уже потому, что непоправимо запоздало. Оно ведь было послано 31 мая, т. е. через восемь дней после заседания гагаринской комиссии, постановившей запретить «Современник», и через три дня после того, как об этом запрещении состоялось «высочайшее» повеление.

1 июня, т. е. на следующий день после отсылки письма Толстого Валуеву, Пыпин, замещавший уехавшего в Карабику Некрасова на посту главного редактора «Современника», получил официальное извещение о запрещении журнала, а 3 июня в № 118 «Северной почты» было напечатано: «По высочайшему повелению, объявленному министру внутренних дел председателем комитета министров 28 минувшего мая, журналы «Современник» и «Русское Слово» вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления прекращены».

Как ни деморализовано было русское общество последствиями каракозовской истории, все же в некоторой части его эта репрессия вызвала дружное осуждение.

«Я не помню давно, — записал А. В. Никитенко в своем дневнике под 23 июня, — чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее недовольство, как... запрещение двух журналов: «Современника» и «Русского Слова».

А в цитированных уже воспоминаниях Е. П. Елисеевой мы находим колоритный рассказ, свидетельствующий о том, что упреки по адресу власти, закрывшей «Современник», высказывались даже публично.

«Мне случилось, — пишет Елисеева, — как раз в тот день, когда было опубликовано закрытие, ехать в конке, в которой было несколько моряков; они вели между собой разговор именно о закрытии «Современника», к ним пристало и еще несколько лиц мужского и женского пола, и, так сказать, вышел случайный диспут. Большинство вопило о таком неправильном действии правительства; некоторые оправдывали — в силу якобы необходимости.

«Из публики особенно выдавался один пожилой моряк, повидимому, отягощенный чинами, он так горячо и с таким азартом доказывал, что правительство не имеет права, в виду единичного случая, наказывать все общество, что его дело наказывать свою полицию за недосмотр и неумелость, а не все общество, лишая его духовной пищи, что желать, чтобы общество поглупело, не значит желать лучшего и пр. и пр... Мое сердце радостно билось, слушая этого старика и при виде большинства, разделяющего мою скорбь, я, конечно, и свое словечко присовокупила, не давая, само собою разумеется, понять, что мне этот вопрос еще ближе, чем им».

Непосредственным, хотя и сравнительно поздним отголоском запрещения «Современника» явилось «всеподданнейшее прошение» вдовы П. А. Плетнева о разрешении ей возобновить издание журнала (см. «Дело Главного управления по делам печати», № 426а; началось 22 декабря 1866 г.; решено 1 апреля 1867 г.). Доказывая в нем, что наследники Плетнева отнюдь не ответственны в заблуждениях последней редакции, на-

влекших на журнал запрещение, а между тем от этого запрещения весьма существенно пострадали их интересы, А. Плетнева просила государя «сохранить за семейством Плетнева дар, врученный ему Пушкиным». «Так, — читаем далее в прошении, — были пощажены права собственности тех ведомств, газеты которых подверглись запрещению по вине их редакций. По примеру этого, я осмеливаюсь именем моего покойного мужа и малолетних его детей прибегнуть к вашему императорскому величеству с всеподданнейшей просьбой дозволить наследникам Плетнева пользоваться правом собственности на литературный журнал «Современник» и действовать впредь на основании высочайшего указа от 6 апреля 1865 г.»

Плетневой постеснялись ответить категорическим отказом и начали тянуть дело. В результате она все же ничего не добилась. Очевидно, правительство решило ни в коем случае не допускать возобновления «Современника», хотя бы под редакцией архиблагонмеренных лиц. Двдцатилетняя неустанная пропаганда некрасовским журналом идей политического и социального раскрепощения русского народа сделала самое имя его ненавистным в сановно-бюрократических сферах. Но тем горячее были симпатии к нему передовых кругов русского общества. И если не считать другого некрасовского журнала — «Отечественных записок», можно утверждать, не рискуя впасть в преувеличение, что русская журналистика XIX века не знала журнала более читаемого и почитаемого, чем «Современник».

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛА

I

Первый отдел «Современника» в 1863—1866 гг., как и в предшествующие годы, состоял из произведений художественной литературы, с одной стороны, и из статей научного, преимущественно, содержания, с другой. Второй отдел журнала попрежнему составляло «Современное обозрение», в котором преобладающими жанрами являлись критические, критико-библиографические статьи, а в особенности статьи публицистические. В период интенсивного сотрудничества в «Современнике» Чернышевского и Добролюбова научные статьи первого отдела и «Современное обозрение» были подняты ими на такую высоту, что сплошь да рядом возбуждали бóльший интерес читателей, чем беллетристика. Это явление стало особенно заметным в конце 50-х и самом начале 60-х гг., когда, — вследствие отхода от «Современника» некоторой части его прежних сотрудников, придерживавшихся либеральной ориентации, в том числе писателей такого масштаба, как Толстой и Тургенев, — беллетристический отдел журнала несколько снизился. Правда, это снижение, как уже отмечалось на страницах нашего исследования «Современник» при Чернышевском и Добролюбове», было далеко не безусловным, но все же оно имело место.

1863—1866 годы характеризуются в истории «Современника» несомненным снижением уровня уже не беллетристики, а «Современного обозрения». В предшествующем изложении не только неоднократно ука-

зывалось, но и с помощью многочисленных фактов подтверждалось, что ни Антонович, ни Елисеев, ни Жуковский, ни Пыпин как критики и публицисты не могли ни в каком отношении ровняться с Чернышевским и Добролюбовым.

Подчеркивая эти обстоятельства, мы далеки от мысли закрывать глаза на положительные стороны критико-публицистической деятельности названных четырех писателей. Совершенно ясно, что можно было быть совсем не плохими критиками и публицистами, не выдерживая в то же время сравнения с писателями такого исключительного дарования и такой идеологической монолитности, как Чернышевский и Добролюбов.

В соответствии с этим, в «Современнике» 1863—1866 гг. снова выдвинулась на первое место беллетристика. Заведывавший беллетристическим отделом главный редактор журнала приложил все усилия, чтобы поставить его как можно лучше. Эти усилия не остались бесплодными. Беллетристика, а также стихи в «Современнике» рассматриваемого периода представляют очень значительную ценность и с чисто художественной и с идеологической стороны.

В «Современнике» этих лет постоянно сотрудничали лучший русский драматург (Островский), лучший русский сатирик (Салтыков-Щедрин) и лучший русский поэт (Некрасов) середины XIX века, причем как первые два, так в особенности третий дали журналу ряд выдающихся, подлинно-классических произведений. Если к перечню этих произведений (он будет приведен ниже) добавить произведения Чернышевского («Что делать?»), Помяловского («Очерки бурсы»), Решетникова («Подлиповцы», «Горнорабочие» и др.), Слепцова («Письма об Осташкове», «Трудное время»), Гл. Успенского («Деревенские встречи», «Нравы Растеряевой улицы») и т. д., то итог получится более чем внушительный.

Поскольку наша работа является преимущественно литературоведческой работой, беллетристике «Современника» в ней должно быть уделено особое внимание.

Первое, что бросается в глаза при ее изучении, — это ее социально-политическая направленность.

Беллетристы «Современника», относя сюда, само собой разумеется, и его поэтов, были, мало сказать, чужды пресловутой теории «искусства для искусства», — они были ей органически враждебны. Их эстетические установки в основном определялись эстетическими установками Чернышевского.

Недаром Антонович в огромной статье «Современная эстетическая теория» (1865, № 3), представлявшей собой не что иное, как рецензию на второе издание «Эстетических отношений искусства к действительности», выказал себя убежденным сторонником эстетических взглядов Чернышевского. Будучи лишен возможности назвать по имени автора «Эстетических отношений», он, однако, категорически заявляет, что именно «в этом сочинении в первый раз были высказаны, доказаны и развиты те эстетические воззрения, которые в настоящее время получили право гражданства и почти исключительное господство в нашей литературе».¹

Выражая полную солидарность с эстетической теорией Чернышевского, Антонович сущность ее видит в том, что она, «не отвергая самостоятельности искусства и его самостоятельных целей, требует, чтобы оно всегда находилось в тесной связи с человеческой жизнью, имело в виду и другие цели, или лучше сказать, содействовало с своей стороны общей главной цели человека — достижению разумной, здоровой и довольной жизни, чтобы оно доставляло человеку не одно только эстетическое наслаждение, но и пользу в обширном и благородном значении этого слова, чтобы оно было не только искусством для искусства, но искусством для мысли, для развития и уяснения понимания, для облагораживания характера и для улучшения человеческих отношений» (стр. 39—40).

Поскольку данная эстетическая теория утверждала теснейшую связь искусства с жизнью, она неминуемо должна была пропагандировать реализм в качестве основного творческого метода. На этой точке зрения стоял Чернышевский в «Эстетических отношениях», ее же придерживается и Антонович в цитируемой статье.

¹ Курсив наш.

Однако едва ли не лучшие высказывания о реализме в «Современнике» 1863—1866 гг. принадлежат анонимному автору статьи «Петербургские театры» в ноябрьской книжке «Современника» за 1863 г. — М. Е. Салтыкову-Щедрину.

Нелишнее будет познакомиться с ними, хотя бы в извлечениях.

«Что реализм есть действительно господствующее направление в нашей литературе — это совершенно справедливо... Гоголь положительно должен быть признан родоначальником этого нового, реального направления русской литературы, к нему волею-неволею примыкают все позднейшие писатели, какой бы оттенок ни представляли собой их произведения».

Далее Салтыков в самой категорической форме заявляет, что «грубое, механическое списывание с натуры» не является еще реализмом. «Произведения реальной школы, — рассуждает он, — нам нравятся, возбуждают в нас участие, трогают нас и потрясают, и это одно уже служит достаточным доказательством, что в них есть нечто большее, нежели простое умение копировать. И действительно, ум человеческий с трудом удовлетворяется одною голою передачей внешних признаков; он останавливается на этих признаках только случайно и притом лишь на самое короткое время. Везде, даже в самой ничтожной подробности, он допытывается того интимного смысла, той внутренней жизни, которые одни только и могут дать факту действительное значение и силу. Очевидно, что если б реализм не отвечал этой потребности, то он ни под каким видом не мог бы войти в искусство, как основной и преобладающий его элемент.

«И в самом деле, истинный реализм не только не потворствует исключительности и односторонности, но даже положительно враждебен им. Таким образом, имея в виду человека и дела его, он берет его со всеми его определениями, ибо все эти определения равно реальны, т. е. равно законны и равно необходимы для объяснения человеческой личности. Обращаться с ними грубо, выставлять на показ только те из них, которые сами по себе выдаются наиболее резко, он не имеет права, под опасением впасть в противоречие с самим собою, под опасением оказаться совершенно

несостоятельным перед тем делом, которое собственно и составляет его задачу. Точно таким же образом, приступая к воспроизведению какого-либо факта, реализм не имеет права ни обойти молчанием его прошлое, ни отказаться от исследования (быть может и гадательного, но тем не менее вполне естественного и необходимого) будущих судеб его, ибо это прошедшее и будущее, хотя и закрыты для невооруженного глаза, но тем не менее настолько же реальны, как и настоящее».

Нет надобности доказывать, насколько глубокой является приведенная характеристика реализма. Салтыков, конечно, понимал, что овладение так понимаемым реалистическим методом было в его время делом сравнительно немногих писателей. В этом именно смысле и следует понимать его заключительные слова о том, что, «очерчивая таким образом значение реализма в искусстве», он нарисовал «идеал очень трудно достижимый».

И действительно, было бы большой ошибкой утверждать, что литературная продукция большинства беллетристов «Современника» в полной мере удовлетворяла требованиям, предъявляемым Салтыковым к представителям «истинного реализма», т. е. что она была вовсе чужда натурализму, что ей отнюдь не были свойственны ни «исключительность» ни «односторонность», что, наконец, воспроизводя факты действительной жизни, она не обходила «молчанием его прошлого» и не отказывалась «от исследования будущих судеб его».

При оценке беллетристического отдела «Современника» следует помнить, что далеко не все сотрудники этого отдела обладали первостепенными художественными талантами и приобрели уже навыки квалифицированных мастеров художественного слова. Среди них немало было начинающих, к тому же выходцев из социальных низов, для которых прорваться в литературу было делом исключительной трудности, требовавшим крайнего напряжения как физических, так и духовных сил. Это не могло не сказываться на художественном уровне их творчества.

И не к одному автору романа «Гнилые болота» (А. Михайлову-Шеллеру) могут быть отнесены ниже-

следующие слова, заканчивающие его «историю без героя»: «Друг-читатель, моя история не художественна, в ней многое недоговорено, и могла бы она быть лучше обделана, но нам ли, труженикам-мещанам, писать художественные произведения, холодно задуманные, расчетливо эффектные и с безмятежно ровным, полированным слогом? Мы урывками, в свободные минуты записываем пережитое и пережитое, и радуемся, если удастся иногда высказать накипевшее горе и те ясные, непризрачные надежды, которые поддерживают в нас силу в трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется меткое слово, нарисуеться ловкая картина и вырвется из-под сердца огонь поэзии; но если и их не найдется, то горевать нечего, обойдется и так...»

С этим «обойдется и так...» согласиться трудно, ибо искусство имеет свои законы, нарушение которых не проходит безнаказанно.

Во всяком случае, если некоторые из беллетристов «Современника» не могли дать высокохудожественной продукции, то к основным сотрудникам журнала это «обойдется и так» относиться не может. При этом отнюдь не следует забывать, что беллетристика «Современника» в целом неуклонно, подчас ярко и талантливо пропагандировала ту революционно-демократическую идеологию, которая с конца 50-х гг. была утверждена в качестве идеологической платформы журнала Чернышевским и Добролюбовым.

В рассматриваемый период времени внимание русских революционных демократов, являвшихся в то же самое время и крестьянскими демократами, было приковано к крестьянскому вопросу. Единственным выходом из создавшегося положения вещей революционными демократами признавалась крестьянская революция, которая должна была смести старую самодержавно-бюрократическую государственность и всех, кто являлся ее опорой, — т. е. аристократию, помещное дворянство, чиновничество, буржуа-капиталистов.

Сказанное объясняет, почему среди тем, интересовавших беллетристов «Современника», одно из первых мест занимало, во-первых, *сочувственное изображение народа*, т. е. в первую голову крестьянства, и, во-вто-

рых, сатирическое изображение врагов народа, т. е. представителей господствующих классов.

В надвигающейся борьбе народа с его вековыми угнетателями видную роль должны были сыграть *друзья народа*, иначе говоря — революционно-настроенные, готовые всецело посвятить себя служению народу, отстаиванию его интересов интеллигенты. Последним отводилась настолько существенная роль, что Добролюбов, ставя в своей известной статье о романе «Накануне» вопрос, «когда же придет настоящий день?» — отвечал на него: «тогда, когда появятся русские Инсаровы», под которыми, вне всякого сомнения, он разумел революционно-настроенных интеллигентов. «Новые люди», о которых так много толковали в 60-е гг., — это и есть революционно-настроенные интеллигенты. Нет надобности распространяться, насколько тема *новых людей* интересовала беллетристов «Современника». Поскольку они, трактуя эту тему, не делали из соображений принципиального порядка никакого различия между «новым человеком» — мужчиной и «новым человеком» — женщиной, то в орбиту их внимания должен был войти и так называемый *женский вопрос*, который приобрел в условиях русской действительности, характеризовавшейся и юридическим бесправием женщины и архипренебрежительным отношением к ней в быту, особую остроту.

На пути создания кадров «русских Инсаровых» стояло многое множество преград. Среди них беллетристов «Современника» особенно возмущала поистине безобразная постановка *воспитания молодежи*. Обстрел методов воспитания, практикуемых как в патриархальных семьях, так и в учебных заведениях различных типов (духовные и светские школы, гражданские и военные, мужские и женские), велся на страницах «Современника» с исключительным упорством и ожесточением, в основе которых лежало совершенно правильное убеждение, что пока «Карфаген» старых воспитательных методов и приемов, основанных на авторитарности и подавлении личности воспитываемых и учащихся, не будет разрушен, — нечего и надеяться на создание сколько-нибудь широких кадров «новых людей».

Итак, основными темами «современниковской» беллетристики 1863—1866 гг. явились следующие четыре темы: *народ*, главным образом — крестьянство, *враги народа*, т. е. представители господствующих классов, *друзья народа*, иначе говоря — *новые люди*, и *воспитание молодого поколения*.

Перейдем не столько к анализу, сколько к обзору¹ наиболее выдающихся произведений на каждую из этих тем.

II

Разработка темы о народе-крестьянстве неизбежно приводила к изображению его жизни как в настоящем, т. е. после «освобождения», так и в недавнем прошлом, т. е. во времена крепостного права.

Картины крепостнической действительности не так часты в беллетристике «Современника», но все же их достаточно для того, чтобы поддерживать в читателях глубоко-отрицательное отношение к тому социальному укладу, при котором закон давал право одному человеку видеть в другом свою собственность. Антикрепостнические тенденции беллетристики «Современника», бесспорно, имели актуальное значение и для современности, ибо официальное упразднение крепостного права отнюдь еще не знаменовало ликвидации той пронизанной крепостническими навыками культурно-бытовой обстановки, которая укоренилась в российском рабовладельческом обществе.

Из антикрепостнических произведений, напечатанных в «Современнике» в рассматриваемый период его истории, по яркости красок, по силе производимого впечатления первое место занимает общеизвестный, в наше

¹ Так как в нижеследующем изложении нам придется останавливаться на нескольких десятках произведений, то сколько-нибудь подробный анализ их как со стороны идеологической, так и чисто литературной занял бы очень много места. С другой стороны, в отношении целого ряда произведений такого рода анализ неминуемо свелся бы к повторению общеизвестных вещей, ибо произведения эти хорошо знакомы сколько-нибудь подготовленному читателю нашего времени. Вот почему мы ограничиваемся очень кратким анализом лишь некоторых произведений, заменяя его сплошь да рядом преследующим классификационные цели обзором.

время ставший хрестоматийным, рассказ Салтыкова-Щедрина «Миша и Ваня» (1863, № 1—2). Он, как помнит читатель, был обвинен цензурой ни более ни менее, как в возбуждении ненависти между сословиями (см. выше, стр. 50).

Очень явственно звучит антикрепостническая нота и в рассказе Д. Соколова «Сарыч»¹ (1865, № 5), изображающем кошмарную судьбу крепостного музыканта Гриши, на беду свою обладавшего незаурядным талантом (мотив «Сороки-воровки» Герцена). Сначала над ним измывается тупой и бездарный учитель-немец, педагогические методы которого сводились к тому, чтобы «бить за всякую малость и придирались ко всему». Затем, по окончании учения у немца, начинается горшее издевательство со стороны барина.

Если «Миша и Ваня» и «Сарыч» фиксируют внимание на образах индивидуальных, так сказать — жертв барского произвола, то в «этнографических материалах» А. Лукина «История барыни Анны Ивановны» (1865, №№ 7 и 8), наряду с этими образами, дается широкая, обобщенная картина хозяйничания помещиков-крепостников и отношения их к крепостным.

«Для того, чтобы увеличить доходы с имения, Анна Ивановна прибегала к крутым мерам. Крепостные люди ее, бывшие все дворовыми, не имели отдыха ни одного дня в году». Естественно, что среди них господствовала «бедность, нужда». «Одежда изнашивалась, скот же отбирался в господское владение за какую-нибудь вину хозяев. Дворовые дошли до нищенского состояния. Оборванные, тощие, они как тени бродили, исполняя свою тяжелую, ничем не вознаграждаемую работу» (№ 7, стр. 251—252). «С утра и до вечера Анна Ивановна бегала по хозяйству, с утра и до вечера слышались стоны и плач крестьян и ругательства барыни... Страсть к драке у ней развилась до чудовищных размеров, драка обратилась в ее насущную потребность... Ближайшие соседи помещики смотрели равнодушно на такие действия Анны Ивановны. Большая часть из них, вполне разделяя мнение, что крестьян не бить — добра не видеть, руководствовались в своих имениях теми же пра-

¹ «Сарычами» в трактирах низшего разряда называли спившихся с кругу нищих музыкантов.

вилами с небольшими лишь отклонениями... Анна Ивановна во мнении всего соседства пользовалась хорошою репутациею. Всегда при случае ее выставляли в пример, как хорошую и распорядительную хозяйку, умеющую с небольшими средствами жить хорошо и до-вольно» (стр. 256—257).

Последние слова не оставляют сомнений в том, что, с точки зрения автора, изображаемые им явления не могут быть рассматриваемы как единичные, как редкие исключения, а имеют несомненное типовое значение.

Неудивительно, при таких условиях, что первые слухи о предстоящей «воле» радостно всколыхнули стонущее под гнетом крепостничества крестьянство. Реакцию крестьянских масс на эти слухи попытался изобразить один из рядовых сотрудников «Современника», отнюдь не принадлежавший к числу даровитых художников слова, Н. Зиновьев, в своих «провинциальных сценах» — «Говорят, будет воля» (1864, № 11—12). Отнюдь не закрывая глаза на то, какой восторг среди крестьян возбуждает одна только мысль, что они скоро будут вольными, автор в то же время не устает подчеркивать, что на смену восторгу очень быстро приходят весьма скептические настроения, которые разделяются и им самим. Слухи о воле ведь возникали и раньше, а чем кончалось дело? «За мою-то жисть, — рассказывает древний старик Радивоныч, — раз пять тоже говорили, что воля всем будет. Ну и заговорят, а там приедет исправник и перепорет всех, ну и воле конец, и рассказывать полно. А то раз начали уж очень говорить об воле, вот такие же сорочьи дети, будет всем беспрременно, да и только! Ну мужики известно с глупости приняли все это к сердцу и сгубили бари-ну, не хотим дескать слушаться, мы вольные будем! Вот и пришли солдаты, да такую волю на спинах на-строичили, что у меня до сих пор спина чешется, как только вспомню! А я ничего и не говорил... В те поры пересекли всех до единого человека, особенно из дво-ровых. А зачинщиков, которые первые слух распусти-ли... троих в Сибирь упрятали. То же и теперь будет» (стр. 36—37).

Скептические настроения в вопросе о воле питает и резко-враждебная позиция в отношении нее, занятая огромным большинством помещиков и чиновников на

местах. В сцене V своей пьесы Зиновьев передает исполненные злобы и возмущения толки помещиков, а в сцене VI — толки чиновников о воле.

Кроме помещиков и чиновников, к врагам «освобождаемого» крестьянства принадлежат кулаки-мироеды. Для них с падением крепостного права открываются еще более широкие возможности эксплуатации крестьянских масс. И крестьяне это хорошо понимают. Вот что говорят об этом старики в пьесе Зиновьева: «Только я думаю, что хоча тогда (т. е. при воле. В. Е.-М.) не в пример будет вольготнее, а заедят тебя мироеды совсем. От них хоча ложись да умирай... Господи, и чего это нам не дают управляться миром, всем обществом. Нет, поставят мироеда, во ён и пошел все плутать да тянуть на свою руку...» (стр. 45).

Крестьянские разговоры о воле неизбежно упираются в вопрос о земле. Общее мнение таково: «Коли земли не дадут, так это не воля! Такой воли и ненадуть ни за что... Коли нет у тебя ни кола, ни двора, так бобылем куда пойдешь? Как будешь жить-то? Это не закон, вот что, мужик без земли какой уж работник! Какая тут воля? Возьми хоть бобыля, какая ему воля? али иди по миру, али ступай к своему брату мужику в батраки — вот тебе и воля» (стр. 43).

Идеал «воли», с точки зрения крестьян, предусматривает как переход в их руки «всей барской земли», в том числе и «барских усадеб» и «барских дворов», так и упразднение притесняющей их царской администрации, начиная со станowych (стр. 51).

Поскольку действительность далеко не оправдала этого идеала, в крестьянской среде создавалась чрезвычайно благоприятная почва для получивших широчайшее распространение слухов о том, что полученная ими воля — «не та воля», что «настоящую волю» господа скрывают. Если с реакционно-помещичьей точки зрения всякие толки о воле есть бунт, который следует усмирять при содействии всемогущих и вездесущих станowych (см. в пьесе Зиновьева, стр. 64—65 и 74—75), то попытки крестьянства с помощью доверенных людей разыскать «настоящую волю» являются сугубым бунтом. В рассказе Н. А. Наумова «У перевоза» (1863, № 11) повествуется об одной из таких попыток (стр.

184—189), кончившейся тем, что крестьянские ходоки угодили в острог. — «Вот оно, болезный, воля-то каково прилась!»

О безграничном классовом эгоизме помещиков в годы «освобождения» и об исключительно тяжелых следствиях его говорит целый ряд беллетристов «Современника» — и П. И. Якушкин в неоднократно упоминавшихся уже очерках «Велик бог земли русской!» (см. выше, стр. 38), и Н. Зиновьев в только что цитировавшейся пьесе «Говорят, будет воля», и А. Потехин в своей четырехактной комедии «Отрезанный ломоть» (1865, № 10).

Богатый помещик Хазиперов, изображенный в этой последней, пользуясь тем, что за его дочерью ухаживает мировой посредник, предъявил крестьянам в составленной им уставной грамоте «требования до такой степени незаконные и враждебные интересам крестьян», что даже объявить проект такой уставной грамоты крестьянам (стр. 485) было делом рискованным. Правда, Хазиперов на этот раз терпит неудачу, ибо мировой посредник не идет ему навстречу, но ведь мировой посредник, защищающий интересы крестьян, — скорее исключение, чем явление типическое. Недаром В. А. Слепцов в «Трудном времени» (1865, №№ 4, 5, 7 и 8) немало страниц посвящает разоблачению мировых посредников, являющихся, в его истолковании, такими же классовыми врагами крестьянства, как и прочие помещики.¹

Крестьянская реформа в том виде, в каком она осуществилась, отнюдь не создала для народных масс

¹ Целый ряд выдержек из «Трудного времени», характеризующих с резко-отрицательной точки зрения деятельность мировых посредников, дан в моей давней статье об этом романе (см. «Жизнь для всех» 1915, № 8—9, стр. 1211—1216). Там же более или менее подробно проясняется вопрос о том, как изображена в «Трудном времени» жизнь пореформенного крестьянства вообще. Изображению крестьянской жизни посвящены и три рассказа Слепцова в «Современнике» 1863—1864 гг.: «Питомка» (1863, № 7), «Ночлег» (1863, № 11) и «Казачи» (1864, № 2). О первых двух известно, что они чрезвычайно высоко ставились Л. Н. Толстым. В «Питомке» потрясает читателя образ бабы, разыскивающей своего внебрачного ребенка, отданного на воспитание в чужие руки. «Ночлег» не лишен печати анекдотизма, к которому обнаруживал иногда тяготение Слепцов.

условий, необходимых для сколько-нибудь сносного существования. Если Некрасов в одном из своих позднейших стихотворений спрашивал:

Народ освобожден, но счастлив ли народ? —

то этот вопрос в значительной степени являлся риторическим. И для Некрасова и для его журнальных соратников было совершенно ясно, что о счастье народном покамест еще говорить преждевременно.

На пути к народному счастью прежде всего стоит поистине не имеющая границ и пределов бедность. Вот, например, в достаточной степени красочная картина, созданная кистью такого сильного художника, как автор «Трудного времени»:

«Марья Николаевна подошла к окну; но в избе было темно, и со свету ничего нельзя было разглядеть; только пахло холодной гарью и слышно было, что где-то там плачет еще ребенок. Марья Николаевна начала всматриваться и понемногу разглядела черные стены, зипун на лавке, пустой горшок и зыбку, висящую середь избы; в зыбке сидел ребенок, весь облепленный мухами...

«Рядом с этою избою стояла другая, точно такая же; и дальше все то же: гнилые серые крыши, черные окна, с запахом гари и ребячьим писком, кривые ворота и дырявые, покачнувшиеся плетни, с висящими на них посконными рубахами. Людей совсем почти не видно было, только среди улицы стоял, выпучив бессмысленные глаза и развесив слюни, Мишка дурачек и покачиваясь тянул: лэ-лэ-лэ...»

Однако нигде изображение народной бедности, а вместе с тем народной забитости, угнетения, темноты и бескультурья не достигает такой яркости, нигде не потрясает в такой мере своим суровым реализмом душу читателя, как в знаменитых «Подлиповцах» Ф. М. Решетникова (1864, №№ 3, 4 и 5).

Значение Решетникова как бытописателя российского крестьянства определяется прежде всего тем, что он, быть может, даже не зная содержания статьи Чернышевского о Н. В. Успенском «Не начало ли перемены?» («Современник» 1861, № 11), сумел удовлетворить основному требованию Чернышевского: писать о народе «правду без всяких прикрас».

Образы Пилы и Сысойки наглядно иллюстрировали тупик, в который зашла народная жизнь, неизбежно наталкивая читателя на вывод, что подобное положение вещей не может и не должно продолжаться.

Затем «Подлиповцы» представляли интерес еще и в том отношении, что затрагивали «бурлацкую тему», переключаясь с образами стихотворений Некрасова и с образом Никитушки Ломова у Чернышевского («Что делать?»).

Наконец, не следует забывать, что Решетников не без основания назвал «Подлиповцев» «этнографическим очерком», подчеркивая тем самым, что его произведение в известной мере служит и интересам этнографии, т. е. знакомит с бытом и нравами народа Коми. А сочувственное внимание к положению нерусской части населения, особенно угнетенной колонизаторской политикой царизма, являлось одной из характерных особенностей революционно-демократической журналистики, в частности «Современника».

Таким образом «Подлиповцы» представляли сугубый интерес для «Современника» с различных точек зрения, и естественно, что редакция этого журнала, в лице Н. А. Некрасова, отнеслась к их автору с исключительной сердечностью (см. об этом в гл. XVIII «Воспоминаний» А. Я. Панаевой, изд. «Academia», 1927).

Через двадцать лет после появления в печати «Подлиповцев» Максим Горький художественно изобразил впечатление одного из своих героев от чтения «Подлиповцев» (в рассказе «Коновалов»). «Как ты это читаешь? — шопотом заговорил он (Коновалов. В. Е.-М.) — ... Как живые все они... Апроська, Пила... Господи боже! Ведь это все правда. Ведь это как есть настоящие люди... всаделишные мужики. Умер, а книга осталась, и ее читают. Смотрит на нее человек глазами и говорит разные слова. А ты слушаешь и понимаешь: жили на свете люди — Пила, Сысойка, Апроська... И жалко тебе людей, хоть ты их никогда не видал, и они тебе совсем ничего. По улице они такие может десятками живые ходят... А в книге тебе их жалко до того, что даже сердце щемит». Такая жалость является глубоким и благотворным социальным чувством, она неминуемо наталкивает на вопрос о способах изменить положение людей, подобных Пиле и Сысойке,

к лучшему. Недаром по прочтении монографии Костомарова о Степане Разине и гоголевского «Тараса Бульбы» Коновалов, к ужасу цензоров Николая II,¹ восклицал: «Вот Тарас со Стенькой, ежели бы их рядом... батюшки? Каких они делов натворили бы. Тогда и Пила с Сысойкой... взбодрились бы чай?»²

Трудно представить, чтобы подобные мысли не приходили в голову и автору «Подлиповцев», хотя они и не нашли (да и не могли найти по цензурным условиям) соответствующего выражения в тексте его произведения. Во всяком случае совершенно ясно, что «Подлиповцы» и по социальному смыслу своих образов и по обусловленному ими влиянию на читателей принадлежат к произведениям революционно-демократической литературы.

Нет никакого сомнения, что если бы революционная тема не встречала в своем печатном выражении поистине непреодолимых цензурных преград, она с наибольшей силой и яркостью сказала бы в произведениях беллетристов «Современника», посвященных именно крестьянству, ибо социальная обстановка тех лет выдвигала на первый план идею именно крестьянской революции.

На крестьянскую революцию намекал Салтыков-Щедрин, когда пугал дворянских детей «букою», который скоро придет и «упразднит за ненадобностью» «всех советников питейных отделений» и «всех вице-губернаторов» (см. выше, стр. 39).

К этой революции были прикованы мысли Некрасова, когда он создавал вдохновенные стихи «Железной дороги» (1865, № 10) о русском народе и его грядущих судьбах:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

¹ Вопрос об отношении цензуры к «Коновалову» прояснен на основании документального материала в нашей книге «Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в.» (Гиз, 1927, стр. 230—232).

² Курсив наш.

Это пророчество приобретало тем большее значение, что образы крестьян, строителей железной дороги, поданы были поэтом в том же, примерно, плане, в каком Решетников подал своих Пилу и Сысойку. Отсюда вытекает, что та крайняя степень забитости, воплощением которой являются эти последние, отнюдь не приводила круг «Современника» к социальному пессимизму.

Здесь нелишнее будет отметить, что в стихах, в силу, так сказать, специфических особенностей этого жанра, революционным нотам чаще, чем где бы то ни было, удавалось прорываться чрез цензурные фильтры.

В особенности это относится к стихотворениям переводным.

Так, революционно звучали некоторые строки из переведенной Д. Михаловским поэмы Маколея из древнеримской истории «Виргиния» (1864, № 11—12):

Восстаньте, чтоб избавиться
От тягостных оков,
Не то — вы вечно будете
Носить клеймо рабов... и т. д.

Революционным по своему смыслу являлось и известное стихотворение Гейне «L'enfant perdu» (там же), напечатанное, правда, без имени переводчика (М. И. Михайлова) и с искажением первой строфы, как это видно из сопоставления журнального текста с авторским.

Журнальный текст:

Забывтый часовой,¹ в войне известной²
Я тридцать лет свой пост не покидал.
Победы я не ждал, сражаясь честно;³
Что не вернусь, не уцелею — знал.

Революционными призывами наполнены и переводы «Из поэтов Новой Греции» (1865, № 3), в особенности «Военный гимн», в котором немало стихов вроде:

Что ж медлите? Проснитесь!
Без споров, без вражды
Друг друга выручайте
Из общей всем беды.

.....

¹ В сочинениях Михайлова это стихотворение обычно печатается под заглавием «Забывтый часовой».

² В первоначальном тексте — «в войне свободы».

³ В первоначальном тексте — «сражаясь годы».

Дружнее в бой! и дрогнут
Пред нами палачи.
Как стаю кровожадных
Волков, разгоним их...

.....
Да сгинет бич тиранства!..

Еще напряженнее революционная нота слышится в буренинском переводе стихотворения Барбье «Париж»:

О народ Парижа!..
Храбр и тверд, пойдет он на борьбу с грозой!
С криком: «за свободу!» бросаюсь в бой кровавый,
Умирать умеет он с геройской славой...
О народ Парижа! для тебя отрада
Стук железа, битва, кровь и баррикада!

В стихотворении «С английского» (1864, № 2) Ив. Гольц Миллер, поэт-революционер не только по направлению своего творчества, но и по своему непосредственному участию в революционном движении, рисует яркую картину народного восстания:

Вот передо мною встала вереница
Призраков ужасных: грубые их лица

Голод исковеркал, — дики и зловещи,
Дышат они жаждой беспощадной мести...

Виден в этих лицах гнет труда суровый,
Видны нищеты в них тяжкие оковы,

Видно в них страдания клеймо вековое...
Сквозь лохмотья тело светится нагое...

Вот поднялся глухо затаенный ропот,
Словно перед бурей моря грозный шопот;

Вот, он постепенно ближе и яснее,
Чу!.. вот замирает... снова стал сильнее,

И как гул протяжный — вестник урагана
Грозно пробегает воды океана!

Так по всей вселенной, до пределов неба
Эхо простонало: крови или хлеба!..

Революционным настроением проникнуто и другое стихотворение того же автора (там же) — «Слушай!», на долгие годы вошедшее в репертуар литературных вечеров, устраиваемых передовой молодежью.

Проводить подобные стихотворения в печать удавалось потому, что в них речь шла то о древних рим-

лянах, то о греческих повстанцах, то о «народе Парижа», то об английской бедноте, — это, конечно, несколько притупляло, с точки зрения русского читателя, их революционную остроту; притупляло, но отнюдь не уничтожало ее, ибо от революции римской ли, греческой ли, французской ли, английской ли мысль русского читателя 60-х гг. неизбежно переходила на неотвратимую, как тогда казалось, крестьянскую революцию в России.

Однако воплотить эту мысль в образах беллетристы «Современника», повторяем, лишены были возможности по причинам цензурного порядка.

Едва ли не с единственной попыткой в этом направлении мы встречаемся в «Записках хуторянина» Н. Окнерузама,¹ напечатанных в том же номере «Современника» (1863, № 3), что и роман Чернышевского «Что делать?».

Среди приятелей героя «Записок» — местных крестьян — выделяется Никита Сергеич Колесников, хорошо грамотный, бывалый, знающий несколько ремесел, отличающийся необычайной любознательностью. Особенно интересуется он, «что делается и как живут люди в других краях, чем занимаются, промышляют, как платят повинности, есть ли у них рекрутчина и как отбывается. Словом, как живут люди на белом свете; худо ли, хорошо ли, да почему худо и нельзя ли чем горю помочь» (стр. 228). А главное, Никита Сергеич принадлежит к числу натур, способных к протесту. Однажды на него яростно напустился «один не крупный сановник, но важный относительно сельского мира». «Никита Сергеич был выше среднего роста, плотный мужчина, с открытым, смелым и красивым лицом. Видно было, что у него язык и руки жестоко зудели; но силою воли сковывал он язык и руки; только лицо его было бледно, и по временам большие черные глаза грозно сверкали в ответ обидчику. Он был из тех немногих людей, которые глубоко сознают свое человеческое достоинство, и, если подавляющая неволя приучила их к необычайному терпению, то все же до поры

¹ Окнерузам, т. е. Мазуренко, если читать это слово от конца к началу, — участник революционного движения тех лет, корреспондент герценовского «Колокола».

до времени; много накапливает в груди, с трудом сдерживается и каждую минуту может вспыхнуть и высказаться все в один раз»¹ (стр. 229).

На другой день после рассказанной сцены, между автором рассказа и Никитой Сергеевичем произошел следующий диалог: «Скажите, пожалуйста, Никита Сергеевич, неужели у вас руки не чешутся, когда нарвется на вас этакой господин, да за правое дело начнет ругать, на чем свет стоит, да пожалуй и в рыло-то наровит съездить?..

«Никита Сергеевич неприязненно на меня покосился.— Эх вы, бары, бары! сказал он язвительно, покачивая головой: вишь вот, как вы рассуждаете; нече сказать, любо мне, как начнут меня, ни за что, ни про что, трепать, как паршивую собаку!.. Мало нас, что ли, в каторге?.. вам-то хорошо рассуждать, он в заключение пробормотал, мрачно насупившись, и после того упорно молчал всю дорогу» (стр. 230).

Автор «Записок хуторянина» не был одинок в своей вере в народ. Она пронизывает целый ряд произведений беллетристов «Современника», находя себе достаточно яркое выражение в созданных ими крестьянских образах. Сюда прежде всего надо отнести образ Анюты в рассказе П. Якушкина «Небывальщина» (1865, № 11), образ старухи в рассказе Левитова «Бабушка Маслиха» (1864, № 8). Если Анюта пленяет своей безграничной добротой и самоотречением, то бабушка Маслиха, — данный рассказ представляет собой одну из несомненных удач А. Левитова, — не только добра, она способна к выступлениям, имеющим значение общественного протеста.

Интересно, что и Якушкин и Левитов, рисуя положительные типы народной среды, концентрировали свое внимание на женских образах. Этим же путем пошел и Некрасов. В его стихотворениях с крестьянской тематикой, напечатанных в «Современнике» 1863—1866 гг., ведущую роль играют именно образы крестьянских женщин. Сошлемся в подтверждение на такие бессмертные стихотворения, как «В полном разгаре страда деревенская» (1863, № 4), «Орина, мать солдатская» (1864, № 2), «Мороз, Красный Нос» (1864, № 1).

¹ Курсив наш.

В первых двух, как помнит читатель, поэт поистине незабываемыми чертами рисует «всевыносящего русского племени многострадалных матерей». Что же касается Дарьи из «Мороза», то она не только «многострадалная мать» и многострадалная жена, — она в то же время «тип величавой славянки», одна из тех женщин, про которых нельзя не сказать:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц... и т. д.

Гибель Дарьи в лесу в мертвящих объятиях Мороза окружает ее образ новым ореолом, ибо в лес ее привела забота о детях, сидящих в холодной избе.

Говоря о «современниковских» стихотворениях Некрасова рассматриваемого периода, нельзя упускать из виду, что в № 1 «Современника» за 1866 г. была напечатана вступительная часть («Пролог») того произведения, в котором он, по его собственному признанию, намеревался свести воедино все сведения о русском крестьянстве, накопленные им по словечку в течение двадцати лет (см. «Письмо Гл. Ив. Успенского в редакцию «Пчелы», «Пчела» 1878, № 2). Мы имеем в виду основной художественный труд всей его жизни — поэму «Кому на Руси жить хорошо». Конечно, по одному «Прологу» читатели «Современника» не могли судить еще обо всей поэме, но все же факт остается фактом: именно в «Современнике» появилось начало произведения, которое и по своей форме и по своей идеологической направленности составляет венец революционно-демократического творчества Некрасова. В «Современнике» же был напечатан несравненный «Зеленый шум» (1863, № 3), содержание которого опять-таки говорит о безграничной любви Некрасова к родному народу и родной природе, а форма характеризуется применением ритма, впоследствии с таким огромным успехом использованного в «Кому на Руси жить хорошо».

На примере стихотворений Некрасова в «Современнике» 1863—1866 гг. легко убедиться, как у художника такого масштаба, как автор «Железной дороги», «Мороза» и «Кому на Руси жить хорошо», крестьянская тема невольно перерастает в более общую тему, кото-

рую правильное всего было бы формулировать словами — «великий русский народ».

Этой же теме в значительной степени посвящено произведение другого великого писателя того времени — пьеса Островского «Воевода» (1865, № 1).

Социальный смысл «Воеводы», бесспорно принадлежащего к лучшим историческим (действие происходит в XVII в.) пьесам русского театра, как помнит читатель, сводится к следующему. Невесело живется на Руси «черному» народу. Основной источник его страданий — своекорыстие господствующих классов, а паче всего царского чиновничества. Тем не менее народ хотя и подавлен, но не задавлен: он способен критически относиться к своему положению и отличать врагов от друзей. Наиболее протестующе настроенные представители народной среды уходят в «разбойники» и ведут кровавую борьбу с несправедливой властью. Отсюда видно, что «Воевода» по своей направленности вполне гармонизировал с основными установками «Современника».

Мы не будем ставить здесь сложного вопроса о социологии творчества Островского, но во всяком случае едва ли можно сомневаться, что содержание «Воеводы» пронизано революционно-демократическим настроением.

Взять хотя бы колыбельную песню старухи-крестьянки из акта IV:

Баю, баю, мил внученочек!
Ты спи, усни, крестьянский сын!
Нас бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.
Баю, баю, мил внученочек!
Ты спи, усни, крестьянский сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживем беду за работушкой,
За немилкой, чужой, непокладною,
Вековечною, злою-страдною!..

За колыбельной следует монолог воеводы, которому в тяжком сне мерещатся тени его многочисленных жертв:

... Ох, тоскует
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученные пыткой, испытые,

Как саван белые. И слезы, слезы
Сиротские, напрасные, как реки,
Бегут кругом, и стон стоит до неба,
Кровавые потоки, муки, пытки...

Дубровин (он же атаман Худояр) так объясняет, почему он сделался «разбойником»:

Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет да давит властный...
Неправый суд царит на белом свете,
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти — есть охота.
Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой...

В понятие *народ* в 60-е гг. входили не только крестьяне, но и рабочие. Однако внимание писателей того времени, в том числе и писателей, работавших в «Современнике», в несравненно большей степени было приковано к крестьянству. Тем не менее утверждать, что «Современник» игнорировал рабочий вопрос, было бы явной несправедливостью.

Ниже будет указан ряд небеллетристических произведений журнала, характеризующих положение рабочих на Западе (см. стр. 318—320).

Да и в беллетристике «Современника» нет-нет, да и мелькают образы рабочих.

Некоторый интерес в этом отношении представляет «очерк из жизни тульских оружейников» Вл. Соколова «Голубятники» (1863, № 10), но, увы, только некоторый, ибо автор, как и показывает заглавие его очерка, говорит почти исключительно об увлечении тульских оружейников «голубиным спортом». Вот едва ли не единственная в тексте очерка попытка дать общее описание, да и то преимущественно с внешней стороны, «тульских оружейников»: «Толпа эта... состояла из одних оружейников в оборванных свитках, тулупах, ветхих чуйках; у кого картуз надет козырьком назад, у кого на голову натянут кожаный или веревочный обручик, чтоб при работе волосы не рассыпались. Вон старик с позеленевшей седой бородой, — так и видно, что лутух, а вон парень, спрятавший руки под кожаный фартук, у которого вместо глаз какие-то два кровавые пятна, постоянно движущиеся, — этот, значит, и

возрос возле горна. Рабочая изгарь, копотъ и сажа на лицах и руках их, и вся толпа пропитана кузнечным и медяным запахом. Здесь трудно отличить богатого от бедного — все говорят одним языком, все равно живут и питаются от своих трудов; но в праздник эти оборванцы умоются, оденутся и станут молодцами» (стр. 513).

В 1866 г. в поле зрения беллетристов «Современника» попали представители типографских рабочих. В № 2, почему-то не в первом, а во втором отделе журнала, был напечатан рассказ М. «Наборщица», повествующий о том, как молодая девушка, не желая мириться с семейным деспотизмом, покидает родительский дом и поступает в наборщицы. Однако основная установка рассказа не столько в изображении быта наборщиц, сколько в изображении борьбы героини за свою независимость, — борьбы, окончившейся в конце концов поражением: героиня возвращается к отцу.

А в следующей книжке (№ 3) журнала за тот же год образы наборщиков вошли в некрасовские «Песни о свободном слове» (см. стихотворение «Наборщики»), причем Некрасов сумел и дать яркую картину «наборной газеты», и подчеркнуть тяжелые условия работы печатников («хоть целый свет обрыщешь, и в самых рудниках тошней труда не сыщешь»), и указать на их сравнительно высокий интеллектуальный уровень, объясняемый тем, что, набирая, они прочитывают текст («полезные идейки усваиваем мы»).

Вообще среди беллетристов «Современника», давших отклики на «рабочий вопрос», Некрасову принадлежит одно из первых мест. В знаменитой «Железной дороге» (1865, № 10), которую М. Н. Покровский называет «величайшим пролетарским достижением русской поэзии», дана целая «теория трудовой стоимости в стихах, написанная человеком, наверно в глаза не видавшим ни одной работы Маркса. «Железную дорогу» знают все наизусть, но все ли замечают, что в ней дано, опять-таки в каких-нибудь двух сотнях изумительно сильных строк, все капиталистическое общество — от его базы пролетариев, согнанных «с Волхова, с матушки Волги, с Оки, с разных концов государства великого», до его верхушки в образе «толстого, присаженного, красного, как медь» подрядчика, не минуя промежуточного слоя «грамотея-десятника». Если бы Не-

красов ничего не написал, кроме «Железной дороги», он стоил бы, чтобы пролетарская революция поставила ему памятник. И нас не должно смущать, конечно, то, что Некрасов называет своих пролетариев «мужиками» («Правда» 1921, № 275).

Следующим после «Железной дороги» шагом было бы изображение фабричных рабочих, но Некрасов, к сожалению, этого шага не сделал (если не считать более раннего «Плача детей»), хотя и был близок к нему, о чем свидетельствует шестая глава его цикла «О погоде» — стихотворение «Кому холодно, кому жарко» (1865, № 3), содержащая необычайное по яркости описание «предместий дальних», —

Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом...

Среди произведений беллетристов «Современника», посвященных изображению жизни рабочих, и по своим размерам и по своему значению выделяется роман Решетникова «Горнорабочие» (1866, №№ 1 и 2).

Хотя он не был напечатан полностью и мы знакомы с ним только по его первой части,¹ однако его нельзя не рассматривать как одну из первых в русской литературе попыток создания писателем-разночинцем большого народного романа. О содержании и направленности «Горнорабочих» можно судить по следующим строкам из письма Решетникова к Некрасову (февраль 1866 г.): «Неужели мой роман хуже «Подлиповцев»?.. Я вам откровенно говорю, что все, что я ни писал, не выдумка, а взятое из жизни. В «Горнорабочих» больше страданий, чем в «Подлиповцах». Это каторга, только каторга в другом роде».²

Роман Решетникова, повидимому, довольно высоко ценился в редакции «Современника», о чем можно судить по тому, что Некрасов, несмотря на всю свою занятость, нашел время для того, чтобы прослушать его у себя на дому в чтении автора.

¹ Остальные части «Горнорабочих» в печати не появлялись, вероятнее всего потому, что в какой-то мере были использованы Решетниковым при создании его второго романа «Глумовы».

² Курсив наш.

В представителях господствующих классов беллетристы «Современника» видели виновников народных страданий. Здесь источник той сатирической, той обличительной струи, которая со второй половины 50-х гг. заняла такое видное место в составе беллетристического отдела журнала. Нужно ли говорить, что она отнюдь не иссякла и в интересующие нас годы?!

Наиболее интенсивному обстрелу на страницах «Современника» подвергалось дворянство и чиновничество. Нам уже приходилось указывать на ярко-сатирические образы помещиков-крепостников и помещиц-крепостниц («Миша и Ваня» Салтыкова-Щедрина, «Сарыч» Д. Соколова, «История барыни Анны Ивановны» А. Лукина, «Говорят, будет воля» Н. Зиновьева, «Отрезанный ломоть» А. Потехина). Помимо них, антидворянская тенденция беллетристики «Современника» нашла себе выражение в очень значительном количестве произведений. Отнюдь не преследуя целей сколько-нибудь исчерпывающего их обзора, остановимся только на сравнительно немногих произведениях, особенно остро и ярко ставящих данную тему.

Среди них, само собою разумеется, первое место занимают сатирические очерки Салтыкова-Щедрина.

В очерке «Семейное счастье», входящем в небольшой цикл «Как кому угодно» (1863, № 8), изображено резкой и сильной кистью разложение дворянской семьи, обусловленное звериным эгоизмом, возведенным в принцип лицемерием и крайней нравственной нечистоплотностью. С этих именно сторон охарактеризованы и «маменька» Марья Петровна Воловитинова и ее три сына — «молодой генерал» Сенечка («подлец Сенька», согласно материнской терминологии), «дипломат» Митенька, состоящий в альфонсах у некоей княгини, с помощью которой он делает свою карьеру, и, наконец, «не только пустейший малый, но и положительный ерыга» Феденька. Хотя именно этот последний является одновременно «и скорбью и вместе с тем радостью и чаяньем материнского сердца» Марьи Петровны, все же ее мнение о нем далеко не утешительно: «Все-то у него удовольствия какие-то неблагородные! все-то у

него либо подол поднять, либо рожу раскровянить» — не без грусти сознается нежная родительница.

Тема данного рассказа, как заметил читатель, уже предвозвещает такой шедевр Салтыкова, как «Господа Головлевы».

В «романсе» «Здравствуй, милая, хорошая моя» (1864, № 1) не просто в сатирическом, а прямо-таки в гротескном плане обрисованы великосветские покровители другого Феденьки — Феденьки Кротикова: его древняя тетка, «бестолковая и безмозглая» княжна Чепчулидзева-Уланбекова и еще более древний, но не потерявший влияния в «сферах» друг ее, князь Оболюй-Тараканов. Покровительство этих именно лиц приводит к тому, что Феденька, это воплощение светской пустоты, легкомыслия, невежества, этот специалист по ресторанному времяпровождению, по всевозможным Матильдам, Florence и Fanny, получает назначение на высокий пост губернатора.

Наконец, в «романсе» «На заре ты ее не буди» (1864, № 3) на фоне дворянских выборов, происходящих в большом губернском городе, дается широкая картина провинциального дворянства. Оно, соответственно духу времени, делится на партии: партию «консерваторов» и партию «красных». «В первой, — язвительно замечает сатирик, — господствуют старцы и те молодые люди, о которых говорят, что они с старыми стары, а с молодыми молоды; во второй бушует молодежь, к которой пристало несколько живчиков из стариков. «Консерваторы» говорят: шествуй вперед, но по временам мужайся и отдыхай! «Красные» возражают: отдыхай, но по временам мужайся и шествуй вперед. Разногласие, очевидно, не весьма глубокое». Эта характеристика дворянских реакционеров и дворянских либералов («красные» — это, конечно, не более как либералы) делает величайшую честь своему автору, ибо доказывает, что он уже в 1864 г. превосходно понимал, насколько эфемерным является различие между дворянским консерватизмом и дворянским либерализмом, и что и консерваторы и либералы в конце концов принадлежат к одному и тому же лагерю.

Среди «консерваторов», по Щедрину, особым авторитетом пользовалась группа «крепкоголовых». «Сторонники ее были многочисленны и славились дикою не-

преклонностью убеждений, вместимостью желудков, исполинскими размерами затылков, необычайною громадностью кулаков и способностью производить всякого рода шумные манифестации, т. е. подносить «шары»¹ на блюде, кричать «виват» и зыком наводить трепет на противников. Самые отважные люди других партий приходили в смущение перед свирепыми взглядами этих допотопных дикобразов». Во главе «крепкоголовых» стояли помещики Праведный и Гремикин, в образах которых Щедрин воплотил наиболее отталкивающие стороны дворянского самодурства и самоуправства, воспитанных крепостным правом: недаром мужики «бледнели» и «трепетали» при одном имени Праведного и Гремикина; недаром на совести каждого из них лежало по несколько уголовных преступлений, учиненных все над теми же безответными рабами и рабынями.

Руководящую роль в партии «красных» играют так называемые «стригуны». Хотя они и гордятся «самоновейшими убеждениями» и очень много толкуют о «*principe*», но на самом деле наиболее характерная их черта — это именно отсутствие убеждений, полнейшая беспринципность. Отдельные фигуры «стригунов», вроде Коли Собачкина, «поганого» Фуксенка² Сережи Свайкина, «маленького виконтика» де Сакрекокена, «длинного барона» фон Цанарцт, князя «соломенные ножки», конечно, не столь монументальны, как фигура, например, Гремикина, но способны внушать не меньшее омерзение.

К числу антидворянских произведений Щедрина относится и замечательное «Завещание моим детям» (1866, № 1), в котором проводится мысль, что дворянский либерализм уже потому не имеет под собой почвы, что органически связан с гнилыми устоями дворянско-бюрократической государственности. «Вспомни, как ты проводил время, — обращается автор к Пафнутьеву, — какими пользовался приятностями? Встанешь ты утром — умываться тебе подаст меньший брат твой!

¹ Речь идет о шарах, употреблявшихся во время дворянских выборов при баллотировках.

² Говоря о «поганом», «скверном», «мозглявом», «маленьком» «Фуксенке», сатирик, без сомнения, метил в видного цензурного чиновника, теснившего «Современник», — В. Я. Фукса.

захотел чаю — чай подаст меньший брат твой! пожелал кушать — завтрак, обед и ужин готовит меньший брат твой! пришло время спать — постелю стелет меньший брат твой! одевает и раздевает меньший брат твой. Твоего собственного труда было только — есть, пить, спать, да протягивать руки и ноги. Каких еще тебе прав нужно?.. Нет гнуснее поступка, как отрекаться от самого себя» (стр. 174—175).

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что мастерская кисть гениального сатирика зафиксировала в исключительно ярких образах наиболее типические фигуры как светского общества, так и поместного дворянства. Прочитывая другие произведения «современниковских» беллетристов с антидворянской тенденцией, мы сплошь да рядом встречаем старых знакомцев, т. е. типы, напоминающие в том или другом отношении щедринские. Это явление объясняется не столько непосредственным влиянием Щедрина (хотя в самом факте такого влияния нет ничего невозможного), сколько одинаковостью «натуры».

В подтверждение сошлемся на такие стереотипные, хотя и имеющие, без сомнения, реальную основу, образы, как образ «отставного генерала» Абрама Васильевича Мордасова, совмещающего грубое солдафонство с наиболее отвратительными замашками барина-крепостника, в комедии А. И. Пальма «Благодетель» (1864, № 6), как образ перезревшей светской красавицы, развратной и лицемерной Александры Николаевны Охотской, в повести П. И.¹ «Благодетельница» (1863, № 8), как поражающие своей внутренней пустотой образы представителей «светского семейства» Сукодавлевых в пьесе А. Потехина «Вечеринка у бедной родственницы» (1863, № 9).

А. К. Михайлов (Шеллер), дебютировавший в 1863 г. в «Современнике» своими стихами, кстати сказать, довольно посредственными, во втором² своем романе «Жизнь Шупова» (1865, №№ 2 и 3) целые десятки стра-

¹ Кто скрывался под этими инициалами — нам установить не удалось. Повесть была доставлена в редакцию через Гиероглифова.

² Первый роман А. Михайлова «Гнилые болота», возникший на автобиографическом материале, также был напечатан в «Современнике» 1864, №№ 2 и 3.

ниц, пусть не слишком ярких в художественном отношении, но содержащих обширный фактический материал, посвящает изображению домашней жизни родовитого дворянского семейства Шуповых, в частности — воспитания принадлежащих к этому семейству детей. Колоритна, хотя и не лишена опять-таки стереотипности, фигура отца семейства, высокого, смуглого красавца, внушавшего своими оловянными глазами, своим металлическим голосом, гремевшим как гром, непреодолимый ужас и детям и домочадцам. Его необузданная вспыльчивость, во время которой он бывал способен на все, создавала нередко в доме атмосферу ужаса. Его кроткая и любящая жена, которой он постоянно изменял, преждевременно умерла. Его собственные дети становятся ему внутренне чуждыми. Да и может ли быть иначе, когда за ничтожную провинность, более того — за проявление добрых чувств отец подвергает детей бесчеловечно-жестоким наказаниям?! Так, однажды, когда его девятилетний сынишка, жалея полунищих крестьян, тщетно умолявших об отсрочке оброка, заикнулся о том, что «мамаша сама давала нищим», то разыгралась поистине возмутительная сцена. «— Розог! — крикнул он (т. е. отец. В. Е.-М.), вводя меня за плечо в дом. Розги были принесены. — Раздевайся! — Я медлил. — Ну! — нетерпеливо торопил отец, не глядя на меня. Через минуту послышался приказ: «ложись!» еще через минуту началось сечение. Я пробовал вскочить, меня велели держать. Мне было мучительно стыдно этих незнакомых людей. Сначала я кричал до хрипоты, потом тихо плакал и молил как последний нищий о пощаде, наконец у меня не стало голоса, боли больше не чувствовал, но ощущал страшный жар во всем теле, а меня все секли... По мне начали бегать мурашки, я стал холодеть... Я очнулся в своей комнате на постели, попробовал сесть — не мог, хотел повернуться — тоже не удалось. Я начал плакать...»

Нет надобности доказывать, насколько безотраднотемное впечатление создавали подобные образы и картины, внушая читателям «Современника» непримиримо-враждебное отношение к российскому «благородному сословию».

Положительные образы дворян-помещиков сравнительно редки на страницах «Современника». Здесь прежде всего надо указать на Луку Лукича Бацова — главное действующее лицо в повести Дрианского «Конфетка» (1863, № 7), а затем на Ивана Петровича в «Записках хуторянина» Окнерузама (1863, № 3). Оба они не только люди честные и справедливые, но и способные к борьбе против отрицательных явлений окружающей действительности. Однако ведь исключения только подтверждают правило, а оба названных лица поданы авторами именно как исключения в дворянской среде.

Как бы подводя итог более чем нелестным отзывам о дворянстве, которые в таком изобилии были разбросаны на страницах «Современника», Некрасов в «Песнях о свободном слове» (1866, № 3) вкладывает в уста дворян признание в том, что у них «нет ничего» за душой —

Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...

А тут нашелся «герой-сочинитель», «вещун-богатырь», вычисливший, что долг дворян народу равняется шести миллиардам.¹

Не менее темными красками пользовались беллетристы «Современника» и тогда, когда рисовали представителей российской бюрократии. Здесь опять-таки первое место принадлежит Салтыкову-Щедрину. Его «романсы» о новоявленном губернаторе Феденьке Кротикове — уже упоминавшиеся выше «Здравствуй, милая, хорошая моя» (1864, № 1), «На заре ты ее не буди» (1864, № 3) и еще не упоминавшийся «Она еще едва умеет лепетать» (1864, № 8) — одно из самых выдающихся достижений в активе русской антибюрократической сатиры. Необычайная злободневность «романсов» определялась тем, что они были заострены против бюрократов новейшей формации, любивших корчить ли-

¹ Прямой намек на статью Жуковского в № 9 «Современника» за 1865 г. — «Записки современника», где фигурирует как раз эта цифра.

бералов, но не идущих в своем либерализме дальше потоков нудной, бессмысленной, наводящей непреодолимую, мучительную скуку болтовни. Да и еще болтовни, приправленной лицемерием и ложью. «Лгунище ты необузданный» — только и можно сказать о Феденьке устами Разумника Семеныча, но при этом не следует забывать, что этот лгунище наделен огромной властью, что от его усмотрения зависит благоденствие, а то и самая жизнь и свобода множества людей. И если сопоставить старого уволенного губернатора, который изображен в «романсе» «Прощаюсь, ангел мой, с тобою» (1863, № 9), с Феденькой, то придется, пожалуй, прийти к заключению, что Феденька возбуждает несравненно более гадливое чувство.

Поразительным по смелости и политической остроте является щедринский же очерк «После обеда в гостях» (1863, № 3), где в лице «полковника» Семена Михайловича Булановского автор выставил к позорному столбу всевластную и всемогущую в то время жандармерию — третье отделение собственной его величества канцелярии. Хотя Семен Михайлович в описываемый автором момент настроен несколько пессимистически, благодаря слухам об упразднении того благотельного учреждения, в котором он служит, тем не менее будущее ему рисуется не слишком мрачно: он уверен, во-первых, в том, что ему и ему подобным нетрудно будет найти новую службу, а во-вторых, в том, что «в мундирах ли, без мундиров ли, но мы возродимся» (sic!!).

Наряду со Щедриным, современниковские «романсы» которого предвозвещали уже знаменитый помпадуровский цикл, против растленной российской бюрократии единым фронтом выступал в 1863—1866 гг. целый ряд сотрудников «Современника».

Выше отмечалось (см. стр. 80), какую тревогу в цензурных кругах возбудил эпизод с губернатором, содержащийся в повести Дрианского «Конфетка» (1863, № 7). Гончарову, правда, удалось отстоять этот эпизод, но все же, под давлением цензуры, он подвергся каким-то весьма существенным изменениям. Об этом можно более или менее определенно судить по несоответствию характеристики губернатора с его дальнейшим поведением. Характеристика эта выдержана в чи-

сто-щедринских тонах: «Представьте себе старичка, легкого как ветерок, вертявого, с живыми зелеными глазами под маслицем, влюбчивого при всяк час, волокиту без разбора, прыгающего как сытый козленок с нежными девицами на паркетe, и врывающегося как юноша с кипучей кровью в середку хоровода, чтоб перещипать и перецеловать дюжину фабричных девок, побегать с ними в горелки. Век свой, служа, он только что числился, состоял всегда при лице для особых поручений. Всякое дело для него было чем-то вроде неизбежной траты «милого, золотого» времени...» Вполне гармонирует с этой не лишенной черт гротеска характеристикой и поведение губернатора при встрече с исправником Бацовым, о котором только что было упомянуто. Настроенный богачом-откупщиком против Бацова, объявившего решительную борьбу откупным злоупотреблениям, губернатор, не давая себе труда вникнуть в дело, публично упрекает Бацова в дурном исполнении служебных обязанностей, в частности во взяточничестве. Бацов отвечает на это уходом в отставку. Но дальнейшие действия губернатора, вдруг сознавшего свою неправоту, раскаивающегося в допущенной им несправедливости, готового ее загладить, находятся в разительном противоречии с его характеристикой. Здесь, без сомнения, сказалось вмешательство цензуры. В результате оказалась ослабленной основная тенденция данного эпизода: показать, что при тогдашних условиях для честного человека не было места в рядах правительственных чиновников.

Цензурная история с «Конфеткой» достаточно наглядно свидетельствует о том, как заботливо охраняла цензура «высокое звание» губернатора. Ввиду этого беллетристам «Современника» иной раз приходилось прибегать к некоторой маскировке служебного положения обличаемых ими бюрократов. Так, в комедии А. И. Пальма «Благодетель» (1864, № 6) фон Кратц фигурирует «как начальник какой-то комиссии» (см. авторскую ремарку в списке «действующих лиц», на стр. 235), хотя по всему видно, что он занимает пост не ниже губернаторского. Фон Кратц и подначальные ему чиновники, во главе с «правителем дел» Моренгофом, который, кстати сказать, изображает из себя либерала, представлены в комедии Пальма служащими не делу, а

лицам, — в частности обхаживающими подрядчика Куличова. Они готовы всячески помогать ему в его мошеннических проделках, имеющих своей целью наживу на счет казны, лишь бы он в той или другой форме делился с ними своими доходами. Правда, достаточно над головой Куличова сгуститься тучам, в виде назначения «строжайшей ревизии... по разным подрядам» из-за «замеченных неправильных выдач сумм», как фон Кратц и весь его причт бегут из его дома, как крысы с тонущего корабля. Однако Куличов находит, что они напрасно поторопились, прежде всего потому, что слишком замешаны в его плутнях, и если уж ему придется пропадать, то и они сухими из воды не выйдут, а затем потому, что ревизию ведь будет производить такой же чиновник, как они: «чай, тоже человек, хлебом питается, а не газами воздушными», иными словами — и ревизора при умении легко будет убоготворить с помощью взяток. И эти надежды, в условиях тогдашней русской действительности, вполне реальны. Недаром комедия Пальма заканчивается оптимистическим возгласом Куличова: «Эх, Ваня, не робей! не пропадем, выскочим!».

Если у Пальма представители губернского чиновничьего Олимпа изображаются бандой своекорыстных дельцов, стакнувшихся с заведомым плутом, то в неоднократно упоминавшейся выше пьесе Н. Зиновьева «Говорят, будет воля» (1864, № 11) представители уездного Олимпа с еще большей резкостью изображены (см. сцену VI, стр. 75—94) бандой мошенников, самоуправцев и заядлых реакционеров. Одна мысль о возможном освобождении крестьян приводит их в ужас и отчаяние. Их отношение к крестьянам определяется поистине классической фразой: «эти сиволалы не должны ни о чем рассуждать, не должны сметь пикнуть!» (стр. 83).

В повести Лукина «История барыни Анны Ивановны» (1865, № 8) целая глава посвящена рассказу о возмутительной расправе исправника с крестьянами, обвиненными в том, что они скрывают беглых. Здесь и неистовый рев, и дикая ругань, и свирепая порка, и — как венец всего — жестокое рукоприкладство: «Пена показалась на губах исправника, и он, уже не помня себя от бешенства, бросился на Игната и стал теребить его волосы» (гл. X, стр. 294).

Должности исправников и подражавших им станových — стародавние должности; исправничество — институт, освященный, так сказать, стариной. Отсюда и патриархально-старозаветные методы исправнического воздействия на «сиволапов». Должность мировых посредников — самоновейшая, рожденная крестьянской реформой, однако беллетристы «Современника», а более всего Слепцов как автор «Трудного времени» (1865, №№ 4, 5, 7 и 8), сумели показать, что и мировые посредники в отношении к крестьянам ведут себя иной раз возмутительно.

Правда, у Потехина в «Отрезанном ломте» (1865, № 10) изображается идеальный мировой посредник, но огромное большинство посредников принадлежало к типу, описанному Слепцовым.

В рассказе «Крапивное семя» (1864, № 6) А. Н — ин¹ повествует о жизни и возвышении некоего Макара Артемыча Жимкова, сына выгнанного со службы бедняка-канцеляриста. Его характерная черта — полнейшая аморальность. В школе он стяжал благосклонность учителей тем, что добровольно исполнял палаческие обязанности в отношении своих товарищей, причем «драл с наскочкой, а иногда, по особенному уже расположению, навязывал на конец лозы свинцовую пластинку и с одного удара просекал кожу до крови». Первый шаг к богатству Жимков совершил с помощью преступления: отравил, а затем обобрал своего отца и его гостя. Поступив на службу, «лакействовал и кланялся», — в результате преуспел. Женитьба на любовнице губернатора, продолжавшей ею оставаться и после свадьбы, окончательно упрочила его карьеру. Занимая должность правителя канцелярии при губернаторе и пользуясь его безграничным доверием, он округлил свое состояние, разумеется, не чистыми путями, а когда губернатор, в связи с обнаруженными злоупотреблениями, был уволен, Жимков сумел выйти сухим из воды.

Несколько особняком в антибюрократической галлее «Современника» стоит образ цензурного чиновника, попросту цензора, в стихотворении Некрасова «Газетная» (1865, № 8), с исключительным блеском и силой

¹ То есть Никитин.

продолжающем линию антицензурных стихотворений, начатую произведениями такого масштаба, как «Послания к цензору» Пушкина. Читатель не забыл, какое раздражение вызвала «Газетная» в цензурных инстанциях (см. выше, стр. 103).

И не только чиновничество в настоящем, но и чиновничество в прошлом подвергалось разоблачению на страницах «Современника».

В данном случае мы опять-таки имеем в виду «Воеводу» Островского (1865, № 1), в котором самоуправство, деспотизм, лихоимство, сластолюбие царского воеводы Нечая Григорьевича Шалыгина являются стержнем, организующим действие всей пьесы. Островскому, благодаря тому, что он использовал для своей пьесы исторический, а не современный, материал, удалось высказать, устами Шалыгина, убеждение, что наиболее отрицательные проявления власти воеводы порождаются всей системой как религиозных, так и политических идей того времени. В ответ на негодующие возгласы из задних рядов толпы донельзя притесненных и разоренных им посадских:

Алтынник, пес! Посульщик, кровопивец!
А крест на нем, ребята, есть, аль нету? —

Шалыгин заявляет:

... Все это правда ваша,
Я не святой. — А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злому.
Строптивного послушать перед богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы равны? Так знайте,
Звезда с звездой разнствует во славе,
Так на небе, и на земле все так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И господом венчанные на царство
Великие цари и государи,
За чином чин по лестнице восходит
От нас к царю и от царя до бога.
И всяка власть от бога...

В XVII в., к которому относится содержание «Воеводы», подобного рода рассуждения звучали как апология самодержавно-бюрократической государственности. В 60-е гг. XIX в. они воспринимались уже очень

многими читателями как тягчайшее ее осуждение, ибо не дорого стоит та власть, представители которой не отрицают, что они «алтынники, псы, посульщики, кровопивцы», и для укрепления своего авторитета могут сослаться лишь на затасканные слова «писания».

Затем, говоря об идеологическом значении «Воеводы», нельзя забывать, что если индивидуальные отношения (Степана Бастрюкова и Марьи, Дубровина и Олёны) приходят к благополучной развязке, то трудно говорить о благополучном конце данной пьесы как социального произведения: хотя Шалыгин отставлен от воеводства, но возлагать какие-либо надежды на его преемника Левонтия Поджарова отнюдь не приходится. Ведь он послан со специальной целью *покориться*, т. е. нажиться за счет местного населения. «Покориться», в этом именно смысле слова, ему тем более необходимо, что «он прохарчился и отощал, как жердь». Любопытно, что «большой боярин», от которого ближайшим образом зависит назначение в воеводы, прекрасно знает, *кого и с какой целью* он ставит воеводами. Недаром автор вкладывает ему в уста ироническое замечание по поводу кандидатов в воеводы:

Где мед, там мух нальнет. Болото было б,
А черти будут.

Совсем уже пессимистически звучит концовка пьесы. В ответ на приглашение старосты готовить «поминки» и нести их «на поклон» новому воеводе, «старые посадские» говорят:

Ну, старый плох, каков-то новый будет?

А «молодые посадские» добавляют:

Да, надо быть, такой же, коль не хуже!

Осуждение основ русской государственности в «Воеводе» хотя и относилось к XVII в., однако имело актуальнейшее значение для читателей 60-х гг. XIX в. Ведь самодержавие и в это время было такой же реальностью, как и в XVII в.; ведь «воеводы» в губернаторских мундирах и в это время хозяйничали в российских градах и весях. Формы этого хозяйничания, конечно, изменились, но сущность осталась все та же.

Нечего и говорить, что протест против самодержавия не как явления исторического, а как явления современного имел бы несравненно больший общественный резонанс, но — увы! — по цензурным мотивам был решительно невозможен. Вот тому яркое подтверждение. В «Современнике» печатался байроновский «Дон-Жуан» в переводе Д. Минаева. В девятой песне гениального романа содержится несколько строф, посвященных встрече Дон-Жуана с Екатериной II. Огромное большинство их не было пропущено в печать, как об этом можно судить по соответствующим многоточиям в журнальном тексте (1866, № 1, стр. 271—274). А в этих строфах содержались лишь намеки на любовные похождения русской императрицы.

Однако потребность выявить свое отрицательное отношение к самодержавию была, очевидно, в редакции журнала настолько острой, что в целях хотя бы частичного ее удовлетворения ею был избран окольный путь. В интересующие нас годы в «Современнике» печатался ряд переводных пьес, в которых то содержалась критика деятельности пренебрегавших интересами своего народа монархов, то показывалось их низвержение, за которым обычно следовала насильственная смерть. Мы имеем в виду в данном случае целых четыре исторических пьесы Шекспира — «Юлий Цезарь» (1864, № 4), «Король Генрих VIII» (1864, № 9), «Король Ричард II» (1865, № 5), «Жизнь и смерть короля Джона» (1865, № 7) — и «Три сцены» из трагедии Марло «Эдуард II» (1864, № 8).

Было бы, разумеется, непростительной натяжкой все эти произведения рассматривать как антимонархические, но их совокупность во всяком случае внушала русскому читателю 60-х гг. недоверие к прелестям абсолютизма.

На читателя не могли, разумеется, не производить впечатления дышащие любовью к народу, к свободе, к отечеству речи Брута; его не могла не потрясти сцена умерщвления Цезаря и выдвинутое тем же Брутом объяснение мотивов этого умерщвления: «Он был властолюбив, и я убил его... Кто между вами столь низок, что хотел бы быть рабом?»

А в «Короле Ричарде II» рисуется восстание против короля, и это восстание кончается победой восстав-

ших и смертью короля, ибо «он потерял давно любовь народа за тяжесть податей», ибо «он разорил отчизну» (стр. 378).

В «Жизни и смерти короля Джона» опять-таки изображены восстание против короля и вызванная им гражданская война. Мотивы восстания выражены в словах Салисбюри:

Но так полны заразой наши дни,
Что, правду исцеляя и врачуя,
Нам руку смут осталось лишь поднять
На горькую, жестокою неправду.

И эта пьеса кончается смертью короля.

Из трагедии Марло «Эдуард II» взяты как раз те три сцены, в которых изображена распря короля с баронами и с парламентом. Хотя у Марло король, до крайности униженный, а под конец варварски умерщвляемый, способен даже вызывать известное сочувствие, но во всяком случае содержание напечатанных в «Современнике» сцен скорее колеблет, чем укрепляет идею монархизма.

Несколько особняком стоит «Генрих VIII». В этой пьесе нет ни восстания против короля, ни тем более умерщвления его. Зато в ней немало говорится о разорительном для народа управлении любимца короля кардинала Вольсея, об осуждении и казни любимого народом герцога Бекингема, о женитьбе короля при живой жене на приглянувшейся ему статс-даме королевы Анне Буллен.

Наряду с помещиками и чиновниками, одно из первых мест в стане врагов народа занимают, если судить по беллетристике «Современника», буржуа-капиталисты. Их обстрелу, и обстрелу в высшей степени ожесточенному, посвящено довольно значительное количество произведений.

Среди них по яркости и художественности выполнения первое место принадлежит, конечно, пьесам Островского — «Тяжелые дни» (1863, № 9) и «Шутники» (1864, № 9). Однако в этих пьесах еще не чувствуется резко-враждебного, исполненного «желчи и злобы» отношения к буржуа-капиталистам, как в произведениях некоторых других сотрудников «Современника». Тит Титыч Брусков из «Тяжелых дней», правда, один из классических типов самодуров в творчестве Остров-

ского, но в «Тяжелых днях» тип этот подан преимущественно как пьяница и дебошир. Спору нет, его домочадцы терпят от него муку мученическую, но в конце концов его не так уж трудно обвести вокруг пальца. Эта операция превосходно удастся Досужеву, и пьеса, как помнит читатель, кончается тем, что сам Тит Титыч способствует соединению «любящих сердец», т. е. женьтибе своего сына на любимой, хотя и бедной, девушке. Не лучше Тит Титыча и Филимон Протасьич Хрюков из «Шутников», однако и он в конце концов выручает семью Оброшенова из того критического положения, в котором она очутилась. Правда, за это спасение заплачено дорогой ценою: старшая дочь Оброшенова, Анна Павловна, соглашается стать женой Хрюкова, — того самого Хрюкова, который только что оскорбил ее циническим приглашением поступить к нему в экономки.

В неоднократно упоминавшейся пьесе Пальма «Благодетель» (1864, № 6) «коммерческий мир», по выражению положительного героя Сперанцева (стр. 251), представлен «смердящим омутом». Центральная фигура этого мира, подрядчик Куличов, не только деспот в семейном быту, но и подлинный враг общества, возведший в принцип самое подлое плутовство.

Подстать Куличову центральный персонаж огромного романа Неизвестного¹ «Три поколения» (1863, №№ 8, 9 и 10) — Василий Максимович Барсуков. Воровство, клевета, обмеривание, обвешивание, ростовщичество, наконец убийство — вот путь, которым он приходит к богатству. Его преступлениям поистине «несть меры и числа». Едва ли даже можно образ такого изверга рода человеческого считать верным художественной и жизненной правде, но во всяком случае стремление автора показать на примере Барсукова, что «у редкого богача на совести нет пятен», свидетельствует об его отрицательном отношении к самой идее стяжательства. Любопытно, что художественная слабость «Трех поколений», — романа до чрезвычайности растянутого, изобилующего нагромождением всяких

¹ «Неизвестный» — псевдоним П. Каратыгина.

ужасов, — не только не была замечена Гончаровым, но роман этот даже удостоился его похвалы как цензора.

Не менее омерзительна фигура другого рыцаря первоначального накопления Степана Степаныча Подметкина в рассказе С. Макашина «Несколько подробное, но весьма правдивое жизнеописание одного городского головы» (1863, № 6). Обворовал воспитавшую его тетку, раскольничью начетчицу, и обворовал «самым гнусным образом», обзавелся лавчонкой и в роли хозяина ее занимался всевозможными плутнями, наконец — стакнулся с фальшивомонетчиком. И вот, «прошло тридцать пять лет. Степан Степаныч был уже не просто Степан Степаныч, а титуловался его высоко-степенство, веселовский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин» (стр. 389). Одержимый бесом честолюбия, Подметкин возжаждал сделаться городским головой и в этих целях крестился по православному чину, т. е. стал вероотступником. Мечта Подметкина исполнилась: он — городской голова г. Веселого. Когда на третий год его службы в этой должности на него за творимые им возмутительные беззакония поступил донос, Степан Степаныч нимало не смутился, ибо «верно знал, что донос не подействует и решительно не будет иметь никакого влияния на его управление общественными делами» (стр. 401). «А ты, писавший этот донос мещанин Иван Зиновыч, ты, всю жизнь живший честно, ты, вздумавший подвизаться за правое дело, за дело бедных и беззащитных мещан, выиграл ли ты сколько-нибудь своим поступком?.. Ровно ничего, а потерял много» (стр. 401—402). Подметкин не только уволил Ивана Зиновыча от должности «поверенного по городским землям», но и, призвав его к себе и тряся его за бороду, заявил ему: «Слушай ты, Ванька, я тебе никогда этого не прощу, я тебя сотру с лица земли, превращу в пыль и прах, слышишь? в Сибири места не будет. Пошел, скот!» «Ты пошел, Иван Зиновыч, повесь голову, с горьким и грустным чувством ты сказал: «Боже, боже! когда же будет справедливость в людях?..»

Так кончается этот непритязательный по своей форме рассказ, подчеркивая и своей концовкой и всем своим содержанием, что в условиях тогдашней русской действительности богатый и властный порок неизменно

торжествует над бедной и загнанной добродетелью; свинья, сладострастно чавкая, неизменно пожирает правду («За рубежом» Салтыкова-Щедрина).

Один из беллетристов «Современника», для вящего разоблачения поистине неизреченного невежества, грубости, нравственной нечистоплотности вечно пьяного, рыгающего, дебоширствующего российского первогильдейского купечества, решил на очень своеобразный прием, в котором элементы гротеска выражены настолько подчеркнуто, что даже несколько нарушают реалистический характер произведения. Мы имеем в виду перебранку античных статуй, — они украшают мраморную лестницу дома, когда-то принадлежавшего графу, а ныне перешедшего в собственность московского купца Абрама Сидоровича Переметчикова, — с гостем Переметчикова, купцом Лукой Петровичем в рассказе Левитова «Верное средство от разорения» (1865, № 1).

«Боже! изжени ты лукавство это женское препа-
скудное. И што только такое это Абрам Сидоров де-
лает? В чью эту он голову бьет, мерзости такие в сво-
ем честном дому оставляючи?..

«Но поднявши кверху прекрасные руки, строго смо-
трели на проходящего осла античные лица каменных
женщин... и вслух хохотали над ним веселые танцую-
щие группы древних лесных и полевых богов — хохо-
тали и прыгали, — прыгали и, вздымая над увенчан-
ными главами руки свои в красивые дуги, звонко кри-
чали: — куда ты? Куда ты, болван? Куда, сивая бо-
рода, по парадному прешь? Здесь жил le comte de
Petrovo Koudrjashevsky. Вышет он на тебя сейчас
своих ливрейных, — выпорют они тебя на конюшне, а мы
им поможем. Мы такие сцены, в старину, любливали...»

Хотя Лука Петрович и укоряет владельца дома в том, что он не «похерил» до сих пор статуй, но владе-
лец этот по своему развитию недалеко от него ушел.
Ведь это он нашел «верное средство от разорения», о
котором ему снятся сны, в юродивом Гавриле, в чело-
веке необыкновенно страшного, звероподобного вида.

О невежестве купеческой среды говорит и рассказ
Е. Лукьянова «Напущение» (1863, № 9), в котором по-
вествуется о том, как страдала от бесовского наважде-

ния богатая хозяйка кирпичного завода и как ей удалось от этого наваждения избавиться.

Наряду с сатирическим изображением представителей старозаветного русского купечества известное внимание беллетристы «Современника» уделяли и разоблачению капитализма, принявшего уже западноевропейское обличье.

Сюда относится очерк «Непрактического человека» «Акционерная пучина» (1863, № 3), дающий сатирическую историю акционерного дела в России с целью показать, что акционерные предприятия того времени были подобны мыльному пузырю, который «дулся до натуги», пока не лопался, разоряя многое множество чересчур доверчивых и «непрактических» людей. Скрывшимся под псевдонимом автором этого очерка был П. М. Ковалевский. Его же именем подписана большая повесть «Непрактические люди» (1864, № 11—12), в которой, едва ли не по личным воспоминаниям, рассказывается о неудачной попытке двух честных акционеров Бурмицкого и Затонава внести живое начало в жизнь акционерного общества «Наяда и Вулкан»: сначала они имеют успех и даже попадают в правление, но как только их действия начинают задевать интересы темных дельцов — заправил общества, падение их становится неизбежным. Отсюда вывод о невозможности для сколько-нибудь порядочных людей, в условиях русской действительности, работать на акционерном поприще, подобно тому как растленная бюрократическая среда того времени неизбежно извергает из своей среды людей, не желающих быть взяточниками и казнокрадами, льстецами и подхалимами.

Светское общество, помещики, бюрократия сверху и донизу, старозаветное купечество, финансовые дельцы — вот против кого были направлены, как мы видели, главные удары беллетристики «Современника».

В заключение следует отметить, что не столь часто, но все же время от времени мишенью сатирического обстрела журнала становилось православное духовенство. С особенным ожесточением беллетристы «Современника» обрушивались на порядки, господствовавшие в учебных заведениях духовного ведомства — в духовных училищах и семинариях. Об их исключительных достижениях в деле дискредитации всей системы

духовного образования будет сказано ниже, а покамест лишь отметим, что картины обирания причтом полунищих крестьян в «Подлиповцах» Решетникова, беспробудного поповского пьянства и «всяческих беспорядков» в «Деревенских встречах» Гл. Успенского (1865, № 10) с достаточной яркостью свидетельствовали о том, на каком низком умственном и нравственном уровне стояли те, кто претендовал на роль посредников между людьми и богом.

Большой рассказ того же Решетникова «Ставленник» (1864, №№ 6, 7, 8 и 9), который, как справедливо указывает редактор советского полного собрания сочинений Решетникова (т. I, стр. 449), подвергся не только цензурным изъятиям, но и некоторым изменениям со стороны редакции журнала (говоря конкретно — М. А. Антоновича), представляет своего рода эпопею, рисующую жизненный путь юноши из духовного звания от окончания семинарии вплоть до получения священнического сана. Если в семинарии Егора Ивановича Попова и коснулось влияние новых идей,¹ то только в слабой степени. Во всяком случае, женитьба на дочери протопопа Тюленева и получение священнического звания поворачивают его жизнь на путь попа-карьериста, а на этом пути всякая идейность выветривается, по Решетникову, очень быстро. О «Ставленнике» сложилось мнение, что он не принадлежит к лучшим произведениям Решетникова: в нем много длиннот, краски местами бледноваты. Но все же в нем не редкость встретить удачные, выдержанные в духе решетниковского реализма образы и картины, и это как раз те образы и картины, которые рисуют быт и нравы духовенства.

IV

Гневно разоблачая представителей эксплуататорских классов, беллетристы «Современника» стремились противопоставить им тех, кого они считали друзьями народа, т. е. интеллигентов, воодушевленных стремлением и в общественной и в личной жизни воплотить про-

¹ Нет никакого сомнения, что семинария, изображенная Решетниковым, — это Пермская семинария начала 60-х гг., когда в ней и в среде преподавателей и в среде семинаристов появились «сторонники прогресса», как тогда принято было выражаться.

грессивные начала, передовые идеи. Этих «новых людей» в 60-е гг. было еще очень немного, и они не только не занимали господствующего положения, но, наоборот, подвергались всевозможным гонениям и со стороны консервативной части общественности и со стороны реакционного правительства, однако число их неуклонно росло. Этот рост, соединенный с присущей им непоколебимой убежденностью в правоте отстаиваемого дела, в готовности активно, именно активно, бороться за его торжество, делая «новых людей» заметным явлением тогдашней жизни, заставлял признавать в них силу, с которой нельзя было не считаться.

Наиболее яркие образы «новых людей» были запечатлены на страницах «Современника» тем именно писателем, которому, так сказать, были и книги в руки, ибо он по праву стоял во главе движения «новых людей».

Нужно ли говорить, что мы имеем в виду Н. Г. Чернышевского и его роман?

Еще раз повторяем, что популярность «Что делать?» среди советских читателей настолько велика, что останавливаться на характеристике его героев, выяснять значение романа — значило бы повторять общеизвестные истины.

Нам хотелось бы подчеркнуть лишь одно, а именно — солидарность идеологических установок «Современника» с установками героев «Что делать?».

В восьмом номере журнала за 1865 г. была помещена явно-редакционная статья «Итоги».¹

Изображая в ней борьбу «консервативной литературы» против «оппозиционной литературы», т. е. в первую голову против «Современника», редакция журнала останавливается на романе «Отцы и дети», в котором видит «пасквиль на Добролюбова»,² якобы выведенного в лице Базарова и названного «нигили-

¹ В нашем распоряжении имеются документы, удостоверяющие, что автором «Итогов» был не Антонович, как полагают некоторые, а Жуковский. Это не столь уж существенно. Гораздо существеннее то, что «Итоги» появились без подписи, чем подчеркивалось, что они являются редакционной статьей.

² Подобный взгляд на роман Тургенева представляется весьма спорным. Однако для наших целей важно не то, правилен ли этот взгляд или не правилен, а лишь то, что его держалась редакция «Современника».

стом». Далее в «Итогах» читаем: «Цель всего этого была доказать, что критика Добролюбова, не имея ничего положительного в виду, не зная сама, к чему стремится, состоит из одного отрицания, как и сам человек, изображенный в лице Базарова. Этот пасквиль пришлось как нельзя более на руку публицистам консервативной партии. Они могли обобщить упрек, сделанный романистом, и найти в базаровщине готовый пасквиль на всю оппозиционную литературу, на всю деятельность «Современника». ¹ Оппозиционная литература, в ответ на укор в нигилизме, поставила в романе Чернышевского примеры своих людей, т. е. тех людей, которых она желала видеть в обществе — и они, кажется, вовсе не были похожи на нигилистов и Базаровых. Какие же были в самом деле нигилисты Лопуховы и Рахметовы. ¹ Отвечайте, мы ждем, — отвечайте же!

«Таким образом, укор в нигилизме был отклонен весьма решительно: в конечных целях оппозиционной литературы оказалось не отрицание, не нигилизм, а нечто положительное и определенное, создание в среде нашего общества не нигилиста, ¹ а г р а ж д а н и н а. ² Это то вот признак оппозиционная литература и поставила окончательным признаком для отличия ее героев, ее людей и любимцев от героев старого общества» (стр. 317).

Итак, «новый человек» должен быть прежде всего гражданином, по образу и подобию Лопухова и Рахметова, а также, само собой разумеется, по образу и подобию Кирсанова и Веры Павловны. «Гражданство» же этих лиц выражалось, как известно, не только в революционном демократизме, но и в социализме. Таким образом быть гражданином на языке Чернышевского, а вслед за ним на языке редакции «Современника», значило быть революционером, демократом, социалистом.

Этот вывод находится как бы в известном противоречии с теми не лишенными иронического оттенка отзывами «современниковцев» о романе «Что делать?», которые будут приведены ниже (см. стр. 255—256). Противоречие это (абсолютно отрицать его было бы неправильно) ослабляется, во-первых, тем, что авторы отзывов и автор «Итогов» подходят к «Что делать?» с раз-

¹ Курсив наш.

² Выделено автором статьи.

личных сторон: первые иронизируют преимущественно над элементами утопизма, несомненно содержащимися в романе Чернышевского, например в «четвертом сне» Веры Павловны, а второй дает истолкование образов «новых людей», реальность которых не вызывает сомнений; во-вторых, тем, что отзывы выражают индивидуальные мнения Салтыкова-Щедрина, Елисеева и Жуковского, а статья «Итоги», хотя и принадлежит Жуковскому, но как неподписанная, следовательно редакционная, выражает мнение целого коллектива, и, в-третьих, тем, что отзывы относятся к 1863 г., а «Итоги» — к 1865 г.; различие же во времени появления в печати предусматривает большую или меньшую необходимость считаться с цензурной обстановкой, причем нет никакого сомнения, что с точки зрения редакции «Современника» цензурная обстановка в 1863 г. была тяжелее, чем осенью 1865 г., когда вводился новый закон о печати. Отсюда видно, что в отзывах 1863 г. могли быть элементы вынужденного приспособленчества, а осенью 1865 г. редакция «Современника» имела (вернее — ей казалось, что она имела) максимальную возможность высказаться о романе начистоту.

Нужно ли говорить, что эти высказывания начистоту свидетельствуют о том, как велик был авторитет Чернышевского и в «Современнике» последних месяцев его существования?! Ведь заявить, что только автору «Что делать?» удалось создать образы подлинно-«новых людей», подлинно-лучших представителей своего времени, — это значило дать и ему и его произведению очень высокую оценку.

Процитированные суждения из статьи «Итоги» нельзя не признать представляющими значительный интерес, тем более, что они остались вне поля зрения решительно всех литературоведов, занимавшихся 60-ми годами вообще, а романом Чернышевского в частности. Однако в них есть пункт, могущий возбудить известные недоумения. Почему «Итоги» так подчеркнуто отмежевываются от клички «нигилисты»? Ведь на страницах журнала, вообще говоря, преобладала тенденция защищать «мальчишек» и «нигилистов»?

Вопрос, если говорить по существу, сводится к раскрытию понятия нигилизма.

От нигилизма, воплощенного в лице Базарова, —

а Базаров, по мнению «Современника», целиком относится к «среде старых людей», обладая «самой старомодной и праздной душой, руководствуясь в своих поступках опять-таки, подобно «старым людям», материализмом¹ и чувственностью», — «Современник» не мог не отречься, и не отречься самым решительным образом. Но в процессе бытования пущенное Тургеневым в оборот словцо иногда теряло свой полемический смысл и употреблялось для обозначения людей, не только исповедывавших на словах новые взгляды, но и способных отстаивать их на деле. Таким нигилистам «Современник», конечно, сочувствовал всей душой, потому что такие нигилисты были далеки от базаровского типа, в понимании «Современника», и приближались к типу Лопухова и Рахметова.

В той же книжке «Современника», в которой напечатаны «Итоги», Некрасов в «Газетной» (стр. 513) довольно определенно подчеркнул различие в понимании слова «нигилист». Старый цензор, заядлый обскурант, с горестью признается, что, заметив в своем сыне отсутствие всякого «почтения к святыне» и спросив его:

В нигилисты ты что ли вступил? —

Он получил от него следующий ответ:

Нигилист — это глупое слово,
Говорит, но когда ты под ним
Разумел человека прямово,
Кто не любит жить чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодя освищет,
А при случае рад и побить —
Так пожалуй — зови нигилистом.

Задачу противопоставления лже-«новым людям» подлинно-«новых людей», поставленную и успешно разрешенную Чернышевским, пытались ставить и разрешать и другие беллетристы «Современника». Среди этих попыток, довольно-таки многочисленных, наиболее удачной следует признать попытку В. А. Слепцова как автора повести «Трудное время» (1865, №№ 4, 5, 7, 8).

По своей идеологии «Трудное время» — типично

¹ Здесь слово «материализм» употреблено не в философском, а в обывательском смысле, согласно которому материализм тождествен с стремлением к материальным благам.

«современниковская» повесть. В ней нашли себе место из года в год проповедывавшиеся в «Современнике» и неверие в якобы прогрессивные реформы «царя-освободителя», и резко-отрицательное отношение к представителям неискреннего и двоедушного русского либерализма, и глубокое сочувствие к ограбленному и забитому мужику, и непоколебимое убеждение в том, что только в революции и социализме выход из тупика, в котором находятся трудовые массы России. Носителем этого мировоззрения является центральный образ «Трудного времени» — радикальный писатель Рязанов, о котором одним из наших критиков (Дивильковским) уже давно было высказано мнение, что основные черты его идеологического облика «заимствованы из черт самого Чернышевского, как он рисуется из всех современных свидетельств о нем» («История русской литературы XIX в.», под ред. Овсяннико-Куликовского, т. III). Если эта догадка верна, а в пользу ее свидетельствуют веские соображения, то «Трудное время» приобретало для «Современника» совершенно особое значение — напомнить о главном вдохновителе журнала и его заветах в первую же годовщину правительственной расправы с ним.

Цензурный пресс, с исключительной силой давивший на «Современник» в 1863—1866 гг., не мог не оставить следов и на повести Слепцова. Разоблачительные речи Рязанова сплошь да рядом искажены так, что не всегда легко постигнуть их истинный смысл. Это дало повод К. И. Чуковскому свою статью о повести Слепцова назвать «Тайнопись Василия Слепцова в повести «Трудное время» (см. т. I «Сочинений В. А. Слепцова», изд. «Academia», 1932). Впрочем, не следует преувеличивать трудностей понимания этой «тайнописи». Когда Рязанов говорит, отвечая на вопрос: «Что же остается делать человеку, который потерял возможность жить так, как все живут?», — «остается выдумать, создать новую жизнь»,¹ то не надо быть особенно искушенным в чтении «тайнописи», чтобы понять, что в этом ответе заключается безусловное осуждение старого мира и не менее безусловная вера в новый мир. Заявление Марьи Николаевны, героини романа, о том, что, живя среди

¹ Курсив наш.

крестьян и рабочих, следует стремиться к тому, «чтобы у них все общее было»,¹ вскрывает социалистические тенденции повести. Слова того же Рязанова, обращенные к Марье Николаевне, мечтающей об открытии школы для крестьянских детей: «Ежели ты хочешь строить храм, то прими меры, дабы неприятельская кавалерия не сделала из него конюшни»¹ — содержит в себе принципиальное осуждение, в условиях тогдашней русской действительности, «культурничества», теории «малых дел», усердно пропагандируемой либералами-постепеновцами. Нет надобности доказывать, что единственно действительной мерой против «неприятельской кавалерии» является революция, и Рязанов, а вслед за ним и передовой читатель 60-х гг., прекрасно понимал это.

Если Рязанов, а в значительной степени и Марья Николаевна, быстро усваивающая его взгляды, — положительные герои «Трудного времени», подлинники представители «новых людей», то покидаемый Марьей Николаевной ее муж Щетинин, либерал на словах, пореформенный помещик-эксплоататор на деле, — отрицательный персонаж повести, разоблачению которого посвящено немало ярких и острых страниц.

Если добавить к сказанному, что глубина общественного смысла совмещается в «Трудном времени» с крупными художественными достоинствами, то появление этой повести на страницах «Современника» нельзя не признать большой удачей для журнала.

«Что делать?» и «Трудное время» — лучшие образцы произведений, посвященных изображению «новых людей» не только в «Современнике» интересующего нас периода, но и во всей русской литературе данной эпохи. Нужно сказать прямо, что до уровня Чернышевского и Слепцова как авторов этих произведений никто из современных им писателей оказался не в силах подняться.

Это прежде всего относится к А. Михайлову (Шеллеру), поместившему в «Современнике» два первых своих романа, посвященных все той же проблеме «нового человека», — «Гнилые болота» (1864, №№ 2, 3) и «Жизнь Шупова, его родных и знакомых» (1865, №№ 2, 3, 6, 7, 8). В первом из них на фоне описаний быта сначала семьи, к которой принадлежит герой, а

¹ Курсив наш.

затем школы, где он учится, изображается духовный рост этого последнего. В этом росте большую роль довелось сыграть учителю словесности Носовичу, который с помощью произведений лучших русских писателей (от Гоголя до Белинского и Герцена) сумел стать «крестным отцом» «духовного развития» целого кружка школьной молодежи. Однако от изображения того, в каком направлении разворачивается деятельность героя по завершению его духовного роста, автор уклонился. В результате фигуры и самого героя и его школьных товарищей вышли несколько расплывчатыми и неопределенными.

Если герой «Гнилых болот» — разночинец, то герой «Жизни Шупова» — отпрыск родовитого дворянского семейства. Повествуя об его детстве, омраченном ранней смертью матери и суровостью деспота-отца, об его школьных, затем университетских годах, автор подробно рассказывает, как постепенно из «барчонка» рождается «честный человек». Но опять-таки, какова программа практической деятельности этого честного человека и его единомышленников — на этот вопрос ни автор ни его герои определенных ответов не дают. Ведь нельзя же признать за такие ответы широковеда-тельные заявления вроде: «нужно, чтобы все честные люди были деятельны»; «не нужно покоряться судьбе»; «одного вы не можете сделать... вы не можете превратить нас в подлецов».

Если к сказанному добавить, что и в художественном отношении растянутые и вялые романы Михайлова не превышали уровня посредственности, то в окончательном итоге едва ли можно считать их особо ценным приобретением для «Современника». Однако этому выводу отнюдь не противоречит тот факт, что в соседстве таких произведений, как «Что делать?» и «Трудное время», романы Михайлова воспринимались несколько иначе, чем при чтении в отдельном издании. Ведь недоговоренное в них было договорено Чернышевским и Слепцовым. Общая же их тенденция — глубоко-отрицательное отношение к старой жизни, к старому дворянскому обществу, не исключая и тех его представителей, которые любят изображать из себя либералов, — не только не противоречила, а вполне соответствовала общему направлению журнала.

Мы говорили до сих пор о произведениях, в которых образы «новых людей» являются основными, ведущими образами. В целом ряде других произведений эти образы играют лишь эпизодические роли. Тем не менее и они заслуживают внимания, хотя бы уже потому, что самое количество их как бы свидетельствует о возросшем значении «новых людей» в общественной жизни. Знаменательно, что неизменным атрибутом «нового человека», если судить по этим произведениям, является его активное участие в борьбе с представителями старого общества.

Вот несколько тому примеров.

Алексей Петрович Пичугин, «молодой человек, незначительный чиновник, не имеющий никакого состояния», в пьесе Потехина «Вечеринка у бедной родственницы» (1863, № 9) не только не ищет покровительства влиятельных родственников своей жены, но не желает поддерживать с ними знакомства; если бы мог, «не пустил бы их на порог своего дома» (стр. 6).

На что уж матерая крепостница Анна Ивановна в «Истории барыни Анны Ивановны» (1865, №№ 7, 8), но ее сын Николай Васильевич не в нее пошел; он пытается заступаться перед ней за крестьян, навлекая на себя обвинение в том, что с «холопами против матери идет».

В «Отрезанном ломте» Потехина (1865, № 10) целых два «новых человека»: «мировой посредник» Демкин и сын помещика Хазиперова — Николай; оба они, жертвуя своими личными интересами, борются как против помещицкой эксплуатации, так и против семейного деспотизма.

Беллетристам «Современника», творческим девизом которых была верность жизненной правде, во имя этой правды приходилось изображать «новых людей» не только борющимися, но иногда и побежденными.

Вот «студент из семинаристов» Никита Знаменский из рассказа А. Плещеева «Лотерея» (1863, № 6). «Из далеких палестин, несмотря на запрет отца, пехтурою пришел он в столицу», чтобы учиться в университете, но одолели его горькая бедность и болезнь: умер он как раз накануне того, когда судьба, точно в насмешку, послала ему случайную удачу — его лотерейный билет выиграл часы.

Вот бедный канцелярист Федор Иванович Кузьмин из рассказа Решетникова «Похождения бедного провинциала в столице» (1865, № 12). «Служба ему опротивела», захотелось поступить в университет и «быть литератором». Приехал в Петербург, но здесь его постигают сплошные неудачи: он спивается и умирает в Обуховской больнице. Рассказ Решетникова, представляющий часть его автобиографии, силен своей непосредственностью: на каждой странице его чувствуется, что в основу обстоятельного повествования о неудачах Кузьмина положен материал, хорошо известный автору по личным переживаниям.

Некоторая, впрочем довольно-таки слабая, печать автобиографизма лежит и на отрывках из замечательного, к сожалению незаконченного романа Н. Г. Помяловского «Брат и сестра» (1864, № 5). По словам биографа Помяловского Н. А. Благовещенского, «главная мысль романа была следующая: родные брат и сестра вошли в жизнь с потребностями честной деятельности, но потерпели полное фиаско. Брат, по природе плебей и ярый проповедник разных либеральных идей, набросился на общество с обличеньями и пропагандою новой жизни, но от неумения взяться за дело был отринут обществом, дошел до крайних пределов бедности и под конец жизни проклял свои честные стремления. Сестра, будучи гувернанткой, действовала тем же путем, держалась нравственности в тесном смысле этого слова и дожила до того, что прокляла свою честную нравственность».

Отсюда видно, что роман Помяловского в своем объяснении неудач, постигавших новых людей, представлял бы несравненно больший интерес, чем только что упоминавшиеся рассказы Плещеева и Решетникова. В них эти неудачи объяснялись преимущественно *внешними* причинами, как то крайней материальной необеспеченностью и порожденной ею привычкой искать забвения в пьяном дурмане. Помяловский же предполагал, видимо, на первый план выдвинуть причины *внутреннего* характера и прежде всего — «неумение взяться за дело». Впрочем, он отнюдь не собирался игнорировать и причин внешних. Зная по собственному горькому опыту, какую поистине роковую роль в жизни русского интеллигента-разночинца, в частности писателя-разно-

чинца, играет алкоголизм,¹ он набросал поистине вдохновенные, мало имеющие себе равных во всей русской литературе строки о «матери-сивухе».

«О, препоганая мать-природа, зачем ты создала мать-сивуху, — чтоб тебе насквозь прошло!.. Великий русский народ, расшиби ты поганую посуду с поганой сивухой, наплюй в окна кабаков и в рожи их производителей!..» («Брат и сестра» — «Современник» 1864, № 5, стр. 136—139).

Чрезвычайно любопытны те строки романа, где говорится об отношении его героя к народу и вместе с тем вскрывается органичность его крестьянского демократизма: «В детских годах героя должно показать те влияния, которые создали в его характере честные стремления. Как на своей шкуре, так и на родных, он должен был почувствовать весь гнет окружающей его обстановки. Любя старуху няньку, Прасковью, кривоглазую девку, слушая сказки и песни народа, играя с мужиченками в разные игры, он любил народ, и тогда уже у него стал складываться особый взгляд на мужика, — он понимал его. Он видел предрассудки и суеверия, бездельную бедность и пьянство, замкнутость и глубоко-сокрытое в душе ожесточение, но понимал, что первые истекают из положения мужика: ни от кого нет ему защиты, и простолудин обращается поневоле к разным домовым и лешим; что его никто ничему не учил, и вот он потешается Милитрисой Кирбитьевной; что в вине он топит свое горе. Эта среда переделала натуру Потесина в мужичью; она, по своей сущности, и осталась мужичьей. Он даже разделял тяжелый труд народа... Но он был поставлен счастливее мужика...» (стр. 102).

Беллетристы «Современника», говоря о «новых людях», не делали никакого различия между мужчинами и женщинами. Соответственно с этим, в произведениях, рисующих образы «новых людей», образам новых женщин уделяется очень много внимания.

И здесь первое место принадлежит «Что делать?». Страницы, посвященные Вере Павловне, — одни из

¹ Это относится не только к Помяловскому, но к очень многим писателям того времени, в частности к таким ценным сотрудникам «Современника», как Решетников, Левитов, оба Успенские, Слепцов...

лучших страниц романа. Данный образ воплощает в себе и идею борьбы против патриархальной семьи, и стремление к лучшему, на социалистических основаниях построенному будущему, и работу во имя претворения этого стремления в жизнь. Но образ этот — не единственный женский образ в романе; его дополняют образы Кати Полозовой, впоследствии жены Бьюмонта, и образ дамы в трауре (едва ли не жены самого Чернышевского), сменившей свое траурное платье на розовое, когда произошла «перемена декораций», т. е. революция.

Интересен и образ Марьи Николаевны Щетининой в «Трудном времени». Она разрывает со своим мужем и уезжает из его имения не потому, что увлеклась другим, в данном случае Рязановым, — это был бы шаблонный исход, — а потому, что пришла к глубоко-отрицательному взгляду на те либеральные теории и практику, которым служит Щетинин. «Я еду, — говорит она Рязанову, — для того, чтобы начать новую, совсем новую жизнь. Мне эта опротивела; эти люди мне гадки, да и вся эта деревенская жизнь. Я могла жить здесь до тех пор, пока я еще ждала чего-то, одним словом пока я верила: теперь я вижу, что больше ждать мне нечего, что здесь можно только наживать деньги, да и то чужими руками. К помещикам и ко всем этим хозяевам я чувствую ненависть, я их презираю; мужиков мне, конечно, жаль, но что же я могу сделать...» (1865, № 8, стр. 525).

В наделавшей шуму и возбудившей, как мы видели, сильную тревогу в цензурных инстанциях повести Леона Бранди «Смелый шаг» (1863, № 11) жена Сретнева Лизанька также разочаровывается в муже, типичном представителе либерализма, но уже не помещичьего, а торгово-промышленного, и уходит к молодому радикально настроенному бедняку-студенту. В этом и заключается ее «смелый шаг», благодаря которому она не только очутилась в объятиях любимого человека, но и «из барыни стала пролетарием» (стр. 56). Прогрессивное значение этой повести несомненно, хотя автору решительно оказалось не под силу ни сколько-нибудь четко обрисовать идеологические облики своих героев и героини (за исключением, быть может, мужа-либерала), ни тем более подняться высоко как художнику.

Если Марья Николаевна и Лизанька Сретнева поки-

дают своих мужей, то Таня — персонаж «Благодетеля» (1864, № 6) — бежит из дому своего дядюшки богача Куличова, не желая быть насильно выданной замуж, — бежит в далекий, сулящий новую жизнь и новые впечатления Петербург. Впрочем, Таня — эпизодическое лицо в пьесе А. Пальма, и образ ее не разработан сколько-нибудь углубленно.

Черты новой женщины присущи и героине вялой и растянутой повести С. Елистратовой «Неугомонная» (1865, № 5) — Соне Ельминой, хотя, вообще говоря, и в характере и в романтических похождениях этой последней мало жизненной правды. Повесть кончается выходом Сони замуж за человека, которого она любит и который достоин ее любви.

Основной тон упоминавшихся до сих пор рассказов и повестей о новой женщине — бодрый и оптимистический, но это не значит, что беллетристы «Современника» закрывали глаза на те препятствия, которые сплошь да рядом приходилось преодолевать русской женщине на пути ее стремления к новой и свободной жизни.

На некоторые из этих препятствий указывал еще Чернышевский, например в тех главах романа, которые посвящены изображению борьбы Веры Павловны с материнским деспотизмом.

О трудности положения девушки, не удовлетворяющейся обывательской жизнью, хотя бы эта обывательская жизнь прикрывалась мишурой великосветскости, рассказывает А. Я. Панаева (Станицкий) в повести «Фантазерка» (1864, № 9). Молодая девушка-аристократка, под влиянием чтения «русских журналов», «серьезных книг», под влиянием толков «о современном назначении женщины», проявляет полнейшее равнодушие к светским удовольствиям. Однако тот человек, в котором она видела воплощение передовых стремлений и которого полюбила горячо и самоотверженно, оказывается пустым и легкомысленным болтуном. Узнав об его связи с замужней женщиной (ее сестрой), героиня кончает самоубийством.

Гораздо более стойкая натура изображена той же Панаевой в «Рассказе в письмах» (1864, № 7). Это опять-таки молодая девушка светского круга. Она бросает родительский дом и уезжает в Петербург, ибо поняла, «как позорно жить праздною барышней, ищущей себе

жениха». В Петербурге она сходится с кружком передовых людей и, проникнувшись уверенностью, что «мириться с пошлостью и подлостью не может честный человек», отдается деятельности «на пользу общественную». Однако, какая это деятельность — мы не знаем, так как героиня не решается писать об этом даже сестре, боясь довериться почте. Рассказ обрывается намеком на то, что и героиня повести и некоторые из ее друзей, как в Петербурге, так и в провинции, арестованы (см. стр. 167—168). Именно намеком, а не сколько-нибудь точным указанием фактического характера, — подобного рода указание, очевидно, было невозможно по цензурным мотивам. Во всяком случае, содержание «Рассказа в письмах» дает достаточное основание для вывода, что в нем имелась в виду деятельность кружка, не чуждого революционным замыслам.

Итак, если в «Фантазерке» героиня расплатилась жизнью за свою попытку порвать со старым обществом, то в «Рассказе в письмах» участие в борьбе против этого общества приводит героиню в тюрьму...

Печально заканчивается и история молоденькой купеческой дочери Любы в рассказе Н. Дружинина «Люба» (1863, № 12). Страстная любительница чтения, девушка с необыкновенным, пытливым и смелым умом, она, благодаря, с одной стороны, книгам, с другой — счастливой случайности, давшей ей возможность познакомиться с интеллигентной семьей, быстро развивается, быстро идет вперед. Но — увы! — ей приходится жить в кошмарной обстановке. Хрупкое здоровье Любы не выдерживает. Незадолго до смерти она подозвала своего братишку и сказала ему: «Когда вырастешь, непременно поступай в университет...» — «Буду, буду в университете, милая, дорогая Люба! Только выздоравливай...» — отвечал он ей и сдержал впоследствии свое обещание. Этот конец несколько смягчает грустный колорит всего рассказа.

В своей борьбе за эмансипацию женщин «Современник» привлекал и иностранную литературу. В большой статье «Американские нравы» (1865, № 1) А. Н. Пыпин на основании материалов повести Бэйярд Тэйлора «Ханна Торстон»,¹ немецких и одного французского

¹ Повесть эта печаталась в виде приложения к «Современнику» за 1864 г. и в том же году вышла отдельным изданием.

сочинения попытался дать широкую картину положения женщины в Северной Америке. Сущность многочисленных приводимых им фактов, которые рисуют роль женщины в семейной, школьной, общественно-политической, наконец религиозной жизни, говорит о своеобразном характере и огромных успехах идеи женской эмансипации в Америке. Статья эта, безусловно, должна была настраивать читателей «Современника» оптимистически, ибо всем своим содержанием звала следовать примеру американцев и твердила о том, что эмансипация женщины не утопия, а нечто вполне реальное и достижимое.

V

Успех дела, за которое боролись революционные демократы 60-х гг., зависел, по их мнению, от того, насколько быстро пойдет процесс формирования кадров «новых людей». Так как эти кадры в основном создавались и пополнялись из рядов молодежи, в частности учащейся молодежи, то, естественно, огромное значение приобретали, в их глазах, вопросы воспитания как домашнего, так в особенности общественного, школьного. Вот почему в эту именно сторону было устремлено внимание очень многих беллетристов «Современника». С делающей им честь настойчивостью и последовательностью, а иногда и с несомненным художественным талантом они твердили о том, что дело воспитания молодого поколения поставлено из рук вон плохо. Нередко им приходилось указывать на те поистине безобразные явления, которые характеризовали воспитание домашнее, еще чаще — на совершенную неудовлетворительность воспитательной системы, если только в данном случае можно говорить о системе, практиковавшейся в учебных заведениях различных типов.

Выше в связи с характеристикой романа «Жизнь Шупова» (1865, № 1) отмечалось, как воспитывали детей в аристократическом доме Шуповых, какие бесчеловечные экзекуции сплошь да рядом учинялись родителями, мнящими себя образованными, над своими детьми. Полное нежелание вникнуть в детскую психологию, строгость в качестве основного воспитатель-

ного принципа характеризуют и светскую семью, изображенную в большой повести Вадима «Тьма» (1863, № 12).

В купеческих семьях дело обстоит еще хуже. Недаром Андрей Титыч Брусков («Тяжелые дни», 1863, № 9), говоря о своем положении в родительском доме, сравнивает себя с «арестантом»: «Дома все одно, что в остроге, знакомства хорошего по своему образованию не имею, любить меня за мое невежество никто не соглашается... Какая эта жизнь! Только одно и остается, что запить-с... Может быть не одна сотня нашего брата, очень хороших людей, таким манером погибла» (стр. 217). Ответственными за эту гибель являются прежде всего родители, среди которых, — в особенности, если взять купеческую среду, — монстры, подобные старшему Брускову, не являются редкостью.

А вот другая купеческая семья, в которой насильничает уже не отец, а пристрастившаяся к водке мамаша («Люба» — «Современник» 1863, № 12). Когда дочь пытается бороться с этим ее пристрастием, то разыгрываются страшные сцены, вроде следующей: «Через минуту я услышал отчаянный крик. Не долго думая, я вскочил в отворенное окошко, выйдившее в сад, и ужаснулся. Мать волочила Любу за волосы и приговаривала: — А, попалась-таки мне, воровка! живую не выпущу!»

Если Люба, не вынеся такого обращения, захворала и умерла, так что в данном случае можно говорить о физическом убийстве дочери матерью, то еще чаще родительский деспотизм приводил молодежь к моральной смерти. В рассказе Шмелева «Город Бучиллов» (1863, № 4) повествуется о том, как властная и суровая мать милого, но слабохарактерного юноши Вани Лихова сначала лишила его возможности получить образование, затем, воспрепятствовав ему жениться на любимой девушке, выбрала ему жену по своему вкусу («это была какая-то машина, которая пила, ела, спала, родила, кормила да трещала неумолчно; у нее и зародыша мысли в голове не было», стр. 350). Мало того, она до тех пор пилила сына, пока он, по натуре честный и добросовестный, не сделался взяточником. Пьянство, при таких условиях, становится для Вани Лихова единственным средством забвения.

В данном рассказе, как видит читатель, воспитательная тема перерастает в тему «отцы и дети». Нужно ли говорить, — при желании это нетрудно было бы подтвердить множеством примеров, — что в распре первых и вторых сочувствие «Современника» целиком было на стороне вторых?! Вспомним хотя бы борьбу Веры Павловны с ее матерью Марьей Алексеевной Розальской, столь ярко и художественно обрисованной Чернышевским («Что делать?»). Если благодаря Лопухову Вера Павловна выходит из этой борьбы победительницей, то это ведь скорее исключение, чем правило. Не всегда ведь вблизи находятся люди, подобные Лопухову.

Среди многочисленных произведений беллетристического отдела «Современника», посвященных изображению воспитания в учебных заведениях, на первое место должны быть выделены произведения, описывавшие бурсу (семинарию) и бурсацкую жизнь, — прежде всего потому, что среди авторов их мы находим такого выдающегося художника, как Н. Г. Помяловский. Не все из его несравненных; единственных в своем роде «Очерков бурсы» были напечатаны в «Современнике»,¹ но и тех из них, которые появились на страницах некрасовского журнала, было совершенно достаточно, чтобы упрочить за их автором славу первого в русской литературе бытописателя бурсы. Это — «Женихи бурсы» (1863, № 4), «Бегуны и спасенные бурсы» (1863, № 7), т. е. именно те рассказы, которые составляют третий и четвертый из «Очерков бурсы».²

Широкая популярность «Очерков бурсы» и в наше время делает излишней сколько-нибудь подробную характеристику их на страницах настоящей книги. Нелишнее будет только отметить, что, независимо от их выдающихся художественных достоинств, некоторые их страницы очень остры в социальном смысле.

Для примера сошлемся хотя бы на проникнутые гневом и возмущением протесты автора по адресу того порядка вещей, при котором «бурсак, сеченный, быть

¹ Часть их, как известно, появилась в «Времени».

² Не забудем, что в «Современнике» того же 1863 года (№ 11) появился и незаконченный отрывок «пятого очерка», под заглавием «Переходное время бурсы». К сожалению, в этом отрывке не было и шести печатных страниц.

может, раз четыреста,¹ унижаемый и уродуемый нравственно, умственно и физически, часто в продолжение четырнадцати лет,² наконец после такой педагогической дрессировки заслуживший диплом, дающий, по видимому, ему право получить место в приходе — не иначе может достигнуть этого, как обязавшись взять такую-то, по назначению от начальства, казенную, закрепленную девицу». «Выходит что-то вроде того, — с возмущением добавляет автор, — когда, бывало, помещики женили своих крестьян, а не то, чтобы крестьяне сами женились»³ (стр. 564).

И далее: «нечего и говорить», что при подобных условиях «брак есть зло и поругание самых дорогих, самых святых прав человечества...» (стр. 565).

В том же рассказе, говоря о бурсацкой науке, автор утверждает, что она настолько «трудна и нелепа», что вдолбить ее иначе, как с помощью «противоестественных и страшных мер преподавания», нет никакой возможности. Напрашивается вывод: «значит, вся причина главным образом не в учителях и не в бурсаках, а в бурсацкой науке, чтоб ей сгинуть с белого света.»⁴ Мало-мальски развитой семинарист всегда вспоминает о ней с ужасом» (стр. 573—574). Вся смелость этих слов проявится в полной мере только тогда, когда мы вспомним, что основным предметом преподавания в бурсах было богословие. Ему-то, очевидно, в первую голову и было адресовано пожелание «сгинуть с белого света».

В «Бегунах и спасенных бурсы», — рассказе, написанном особенно сильно (не забудем, что центральный образ рассказа Карся — образ автобиографический), — есть картины и сцены, которые невозможно забыть. Сюда прежде всего относится сцена сечения несчастного Карся «на воздушях».

«Справа свистнули лозы, слева свистнули лозы; кровь брызнула на теле несчастного, и страшным воем

¹ Факт, известный нам из биографии Помяловского.

² Учение Помяловского в школах духовного ведомства продолжалось тоже четырнадцать лет.

³ И в этом и в предшествующих случаях — разрядка Помяловского.

⁴ Курсив наш.

огласил он бурсу... Он не произнес ни одного слова в оправдание, ни одной мольбы о пощаде, раздавался только крик живого мяса, в которое впивались красными и темными рубцами жгучие острые яростные лозы... Тело страдало, тело кричало, тело плакало» (стр. 207).

Неудивительно, при таких условиях, что «главным началом» в бурсацком коллективе должна была сделаться «ненависть к своему начальству»...

Бурсацкие нравы изображены и в раннем рассказе Помяловского «Махилов», напечатанном в «Приложениях к биографии Помяловского» (1864, № 5, стр. 155—168).

В духе Помяловского бурсацкую жизнь и самоубийство одного из бурсаков, умного и способного, но затравленного начальством, Глазыря описывает и П. Новицкий в своем очерке «Кое-что из жизни заскамейной» (1863, № 6).

Путем Помяловского пошел и Левитов в своих зарисовках бурсы и бурсаков в рассказе «Бабушка Маслиха» (1864, № 8).

Как ни ужасны были педагогические приемы, практикуемые над несчастными бурсаками, — с ними легко мог выдержать сравнение педагогический режим, господствовавший в некоторых военно-учебных заведениях. Это прежде всего относится к содержанию большой повести Свячченко «Хроники жизни солдатского сына Дмитрия Журбы» (1865, №№ 9 и 10), которая, как помнит читатель, привлекла к себе недоброжелательное отношение цензуры (см. выше, стр. 107). Она делится на две части. В первой, на фоне неплохо сделанного описания жизни украинского крестьянства, изображаются горе семьи, сына которой забрали на военную службу, безрадостная жизнь жены-солдатки, ее измена отсутствующему мужу, возвращение последнего, избивание им жены и т. д. Во второй части центральная фигура — это сын солдатки Дмитрий Журба, насильственно взятый в кантонисты и изведавший все ужасы той муштры, которой грубые, бессердечные, невежественные офицеры-учителя подвергают своих загнанных, забитых, скованных мертвящей военной дисциплиной питомцев и во время военных учений и в классах.

В корпусах, где учатся дети сравнительно привилегированных родителей, конечно, не бывает таких ужасов, как в училищах для кантонистов. Тем не менее и корпусное воспитание и корпусная учеба стоят на очень низком уровне. Об этом говорят помещенные в «Современнике» повести «Закоулок» Фед. Берга (1863, №№ 1—2 и 3) и «Былое» А. Заилийского (1864, № 5).

Первая, принадлежащая перу опытного писателя, не лишена несомненного интереса, в особенности в своей бытописательской части. Нужно ли говорить, что изображенный в ней быт корпуса не представляет сколько-нибудь утешительного зрелища? Между офицерами-воспитателями и кадетами ведется постоянно война. Меры воспитательного воздействия на кадетов — оставление без обеда, карцер, а в экстренных случаях телесное наказание пред целым батальоном. В повести Берга есть хотя и завуалированные, но все же без особого труда расшифровываемые намеки на то, что в атмосфере закрытого учебного заведения среди молодежи развиваются порочные привычки, в частности однополая любовь. Борьба с этими привычками ведется исключительно с помощью репрессий.

Логическим следствием такой постановки военно-учебных заведений является низкий умственный и нравственный уровень питомцев этих заведений, т. е. будущих представителей командного состава «российского христоролюбивого воинства».

Мы не рискнули бы утверждать, что беллетристы «Современника» уделяли особенно много внимания изображению военной среды, однако в тех произведениях, в которых она все-таки изображается, обычно выдерживается резко-сатирический тон.

Вот генерал Мордасов в «Благодетеле» (1864, № 6). Правда, он уже в отставке¹ и, живя в своем имении, занят служением отечеству преимущественно на гражданском поприще, т. е. всячески старается притеснить

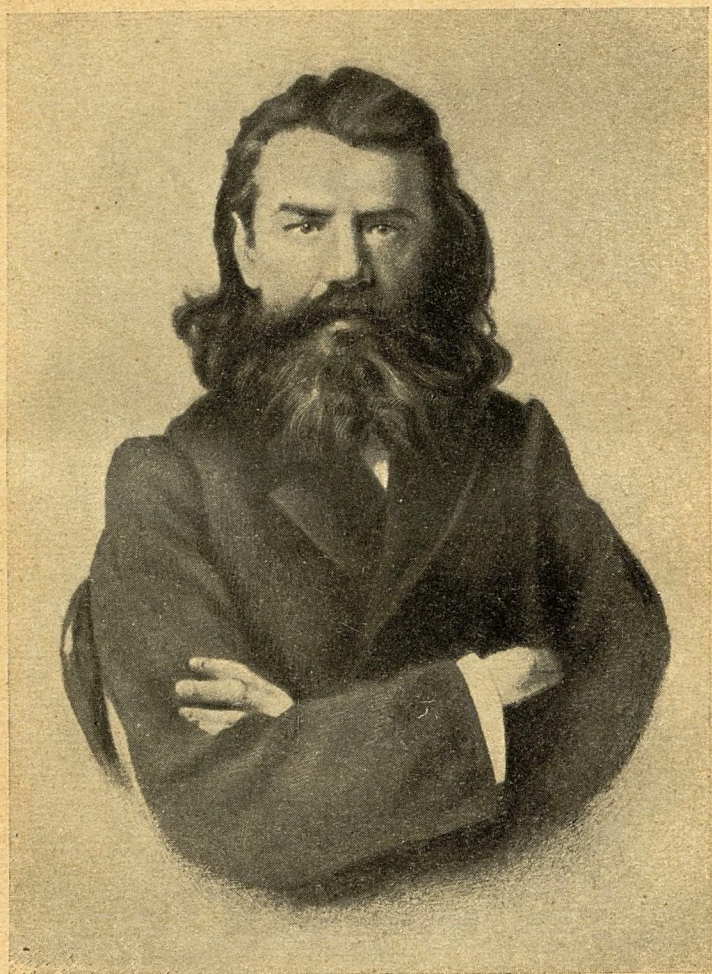
¹ Любопытно, что все три военных персонажа данной пьесы — или в отставке или в бессрочном отпуску, а не на действительной службе. Едва ли здесь не сказался нажим цензуры: сатирически изображать военных, состоящих на действительной службе, не полагалось.

и обжегорить своих крестьян, однако в любое время готов возобновить военную службу, причем выражается на сей счет следующим образом: «Хоть и «стара стала», и в двух кампаниях уже побывал, а все-таки за царя и за отечество готов!.. Постоим за святую Русь! Бррр-у! шапками басурманов закидаем!»

Наиболее яркое изображение военного дано, однако, не в пьесе Пальма, а в очерке Салтыкова-Щедрина «Как кому угодно» (1863, № 8). Это уже известный нам третий сын Марьи Петровны Воловитиновой — Феденька, «буйн' по натуре». «Каждый приезд Феденьки в родительский дом равнялся неприятельскому погрому... Во-первых, всех горничных непременно перепортит, и не то, чтоб лаской или резонным усоветиванием, а все арапником да нагайкой; во-вторых, божьего дара не столько припьет-приест, сколько озорством разбросает; в-третьих, из всего дома словно конюшню делает...»

Мордасов, Феденька Воловитинов — не только представители военной среды, но и так называемые «светские люди».

В упоминавшемся уже выше рассказе А. Плещеева «Лотерея» (1863, № 6) перед нами опять-таки офицер в отставке (sic!), но уже не светского, а самого армейски-плебейского обличья. Вот как его характеризует студент Знаменский: «Особенно мне претит здесь офицер один отставной, Шалфеев. Это, братец ты мой, такая назойливая скотина, что и сказать нельзя. Одна физиономия чего стоит: красная, вся в угрях и с нафабранными усами, завитыми в кольца. А ведь воображает, что он красавец; мыла себе разные душистые покупает и перед зеркалом по целым часам сидит. Вздумал он, как-то, раз ко мне с разговором подъехать, историю свою рассказывать. Кровь, говорит, проливал за отечество; потом вышел в отставку за ранами... и тотчас же в Санктпетербург катнул!.. — Это все хорошо, говорю, но чем же вы здесь заниматься намерены? — А постараюсь пристроиться. — То есть, как же оно пристроиться?.. — Здесь, говорят, можно из купеческого звания невесту с капиталом найти... А не то и так... Богатую даму, пожилых лет... которая бы на денешки не скупа была. Наш брат военный на это дока. — И

Г. З. Елисеев

М. А. Антонович

при этом подмигнул самым подлейшим образом. Один у него разговор и есть — это насчет клубнички»...

Приведенных примеров достаточно для вывода, что сатирические выпады беллетристов «Современника» против представителей российского офицерства были сугубо-резкими. Вполне допустимо предположить, что это отношение создалось не без влияния той печальной роли, которую царская армия, руководимая своим командным составом, оказавшимся в массе своей, несмотря на оптимистические прогнозы некоторых, настроенным весьма верноподданнически и реакционно, сыграла в деле борьбы с поднимавшейся (но не поднявшейся!) волной крестьянской революции. «Усмирение недовольных царским «освобождением» крестьян с помощью воинской силы», — по тем временам тема совершенно нецензурная. И «Современник» лишен был всякой возможности ее касаться. Тем не менее на его страницах, например в очерках Якушкина «Велик бог земли русской!» (1863, № 1—2), проскальзывали указания на многочисленные факты таких усмирений.

А вот весьма двусмысленно звучащее стихотворение Ф. Берга «Солдатики», напечатанное несколькими страницами ниже знаменитой заключительной главы романа «Что делать?» — «Перемена декораций» (1863, № 5):

Заиграло солнышко на касках, на штыках,
Сбоку офицерики гарцуют на конях.

Идут, идут с песнями, рядами — погляди —
Машет-пляшет, прыгает в присядку впереди.

Туго барабанчики позвякивают в раз,
Песенка солдатская закатом полилась!

Песенка солдатская громка и далека,
По полю промчалась до синего леска.

С бубнами, с трезвонами солдатики поют:
В роще всполохнулись — не нас ли бить идут?¹

Если принять во внимание, что это стихотворение имеет форму крестьянской песни, то последний вопрос

¹ Курсив наш.

получает весьма определенный смысл: крестьяне опасаются, что солдаты посланы «бить» именно их. В дальнейшем оказывается, что опасения крестьян на этот раз не обоснованы: «царский полк» уходит «дальними дорогами». Но куда?.. Уж не в Польшу ли? — навертывается предположение, вполне естественное, если учесть, что стихотворение было напечатано в майской книжке 1863 г., т. е. в разгар польского восстания. В 1861—1862 гг. умирляли «нас», т. е. русских крестьян; в 1863 г. пошли умирять «польских мятежников».

Вернемся, однако, к беллетристическим откликам «Современника» на вопросы, связанные с воспитанием молодого поколения. Журнал не оставил без внимания и гражданских учебных заведений, т. е. гимназий. И здесь рисуемая им картина поражает своей безотрадностью. В «Жизни Шупова» (1865, № 3) повествуется о том, как умный и честный Колька, вскоре после того, как сделался «красною говядиной», т. е. надел гимназический мундир с красным воротником, стал непримиримым врагом всего педагогического персонала: столько несправедливости и сознательной нечестности он видит с его стороны (стр. 17—26).

В «Тьме» Вадима (1863, № 12) в ряду гимназических преподавателей изображен учитель Дробилов, которому гимназисты с возмущением и гневом кричат (конечно, не в лицо, а в спину): «Волк, пьяница, кровопийца», ибо он «запорол» (в самом буквальном смысле слова) их товарища Беянина (стр. 454—455).

Вслед за изображением воспитания в казенных учебных заведениях, главным образом духовного и военного ведомства, на страницах журнала находим немало картин и образов, характеризующих очень многочисленные в то время частные пансионаты, которые иногда играли роль общежитий для школьников, а иногда являлись и общежитиями и учебными заведениями одновременно.

Частный пансион последнего типа изображен в «Жизни Шупова» (1865, № 5, стр. 262—310). В этом пансионе были в ходу и сечение, и сажание в карцер, и другие прелести тогдашней педагогической системы, но особых ужасов все же не происходило, — конечно, если

не считать того, что весь уклад школьно-пансионской жизни приводил к полному обезличению учащихся.

Едва ли не самые мрачные и потрясающие читателя страницы в «Современнике» данного периода времени содержатся в неоднократно уже упоминавшемся рассказе Вадима «Тьма», говоря конкретно — в той части его, где изображается частный пансион настоящего изверга в педагогическом мундире Дробилова, которому избиение своих питомцев доставляет садическое наслаждение. Главы XVIII и XIX, в которых повествуется о той поистине зверской экзекуции, которой подвергся маленький гимназистик Ваня, прозванный «чижилом», — эта экзекуция стоила ему жизни, — должны быть отнесены к наиболее жутким, к наиболее кошмарным картинам, которые только создавались рукою русского художника слова. Они вполне оправдывают заглавие рассказа, предвосхитившее заглавие одного из самых мрачных произведений Леонида Андреева.

Наряду с нравами русских учебных заведений различных типов в михайловских «Гнилых болотах» (1864, № 2) изображаются нравы, царящие в одной из немецких школ тогдашнего Петербурга. Несомненным достоинством повести Михайлова являются подробные, не лишенные иной раз художественности характеристики учителей, среди которых выделяется своей жестокостью преподаватель немецкого языка Рейтман («бить, бить и бить было манией этого бочкообразного господина»), а своей добротой — преподаватель математики Мейер. Однако в первые годы пребывания героя в школе тон задают именно «наследственные палачи» типа Рейтмана, и только к концу его пребывания в нем, с появлением таких учителей, как Носович (см. выше, стр. 227), в нудную школьную атмосферу врывается свежая струя.

Изображению женского учебного заведения (пансиона) посвящены первые страницы повести С. Елистратовой «Неугомонная» (1865, № 5). В нем, конечно, господствует более гуманная атмосфера, чем в мужских учебных заведениях, но это еще отнюдь не значит, что она с какой-либо стороны заслуживает похвалы. «Что делают здесь из детей: — учат танцевать, декламировать стихи, они отчетливо пересчитают

главные города Франции и не в состоянии дать ответа на самый простой вопрос, хотя например: для чего они все это изучают?... Нам запрещают высказывать наши взгляды. От нас требуют безусловного повиновения мишурной тактике пансиона; из нас создают целую коллекцию движущихся кукол, затянутых и накрахмаленных; в нас подавляют все живое, человеческое».

Подобного рода рассуждения и тирады на педагогические темы, хотя и содержатся в тексте беллетристических произведений, однако по своей публицистичности близки к тем педагогическим статьям, которые нередко печатались в 1863—1866 гг. в «Современнике». Среди них выделяются: «Педагогические беседы» А. Слепцова—1863, №№ 1—2 и 9; «Наши толки о народном воспитании» А. Пыпина—1863, № 1—2; «Наши толки о народном образовании» его же—1863, № 5; «Классические или реальные гимназии? (По поводу спора гг. Каткова и Леонтьева с г. Вороновым)» его же—1863, № 9; «Гимназии и семинарии» Г. Елисеева—1865, № 10.

Мы не исчерпали в нашем обзоре всего беллетристического богатства «Современника» интересующего нас периода, ибо выделили только основные темы, приурочивая к каждой из них ряд соответствующих произведений. Однако, кроме произведений на эти основные темы, в «Современнике» печаталось немалое количество произведений, затрагивавших иные, пусть не основные, но иной раз не лишённые существенного значения темы. Сюда можно было бы, например, отнести ряд произведений, живописующих серую и скучную жизнь русской провинции, к которой и в 60-е гг. не в меньшей степени, чем во времена Белинского, подошло бы крылатое определение великого критика—«гнусная расейская действительность». Нам уже приходилось ссылаться в предыдущем изложении, — правда, в несколько ином плане, — на «Город Бучилов» Шмелева (1863, № 4), на эту скорбную повесть о провинциальном болоте, в котором с роковой неизбежностью хиреют, увядают, а под конец и гибнут молодые силы. Та же тема положена в основу рассказа Н. Преображенского «Общественный деятель» (1864, № 1), некоторыми сторонами своего содержания напоминаю-

шего знаменитого чеховского «Ионыча». «Чета», «очерк из быта уездного городка», Бенецкого (1864, № 10) производит чрезвычайно тяжелое впечатление: настолько кошмарна изображенная в нем неизбывная пошлость мещанской жизни, воплощенная в омерзительном образе Катеньки. Эта же пошлость является главной темой рассказа Приволжского «Мещанский день» (1866, № 1).

Во всех этих рассказах речь идет об уездных городах. Боянск, о котором повествуется в рассказе за подписью «Ст...ий»¹ «Житие в городе Боянске» (1863, № 11), — губернский город, но умственный и нравственный уровень его жителей немногим выше, чем в уездных городишках. Чего стоит хотя бы картина поистине гомерического пьянства, которое приводит, например, к тому, что упившийся до положения риз мещанин спит, лежа в реке, причем из воды высовывается лишь бородатая голова его, покоящаяся на крупном прибрежном камне (стр. 122).

Несколько особняком среди произведений этого рода стоят «Письма об Осташкове» В. А. Слепцова (1863, №№ 1—2 и 3), начавшиеся печатанием в журнале еще с 1862 г. (№ 5). К. И. Чуковский во вступительной статье к собранию сочинений Слепцова совершенно правильно замечает об этих «Письмах» и очерках «Владимирка и Клязьма», что «это работы классические и до сих пор не утратили жгучести». Не утратили потому, что «в них Слепцов, по своему обычаю, обличает не какое-нибудь отдельное зло, а всю систему тех насилий, лицемерий, обманов, жестокостей, на которых зиждется хозяйственная деятельность «сытых и сильных». При помощи «экономии» он выводит на свежую воду всевозможные гуманства «имущих и просвещенных представителей нации» (вступительная статья к собранию сочинений Слепцова).

Не меньшее значение в ряду произведений, посвященных изображению провинциальной жизни, чем «Письма об Осташкове», имеют «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского (1866, №№ 2 и 3). Нет надобности распространяться, что это произведение, рисующее беспросветную темноту и грубость мещанских

¹ Псевдоним Шиманова.

правов, хищническую эксплуатацию скупщиком зависимых от него людей, являлось ценным приобретением для «Современника» и сразу же обратило внимание на своего автора.

Можно было бы еще выделить несколько произведений на затронутые в предшествующем изложении темы. Думается, что в этом нет надобности. И приведенных ссылок с избытком достаточно для обоснования ранее высказанного мнения о том, что беллетристический отдел «Современника» в 1863—1866 гг. стоял на значительной высоте как в чисто-художественном, так и в общественном отношении. Все сколько-нибудь важные вопросы современности находили в достаточной степени яркий отклик на страницах этого отдела и неизменно разрешались в полном соответствии с основами революционно-демократической платформы журнала.

Но, с другой стороны, совершенно бесспорно, что небеллетристическая часть журнала, лишенная участия таких титанов русской общественной мысли, как Чернышевский и Добролюбов, — значительно упала.

Прежде чем обратиться к ее анализу, остановимся вкратце на единственном номере «Свистка», относящемся к этому периоду времени («Свисток», № 9, см. «Современник», 1863, № 4).

Прежде всего приведем его содержание, ставя в прямые скобки действительные имена авторов статей,¹ скрытые под анонимами и псевдонимами.

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

«Свисток» и его время. Опыт истории «Свистка» [Антонович].

Вступительное слово «Свистка» к читателям [Некрасов].

Цензор впоыхах (Лесть в виде грубости). Михаил Змиев-Младенцев [Салтыков-Щедрин].

¹ Авторство М. Е. Салтыкова-Щедрина в отношении произведений, помещенных в этом номере «Свистка», давно уже прояснено автором этих строк. Теперь, основываясь на тех же источниках — материалах архива конторы «Современника», — мы проясняем авторство и других сотрудников этого номера «Свистка».

Письма отца к сыну [Антонович].

Московские песни об искушениях и невинности. Мих. Змиев-Младенцев [Салтыков-Щедрин].

Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или искание розы без шипов [Салтыков-Щедрин и Антонович].

Секретное занятие. Комедия в четырех сценах [Салтыков-Щедрин].

Краткий некролог и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова [Жемчужников]:

1) Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком? Комедия естественно-разговорная.

2) Проект.

Песня об «Очерках». Савва Намордников [Некрасов].

Песнь московского дервиша. Мих. Змиев-Младенцев [Буренин].

Мое желание. Савва Намордников [Некрасов].

Голос из «Акционерной пучины» [Ковалевский]:

1) Пучинный шум. Смарагд Бриллиантов.

2) Общее собрание. Фердинанд Тюльпензон.

Стихотворения,

присланные в редакцию «Свистка».

Литературные будочки [Салтыков-Щедрин].

Сопелковцы [Салтыков-Щедрин].

Драматические сцены по поводу выхода «Современника». Владимир Монументов [Буренин]:

1) В Москве.

2) В Петербурге.

«Ах, зачем читал я «Время» [Буренин].

После первого чтения г. Юркевича по «философии». Михаил Антиспатов [Буренин].

«Для следующих номеров «Свистка» [Салтыков-Щедрин].

Весь этот материал, занимавший в общей сложности 88 убористых современниковских страниц, принадлежал, таким образом, перу шести авторов, причем участие каждого из них определялось следующими цифровыми данными: Антонович дал 2¹/₇ произведе-

ния¹ на 28 страницах; Некрасов — 3 произведения (исключительно стихи) на 9½ страницах; Салтыков-Щедрин — 9³/₇ произведения на 27 страницах; Жемчужников — 3 произведения на 12 страницах; Буренин — 5 произведений (исключительно стихи) на 5 страницах; Ковалевский — 3 произведения на 5 страницах.

Идеологическая направленность этих 26 произведений, соответственно общему характеру первых номеров возобновленного «Современника», сводилась к борьбе против реакции, страшно усилившейся за время приостановки журнала. Следуя славным традициям добролюбовского «Свистка», все участники номера, — Жемчужников и Ковалевский слабее, чем другие, — взяли под жестокий сатирический обстрел такие явления реакционной современности, как травля нигилистов «благонамеренными», как грубые и вульгарные нападки обскурантов с профессором Юркевичем во главе на сторонников материалистического мировоззрения, как звериный национализм, проявлявшийся в проповеди насильственной руссификации так называемых иностранцев, как неистовство царской цензуры, как продажность реакционных публицистов.

Уже одного перечня тем достаточно для того, чтобы судить, что № 9 «Свистка» проводил в достаточной степени четкую и соответствующую прежним установкам «Современника» линию, но в чисто-литературном отношении этот номер не может, разумеется, равняться со «Свистком» добролюбовского периода. Антонович, — наиболее плодовитый его участник, — не обладал качествами, необходимыми для сотрудника легкого сатирического листка: его «свистковские» статьи и мало остроумны и чересчур растянуты. Не слишком подходили к общему тону добролюбовского «Свистка» и писания П. И. Ковалевского, специализировавшегося на акционерной теме, но не умевшего подать ее с достаточной остротой. Кузьма Прутков фигурировал в № 9 с

¹ Дробные числа в этом случае получились потому, что в «Неблаговонном анекдоте» об Юркевиче 6 страниц (³/₇) были написаны Салтыковым, а 8 страниц (⁴/₇) Антоновичем. В другом месте мы имели случай рассмотреть вопрос, какие страницы принадлежали первому, какие второму («Литературное наследство» 1934).

СВИСТОКЪ

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

9

«СВИСТОКЪ» И ЕГО ВРЕМЯ.

Опытъ исторіи «свистка».

Познай себя
и сокрусь

«Свистокъ» пишетъ свою исторію главнымъ образомъ и вообще для исторіи, для науки, для истины, которая сама для себя есть цѣль; а потомъ уже въ частности и для того, чтобы въ своемъ прошедшемъ почерпнуть урокъ и назиданіе для дѣятельности въ будущемъ. «Свистокъ» смѣло и не боясь никакихъ возраженій можетъ сказать, что онъ, подобно другимъ ученымъ и литературнымъ изданіямъ, имѣетъ славное прошедшее и надежду на великое будущее — что и ему есть на что оглянуться назадъ и посмотреть впередъ. Этого краткаго предисловія и достаточно для исторіи, которая также будетъ краткою

Въ то время когда не смотря на вѣковую отчаянную мольбу московской руси — «не будите меня на зарѣ» ее все-таки разбудили и, дакъ нарочно, именно на зарѣ великаго дня, занявшейся по мановенію

свистокъ. и.

Первая страница «Свистка» № 9
в апрельской книжке «Современника», 1863 г.

таким не слишком удачным «посмертным произведением», как «Опрометчивый турка».

Лучшим не только в идеологическом, но и в литературном отношении вкладом в этот номер «Свистка» являлся, разумеется, вклад Салтыкова-Щедрина. Такие вещи его, как «Цензор впопыхах», «Литературные будочники», без преувеличения говоря, прелестны.

Вопреки мнению некоторых литературоведов, утверждающих, что у Салтыкова не было стихотворного таланта, мы считаем довольно удачными образцами пародийного жанра его четыре «московских песни об искушениях и невинности»: 1) «Не искушай ты меня», 2) «Гимн публицистов», 3) «Элегия» и 4) «В голове все страх и бредни...»

До последнего времени считалось, что и «Песнь московского дервиша» (против Каткова) принадлежит Салтыкову на том-де якобы не внушающем никаких сомнений основании, что под ней стоит подпись — «Мих. Змиев-Младенцев». Однако материалы архива конторы «Современника» неопровержимо свидетельствуют, что это стихотворение написано Бурениным. Стоит же под ним псевдоним Салтыкова по ошибке, происшедшей, надо думать, вследствие того, что «Песнь московского дервиша» была доставлена в редакцию не самим Бурениным, а Салтыковым. В результате она была принята за салтыковское стихотворение.

Из некрасовского вклада в № 9 «Свистка» напомним читателям стихотворение «Мое желание», которое не входит в собрание стихотворений поэта в качестве отдельного произведения, а составляет несколько заключительных строф стихотворения «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году».

„МОЕ ЖЕЛАНИЕ“

(Романс господина, обиженного литературой)

О, как желал бы я служить
Начальником цензуры!
Конечно, не затем, чтоб быть
Бичом литературы.

А так — порядок водворить.
Вот тут-то было б писку!
Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку.

Я б их как ураган застиг
В открытом чистом поле,
Совсем бы не являлось книг
По месяцу и боле.

И я воскликнул бы, поправ
Их наглую свирепость:
«Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою и — крепость!»

Мать не нашла бы прописей
Для дочери девчонки
И лопнули бы в десять дней
Все книжные лавчонки!..

Савва Намордников.

Последняя строчка предпоследнего куплета, несомненно, имела в виду напомнить читателям не только о физической «крепости» героя стихотворения, но и о той крепости, в которой в ту пору томился Чернышевский.

Нечего и говорить, что сотрудничество в № 9 «Свистка» писателей такого масштаба, как Салтыков и Некрасов, несмотря на отмеченные выше слабые стороны произведений других участников, должно было поддержать его на известном, отнюдь не низком уровне. Таким образом, если этот номер нельзя рассматривать, как абсолютную удачу редакции, то все же он не был и ее абсолютной неудачей. Вот почему мы склонны думать, что прекращение выхода дальнейших номеров «Свистка» объясняется не отступлением редакции пред литературными трудностями, сопряженными с его изданием, а цензурным нажимом.

VI

Г. З. Елисеев утверждает в своих воспоминаниях, что возобновленный «Современник» значительно отличался от прежнего. «Правда, — пишет он, — цель осталась та же, и весь наличный персонал журнала, оставшийся от прежнего «Современника», так же искренно и горячо ратовал за ту же цель, что и прежде, но прежней души «Современника», в нем действовавшей, всем управлявшей и направлявшей, уже не было. Этою душою «Современника» был до сих пор Н. Г. Чернышев-

ский,¹ но он при закрытии журнала в 1862 г. был арестован и заключен в крепость... Остальной персонал сотрудников «Современника» составляли все люди более или менее ординарные, хорошие работники по разным детальным частям журнала и специальностям, но не имевшие ни верного глазомера, чтобы надлежащим образом оценивать все тяготеющие над журналом посторонние влияния, ни таланта уметь находиться и умно вести себя среди этих влияний»¹ («Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева», «Асадемия», 1933, стр. 267—268).

С этой оценкой возобновленного «Современника» нельзя не согласиться с тем, однако, весьма существенным ограничением, что она верна преимущественно в отношении лишь небеллетристической части журнала. Что же касается беллетристики, то она, как мы видели, ни в чем существенном не отклонилась от того идеологического пути, которым шла и при Чернышевском.

Нет никакого сомнения, что под «новыми руководителями журнала» Елисеев имел в виду отнюдь не Некрасова, ведавшего беллетристикой и принадлежавшего к числу не «новых», а прежних руководителей журнала, а тех именно лиц, в руках которых находились небеллетристические отделы журнала, т. е. самого себя, Антоновича, Жуковского и Пыпина. Относительно всех их вместе и каждого в отдельности, действительно, нельзя не признать, что в усложнившихся условиях начавшейся реакции они оказались не в силах с достаточной четкостью проводить программу прежнего «Современника».

В только что цитированных воспоминаниях Елисеева, написанных, — заметим это, — почти через четверть века после запрещения «Современника», сделана попытка выяснить основные ошибки нового руководства журнала. Особенно важное значение Елисеев придает следующим ошибкам: во-первых, «упорному молчанию» журнала по польскому вопросу в период польского восстания; во-вторых, появлению на его страницах статей противоречивого содержания, в частности статей, не согласных в своем существе с некоторыми сторонами идеологической платформы Чернышевского,

¹ Курсив наш.

и, в-третьих, чрезмерному увлечению главного публициста журнала (т. е. Антоновича) полемикой с другими органами печати, или, как выражается Елисеев, «грызней беспричинной, ненужной и вредной».

Рассмотрим каждое из этих утверждений Елисеева в отдельности.

Молчал ли «Современник» по польскому вопросу? Отвечая на этот вопрос, Елисеев допустил явное преувеличение. У него отнюдь не было достаточных оснований говорить об абсолютном молчании «Современника». Вопреки буквальному смыслу его слов, «Современник» неоднократно упоминал о польском вопросе и давал информацию своим читателям о событиях, связанных с польским восстанием.¹ Но принципиальных, обоснованных, соответствующих важности вопроса высказываний на страницах «Современника», действительно, не появлялось. В этом смысле Елисеев был прав в известной мере. Однако Елисееву-публицисту 1863 г. и его сотоварищам по «Современнику» было хорошо известно то, о чем, очевидно, позабыл через двадцать пять лет Елисеев-мемуарист. Им было известно, что «Современник» тех лет лишен был цензурной возможности в полный голос заговорить о польском вопросе.

«Мы должны предупредить читателя, — заявлял Ватсон в апрельском номере 1863 г., — что в настоящем обозрении он встретит очень много выписок из иностранных газет, толкующих о польском вопросе; но мы надеемся, он согласится с нами, что иногда бывает гораздо лучше и удобнее заставлять говорить других, нежели говорить самому» («Политика», стр. 308).

Зимой 1863 г., подытоживая роль европейской дипломатии во время восстания, тот же автор снова подчеркивает невозможность высказать свое мнение о польском вопросе: «Мы должны еще раз напомнить читателю, что мы решительно отказываемся от сообщения ему наших взглядов на этот вопрос, от произнесения наших приговоров и делания выводов, — все это предоставляется ему самому» (1863, № 11, стр. 114).

Думается, что приведенных цитат достаточно, чтобы

¹ Нами зарегистрировано шесть непосредственных откликов на эти события — три во «Внутренних обозрениях» Елисеева (1863, №№ 4, 5 и 10) и три в статьях Э. К. Ватсона «Политика» (1863, №№ 4, 5 и 11).

снять с возобновленного «Современника» предъявленное ему Елисеевым-мемуаристом обвинение в «упорном молчании» по польскому вопросу. Это молчание было прежде всего относительным, а затем, — и это самое важное, — оно являлось вынужденным. Елисеев-мемуарист тем более неправ в данном случае, что он ни единым словом не заикнулся об уже известном нам выступлении Салтыкова-Щедрина по польскому вопросу, имевшем бесспорно принципиальный характер (см. выше, стр. 40—41).

Несравненно более обосновано другое обвинение, предъявленное Елисеевым новому руководству журнала, — обвинение в помещении статей, друг другу противоречивших и не согласных с идеологической платформой Чернышевского. Выдвигая его, Елисеев исходил из определенного факта — помещения в последней книжке 1863 г. статьи Ю. Г. Жуковского «Затруднения женского дела». В этой статье Жуковский очень скептически отзывался об учреждении женских артелей, которое пропагандировалось в романе Чернышевского и встречало горячую поддержку со стороны Елисеева. «Складывая рабочие нули, — писал он, — конечно, ничего не получишь кроме нулей, на которые не устроишь никакого производства... Стало быть мастерские Веры Павловны и общества женского труда, хотя очень милые сами по себе вещи, но плохие средства для устройства женского дела».

Елисеев правильно отмечает в своих воспоминаниях, что помещение подобной статьи «было прямо бестактно после романа Чернышевского». Это обстоятельство и возбужденные статьей толки побудили его в мартовском «Обзрении» 1864 г. в комментариях к уставу новоорганизуемого женского общества дать отповедь Жуковскому и его единомышленникам, не называя, впрочем, никого по имени.

Совершенно ясно, таким образом, что в данном случае мы имеем дело с фактом несомненной внутриредакционной полемики, которая и дала повод «словесному» сотруднику «Современника» А. И. Европеусу заговорить о «начале распада журнала» (см. выше, стр. 22).

Любопытнее всего то, что сам Елисеев, выступая в данном случае на защиту «артелей» Веры Павловны,

заял определенно отрицательную позицию в отношении ее «снов». В октябрьском «Внутреннем обозрении» 1863 г. он писал о «четвертом сне» Веры Павловны: «Конечно, все это в абстракте мысли, в идеале фантазии прекрасно, но покорнейше прошу вас отыскать что-нибудь похожее на все это в действительности?.. Конечно г. Чернышевский с своей точки зрения прав. Он пишет роман будущего. Придет время — лет через тысячу, а может быть и гораздо раньше, лет через пятьсот, когда у нас будут истинные Астарты, истинные Афродиты, истинные Непорочности, следовательно будут необходимые элементы для образования той царицы, которой нет имени, тогда явится и эта царица... Теперь же... Да что теперь! Мы можем только махнуть рукой и сказать, что автор позволил себе самую чудовищную идеализацию для настоящего времени. Крепкому смыслу, трезвому взгляду, она, конечно, и теперь может доставить большую пользу. Но мы, россияне, склонные к идеальничанью от нашей юности, не извлечем из нее ничего поучительного для себя, напротив, будем почерпать здесь истинную пагубу для наших нравов и для нашей жизни».

В «четвертом сне» Веры Павловны элементы утопизма несомненны, но отсюда никоим образом не следует, что елисеевские упреки по адресу Чернышевского справедливы. Элементы утопизма не мешали «четвертому сну» иметь огромное значение и для настоящего, ибо содержащиеся в нем картины лучшего социального будущего способны были вдохновлять на борьбу и жертвы во имя этого будущего, ибо общественный идеал, рисуемый «четвертым сном», являлся тем именно идеалом, к которому пришла передовая общественная мысль того времени. Елисеев же, с его тягою к практицизму, которая впоследствии привела его в лагерь правого народничества, этого не понимал и упорно противопоставлял «снам» — «артели».¹

Таким образом, Жуковский, отвечая на упреки Елисеева в том, что он впал в противоречие с Чернышевским, мог бы сказать ему: «врачу, исцелися сам».

¹ Как известно, Елисеев практически участвовал в организации ассоциации рабочих Мальцевского завода, за что привлекался к дознанию по делу Каракозова (см. «Покушение Каракозова», стен. отчет, т. I, Центрархив. М. 1928, стр. 305).

Справедливость требует оговорить, что не один Елисейев допустил выпад против «четвертого сна». Над одной подробностью его счел возможным посмеяться и Салтыков-Щедрин. Критикуя вульгаризаторов «идей эмансипации», видящих идеал женского равноправия в том, что «милые нигилистки будут бесстрастно рукою рассекают человеческие трупы и в то же время подплясывать и подпевать — «Ни о чем я, Дуня, не тужила», — Салтыков в скобках добавлял: «ибо «со временем», как известно, никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет» (1864, № 1, стр. 26).

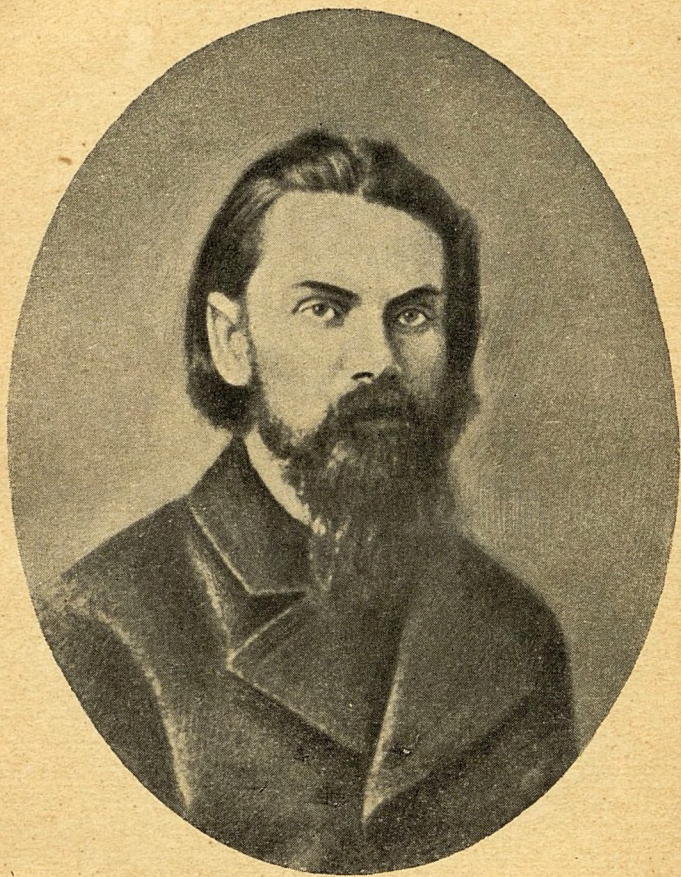
После нападок на эту фразу «Русского слова» автор счел нужным следующим образом объяснить смысл этих слов:

«В прошлом году вышел роман «Что делать?», роман серьезный, правдивый, проводящий мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывающий на эти основы. Автор этого романа, без сомнения, обладал своею мыслью вполне, но именно потому-то, что он страстно относился к ней, что он представлял ее себе живою и воплощенною, он и не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей, а именно тех подробностей, для предугадывания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных. Для всякого разумного человека это факт совершенно ясный, и всякий разумный человек, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе: они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей, а из этих подробностей всего более соблазняет их перспектива работать с пением и плясками» (1864, № 3).

Это объяснение хотя и не снимает с Салтыкова вины в тактической ошибке, заключающейся в приведенном высказывании о романе Чернышевского в момент развивающейся реакции, все же убеждает, что Салтыков в данном выступлении отнюдь не изменил революционно-демократическому знамени, так как высказал совершенно определенно свое сочувствие основной революционной идее романа. Вообще значения приведенных высказываний Жуковского, Елисейева, Салтыкова отнюдь не следует преувеличивать,

А. Н. Пытин

Ю. Г. Жуковский

тем более, что ни одно из них не вылилось в сколько-нибудь обстоятельную и последовательную критику «Что делать?».

Гораздо более серьезное значение, чем эти довольно-таки случайные и поверхностные замечания о «Что делать?», имели некоторые экономические и философские статьи в возобновленном «Современнике», с несомненностью свидетельствовавшие об отходе их авторов от идеологических позиций Чернышевского. Об этих именно статьях, разумеется, следовало бы в первую голову упомянуть Елисееву-мемуаристу, поскольку он хотел доказать наличие идеологических шатаний в «Современнике» последних лет его существования.

Сюда относятся прежде всего статьи присяжного экономиста «Современника» 1863—1866 гг. Ю. Г. Жуковского о Маклеоде, о Смите и в особенности о Прудоне. В первых двух («Экономическая теория Маклеода» — «Современник» 1864, № 3, и «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке» — «Современник» 1864, №№ 9, 10 и 11—12), называя позитивизмом оппозицию Маклеода, Кери и Бастиа классической школе экономистов, Жуковский резко критикует реакционную теорию Маклеода о кредите и ее восхваления в книге Ришло. Однако бесспорно слабая сторона критики Жуковского состоит в том, что он ведет ее не с точки зрения школы Смита-Рикардо, а с точки зрения излюбленного им Прудона.¹

Ни в чем не проявились так заметно буржуазные тенденции Жуковского, как в его ориентации на Прудона, особенно ярко сказавшейся в его огромной статье «Прудон и его система экономических противоречий» (1865, №№ 2, 3 и 7).

За четыре года до появления ее в «Современнике» Чернышевский на страницах того же журнала в своих знаменитых «Примечаниях к Миллю» писал о Прудоне: «Очень видное место в литературе занял писатель очень крутого нрава — Прудон. Кто он такой, социалист или не социалист, коммунист или не коммунист — этого никто из континентальных политико-экономов не умеет разобрать, да и сам Прудон, быть может, не знал опреде-

¹ Характерно, что обе эти статьи Ю. Жуковского названы П. Струве «замечательными» в статье о Маклеоде (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XVIII).

ленно» (1861, № 6). Одной этой цитаты достаточно, чтобы судить о том, насколько скептическим являлось отношение Чернышевского к Прудону. Однако Жуковский в данном случае пренебрег мнением Чернышевского, которого, разумеется, не мог не знать.

Основное, что влекло Жуковского к Прудону — это декларированное последним «мирное разрешение рабочего вопроса» путем простого товарообмена, укрепленного кредитом. Утопические мудрствования Прудона о налогах, торговом балансе и кредите воспринимались Жуковским как реальная программа действий, а провал применения Прудонам своих теорий на практике объяснялся неудачно сложившейся политической ситуацией. «Мы ручаемся, — замечает К. Маркс об увлекавших Жуковского положениях Прудона, — что ни один критик, как бы ни был он снисходителен, не будет в состоянии серьезно рассматривать относящиеся сюда главы».¹

Довольно рельефно выявляется отмеченная нами буржуазная сущность идеологии Ю. Жуковского и в его знаменитых статьях «Вопрос молодого поколения» (см. «Современник» 1866, ст. 1-я в № 1 и ст. 2-я в № 2). Нападая с большой резкостью на всякое отстаивание старых начал, начал барства, на защитников крупнопомещичьего приоритета в капиталистическом развитии России, Жуковский возводит здесь в идеал всякого экономического развития укрепление мелкого капитализма. Однако показать, каким образом мелкий капитал может стать достоянием большинства, каким образом он выдержит конкуренцию крупного капитала, Жуковский, естественно, не может, что не мешает ему именно этим «разливом достояния в массу» пытаться разрешить и рабочий вопрос и вопрос молодого поколения, который, по его мнению, целиком сводится к материальной необеспеченности молодежи. А в последней, оставшейся не напечатанной части статьи «Вопрос молодого поколения» должны были прозвучать уже явно-реакционные ноты. Анонимный биограф Жуковского (повидимому, его жена Е. К. Жуковская) в статье, предпосланной его книге «XIX век и его нравственная культура» (Спб. 1909), сообщает, что «третья статья должна была перейти к осуждению другой части молодежи, новой либеральной

¹ К. Маркс, Нищета философии, Партиздат, 1937, стр. 107.

интеллигенции, которая начала вдаваться в крайности, отличаться нетерпимостью ко всему, что, по ее мнению, не носило на себе вывеску либерализма, и конечно голос «Современника» имел бы более значения, нежели инкриминации Каткова, не перестававшего травить все либеральное и подозревать во всех подпольную деятельность».

Противоречие революционной фразеологии Ю. Жуковского идейному смыслу его статей, игнорирующему интересы угнетенного большинства, вскрывало снова и снова мелкобуржуазную сущность его писаний. Говоря о мелком буржуа в литературе, К. Маркс блестяще охарактеризовал подобные противоречия, показав, что мелкий буржуа состоит из «с одной стороны» и «с другой стороны». «А если при этом, подобно Прудону, он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращать их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас блестящие парадоксы. Шарлатанство в науке и политическое приспособленчество неразрывно связаны с такой точкой зрения».¹ Журнальные писания Ю. Жуковского содержали все отмеченные К. Марксом свойства. В своих порою блестящих, порою резких и скандальных статьях из различных областей знания этот «мнящий себя энциклопедистом» Ю. Жуковский (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, 1935, стр. 15) неизбежно приходил к «политическому компромиссу».

Несколькими же годами позже он докатился до восхваления философии Иеремии Бентама,² того самого Бентама, который, по выражению Маркса, с помпой возвещает обыденнейшие банальности. «С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом в частности английского филистера — с нормальным человеком вообще». «Если бы я обладал смелостью моего друга Г. Гейне, — заключает Маркс свое примечание о Бентаме, — я назвал бы господина Иеремию гением буржуазной глупости».³

¹ К. Маркс, Нищета философии, Партиздат, 1937, стр. 137.

² Восхваление Бентама содержится в написанном Жуковским введении к пьпинскому переводу сочинений Бентама, вышедшему в 1867 г. в издании Тиблена.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, Партиздат, 1937, стр. 573.

Если Жуковский пытался привить возобновленному «Современнику» прудонизм, то Э. К. Ватсон, ориентируясь на Конта, попробовал несколько видоизменить философскую позицию журнала. Этот писатель, не принадлежавший к редакционному коллективу журнала, не игравший в нем первостепенной роли, но все же примыкавший к его руководящему кружку, поскольку ему было поручено ведение большого и ответственного отдела «Политика», напечатал в «Современнике» 1865 г. длинную статью «Огюст Конт и позитивная философия». Ее основная установка — соединить с фейербахианским материализмом, который пропагандировал «Современник» во времена Чернышевского, идеалистические построения контовского позитивизма. Помещение этой, ориентирующейся на чуждую философию и насквозь эклектичной статьи ни в коем случае не могло бы иметь места, если бы Чернышевский попрежнему стоял у кормила «Современника».

Прудонизм Жуковского, контизм Ватсона — не единственные показатели идеологических шатаний возобновленного «Современника», не единственные симптомы намечавшегося отхода части его сотрудников от заветов Чернышевского. Нетрудно было бы привести ряд высказываний и других участников журнала, и участников руководящих, не исключая Елисеева, пресловутый «практицизм» которого имел очень мало общего с идеологией автора прокламации «К барским крестьянам», не исключая Пыпина и даже Антоновича, — высказываний, подтверждающих наличие известных сдвигов вправо. Однако, думается нам, приведенных примеров совершенно достаточно и для того, чтобы считать данный вопрос проясненным, по крайней мере в его основных, в его главных чертах, и для того, чтобы подтвердить правильность указаний Елисеева-мемуариста на противоречивость некоторых статей журнала как на одну из причин его упадка, обнаруживавшегося в последние годы его существования.

Третьей причиной этого упадка Елисеев считал, как помнит читатель, чрезмерную приверженность Антоновича к полемике, к «грызне беспричинной, ненужной и вредной». «Чем далее шло время, — читаем в воспоминаниях Елисеева, — тем более Антонович входил во

вкус этой грызни. Наконец эта грызня дошла до того, что г. Антонович в 1865 г. по остроумному выражению покойного М. Е. Салтыкова отправным пунктом полемики между «Современником» и «Русским Словом» поставил положение, что Благовосветлов имеет обыкновение спать в передних на барских шубах; говоря проще дошел прямо до площадной брани. Казалось, далее идти было некуда, но г. Антонович, ослепленный самомнением о своем критическом понимании, не видел той грязи, в которую попал. Напрасно некоторые из сотрудников «Современника», в том числе и я, говорили ему, чтобы он бросил эту грызню, бесполезную и неприличную для журнала; напрасно некоторые из читателей журнала присылали в редакцию журнала ругательные письма за эту грызню. Антонович печатал эти письма¹ и продолжал делать то же, что и прежде. Несомненно, что эта постоянная грызня г. Антоновича сильно вредила «Современнику». Говорили, что именно вследствие ее подписка на «Современник», доходившая при Чернышевском до семи тысяч, упала в возобновленном «Современнике» на четыре тысячи».

Насколько справедливо это мнение Елисеева?

Было бы несомненной ошибкой отрицать, что полемика, которую вел возобновленный «Современник» со всеми почти органами тогдашней печати, а паче всего с «Эпохой» и «Русским словом», принимала нередко чересчур резкие формы, по вине, — если говорить об ее участниках со стороны «Современника», — главным образом Антоновича. Запальчивость, а то и грубость, — бесспорно, отличительные черты литературной манеры Антоновича. Эти черты усугублялись трудностью стоявшей перед ним задачи: «Современник» в последние годы своего существования, совпавшие с наиболее реакционным отрезком 60-х гг., оказался вовлеченным в исключительно ожесточенную и трудную борьбу. В стане русской журналистики того времени, за исключением одной только «Искры», у него не было друзей,

¹ Действительно, редакцией «Современника» было получено несколько писем, протестующих против резкого тона полемики и защищающих Писарева и «Русское слово». Одно из таких писем Антонович цитирует в статье «Промехи» (1865, № 4), а другое — некоего К. Александрова — приводит целиком в заметке «Читателям» (1865, № 5).

зато врагов было хоть отбавляй! С яркой враждой относились к «Современнику» реакционеры-крепостники, не терпели его славянофилы, заклятым врагом считали либералы, даже прежние союзники, вроде радикальной группы «Русского слова», стали его несомненными противниками. А тут еще все возрастающий и возрастающий цензурный нажим, который создавал над журналом подобие дамоклова меча, ежеминутно грозившего опуститься и оборвать самое его существование. В такой обстановке даже человек несравненно более спокойный по темпераменту, несравненно более зрелый по возрасту, несравненно более опытный в ведении журнальных дел, чем Антонович, мог временами терять душевное равновесие и, впадая в состояние крайнего раздражения, допускать в своей литературно-полемической практике излишние резкости и крайности. В подобного рода срывах Антонович, безусловно, повинен, и повинен в очень значительной степени. Подобного рода срывы, безусловно, наложили яркий отпечаток на его деятельность как полемиста. Если бы Елисей-мемуарист так именно ставил вопрос — нам трудно было бы с ним не согласиться. Но он ставит его иначе. Он утверждает, что полемика по вине Антоновича была «беспричинной», что она была «ненужной» и даже «вредной». Такой взгляд на вопрос, игнорирующий классовый характер данной полемики, в корне неправилен. Для нас, вопреки Елисееву, совершенно ясно, что основной причиной полемики являлось различие классовых идеологий полемизировавших журналов, что все, решительно все противники «Современника» занимали в ней более правые, чем он, позиции, что, ведя эту полемику, «Современник» выполнял прогрессивную в общественном отношении функцию, что вследствие этого считать ее «ненужной» и даже «вредной» можно было или под влиянием личных пристрастий, или при полном непонимании характера классовой борьбы тех лет.¹ В частности для нас совершенно ясно, опять-таки вопреки

¹ Личные отношения Антоновича и Елисеева с конца 1867 г., т. е. с того момента, когда Елисей вошел в редакцию некра-совских «Отечественных записок», вплоть до его смерти были совершенно ликвидированы. Трудно сомневаться, что эта застарелая вражда сказалась на воспоминаниях Елисеева, внушив

Елисееву и «иже с ним», что Антонович в этой полемике в основном не сходил с принципиальных позиций. Теряя временами хладнокровие, горячась и ругаясь, он набрасывался, и набрасывался с яростью, исключительно на тех, кто предстояли его сознанию, как враги — не его лично, а одушевлявших его идей. Из этого вовсе не следует, что Антонович-полемист не совершал ошибок. Он, разумеется, наделал их немалое количество. И все же его участие в полемических боях 1863—1865 гг. не является такой страницей его литературной биографии, которой ему следовало бы стыдиться.

Наш взгляд на полемику этих лет и роль в ней Антоновича противоречит взгляду не только Елисеева, но и целого ряда литературоведов, преимущественно дореволюционной эпохи (С. А. Венгеров, А. Л. Волынский, И. И. Иванов). Вот почему мы считаем совершенно необходимым подкрепить его подробным изложением, анализом и оценкой относящегося сюда материала, т. е. соответствующих статей как «Современника», так и его журнальных антагонистов. К этой задаче мы и приступаем.

VII

Полемические столкновения «Современника» с крайне правыми, реакционными журналами и газетами были не слишком остры и не слишком длительны; гораздо больше было затрачено полемического жара на либеральные органы, издаваемые Краевским. Еще более интенсивными были схватки с журналами Достоевского — «Временем», а затем «Эпохой». Самая же ярая, ожесточенная и широкая по своему захвату полемика за последние годы существования «Современника» велась с радикальным «Русским словом».

Салтыков в анонимной статье «Несколько полемических предположений» (1863, № 3) направил ряд ядо-

ему несколько пристрастную оценку деятельности Антоновича в «Современнике». С другой стороны, в период писания своих воспоминаний, т. е. в 80-е гг., Елисеев настолько качнулся в сторону либерализма, что потерял правильное представление о характере классовой борьбы 60-х гг., деятельным участником которой когда-то являлся.

витых стрел в крайне правую газету Кори, Скарятина и Юматова «Русский листок».

«Убогий Листок», — писал Салтыков, именуя так дворянскую газету Юматова, — начинает доказывать:

а) что истинно храбрый человек не должен уклоняться от доноса;

б) что истинный обскурант обязывается не быть чуждым клеветы;

в) что означенный герой имеет право читать между строками и простираť свои помыслы даже в самое святилище мысли писателя. Таковы убеждения и таков образ действий «Убогого Листка».

При таком отношении к реакционно-дворянской печати вступать с нею в серьезную полемику, конечно, не имело смысла. Слишком очевидной для каждого читателя «Современника» была полная противоположность его позиций позициям органов дворянской реакции. Поэтому вполне понятно, что и более сильному, чем «Русский листок», органу дворянской реакции — газете «Весть» — была посвящена всего одна статья. Да и эта статья была вызвана не общими установками реакционной газеты, а тем, что в фельетоне и некрологе «Вести» была задета память только что умершего революционера и бывшего сотрудника «Современника» поэта М. И. Михайлова. Мы говорим об анонимной статье Г. З. Елисеева «Екатерининский дворянин и современная дворянская газета «Весть» («Современник» 1865, № 9). Критика газеты Скарятин и Юматова дана в форме разговора с полковником екатерининских времен, который отмечает неприличные, с его точки зрения, для дворянской газеты статьи и заметки. Саркастические замечания автора во время разговора и ироническое осмысление высказываний екатерининского дворянина создают полемическую остроту елисеевской статьи.

Но если петербургские органы реакционного дворянства не требовали серьезной критики, то гораздо сложнее обстояло дело при полемике с московской славянофильской газетой И. Аксакова «День». Дело в том, что в ряде статей возобновленного «Современника», особенно в статьях Елисеева, нередко встречались мысли, предвещающие народнические высказывания позд-

нейшего времени. Уверенность в своеобразии социального развития России, которая сможет де миновать если не эпоху капитализма как таковую, то по крайней мере капиталистический путь развития Западной Европы с его недостатками и пороками, и «культ мужика» с некоторой идеализацией крестьянских начал древней, докрепостной Руси — в известной мере корреспондировали с некоторыми из установок славянофилов.

Однако это корреспондирование отнюдь не обозначало солидарности. Понимание народности «Современником» и славянофилами было глубоко различно, если не сказать — противоположно. Реставраторские тенденции славянофилов, их страх перед гниlostными влияниями Запада решительно отвергались «Современником». Вот почему и во «Внутренних обозрениях» Елисеева и в известной статье Антоновича «Суемудрие «Дня»» «Современник» дает резкую отповедь газете Аксакова — в духе тех идей, которые сравнительно недавно были высказаны на его страницах Чернышевским (см. ст. «Народная бестолковость» — «Современник» 1861, № 10).

Вот итоговые суждения Антоновича о славянофилах из статьи «Суемудрие «Дня»», в которых нет ни малейших ноток снисхождения к противнику: «Таким образом мы нашли в славянофильстве две существенные черты: во-первых, историческое невежество или невежественную наивность, воображающую, что всякая старина лучше новизны, что ее поэтому нужно сохранять во веки нерушимо и восстанавливать там, где она разрушена, и, во-вторых, ограниченность, не выходящую из конфессионального круга, фанатическую и недопускающую ничего доброго и хорошего в еретике и во всем, что не вытекает из религиозных оснований или даже из оснований известного частного вероисповедания. Этими же чертами обладает и «День». И он силится поворотить современную Россию к древней Руси и воскресить те религиозные представления, какие она имела... Под именем свободы они проповедуют крайнее стеснение, под именем принципа национальности — национальный фанатизм, под именем православия — религиозно-национальную исключительность и нетерпимость, под именем русского духа — возвращение к отжившей старине и обскурантизму».

Но, возражая газете Аксакова, критикуя ее положения, изобличая ее в невежестве, наивности и обскурантизме, «Современник» не обвинял «День» в доносах и клевете, ибо сознавал, что Аксаков стоял несколько в стороне от единого фронта реакционной прессы, именно доносами и клеветой подкреплявшей свою полемику с «Современником».

Наиболее прославилась в этой области, не считая грубых доносов «Домашней беседы» мракобеса Аскоченского, которая не имела сколько-нибудь широкого общественного резонанса, газета «Северная пчела», поместившая сразу же после майских пожаров 1862 г. литературный донос Н. С. Лескова на молодое поколение и ряд «разоблачительных» статей П. И. Мельникова (Печерского) о деятельности Н. Г. Чернышевского и «Современника» в целом.

На эту серию статей о Чернышевском в свое время (см. «Современник» 1862, № 4) ответил Г. З. Елисеев во «Внутреннем обозрении», но продолжать полемику после ответных статей Мельникова ему не удалось из-за приостановки «Современника».

В первой книжке возобновленного журнала Елисеев вновь обратился к своим старым счетам с П. И. Мельниковым, дав общую характеристику «Северной пчелы». Как в этой характеристике, так и в других своих высказываниях об этой газете Елисеев последовательно срывал с нее маску либерализма и независимости.

В этом же «Внутреннем обозрении» Елисеев в категорической форме заявлял о солидарности между собой и «Северной почты», и «Северной пчелы», и «Нашего времени», и «Русского вестника», подчеркивая тем самым, что все эти органы были отголосками и подголосками правительственных кругов.

Нет надобности доказывать, что наиболее видное место среди реакционной группы тогдашней периодики занимали редактируемые М. Н. Катковым «Русский вестник» и «Московские ведомости».

Мих. Никиф. Катков по мере усиления реакционных веяний приобретал все больший и больший вес и, играя на патриотических и националистических струнках русского общества, пользовался популярностью не только у дворянства, но и у широких обывательских слоев буржуазии. Недаром Г. З. Елисеев в своих неизданных

воспоминаниях о Каткове¹ с грустью называет эпоху с 1863 по 1879 г. — эпохой Каткова. Елисеев считает его подлинным «властителем дум» реакционной части общества, умевшим к тому же направлять и действия правительства. Если даже допустить, что Елисеев несколько преувеличивает значение Каткова, то несомненно, что влияние его органов как на многих представителей администрации, так и на известные читательские круги, начиная с 1862 г., росло не по дням, а по часам.

На страницах возобновленного «Современника» «московские публицисты» фигурировали в самых различных формах высказывания: от мелких острот мимоходом — до отдельных статей, от намеков и иносказаний — до прямых полемических выпадов.

В начале 1863 г. профессор Юркевич предпринял цикл публичных лекций по философии, имевший целью опровержение все более и более распространяющихся материалистических идей. Реакционная часть московского общества создавала вокруг этого начинания большой шум. «Московские ведомости» стали трубить об общественной значимости лекций Юркевича.

На шестой лекции 9 марта Юркевич перешел от западных представителей вульгарного материализма к русским сторонникам материалистической доктрины. Поводом для этого перехода явилось анонимное письмо, как выяснилось впоследствии, Рогова, в котором автор, возмущенный голословным зубоскальством по адресу Бюхнера, предвещал Юркевичу шикание и свист аудитории. Прочитовав небольшой отрывок из анонимного письма, Юркевич обрушился на русских материалистов. Через четыре дня нападки Юркевича были подкреплены статьей Мих. Лонгинова в № 56 «Московских ведомостей» (от 13 марта 1863 г.). Цель этой статьи состояла в том, чтобы политически заострить выпады

¹ В архиве Г. З. Елисеева, хранящемся в рукописном отделе ИЛИ, среди рукописей, частично опубликованных нами в книге «Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева», «Academia», 1933, находится не изданная доселе рукопись — воспоминания о М. Н. Каткове. Она представляет собой черновые наброски без начала и конца, содержащие замечания и воспоминания как о личности Каткова и его взаимоотношениях с администрацией, так и об отдельных эпизодах общественной жизни 60—70-х гг.

Юркевича против русских материалистов, показать, что материалист является врагом существующего порядка, религии и нравственности, политически опасным человеком.

Лонгинову вторили Захарьин в № 11 «Современной летописи» и Ив. Аксаков в своей газете (см. И. А., Два слова о материализме и общественной свободе — «День» 1863, № 11 от 16 марта, стр. 1—3), пытаясь организовать литературный поход против представителей материалистического мирозерцания.

В газете «Очерки», редактируемой Г. З. Елисеевым, в № 76 было помещено подробное описание лекции Юркевича, состоявшейся 9 марта, совершенно иначе, чем в «Московских ведомостях», рисующее поведение Юркевича, а в № 93 было опубликовано письмо А. Рогова, являвшееся отправным пунктом всех выпадов Лонгинова и т. п. Этот материал и послужил основой для высказываний по этому поводу «Современника».

Салтыков со свойственной ему ядовитостью описал допущенную Юркевичем скандальную выходку,¹ разъясняя попутно, почему «Современник» не считает нужным полемизировать с ним, в статье «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче или искание розы без шипов» (см. «Современник» 1863, № 4 — «Свисток» № 9). «Увы! тут все правы! — писал он. — Прав г. Юркевич, ищущий популярности посредством складывания бумажки! и права публика, поощряющая такие искания популярности посредством складывания бумажки. Прав даже редактор одной почтенной московской газеты, принимающий участие в рукоплесканиях.

«Все они из своего мирозерцания не вынесли ничего иного, кроме хладного озлобления. Все они еще насквозь пропитаны тем страшным потом ненависти,

¹ В упоминаемом выше описании лекции, помещенном в газете «Очерки», указывалось, что Юркевич после зачитания нескольких цитат анонимного послания, повторив уже сказанное о Бюхнере, сложил читанное им письмо и, кладя его в карман, с улыбкой добавил: «а из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду удобным». Салтыков, пользуясь для своего фельетона материалом, помещенным именно в этой газете, несколько раз подчеркивает неприличную двусмысленность «почтенного» профессора, встреченную, к удивлению корреспондента «Очерков», дружными аплодисментами аудитории, на треть заполненной дамами и девицами.

который, будучи неопытным сам по себе, заражает той же неопытностью и все то, чего он, хотя случайно, прикоснется» («Свисток», № 9, стр. 43).

Елисеев в апрельском «Внутреннем обозрении» свои полемические замечания направляет не столько на поведение и высказывания Юркевича, сколько на политическое их заострение в статье М. Лонгинова. Помещая и сопоставляя статью Лонгинова и письмо Рогова, по поводу которого Лонгинов нападал на материалистов, Елисеев замечает: «Не знаю, как чувствует себя г. Лонгинов, но мы на месте его по обнародовании письма г. Рогова чувствовали бы себя очень неловко! Как в самом деле! из невинного письма, написанного серьезно, спокойно и не обличающего в авторе ничего, кроме искреннего желания изучить предмет, сочинить историю о поджигателях! Ведь найдутся такие злые люди, которые подобный способ толкований чужих писем назовут, пожалуй, недобросовестным» («Современник» 1863, № 4, стр. 357, 361).

Таким образом полемика вокруг философских лекций Юркевича, собственно говоря, не касалась положений лектора. Подвергнуть общей критике выступление Юркевича нельзя было по цензурным условиям. Спорить по отдельным частным вопросам было уже потому нецелесообразно, что Юркевич «ниспровергал» материализм слишком негодными средствами. Каждый, кто посмотрит хвалебные пересказы его лекций в отчетах «Московских ведомостей», убедится, до чего наивны, беспомощны и бездоказательны были «ниспровержения» этого клерикального псевдо-философа.

Поэтому вполне понятно, что вместо возражений Юркевичу по существу «Современник» старался лишь разоблачить истинный смысл поднятой им антиматериалистической кампании — как новой формы идеологического наступления реакции.

Высказывания по поводу лекций Юркевича шли наряду с обстрелом Каткова и его изданий. К описываемому моменту идеологическое лицо изданий Каткова вполне уже выявилось. Катков, Лонгинов, Юркевич и вся группа московских публицистов, объединяемая изданиями Каткова, Леонтьева и Павлова, вполне правильно уже оценивались «Современником» как единый фронт представителей классово-враждебной идеологии.

Только полемический пыл и желание во что бы то ни стало отстоять правоту идеализма заставили в свое время Акима Волынского отделить Юркевича от Каткова с К^о, представив Юркевича деятелем «чистой науки», стремящимся «вне всякой политики» доказать «объективную правду» идеалистического мирозерцания.

Полемика с изданиями Каткова велась в той или иной мере в течение всего времени издания возобновленного «Современника», но обычно не шла дальше отдельных отступлений в статьях и рецензиях, намеков и острот.

В начале 1866 г., достигнув положения одного из членов редакции, Ю. Г. Жуковский решил дать Каткову генеральное сражение.

Во второй статье «Вопрос молодого поколения» он посвящает «Московским ведомостям» ряд страниц. «Дело в том, — пишет в этой статье Ю. Жуковский, — что пропаганда, подобная той, какую вели московские публицисты, гораздо решительнее всякого украинофильства и нигилизма может действовать не на одни частные сферы, и мы находим несообразным и вредным, чтобы газета частная, какою называли себя «Московские Ведомости», в одно и то же время пропагандировала извращение в крепостную сторону и положений 19-го февраля и положений о земских учреждениях и вместе с тем прикидывалась заступницей администрации, отказывающейся от крепостных начал... Терроризация общества присутствием партий, терроризация чиновников и исполнителей публичными доносами в потворстве нигилизму, одетому для вящего эффекта в конфедератку польского восстания, с красным петухом в руках, — и все это для спасения розог в селах, розог в школах, розог в семьях и развития раздражения между лицами более всего близкими друг другу... При помощи передергивания цитат и статей противников, при помощи различных инкриминаций и клеветнических выпадов «Основа» превращалась в орган малороссийского жонда, и в одном кармане каждой стриженной башки московские редакторы усматривали пучок прокламаций, в другом разрывную гранату» (1866, № 3, стр. 21—23, 25, 27).

Момент для генерального сражения с Катковым был выбран публицистом «Современника» более или менее удачно. Катков в своей агитации за белый террор и крайнюю реакцию опередил настроения некоторых представителей высшей администрации. Мало того, он не остановился перед резкими выпадами против отдельных сановников. В результате 29 марта 1866 г., т. е. почти одновременно с выходом № 3 «Современника», «Московским ведомостям» Каткова было объявлено предостережение.¹

Катков, учитывая неблагоприятную для него ситуацию, счел для себя более выгодным игнорировать покамест направленную против него статью «Современника», сосредоточив внимание своих читателей на объявленном ему предостережении. «На предостережения, делаемые нам путем неофициальным, мы можем обращать и не обращать внимание, — писал он в очередной передовой своей газеты, — что же касается до предостережений, делаемых через полицию, то оставить их без внимания нельзя. Они требуют серьезных объяснений, и мы спешим представить таковые» («Московские ведомости» 1866, № 69 — передовая «Москва, 2-го апреля»).

Далее, ответив на обвинения, предъявленные ему в правительственном предостережении, Катков рискнул не принять предостережения, что могло повести за собой прекращение издания. Но уже через несколько дней ситуация резко изменилась.

После неудачного покушения Каракозова на жизнь Александра II 4 апреля 1866 г. сразу же началась невиданная еще по своим размерам реакция. Администрация стала на путь террора, к которому так усиленно призывал в своих статьях М. Н. Катков. В Петербурге

¹ Настроенный против Каткова за его нападки на Министерство народного просвещения, в которых даже, по словам официального историка, Татищева, «пылкий публицист от изобилия патриотизма... переступил за пределы благопристойности», Головин добился официального предостережения «Московским ведомостям». Повидимому, Ю. Жуковский был в какой-то степени осведомлен о намерениях Головина, по крайней мере об отрицательном отношении к «Московским ведомостям» в Министерстве народного просвещения, — и потому именно этот момент счел наиболее благоприятным для открытого выступления против Каткова.

свиристельствовал верховный следователь по каракозовскому делу граф М. Н. Муравьев-Виленский. Главный враг Каткова, министр народного просвещения Головнин, был отстранен, и вместо него был назначен крайний реакционер граф Д. А. Толстой.

Катков блестяще использовал создавшееся положение. Выступив на ряде патриотических собраний, он превратился в некоего неоцененного героя, предупреждавшего об опасностях нигилизма.

Естественно, что «герой» вспомнил о недавнем нападении на него «Современника» и в целом ряде передовых статей, обрушиваясь на «виновников», соучастников и вдохновителей покушения, накинулся и на «Современник», в частности на последнее выступление Ю. Жуковского. «Изобличение гнусного характера нигилизма, — писал он в № 83 своей газеты, — возбуждает ярость петербургского социалиста против «Московских Ведомостей»: «в одном кармане стриженной барышни, — говорит он, — московские редакторы видели пучок прокламаций, а в другом разрывные гранаты». Это сказано почти накануне 4-го апреля. Да, действительно, мы видели если не разрывные гранаты в карманах стриженных барышень, то, по крайней мере, тесную связь всего нигилизма с делом государственной измены в России» («Московские ведомости» 1866, № 83 — передовая «Москва, 19-го апреля»). Это же дело государственной измены, по мнению Каткова, озаряет все писания «Современника» и г. Ю. Ж. [уковского] (см. «Московские ведомости» 1866, № 88 — передовая «Москва, 21-го апреля»).

Продолжать полемику, отвечать на обвинения Каткова в новых условиях — условиях развернутого наступления остервенившейся, ни пред чем не останавливающейся реакции — «Современник» не мог: дни его были сочтены.

Так оборвалась попытка некрасовского журнала дать генеральное сражение органам М. Н. Каткова.

Но если смысл полемики с «московскими публицистами» был ясен не только спорящим, но и каждому читателю, так как реакционная позиция Каткова в годы существования возобновленного «Современника» уже вполне выявилась, то для большего числа читателей реакционность позиции петербургских либеральных из-

даний была не совсем еще ясна, так как она не выражалась с той определенностью, как в изданиях Каткова. Поэтому понятно, что в полемике с «Голосом» и «Отечественными записками» «Современник» старался подчеркнуть отсутствие серьезных противоречий между печатными органами Краевского и Каткова. При этом «Современник» указывал на неопределенность и двойственность позиций журнала и газеты Краевского, составляющую сущность его либерализма.

«В настоящее время под фирмою г. Краевского существует целая клика или смесь ерундивов. Смесь несмотря на свою разнородность может быть приблизительно разделена на две части, отличные одна от другой, и представляет собой некоторое подобие двуликого Януса. Одна часть ерундивов скромна и неліцемерна, ведет себя как подобает истинным ерундивам, другая же, вероятно, заразившись примесью нигилистов и нигилисток, наряжается в либеральные костюмы и маски, лицемерит и хочет вести себя очень буйно. Одно лицо Януса подобострастно смотрит на г. Каткова, завидует ему, слюнок не может удержать при виде его благоденствующего положения, другое же лицо того же Януса хочет огрызаться на г. Каткова и усиливается сделать ему презрительную гримасу» (Антонович, Литературные мелочи — «Современник» 1864, № 8, стр. 325). В приведенной цитате очень ясно сформулирована точка зрения «Современника» на издания Краевского. Да и не только издания Краевского охарактеризованы в этой цитате, — в ней рельефно показано положение в те переходные дни всех «либеральствующих».

Дело в том, что в начале реакции, когда она делала, так сказать, свои первые, «робкие» шаги, те из либералов, которые не решались, подобно Каткову, открыто солидаризироваться с реакцией, очутились в довольно-таки фальшивом положении. Находясь в некоторой оппозиции к реакции, — оппозиции более словесной, чем по существу, — они в то же время отреклись от всякого радикализма, напуганные неизбежной (как тогда казалось) крестьянской революцией. В этом смысле характерна позиция «Отечественных записок». Природа русского либерализма наиболее ярко сказалась в статье Громеки, посвященной бездненскому восстанию.

Сообщая о расправе правительственных войск над безоружными крестьянами села Бездны, Спасского уезда Казанской губернии (во время которой, по официальным данным, 55 человек было убито и 71 ранено) и о казни вожака возмущившихся крестьян Антона Петрова, Громека цинично заявлял: «Один только бог может простить Антону Петрову то, что он сделал, мы ему простить не в силах. Он один был причиной спасского происшествия» («Отечественные записки» 1861, т. СХХХVI, стр. 33).

После этого уже не покажется натяжкой, что Антонович, всячески подчеркивая внутреннюю реакционность либерализма, остроумно сравнивал в цитированной выше статье пререкания и разногласия Краевского и Каткова с конкуренцией немецких пивоваров. «Как же нам понять все тонкости, отличающие Гоффа от Шульца, восклицает немецкое человечество, у Гоффа мальцэкстракт называется *Gesundheitsbier*, а у Шульца такой же мальцэкстракт называется *Brustmalzsyrop*, но что же выражают эти два названия? Оба они указывают на целебность, но больше ничего, разницы между двумя благодеяниями из них не видно. Подобные недоразумения обуревают и русское человечество, и оно спрашивает, как же понять тонкость различия между газетами господ Краевского и Каткова, у одного газета называется «Голосом», у другого «Московскими ведомостями», но эти названия столь же мало характерны, как *Gesundheitsbier* и *Brustmalzsyrop*. Говорят, что газета г. Краевского соблюдительно либеральная, а газета г. Каткова охранительно либеральная, но между этими названиями может понять разницу только тот, кто может отличить по одному глотку два сорта одного и того же вина, разнящиеся на гривенник» («Литературные мелочи» — «Современник» 1864, № 8).

Сказанное выше не следует понимать в том смысле, что «Современник» ограничивался подчеркиванием копейной разницы между реакцией и либерализмом и не вступал в полемику по отдельным вопросам с изданиями Краевского. Poleмика эта велась, и довольно ожесточенно, с той стороной двуликого Януса, которая откровенно солидаризировалась с наступающей реакцией. Характерной в этом смысле была полемика Елисеева с Лохвицким на тему о гласности.

В октябрьском «Внутреннем обозрении» 1864 г. Елисеев поместил отзыв на статью Лохвицкого «Гласность, суд и газеты» («Голос» 1864, № 259, от 19 апреля). Оценка статьи была в плане борьбы «Современника» с либеральными высказываниями, поддерживающими реакционные начинания. «Имя г. Лохвицкого, — пишет Елисеев, — как человека либерального, так всем известно, что по выписанному нами заглавию никому не придет в голову думать, что он ратует против гласности, а не за гласность. А между тем все содержание статьи в том именно и состоит, чтобы доказать, что гласность законопреступна и вредна» («Современник» 1864, № 10, стр. 226—227). Далее Елисеев, ссылаясь на существующие русские законы, последовательно разбивает положения Лохвицкого, утверждавшего, что обнародование факта преступления является уже наказанием и что поэтому никому, кроме суда, права на это не принадлежит.

Лохвицкий не оставил без внимания замечания Елисеева, вскоре поместив в «Голосе» ответную статью «Современник и гласность» («Голос» 1864, № 332, от 1 декабря). В ней он переводит полемику от принципиальных вопросов о гласности к личным выпадам против автора «Обозрения» и против «Современника».

Это вынудило Елисеева вернуться к полемике с Лохвицким в последнем «Обозрении» 1864 г. В репандант утверждению Лохвицкого, что «Современник» защищает гласность из-за куска хлеба, Елисеев в шутиливом, ироническом тоне доказывал, что гораздо правдоподобнее предположение, что Лохвицкий защищает безгласность ради материальных довольств. Вторую часть своего ответа Елисеев посвятил разбору того, что же представляет собой гласность, и доказательству полезности, прогрессивности и необходимости ее в человеческих взаимоотношениях.

Мы остановились на полемике Елисеева с Лохвицким, как наиболее характерном из всех столкновений «Современника» с печатными органами Краевского. Именно в ней резче всего сказалась классово-враждебная позиция «Современника» в отношении либеральных петербургских изданий. Самая тема полемики являлась показательной. Гласность, которая несколько лет назад, в предреформенный период, являлась общим зна-

менем либеральной прессы и не вызывала со стороны либералов и того же Лохвицкого никаких ограничительных требований, — теперь, в годы наступающей реакции, вызвала охарактеризованную выше полемику.

При рассмотрении этой последней бросается между прочим в глаза, что принципиальные высказывания по существу спора как бы тонули в целом потоке личных пререканий, доходивших иногда до брани. Это объясняется в значительной степени тем, что «Современник» и в этом случае был лишен цензурной возможности высказываться по существу; ему волей-неволей приходилось ограничиваться преимущественно компрометацией политических и моральных установок противника. Это — с одной стороны. С другой — нельзя не учесть и того обстоятельства, что в дни первых революционных выступлений и усиливающейся реакции, — когда особенно возросла общественная дифференциация, когда ренегатство и торговля убеждениями стали обыденными явлениями в литературе и журналистике, — не только вопросы последовательности и обоснованности идеологических платформ, но и вопросы моральной характеристики личности литератора как представителя определенной идеологической группировки получили свой политический смысл.

Вот почему бурная волна полемики, диффамаций и брани, наводнившая журналистику 60-х гг., особенно в период 1863—1866 гг., должна быть рассматриваема не как явление, определяемое темпераментами спорящих журналистов, а как своеобразное проявление классовой борьбы в печати.

VIII

Полемика «Современника» с журналом бр. Достоевских «Эпоха» имеет свою предисторию в полемике с предшественником «Эпохи» — журналом «Время» (см. В. Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Гослитиздат, 1936, стр. 595—600).

Возобновленный «Современник» продолжил эту полемику в целом ряде заметок и статей Салтыкова-Щедрина в мартовской и апрельской книжках журнала за 1863 г. В первой из этих заметок — в мартовской

хронике «Наша общественная жизнь» — Салтыков-Щедрин, цитируя стихотворение Ф. Берга о прилете заморских птиц, помещенное в № 1 «Времени», иронически замечает, что оно направлено против всего журнала «Время», и дает яркую характеристику его деятельности:

«Подобно этим бедным птицам «Время» встревожилось. Все ему кажется, что кто-то его притесняет, кто-то хочет утянуть у него пару подписчиков. Кто тебя, душенька? Кто тебя ушиб? Топни, душенька, топни ножкой!» (1863, № 3, стр. 196).

После ответных статей Ф. Достоевского полемика эта прекратилась на апрельских заметках Салтыкова-Щедрина в той же «Общественной жизни» и в «Свистке», так как «Время» было запрещено цензурой.

Почти что через год, в марте 1864 г., вышла первая (двойная) книжка нового журнала Достоевских «Эпоха», являвшегося как бы продолжением «Времени».

Между этим журналом и возобновленным «Современником» сразу же установились враждебные отношения. В своих воспоминаниях о Ф. М. Достоевском Страхов пишет об этом следующее: «Во «Времени», несмотря на бывшую полемику с «Современником», в конце 1862 г. (в сентябрьской книжке) была еще помещена статья Щедрина, а в первой книжке 1863 г. явилось стихотворение Некрасова «Смерть Прокла». Но «Эпоха» уже не имела ничего общего с «Современником». Направление ее уже было сознательно славянофильским... Разрыв с нигилистическим направлением был полный, и против него исключительно направилась полемика, до которой Федор Михайлович вообще был большой охотник». ¹

Полемика с «Эпохой» началась со статьи Салтыкова, развивавшей, дополнявшей и применявшей к «Эпохе» прошлогоднюю оценку «Времени».

Старое сопоставление редакторов и сотрудников журнала Достоевских с птицами было закреплено Салтыковым в «драматической были» под названием «Стрижи», вставленной в майские «Литературные мелочи».

¹ Н. Н. Страхов, Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском — Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, Спб. 1883 (изд. Суворина), т. I, стр. 276.

«Быль» эта изображает заседание семи стрижей, собравшихся для составления программы и первых номеров возобновляемого журнала.

«Направление нашего журнала,—решают стрижи,—достаточно определяется уже тем, что его издают стрижи... Недалеко то время, когда достаточно будет сказать слово «стрижи», чтоб всякий понял, что оно означает именно стрижей, а не орлов».

Далее стрижи обсуждают материал, подготовленный для первой книжки журнала. Приведем небольшой отрывок:

«Стриж первый [подразумевается М. Достоевский]: Итак программа написана. Теперь остается поговорить собственно о статьях. Стриж седьмой! Готово ли у вас приветствие к публике?

Стриж седьмой [подразумевается поэт Ф. Берг] (скромно): Я назвал свое приветствие «Снова здорово». Песня эта должна изобразить радость молодого стрижа по случаю весеннего прилета птиц на старые гнезда (декламирует):

В темный день!
В светлу ночь!
Собирались стрижи!
Собирались молодцы!
Уж как стрижики сидят, стоят!
Уж как молодцы молчат, говорят!
Чик чибирики!
Чик чибирики!
Веселые, мрачные стрижики!

Стриж первый: Достаточно. Я полагаю, господа, что это стихотворение еще больше выяснит направление нашего журнала. Ибо что в сущности хотим мы сказать, спрашиваю я вас?

Все отвечают хором:

Чик чибирики!
Чик чибирики!

Стриж первый: Именно». (1864, № 5, стр. 21.)

Из приведенного отрывка ясно, что Салтыков подчеркивает и высмеивает характерное, по его мнению, для журнала бр. Достоевских отсутствие всякого направления.

В дальнейшем тексте «драматической были» Салтыков пародирует произведения, помещенные в первых

номерах «Эпохи», едко оценивая мирное чирикание стрижей, живущих под страхом голоса свыше (в сценке содержится прямое указание на голос Петерсона — сотрудника «Московских ведомостей»). Вводом этого «голоса свыше» Салтыков не только намекает на запрещение «Времени», последовавшее после доносительной статьи Петерсона, и на вызванные ею оправдания Страхова перед Катковым, но и на реакционную окраску «Эпохи», приноравливавшейся к правительственному курсу.

«Быль» Салтыкова явилась началом долгой и ожесточенной полемики между «Современником» и «Эпохой». В ответ на «Стрижи» в № 5 «Эпохи» была помещена статья Ф. Достоевского «Господин Щедрин или раскол в нигилистах», большую часть которой составлял отрывок из пародийного романа — «Щедродаров».

Как статейное окружение, так и «отрывок романа» изобиловали резкими выражениями, большим количеством личных выпадов и оглашением целого ряда намеков, слухов и сплетен литературных кулуаров. Вместе с тем Ф. Достоевский затрагивал, опровергал и, огрубляя, высмеивал глубоко-антипатичное для него направление «Современника». Приведем несколько примеров.

Член редакции журнала «Своевременный» при приеме сатирика Щедродарова в состав редакции выставляет ряд условий, поучая нового сотрудника. «Итак внушите себе за правило, — говорит он, — что яблоко натуральное лучше яблока нарисованного, тем более что яблоко натуральное можно съесть, а яблоко нарисованное нельзя съесть. Следственно, искусство — вздор, роскошь и может служить только для забавы детей. Эта громадная в простоте своей «новая идея» должна заменить Вам отселе все курсы эстетики и сразу поставить Вас на надлежащую точку при оценке всех, так называемых «художественных» произведений».

Или — «Пункт шестой. Молодое перо! Вам надо проникнуться капитальнейшею мыслью нашего направления; а именно: для счастья всего человечества, равно как и отдельно для каждого человека, прежде всего и важнее всего должно быть брюхо, иначе живот... К чему политики, к чему национальности, к чему бессмысленные почвы, к чему искусства, к чему даже на-

ука — если не сыто брюхо? Набейте живот, и все остальное найдется само собою, а если и не найдется, так опять-таки все равно, потому что все остальное роскошь и бесполезность. Муравьи, ничтожные муравьи, соединяясь для самосохранения, т. е. для брюха, к стыду людей сумели изобрести муравейник, т. е. самый высочайший идеал социального устройства, который только можно представить себе... Понимаете? — Щедродаров хотел было возразить, что, конечно, было бы очень полезно сначала обеспечить себе брюхо, а потом уж до всего дойти; но что с такой идеей можно, пожалуй, тысячу лет простоять на одной точке желаний и гнева, не достигнув ни малейшего практического результата, а напротив, просмотрев жизнь и все перепортив» и т. п.

Если своими рассуждениями о яблоке натуральном и яблоке нарисованном, пародирующими общеизвестное сопоставление «Эстетических отношений», Достоевский лишь доказал, что он не понял эстетической теории Чернышевского, который никогда не проповедывал отрицания искусства, то «пункт» о брюхе явно имеет целью, упростив и доведя до абсурда, высмеять экономическую позицию «Современника» и его социальные идеалы.

Ведь Достоевский издевается здесь не только над путями, которые, по мнению «Современника», ведут к лучшему будущему, но и над этим будущим, видя в социализме лишь копию муравейника.

«Современник» отвечал на статью «Эпохи» целым рядом замечаний в «Литературных мелочах» июльской книжки и особой большой статьей «Стрижам» («Послание обер-стрижу господину Достоевскому»). Автор этих анонимных статей Антонович постарался спутать противника в вопросе, кто персонально ведет полемику со стороны «Современника». Отрицая участие к этому делу Салтыкова-Щедрина, он называет себя автором «Стрижей». Скрытие авторства статей, направленных против «Эпохи», ставило полемиста «Современника» в более выгодное положение относительно своих оппонентов. Лишив «Эпоху» возможности личных выпадов и диффамаций, Антонович сам продолжал пользоваться этим оружием, так как отличить статьи Достоевского для него не составляло труда.

Надо признаться, что трюк этот Антоновичу блестяще удался, спутав не только сотрудников «Эпохи», но и последующих историков литературы и критики. Одни из них приписывали все полемические статьи «Современника» против «Эпохи» Салтыкову-Щедрину (А. Волинский, Русские критики, Спб. 1896), другие все статьи (включая майские «Литературные мелочи» и «Стрижи») — Антоновичу (И. И. Иванов, История русской критики, Спб. 1910). Только в 1930 г. удалось доказать принадлежность первых «Литературных мелочей» и сценки «Стрижи» Салтыкову, всех же последующих статей против «Эпохи» — М. А. Антоновичу.

Как видно из письма А. Головачева Некрасову, редакция «Современника» не согласилась на появление в печати ответа Салтыкова Достоевскому,¹ хотя Антонович и использовал его частично для своей статьи. Он вклеил в нее не только две первые страницы салтыковского ответа (как об этом сообщает А. Головачев), но и целый ряд салтыковских выражений и замечаний. Меткие и яркие словечки Салтыкова смешались с грубоватыми и аляповатыми остротами и выпадами Антоновича. Подпись под «посланием» — «Посторонний сатирик, автор «Стрижей» — не разъясняла, а еще больше запутывала догадки об авторстве. Можно было подумать, что Антонович, соединяя свой новый псевдоним — «Посторонний сатирик» — с подписью «автор «Стрижей», хочет указать на свое соавторство с Салтыковым. Однако этому предположению противоречил способ изложения статьи, отнюдь не указывавший на коллективность авторства, наоборот, частыми обращениями от первого лица как бы подчеркивавший индивидуальный характер послания. С другой стороны, можно было подумать, что такой подписью автор хотел указать, кому принадлежит новый псевдоним — «Посторонний сатирик». Именно так, т. е. как указание на новый псевдоним Салтыкова, и была понята эта подпись составителями «Словаря псевдонимов» Карцевым и Мазаевым. В этом словаре «Посторонний

¹ См. «Архив села Карабихи» (Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову), М. 1916, стр. 95—96.

сатирик» фигурирует и как псевдоним Салтыкова и как псевдоним Антоновича.

Но не только зашифровка авторства «Послания господину Достоевскому» являлась некоей западней для противников. Весь стиль послания, манера нападения на противника и грубые выпады, вплоть до редакционного примечания, служили той же цели.

Дело в том, что Антонович смонтировал свою статью из перифраз наиболее злых и «непристойных» мест полемических статей «Эпохи» и «Времени». Букет получился достаточно пахучий. Сотрудники «Эпохи» не заметили пародийности послания и, возмущившись, как непристойностью полемических приемов Постороннего сатирика, так и малоубедительностью доводов редакционного примечания, — на радость Антоновичу, — попались в его западню.¹

¹ Интересно, что через много лет после того, как Антонович в следующей своей статье («Стрижи в западне» — 1864, № 9) подробно растолковал механику своей ловушки, в нее продолжали попадать комментаторы полемических статей Достоевского, не утруждавшие себя, повидимому, чтением статей обеих полемизировавших сторон. Так, в т. XXIII «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» (изд. «Просвещение») Л. П. Гросман, комментируя статью Достоевского «Необходимое заявление» («Эпоха» 1864, № 7), писал, между прочим, следующее: «В обильной всевозможными резкостями журнальной перебранке начала 60-х годов две эти статьи («Послание господину Достоевскому» и «Торжество ерундивов»), несомненно, побили рекорд полемической разнузданности. Сама редакция «Современника» нашла нужным оговорить одну из этих статей примечанием, в котором отмечала свое отрицательное отношение к «бесцеремонным полемическим приемам» автора статьи; тем не менее под прикрытием этого мало убедительного аргумента статья была напечатана в журнале».

Между тем в статье «Стрижи в западне» Антонович подробно растолковывает смысл редакционного примечания. «Действительно, — пишет он, — примечание редакции к моему «Посланию» неловко, и редакция даже не хотела печатать его, также как и все послание; но я напомнил ей, как теперь напоминаю всем читателям, те многочисленные, мизерные, но задорные статьи, которые некогда печатались в журнале «Стрижей» под названием «Писем с Васильевского Острова», «О повсеместном распространении невежества в литературе» и т. д.; к этим статейкам редакция стрижей всегда прибавляла свои примечания, в которых она говорила, что, хотя она и не одобряет статей, однако, печатает их для хороших целей, для «оживления литературы», для ознакомления публики с оригинальными воззрениями статей и т. д. Я думаю, все помнят

Ответы на «Послание» Антоновича, помещенные в июльской книжке «Эпохи» (см. «Необходимое объяснение» Ф. Достоевского и анонимную статью Страхова в «Заметках летописца»), дали повод Антоновичу выступить с целой серией статей, посвященных «Эпохе», в сентябрьской и октябрьской книжках журнала.

Первая из них («Стрижи в западне») подробно растолковывала механику «Послания». С педантичной добросовестностью на протяжении двух печатных листов статьи Антонович сопоставлял свои пародийные места и перифразы с выдержками из полемических статей Достоевского и других сотрудников «Эпохи». В ответ на каждый укор в цинизме, личных выпадах, клевете и полемической непристойности, Антонович точной библиографической справкой с приведением соответствующей цитаты отсылал читателя к первоисточнику, каковым являлись преимущественно статьи Достоевского.

Однако, разоблачая своих противников на основании их же суждений и этим как бы снимая всякую ответственность за «непристойность» своих статей, Антонович не упоминает о некоем маневре, благодаря которому переадресованные цитаты носили иногда более резкий характер, чем в первоисточнике. В устах Достоевского изображение нервных припадков противника являлось лишь художественным преувеличением раздражительности Салтыкова; будучи же обернуто против него самого, оно воспринималось как насмешка над его болезнью.

Приведем соответствующие цитаты с замечаниями Антоновича, т. е. в том виде, в каком они были помещены в статье «Стрижи в западне».

Г. Достоевский в своей статье напечатал обо мне следующее:

...Но зато помните ли ту грустную минуту (помню, помню), когда

В моем послании г. Достоевскому я напечатал о нем следующее:

Помните ли, помните ли ту грустную минуту, когда вы, оставшись

эти курьезные примечания, потому что в свое время в печати очень много потешались над ними. По образцу этих-то примечаний и для пародий их и составлено примечание к моему «Посланию», и издеваясь теперь над ним, стрижи издеваются над самими собою и оказываются в западне» (*Посторонний сатирик*, Стрижи в западне — «Современник» 1864, № 9, стр. 86).

вы пришли домой и, наконец оставшись один, дали волю всему, что сдерживали в груди вашей? Помните ли, как вы разломали стул (еще бы не помнить), разбили в дребезги чайную чашку, стоявшую на вашем столе (помню), и в ярости, колотя обоими кулаками в стену (это помню неясно), вы клялись, с пеной у рта, написать такую статью, такую ругательную статью, что стоял мир и будет стоять, а такой статьи еще не бывало до сих пор ни на земле, ни в литературе.

Но однако же, так приставал ко мне г. Достоевский в прошлом 1863 г.: к чему, к чему доходить до такого бешенства, до такого нервного потрясения, до такой пены у рта (уверяю вас, что все это сделалось со мною без моего желания, я и сам не рад был этому)? До гофманских-то капель для чего доходить (мне их прописал и приказал принимать врач)?»

(«Современник» 1864, № 9, стр. 95—96).

Далее Антонович, перефразировав возмущение Достоевского издевательством «Современника» над его болезнью и переадресовав эти перифразы «Эпохе», заявляет следующее: «Как хотите, так и объясняйте ваше

один, дали волю всему, что сдерживали в груди вашей. Помните ли, как вы разломали стул, разбили в дребезги чайную чашку, стоявшую на вашем столе, съели ваш ночной колпак, и в ярости колотя, что есть силы обоими кулаками и лбом в стену вы испустили ту «желтую жидкость» (octvenlaverba), о которой вы говорите со слов «Русского слова», и поклялись с пеной у рта написать такую статью, такую ругательную статью, что стоял мир и будет стоять, а такой статьи еще не бывало ни на земле, ни в литературе!..

Разумеется, вести полемiku можно, отвечать на оскорбительные статьи даже должно, но однако же к чему, к чему доходить до такого бешенства, до такого нервного потрясения, до такой пены у рта (до испускания «желтой жидкости»)? До гофманских-то капель для чего доходить?»

описание моих страданий, я принимаю всякое объяснение, но только требую, чтобы вы также точно объяснили и мои слова о вашей болезни; — если вы шутили, то и я шутил; если же мои слова вы принимаете в сурьез, то и ваши я принимаю в сурьез» (там же, стр. 98—99).

При всей правильности рассуждений Антоновича нагрузка заключается в том, что болезнь Салтыкова была художественно-полюемическим вымыслом, а нервная болезнь Достоевского являлась реальнейшим фактом.

Кроме статьи «Стрижи в западне», в девятой книжке «Современника» Антонович поместил еще одну заметку, посвященную «Эпохе» (см. *Посторонний сатирик*, Проект), в которой ставил вопрос — к какой литературе принадлежат стрижы, к петербургской или московской.

Подчеркнув, что литература петербургская и московская противоположны по своим идейным устремлениям, Антонович заявляет, что «стрижы, несмотря на свое пребывание в Петербурге, по духу принадлежат к московской литературе» (1864, № 9, стр. 116).

Как отмечалось выше, именно с момента зарождения «Эпохи» Страхов осознал непримиримость своей (и всего журнала) позиции в отношении нигилизма и «Современника». По его мысли, вполне совпадающей с оценкой Антоновича, «Эпоха» имела опору именно в консервативных кругах петербургского общества. «После многих опытов, к числу которых принадлежит и судьба «Времени» и «Эпохи», — писал он в своих воспоминаниях о Достоевском, — во мне составилось твердое убеждение, что в Петербурге может иметь полный успех самый консервативный и патриотический журнал. Публики для него довольно; конечно, в публику часто набивается по дороге всякий сор выражений и понятий, но этот сор не крепко в ней держится и легко выскакивает при первом слабом встряхивании». ¹

И если в самой полемике Страхов не так откровенно говорит о консерватизме своей позиции, то, по крайней мере, отвечая на статью Антоновича, совер-

¹ Н. Н. Страхов, Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском — Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, Спб. 1883 (изд. Суворина), т. I, стр. 275.

шенно ясно указывает на смысл полемики с «Современником» и на противоположность идеологических позиций обоих журналов: «Мы всегда враждебно относились к мнениям «Современника», мы и впредь всегда будем враждебно к ним относиться.¹ Нас занимает не г. Пыпин, не г. Антонович, не г. Щедрин. Нам антипатичны те идеи, которые они поддерживают всякими правдами и неправдами. Противодействовать этим идеям мы считаем за долг, за служение истине»¹ («Эпоха» 1864, № 8).

Антонович с радостью отмечает подтверждение своей предыдущей статьи в «заметках» Страхова и, процитировав соответствующее место, поясняет: «а ратовал я против «Эпохи» вот почему: я разделяю мнения «Современника», идеи его мне симпатичны; очень естественно после этого, что я отношусь враждебно ко всему, что противодействует его идеям, что враждует против его мнений, а стало быть и к «Эпохе»¹ («Любовное объяснение с «Эпохой» — «Современник» 1864, № 10, стр. 247).

Подчеркнув отрицательное отношение к «Эпохе» за ее принципиальную враждебность основным идеям «Современника», Антонович утверждает, что положительные идеалы журнала неопределенны, неясны и противоречивы: «Люди говорят о национальной самобытности, об охранении почвы от иноземных влияний, враждуют против всяких заимствований от Запада, с презрением относятся к европейской цивилизации, которую они «всю выжили», требуют особой «русской истины» (подлинное выражение), и вдруг сами же своею русскою душою и умом принимают гегелевскую философию, считают «русскою истиною» философскую систему, выросшую на Западе, составляющую характеристический плод чисто немецкого ума... вдумайтесь, сколько в этом факте самовопиющей несообразности и непоследовательности» (там же, стр. 249—250).

Но не только в принятии гегелевской философии русскими националистами Антонович видит непоследовательность руководителей «Эпохи», — более того: в самом своем гегельянстве и в общих вопросах филосо-

¹ Курсив наш.

фии деятели «Эпохи», по его мнению, представляют собой довольно примитивных идеалистических эклектиков. Эту мысль Антонович доказывает на примере статьи Страхова о споре Гегеля с Фейербахом (см. «Опыты изучения Фейербаха» — «Эпоха» 1864, № 6). Подвергнув резкой критике идеалистический эклектизм Страхова, он противопоставляет ему материалистическое понимание законов явлений: «г. Страхов думает почему-то, что законы явлений могут существовать прежде явлений, после явлений, словом, отдельно от явлений и вне их, что закон есть сам по себе, а явление само по себе, что если явления и нет, то закон его все-таки есть... Нет, г. Страхов, закон природы не таков; каждый закон явления имманентен, всегда присущ этому явлению, неразрывен с ним, он составляет сущность, душу явления, он есть ничто иное, как само явление; ни явление без закона, ни закон без явления существовать не могут, они составляют одно целое... Видите, г. Страхов, мысль вашего противника, которую вы опровергаете, что законы падения существуют только там, где тела падают и только тогда, пока они падают — не есть «самая малая, самая бедная истина», как вы изволите выражаться об ней, а есть просто истина, настоящая мысль, верная; ваше же представление, противоположное ей, вовсе не есть мысль, но аномалия мысли, ненормальное произведение мышления, мысленный урод, если можно так выразиться» («Современник» 1864, № 10, стр. 255, 257).

В этом же номере журнала в небольшой заметке, посвященной объявлению «Эпохи» на следующий (1865) год, Антонович на материале одного из абзацев объявления подкрепляет утверждения предыдущей статьи об идеалистическом эклектизме руководителей «Эпохи». Вот этот абзац объявления:

«По нашему убеждению, как бы ни была плодотворна сама по себе чья-нибудь заходящая к нам идея, но она лишь тогда только могла у нас оправдаться, утвердиться и принести нам действительную пользу, когда бы сама национальная жизнь наша, безо всяких внушений и рекомендаций извне, сама собой, выжила эту идею, естественно и практически вследствие практически сознанной всеми ее необходимости и потребности».

«Скажите, читатель, что хочет сказать «Эпоха» этим местом, — восклицает Антонович в своей заметке, — то ли что можно заимствовать чужие, заходящие идеи, но только с условиями, — или то что нельзя, что заимствование заходящих идей невозможно?.. Отвечать на мой вопрос затруднительно, потому что в приведенных словах «Эпохи» нет определенного смысла; вторая часть периода в них не соответствует первой, просто совершенно устраняет, уничтожает первую... Недостаток разобранного места заключается не в форме его, не в темноте и сбивчивости его выражения, нет, оно недостаточно по сущности своей, по мыслям, в которых не достает логического смысла. Из этого места видно с очевидностью, что «Эпоха» не уяснила для себя и не знает, как ей относиться к заимствованию чужих, западных идей. Она видит, что отвергать всякие заимствования было бы уж слишком зазорно с точки зрения здравого смысла, но и допускать заимствования кажется ей неловким, с ее собственной почвенной точки зрения» (1864, № 10, стр. 279—281).

Как видно из приведенных цитат, Антонович довольно убедительно доказывает как непоследовательность и противоречивость идеологических высказываний «Эпохи», так и реакционную их сущность.

Последующие статьи не добавили ничего существенного в рассматриваемую полемику. В № 11—12 «Современника» (цензурная пометка 25 ноября 1864 г.) помещена была анонимная рецензия Антоновича на «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Н. Страхова, с примечаниями Ф. Достоевского («Эпоха» 1864, № 9). Автор рецензии, основываясь на приведенных в воспоминаниях Страхова письмах А. Григорьева, дополняет выводы своих предыдущих статей о противоречивости и реакционной окраске идеологических высказываний «Эпохи».

Достоевский в сентябрьской книжке «Эпохи» (цензурное разрешение 22 ноября 1864 г.) поместил анонимную статью «Чтобы кончить», в которой, принимая прозвище «Стрижи», старался завершить полемику с «Современником», а в октябрьской книжке журнала была помещена статья Страхова («Записки летописца»), суммировавшая предыдущие высказывания «Эпохи».

о «Современнике». На этом полемика между «Эпохой» и «Современником» прекратилась.

Интересно, что недавно найденные рукописи Салтыкова указывают на его намерение отвечать на последние статьи Достоевского и Страхова.

После помещения в «Современнике» недошедшего до нас ответа на статью Достоевского «Раскол в нигилистах» (вместо которого была помещена статья Антоновича «Стрижам — Послание обер-стрижу господину Достоевскому»), Салтыков продолжал готовить полемические статьи, направленные против «Эпохи».¹ Для октябрьской книжки «Современника» 1864 г. он подготовил статью «Журнальный ад». Основная часть статьи посвящена «Эпохе» — карикатурному портрету Девушкина, сидящего в сатанах, являющегося суммарной пародией на Достоевского и его литературных героев.

Однако «Журнальный ад» был запрещен цензурою, как об этом можно судить из приведенного выше (стр. 84) счета типографии.

После статьи Достоевского «Чтобы кончить» Салтыков вновь пытается включиться в полемику с «Эпохой», но сам прерывает начатую статью ввиду осложнения полемики итоговым выступлением Страхова в «Записках летописца» десятой книжки «Эпохи».

Новый вариант последнего объяснения с «Эпохой» представляет статья Салтыкова «Гг. семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха».² В этой статье Салтыков стремится реабилитировать себя от обвинений в издевательствах над романом Чернышевского «Что делать?». Однако и эта статья не была напечатана в «Современнике». Редакция видела, что и аргументация Салтыкова и рискованные в цензурном отношении ссылки на теорию Фурье — должны вызывать новые нападки на «Современник». Кроме того, обоснование Салтыковым своего единомыслия с Чернышевским и своих расхождений с ним требовало таких оговорок со стороны редакции, которые пред-

¹ Эти весьма ценные полемические статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина найдены В. В. Гиппиусом. Они войдут в шестой том Собрания сочинений Щедрина, издаваемого Гослитиздатом.

² Эта статья стала известна лишь в 1908 г. по публикации Антоновича в журнале «Минувшие годы» (№ 1).

ставлялись очень щекотливыми и по самому существу своему и в цензурном отношении. Вследствие этих общередакционных соображений статья Салтыкова не была напечатана в журнале.

Говоря о полемике «Современника» с «Эпохой», нельзя не отметить, что в истории литературы она получила одностороннее и неправильное освещение.

Наибольшее внимание этой полемике уделено в книге А. Волынского «Русские критики» в главе «Полемические бури». Автор не только обнаружил крайнюю тенденциозность в своем стремлении во что бы то ни стало показать правоту Достоевского и Страхова, — он даже недостаточно изложил содержание полемики, не считая, например, нужным хотя бы вкратце остановиться на критике Антоновичем философской позиции «Эпохи». Немало путаницы в статью Волынского вносит его ошибочное предположение, что автором «Послания господину Достоевскому» является Салтыков, из чего он делает довольно существенные для своих положений выводы. Независимо от этих недостатков работы А. Волынского, современного читателя не может удовлетворить сама постановка вопроса. А. Волынский дает исключительно моральную оценку полемике. Подходя к полемистам, он интересуется не столько идеями, которые они высказывают, сколько их писательским поведением. Именно с точки зрения писательского поведения в его книге оправдывается Достоевский и осуждаются Салтыков и Антонович. Более того, самый результат полемики, влияние ее на последующую журналистику представляются А. Волынскому явлением, требующим морального осуждения (см. в его книге «Русские критики», 1896, стр. 420).

По стопам Волынского пошли и последующие историки литературы, которые, так же как и он, не вникая в сущность полемики, замечая лишь ее грубость и полемический азарт, спешили морально осудить полемистов. В этом смысле характерны печатные высказывания о полемике И. И. Иванова и С. А. Венгерова.

Даже сравнительно недавние по времени написания работы, затрагивающие полемику «Эпохи» и «Современника», поддерживают эту традицию.

Л. П. Гросман в комментариях к двадцать третьему тому полного собрания сочинений Достоевского (изд. «Просвещения») утверждает, что «журнал Некрасова отвечал «Эпохе» двумя статьями, в которых перешел все допустимые границы полемического гнева», и в своей общей оценке опирается на высказывания А. Волынского и И. Иванова.

Из нашего изложения полемики видно, что дело было совсем не в «органической потребности ругаться» (выражение Венгерова по адресу Антоновича). Несмотря на большое количество личных выпадов, полемика эта затрагивала самые основные идеи, основную сущность философских доктрин, исповедуемых обоими журналами. Спор шел об идеалистическом и материалистическом миропонимании.

Вспомним, что в самой фельетонной, наполненной наибольшим количеством сплетен и личных выпадов, статье Достоевского «Г. Щедрин или раскол в нигилистах», в частности в романе «Щедродаров», карикатурно искажается и критикуется не что иное, как постоянно выдвигаемый «Современником» приоритет экономических факторов — «брюхо», по образному выражению Достоевского. Не замечать в полемике «Современника» с «Эпохой» ее принципиальной основы — значит просмотреть ее сущность, значит ничего не понять в ней!

Показательно, что «Современник» полемизировал с «Эпохой» с несравненно большим ожесточением, чем с журналом «Время». Дело в том, что после опубликования манифеста о крестьянской реформе в годы возобновленного «Современника» и «Эпохи» реакционная сущность высказываний «почвенников» выявилась с полной очевидностью. Поэтому-то борьба этих журналов приняла особенно резкие формы.

IX

Полемика возобновленного «Современника» с «Русским словом» вызвала в традиционной истории литературы еще более, чем полемика с «Эпохой», моральных осуждений и жалоб на непристойность, — вместо серьезного изучения причин ее возникновения и характеристики идеологических позиций полемизировав-

ших журналов. Оцененная в далеко не объективных статьях Ф. Достоевского и Дудышкина как драка между «своими», она до последнего времени так и не была изучаема со стороны ее классовой сущности.

Началась она в январе 1864 г. стычкой Зайцева с Салтыковым.

Зайцев увидел в приведенном выше (см. стр. 256) отзыве Салтыкова о «Что делать?» издевательство над романом Чернышевского. Утверждая, что «Русское слово» свято чтит как принципы, изложенные в «Что делать?», так и принципы старого «Современника», руководимого Чернышевским и Добролюбовым, он предупреждал новую редакцию «Современника», что она стала на скользкий путь, поместив фельетон Салтыкова («Русское слово» 1864, № 2).

Так как отзыв Салтыкова о «Что делать?» был направлен не столько против Чернышевского, сколько против вульгаризации, упрощения новых идей, довольно прозрачно названного «зайцевской хлыстовщиной», то вполне естественно, что, отвечая Зайцеву в мартовской хронике, Салтыков ее посвятил разбору отрицательного влияния на общество разного рода вульгаризаций. «Всякая партия, всякое дело, — заявлял он, — имеют своих *enfants terribles*, которые... юродствуют, мечутся, не умеют держать язык за зубами и всего охотнее хватаются за внешние признаки дела, так как других они и понимать не могут». Салтыков сравнивал смысл деятельности этих *enfants terribles* с стремлением подражать обезьянам: «Насколько он полезен, предоставляю судить читателю, с своей стороны же думаю, что он вреден уже тем, что возбуждает смех в зрителях и дает им повод делать неправильные и произвольные обобщения... Но этого мало. Не забудем, читатель, что, кроме *enfants terribles*, у нас есть вислоухие, которые потщатся подчеркнуть пошлость и возвести ее в принцип... Посторонний зритель, непосвященный, смотрит на вислоухого уже с некоторым трепетным смирением, как на сосуд некий, в котором заключена мудрость будущего, и если ему порою кажется, что эта мудрость смахивает на ерунду, то он тут же спешит поправиться и уверить себя, что это ему от того так кажется, что он сам преисполнен ерунды, а что ерунда вислоухого есть

действительная мудрость, но только мудрость не настоящего, а будущего. Скажите же, не обидно ли это?» («Наша общественная жизнь» — «Современник» 1864, № 3, стр. 60).

Зайцев в своем ответе, уклонившись от спора по существу, ответил нападками на литературную деятельность Салтыкова и утверждал, что в ней нет ничего, кроме ругани и балагурства («Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист «Современника» — «Русское слово» 1864, № 4).

Нет сомнения, что не только соображения чисто-полемического характера заставляли Зайцева обходить суть спора. Возможно, что он не понимал сущности очень серьезных по существу обвинений Салтыкова, — с одной стороны, потому, что искренно не замечал своего вульгаризаторства, с другой — потому, что явным образом недооценивал сил своего противника. Нельзя ведь не признать характерным для деятелей «Русского слова», что они в такой мере превратно судили о Салтыкове, что и в 1864 г. видели в нем лишь либеральствующего экс-администратора. Именно в этом плане и изображает Салтыкова пасквильный фельетон Зайцева в № 4 «Русского слова» за 1864 г.

Этими статейками заканчивается первый фазис полемики «Русского слова» с возобновленным «Современником», — заканчивается для того, чтобы через несколько месяцев возродиться с новой силой.

В период затишья в «Русском слове» (№ 8) была помещена статья Писарева «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби», разбирающая литературную деятельность Н. Станицкого, в частности роман этого автора «Женская доля». Не останавливаясь на этой статье специально, все же нельзя не отметить, что она была пересыпана выпадами против «Современника», указывавшими на идейный разрыв между критическим и беллетристическим его отделами.

В № 9 «Русского слова» за 1864 г. была помещена первая часть статьи Писарева «Нерешенный вопрос», которая выявляла основные черты мировоззрения своего автора — его «реализм». В этой статье, подробно характеризуя тип новых людей, Писарев не мог не заявить о своем расхождении в оценке Базарова с критиком «Современника» (Антоновичем), причем не удер-

жался от крайне резких выражений; так например, по поводу разговора Аркадия с Базаровым о родителях последнего Писарев восклицал: «А наша критика? А наша глубокая и проницательная критика? Она сумела только за этот разговор укорить Базарова в жестокости характера и непочтительности к родителям. Ах ты, коробочка доброжелательная! Ах ты, обличительница копеечная! Ах ты, лукошко глубокомыслия!» («Русское слово» 1864, № 9, стр. 22—23).

В последних книжках «Современника» за 1864 г. в ответ на выпады «Русского слова» были помещены две небольшие заметки Постороннего сатирика (Антоновича). В первой из них — «Вопрос, обращенный к «Русскому слову» — Антонович спрашивал редакцию «Русского слова», в частности Благодетель и Минаева, согласны ли они с оценкой Базарова в статье «Нерешенный вопрос» и, вообще, соответствуют ли мысли, изложенные в этой статье, направлению журнала (1864, № 10). Вторая — «Русскому слову» («Предварительные объяснения»), — помещенная в № 11—12 журнала после анонимного ответа «Русского слова», подтвердившего от имени редакции свою солидарность с Писаревым, — останавливалась преимущественно на различном понимании обоими журналами типа Базарова и «Отцов и детей» в целом.

«Да поймете ли вы, наконец, критика «Русского Слова», что Базаров есть создание и сочинение г. Тургенева, что сам г. Тургенев изобличает своего Базарова в непочтительности, жестокости и т. д.? — Вот эти факты и указаны критикой «Современника», и за что же вы напустились на нее? Господин Тургенев показал «Русскому Слову» фигу;¹ оно целует эту фигу, приняло ее за идеал, за комплимент, разыскивает на этой фигуре все идеи и свойства молодого поколения, водяным настоем этой фигуры разбалтывает свои статьи, берет эту фигуру за модель и образец всего своего мирозерцания» (1864, № 11—12, стр. 167).

¹ Это выражение Антонович перенял у Писарева, который в статье «Нерешенный вопрос» говорил: «А критика наша по обыкновению смотрит в книгу и видит фигу, и на основании этой фигуры изобличает Базарова в непочтительности, в жестокости и во всяком озорстве» («Русское слово» 1864, № 9).

Еще с большим ожесточением полемика продолжалась в следующем, 1865 г. Антонович в январских «Литературных мелочах» задает «Русскому слову», чтобы оно впредь «не отлынивало от ответов», тринадцать вопросов, снабженных комментариями, написанными в фельетонном духе всех предыдущих заметок. Для примера приведем некоторые из них:

«Я утверждал и утверждаю, — пишет Антонович, — что взгляд Писарева на Катерину, как светлое явление русской жизни, несогласен со взглядом Добролюбова, а согласен со взглядом А. Григорьева, который высказал свой взгляд прежде г. Писарева; следовательно взгляд этот принадлежит А. Григорьеву, а не г. Писареву. Ужели же это не правда, и есть только мое «изобретение»? Итак вопрос третий: признает ли «Русское Слово» сходство между взглядом г. Писарева и Григорьева, и может ли оно утверждать, что первый ничего не знал о взгляде последнего, а дошел до него собственным умом?..»

Или: «Я говорил: редакцией «Современника» в начале 1862 г., т. е. в то время, когда в нем напечатана была критика г. Антоновича на роман г. Тургенева, заведывало исключительно и безраздельно одно лицо, от которого вполне зависело принять и напечатать, или же отвергнуть критику г. Антоновича...¹ Стало быть лукошко и фига «Русского Слова» по всей справедливости принадлежит и этому лицу. Я и теперь это утверждаю, и лукошко, и фига, и обличительница копечная — все это относилось к тому лицу, как к редактору, который разделяет честь и бесславие статей, им помещаемых. Но я бы обидел это лицо, если бы ска-

¹ Под «одним лицом», понятно, подразумевается Н. Г. Чернышевский, имя которого называть было нельзя по цензурным условиям. Интересно, что данным вопросом, а также вопросом десятым, Антонович старается показать, что взгляды «Русского слова» противоречат революционной позиции Чернышевского. Аналогичной цели служит и рассмотренный нами выше вопрос о понимании типа Катерины Писаревым, Добролюбовым и А. Григорьевым. Сопоставление мнения Писарева со взглядом А. Григорьева не только ставит под сомнение утверждение Писарева, что его расхождение с Добролюбовым вызваны более современной, более прогрессивной точкой зрения, но и определенно указывает, что расхождение это обусловлено отклонениями «Русского слова» от революционно-демократической позиции «Современника».

зал, что эти игривые выражения «оскорбляют» его; я говорил и говорю, что они относятся к нему. Итак, вопрос восьмой: относятся ли лукошко, фи́га и т. д. к вышеупомянутому лицу? и солидарно ли оно со статьей, которую «Русское Слово» почтило такими игривыми выражениями?»

Или: «Вопрос десятый: правда ли, что сам г. Благосветлов писал еще не так давно в «Отечественных Записках» уморительные полемики против «Современника», в котором уже действовало тогда главным образом вышеупомянутое лицо?»

«Вопрос двенадцатый: отказывается ли «Русское Слово» от совершенной солидарности с указанной статьей («Нерешенный вопрос») или же принимает на себя все без исключения суждения и выражения в ней?» (1865, № 1, стр. 159, 166, 169, 170.)

Надо отдать справедливость, что ряд вопросов, хотя и изложенных в игриво-грубоватой манере, пытался направить полемику в определенное русло, и только игнорирование их со стороны «Русского слова» способствовало превращению полемики в перебранку.

В этом же номере журнала Антонович поместил юмористическую заметку, направленную против Благосветлова, печатно жаловавшегося на писателя Воронова, не дающего в «Русское слово» окончания своей повести, несмотря на то, что деньги получены им вперед.

Благосветлов, отвечая «Современнику» в № 1 «Русского слова» (см. «Буря в стакане воды»), уделил главное внимание своему конфликту с Вороновым, а из всех тринадцати вопросов реагировал лишь на обращенный лично к нему (вопрос десятый).

В № 2 «Современника» Антонович под своей фамилией начал серьезный разбор ошибок «Русского слова» (см. его статью «Прوماхи», о которой будет сказано ниже), а под псевдонимом «Постороннего сатирика» продолжал драку с Благосветловым. Перепечатав его ответ с едкими комментариями, он в своем фельетоне называл Благосветлова «барским лакеем», «прихвостнем», нацепившим для устройства своей журнальной карьеры «нигилистический колпак». При этом Антонович продолжал настаивать на своих вопросах, указывая, что в них уже и таится начало на-

стоящей полемики, и издевался над неспособностью «Русского слова» ответить на них.

Благосветлов в своем ответе («Последнее мое объяснение с г. Посторонним сатириком «Современника» — «Русское слово» 1865, № 2) сопоставлением длинных цитат старался доказать недобросовестность Постороннего сатирика и именовал его «лгуном, помноженным на три». Однако Антонович («Барские лакеи в «Русском слове» — «Современник» 1865, № 3) в грубом, хотя и не лишенном остроумия, ответе парировал благосветловские удары, находя, что в этой полемике Благосветлов выявил свою далеко не нигилистическую сущность.

На этих статьях кончается второй фазис полемики между «Русским словом» и «Современником», — фазис наиболее грубый, скандальный и малосодержательный.

Тем не менее, во всем этом хаосе вопросов, перемешанных с личными выпадами, диффамациями и просто бранью, все же наметились основные линии спора, по которым и протекала последующая, более серьезная и более глубокая полемика.

Таких линий, или тем, спора мы усматриваем четыре:

1) тема материализма — материалистического миропонимания, тема отношения к философскому наследию, к идеализму и к различным представителям материализма;

2) тема экономики, тема отношения к экономическим теориям буржуазии, тема капитала, труда, рабства и т. п.;

3) тема методов достижения лучшего будущего, тема социализма, тема отношения к народу — тема Катерины, тема нового человека, тема отцов и детей — тема Базарова;

4) тема отношения к искусству и литературе, тема создания новой эстетики.

По этим четырём темам и было дано «Современнику» генеральное сражение «Русскому слову».

Философские ошибки Зайцева были вскрыты в февральской книжке «Современника» за 1865 г. в статье под названием «Промахи». Сущность различий в философской позиции «Современника» и «Русского слова» общеизвестна.

«Современник» со времен Чернышевского стоял на точке зрения антропологического материализма, на точке зрения философии Фейербаха. «Русское слово», идя за вульгарными материалистами Бюхнером и Молешоттом, дошло до провозглашения естествознания наукой из наук, до превознесения голого факта, до отрицания всякой теории. Идеалистическая сущность позитивизма, сказавшаяся особенно ярко через посредство Конта и Бокля в исторических взглядах Писарева, давала себя знать и в философских высказываниях наименее стойких материалистов, как например Зайцева, зачастую подменявших свою вульгарно-материалистическую позицию чистейшим агностицизмом.

Впрочем, уклон в сторону позитивизма был характерен в конце 60-х гг. не только для «Русского слова». И возобновленный «Современник» в статьях Ватсона сделал, как мы видели, попытку примирить позитивизм Конта с прежней фейербахианской позицией журнала. Правда, эта попытка была сделана в очень осторожной форме. Ватсон старательно отгораживался от идеалистических проявлений позитивизма искусственным игнорированием позднейшей деятельности Конта.

Только наличием агностических тенденций в миропонимании Зайцева можно объяснить его вопиющую ошибку в статье «Последний философ идеалист», выразившуюся в превознесении Шопенгауэра и усердных попытках обнаружить в его философии целый ряд высказываний, достойных настоящего реалиста.

Вульгарный материализм «Русского слова» определял целый ряд его ошибок, определял целый ряд его разногласий с идеями «Современника». Вот почему для того, чтобы правильно осветить расхождения «Современника» с «Русским словом», необходимо было дать всестороннюю критику вульгарно-материалистической позиции этого журнала. Вполне удовлетворительно разрешить эту задачу Антоновичу было не под силу. Лишенный непосредственного руководства Чернышевского, он и сам не абсолютно твердо стоял на позициях своего учителя. Но все же некоторые ошибки вульгарных материалистов он понимал, все же многие стороны вульгарно-материалистической позиции «Русского слова» претили его философскому символу веры. Особенно возмущала Антоновича брань «Русского

слова» по адресу представителей немецкой философии, в частности Гегеля и Фихте, — брань грубая, необоснованная, немотивированная.

«Мы лично не принадлежим к поклонникам идеалистической философии, — писал Антонович в статье, критикующей философские промахи Зайцева. — Напротив, враждебно относимся к всякому философскому идеализму; но и нас возмущает отзыв г. Зайцева о Фихте... Он вырвал у Фихте одну фразу и на основании ее назвал Фихте сумасшедшим, стал стыдить им и человечество и XIX век, забросал его гнилым картофелем и репой... Еще несправедливее г. Зайцев к Гегелю, которого он называет «бесстыдным шарлатаном», «пошлым, ограниченным и совершенно бездарным человеком», писавшим вместо мыслей «одни бессмысленные фразы», чистую «бессмыслицу», которую молодежь считала величайшей мудростью и от того сама «глупела». Мы не имеем никакого пристрастия к Гегелю и наш взгляд на его философию известен читателю, но мы считаем величайшею несправедливостью называть Гегеля бездарным и бессмысленным человеком. Положим, даже, что реалисту можно еще простить, если он под влиянием горячности и сильной вражды к идеализму назовет Гегеля самыми несправедливыми именами; но сказать, что Шопенгауэр есть гениальный философ, оказавший философии значительные услуги, и тут же назвать Гегеля бездарным и тупым шарлатаном, — это мало того, что несправедливость, но еще философское невежество» («Промахи» — «Современник» 1865, № 2, стр. 257—258).

Так же неприемлемым для Антоновича является отрицание Зайцевым теоретического мышления. Он показывает, что, игнорируя философию, Зайцев фактически попадает в плен плохим философам.

Игнорирование философии, отрицание значимости теоретического мышления было характерно не только для «Русского слова». Большинство эмпириков-естественников и вульгарных материалистов середины прошлого века так именно и относилось к философскому наследию. Отсюда непредусмотренная ими неизбежность подчинения самым «скверным философским системам». «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бра-

нят ее, — писал по этому поводу Ф. Энгельс. — Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части — самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем». ¹

Возвращаясь к критике зайцевской статьи Антоновичем, следует признать, что ему удалось выявить ошибочность основных ее положений. Он показал, что Зайцев неверно истолковал философию Шопенгауэра, а своими нападками на Фихте и на Гегеля лишь выказал свое непонимание роли немецкой философии. Мало того — на большом материале он самым убедительным образом разъяснил, что Зайцев просто не понял критикуемой им работы Сеченова и вследствие этого впал в грубейшие и анекдотические ошибки. Публицист «Современника» на ряде примеров продемонстрировал, что непонимание Зайцевым сложности изучаемых процессов, упрощенчество и вульгаризация трактуемых явлений с несомненностью свидетельствуют об идеалистических основах зайцевской идеологии.

Однако, совершенно правильно критикуя философские промахи Зайцева, Антонович не сумел обобщить свои замечания, показать ошибочность вульгарно-материалистической позиции «Русского слова» в целом.

Дело в том, что для Антоновича не были ясны основные недостатки вульгарного материализма, уна-

¹ Энгельс, Диалектика природы (Собр. соч. Маркса—Энгельса, т. XIV), стр. 415.

следованные от материализма XVIII века, не было ясно то, о чем говорит Энгельс в своей работе о Л. Фейербахе: «... В глазах материалистов XVIII столетия человек был машиной, как животные — в глазах Декарта. Искключительное приложение мерил, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, — т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами, — составляет первую специфическую, неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма.

«Вторая специфическая черта ограниченности этого материализма заключается в неспособности его взглянуть на мир как на процесс, как на вещество, которое находится в непрерывном развитии... Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на связь исторических событий, а история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров.

«Люди, взявшие на себя в 50-х годах в Германии роль разносчиков дешевого материализма, ни на шаг не пошли дальше своих учителей. Все новые успехи естественных наук служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенной. Да они и не имели никакого призвания к дальнейшей разработке теории. Идеализм, премудрость которого к тому времени уже окончательно истощилась и который был смертельно ранен революцией 1848 г., имел, по крайней мере, то утешение, что материализм пал еще ниже».¹

Через несколько номеров журнала Ю. Жуковский, критикуя политико-экономические «промахи» «Русского слова», не без остроумия резюмировал отношение «Современника» к вульгарным материалистам благотворительного журнала. Обращаясь к «Московским ведомостям», с такой нетерпимостью относившимся к нигилистам (см. его статью «Милль, перевернутый «Русским словом» — «Современник» 1865, № 8, — авторство устанавливается на основании документов конторы

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах (Собр. соч. Маркса — Энгельса, т. XIV), стр. 647—649.

«Современника»), он восклицал: «г. Зайцев решил в вашу пользу вопрос, о котором вел такие тревожные споры г. Юркевич с «Современником» о возможности чисто дедуктивного метода и состоятельности метафизики — доказав присутствие двойственности ощущений, т. е. ощущений внешних и внутренних, из которых одни происходят на высунутом языке, другие на спрятанном. Г. Зайцев решил вопрос о рабовладении, оправдав рабство негров на основании Фогта.¹

«Итак базаровщина, мещанское счастье вместе с аскетством, рабовладение неграми и союз метафизики с реалистическим путем, высунутый и спрятанный язык — какой блистательный венок, возложенный на свою собственную голову самим «Русским Словом»! Сколько драгоценных для вас, московские издатели,

¹ Эти слова имеют в виду рецензию Зайцева на книгу Катрфажа «Единство рода человеческого» («Русское слово» 1864, № 8) и полемику, вызванную этой заметкой (см. ответы Зайцева — «Русское слово» 1864, № 12; 1865, № 2).

Не только «Современник» в статье Постороннего сатирика (см. «Русскому Слову» — «Предварительные объяснения»), не только «Искра» в статье Ножина («Искра» 1865, № 8), но и «Отечественные записки» ополчились на архиреакционные утверждения, содержащиеся в рецензии Зайцева. Больше года в различных стихотворениях, карикатурах, полемических статьях и т. п. имя Зайцева сочеталось с упреком в защите невольничества цветных народов. Ответы Зайцева, пытавшегося на основании работ Фогта доказать нереакционность своей позиции, лишь усилили полемические выпады против него.

Что же привело радикального разночинца Зайцева к таким архиреакционным социологическим выводам из естественнонаучных работ Дарвина и Фогта? Дело в том, что двойственность социальных воззрений Зайцева очевидна. По словам В. Кирпотина, «в историческом идеализме Зайцева явственно выступают две неассимилировавшиеся струи. Одна из этих струй исходит от его основных западных учителей Фогта, Мошешотта и Бюхнера, а другая от утопического социализма. Согласно воззрению первых, исторический процесс зависит всецело от биологии, как от биологических законов зависит и судьба индивидов в обществе. Согласно воззрению второго течения судьба человека зависит от среды, в которой он вырос и воспитан» (В. Кирпотин, Публицисты и критики, М. — Л., 1932, стр. 155).

Механическое соединение биологической точки зрения вульгарного материализма на историческое развитие с утопическим социализмом привело Зайцева к странным для его политической платформы выводам, совершенно правильно названным реакционными передовой журналистикой тех лет с «Современником» во главе.

признаков пошлости в том самом нигилизме, который у вас хватает духу, однако, преследовать!» (1865, № 8, стр. 221).

Данная статья Жуковского корреспондирует таким образом с суждениями Антоновича о философских промахах Зайцева. Но в основном она направлена против присяжного экономиста «Русского слова» — Н. Соколова.

В яром отрицании всего буржуазного наследия, в примитивной борьбе с предшествующей культурой, — в борьбе, которая приводила к игнорированию несомненных достижений буржуазной науки, — вульгарный материалист Соколов счел необходимым обрушиться и на Милля, пересыпая критику его сочинения грубыми и необоснованными ругательствами.

«Все эти рассуждения Милля, — утверждал экономист «Русского слова», — еще более убеждают нас, что разврат и низость чувства неизбежно искажают мыслительные способности и доводят человека до идиотизма. Для Милля вопрос о богатстве не имеет ничего общего с вопросом о чести... Даже в настоящее время говорить о Милле значит указывать на такого софиста, который не пренебрегает никакими извращенными идеями, пошлыми предрассудками и коварными выдумками для оправдания того, что осуждает здравый смысл и совесть» («Русское слово» 1865, № 7).

В приведенной цитате явно сказалось непонимание Соколовым научных работ Милля.

Опровергая положения Соколова на основании обширных цитат из сочинений Милля, Жуковский не ссылается на критику Милля «Современником», тем самым опираясь на известную работу Чернышевского, но не называя, — это было невозможно по цензурным условиям, — последнего по имени. Тем не менее, при внимательном чтении статьи Жуковского становится ясно, что он, вопреки Чернышевскому, несколько переоценивает Милля, принимая его синкретизм.

Таким образом мы видим, что и Антонович и Жуковский, несмотря на шатания возобновленного «Современника» в вопросах философии и экономики, давали резкий отпор вульгаризаторству и упрощенчеству «Русского слова».

Основным критерием, без учета которого невозможно было подходить к общественно-политическим явлениям современности, был вопрос социализма и в еще большей мере вопрос о путях, ведущих к социализму.

Позиция «Русского слова» в описываемые годы в данном случае была довольно-таки ясна. Именно «естественнонаучный» вульгарный материализм, соединенный с позитивизмом, определял его позицию, заключающуюся в проповеди мирного культурничества. Под влиянием начавшейся реакции, снявшей с ближайшей повестки дня ожидаемую революцию, «Русское слово» начало отходить от революционной точки зрения.

Публицисты возобновленного «Современника» не высказывались, как мы знаем, с достаточной определенностью по вопросу о путях, ведущих к лучшему будущему. Одни из них склонялись к отстаиванию мирных путей, создавая с этой целью различные утопические проекты; другие, продолжая ожидать крестьянскую революцию, не указывали способов к ее ускорению.

Здесь, конечно, в некоторой мере сказались цензурные условия. Сколько-нибудь открытой защиты революционной идеи и разъяснения способов скорейшего претворения ее в жизнь никогда не допустила бы цензура. Но все же не только цензурным воздействием, но и отсутствием единства во взглядах своих руководителей на данную проблему приходится объяснять тот факт, что «Современник» избегал выдвигать ее в своей полемике с «Русским словом».

Тем не менее, в некоторой мере она отразилась в известном споре Антоновича с Писаревым.

Одной из существенных сторон этого спора являлся вопрос о добролюбовском понимании образа Катерины из «Грозы» Островского. Возлагая все свои надежды на развитой ум, Писарев предполагал, что интеллигенция сыграет основную и решительную роль в завоевании лучшего социального будущего. Поэтому-то он и оспаривал мысль Добролюбова, что образ Катерины показывает, как в нестерпимых социальных условиях современной России назревает протест страдающего,

необразованного народа. В статье Б. Козьмина «Раскол в нигилистах» («Литература и марксизм» 1928, № 2) выяснено, что для возобновленного «Современника» особенно дорога была в наследии Добролюбова его ориентация на крестьянскую демократию и что писаревские попытки доказать устарелость именно этой части данного наследия должны вызвать жестокий отпор со стороны современниковцев.

Заявляя, что Писарев не понял основной идеи статьи Добролюбова, Антонович следующим образом поучал его: «и вообще, г. Писарев, знайте навсегда, что люди простые с неразвитым умом, не знающие ни Бокля, ни электричества, также сильно и болезненно чувствуют гнет семейного и всякого самодурства и также способны протестовать против него, как и те развитые умы, которые постоянно бредят о Бокле, стоят выше всяких предрассудков и знают естественные науки. Они может быть даже сильнее последних чувствуют и протестуют: потому что последние часто ограничивают свой протест только фразами, а когда дело дойдет до дела, то они на попятный двор» («Промехи», статья вторая — «Современник» 1865, № 4, стр. 287).

Другой существенной стороной спора Писарева и Антоновича являлся вопрос о Тургеневе и социальной значимости его романа «Отцы и дети». Мы уже приводили слова Антоновича о том, что «Русское слово» приняло «фигу» Тургенева за идеал человечества. Однако, отказываясь признать в Базарове нового человека, Антонович не смог никого противопоставить ему. Он непонятным образом не вспомнил ни о Рахметове, ни о других героях «Что делать?». Вследствие этого идеал нового человека остался им не проясненным. В результате Антоновичу было очень трудно парировать удары более талантливого Писарева, и он, чтобы избежать поражения, старался перевести спор на другие смежные и не столь важные темы.

Следует отметить, что эту ошибку Антоновича отчасти исправил Ю. Жуковский в своей статье «Итоги» (см. выше, стр. 221—222).

Однако эта статья Жуковского была напечатана уже в конце полемики и поэтому влияния на ее ход не имела.

Одной из тем, на которые переводил спор Антонович, являлась тема эстетическая. Поводом к ее постановке и обсуждению явилось переиздание эстетического трактата Чернышевского. В мартовской книжке «Современника» за 1865 г. Антонович поместил рецензию об этой книге, комментирующую эстетические взгляды Чернышевского. Наряду с этим Антонович еще в начальный период полемики с Благоветловым поставил ребром вопрос: «согласны ли вы с теорией искусства, развитую в книге «Эстетические отношения искусства к действительности», сочиненной «одним лицом...», и прибавил: «теперь вышла вторым изданием книга «Эстетические отношения искусства к действительности», ваши сотрудники непременно должны вполне одобрить эту книгу, как выражение положительного взгляда на искусство». («Литературные мелочи» — «Современник» 1865, № 2, стр. 385).

Как бы в ответ на эти замечания Антоновича, Писарев в № 5 «Русского слова» поместил свою статью «Разрушение эстетики», пробуящую переосмыслить и по-своему прокомментировать книгу Чернышевского. Открыто не протестуя против концепции трактата, наоборот, опираясь на авторитет его автора, Писарев создает теорию разрушения эстетики, якобы уже намеченную в книге «Эстетические отношения искусства к действительности» в виде намеков и отдельных замечаний.

Ответ Антоновича («Лжереалисты» — «Современник» 1865, № 7) во многом вполне правильно защищал утилитарную точку зрения Чернышевского, отнюдь не отвергающую специфику искусства.

«Художники и поэты не должны изгоняться из общества, как люди бесполезные, — резюмировал он взгляды истинных реалистов на искусство, — нет, от них нужно требовать, чтобы они сделались полезными, чтобы они служили обществу и общественному развитию тем сильным и деятельным оружием, которое есть у них в руках» (1865, № 7, стр. 93).

Новая статья Писарева («Посмотрим» — «Русское слово» 1865, № 9), написанная очень ярко и талантливо, создавала впечатление, что в споре с Антоновичем перевес на его, Писарева, стороне. А между тем совершенно бесспорно, что Антонович стоял в данном

случае на более правильной точке зрения. «Чернышевский не забывал, что искусство, кроме пользы, приносит человеку еще и эстетическое наслаждение. Он прекрасно понимал качественную специфичность искусства. Поэтому он никогда не выбрасывал лозунга: «искусство за борт». Он никогда не призывал к разрушению эстетики. Писарев не понял произведения Чернышевского. Ему показалось, что Чернышевский лишь потому прямо не говорит о разрушении эстетики, что он приравнивается к отсталому уровню своих читателей. Это было неверно».¹

Излагая полемику «Современника» с «Русским словом», мы в целом ряде случаев должны были указывать ошибки, допущенные «Русским словом» и в частности Д. И. Писаревым.

Тем не менее отсюда никоим образом не следует, что мы недооцениваем огромную прогрессивную роль Писарева. Высказывая иной раз не вполне верные положения, он — в основном и главном — безусловно принадлежал к передовому лагерю русской общественности. В. Кирпотин, указавший в своей работе «Радикальный разночинец Д. И. Писарев» некоторые шатания этого замечательного критика, все же совсем недавно, в день шестидесятилетия со дня смерти Писарева, дал ему следующую общую оценку: «Писарев не был и не мог быть, по условиям времени, марксистом, но его плодотворная короткая жизнь принесла много пользы: он обогатил русскую критику и русскую науку, он блистательно отразил атаку реакции, возликовавшей было после расправы над Чернышевским. Он был полон смелости, бодрости, веры в лучшее будущее. Он мечтал о свободной и счастливой жизни народа... Его деятельность составляет важную страницу русской культуры».² С этой оценкой, разумеется, нельзя не согласиться.

Историки литературы и журналистики лишь мелком касались полемики «Русского слова» и «Современ-

¹ В. Кирпотин, Комментарии к статье «Разрушение эстетики» (Избранные сочинения Писарева, Учпедгиз, 1932, стр. 147—148).

² В. Кирпотин, Д. И. Писарев и русская культура («Известия Советов депутатов трудящихся СССР» от 15 июля 1938 г.).

ника». Более или менее подробно на ней остановились очень немногие. Из дореволюционных работ, касающихся этой полемики, следует отметить работы С. Венгерова, А. Волынского и И. Иванова. Все эти три автора, несмотря на разницу литературных воззрений, во многом друг с другом сходятся. Не утруждая себя пояснением идеологических различий в позициях как «Современника», так и «Русского слова», видя в обоих журналах представителей одного и того же лагеря, они оказались решительно неспособными понять существо полемики между этими журналами и рассматривали ее как драку между своими.

Венгеров прямо заявляет, что «Антонович яростней всего полемизировал со своими, с людьми, от которых он или вовсе ничем не отличался, или же отличался в мелочах».¹

А. Волынский, посвятивший полемике специальную главу в своей книге «Русские критики», увидел в ней лишь одни непристойности и на этом основании дал сугубо-отрицательную моральную оценку ее участникам.

И. Иванов, значительно добросовестнее С. Венгерова и Волынского подошедший к своей задаче, все-таки не смог понять глубоких идеологических различий «Русского слова» и «Современника». Довольно правильно изложив внешний ход полемики, он оценивает ее лишь с точки зрения талантливости полемистов. В результате у Иванова получается, что когда Антонович полемизировал с бездарными Благосветловым и Зайцевым, он легко справлялся с ними, а когда вступил в полемику более талантливый, чем Антонович, Писарев, он легко справился с Антоновичем, и «Русское слово» восторжествовало над «Современником».

Несравненно больший интерес представляют работы послеоктябрьского периода. Сюда прежде всего следует отнести статью Козьмина «Раскол в нигилистах, эпизод из истории русской общественной мысли 60-х гг.» («Литература и марксизм» 1928, № 2). Она изобилует целым рядом интересных высказываний и

¹ С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I — «А», Спб. 1886, стр. 679.

наблюдений, но, на наш взгляд, не совсем правильно освещает и оценивает полемику «Русского слова» с «Современником» в целом. Б. П. Козьмин не учел того, что принципиальные разногласия полемизировавших журналов сказались не только в различном отношении их к народу, но и в целом ряде других не менее существенных пунктов, которые и были указаны в нашем предшествующем изложении.

Частично затрагивает полемику — главным образом по линии участия в ней Салтыкова-Щедрина — работа А. Лаврецкого «Щедрин — литературный критик» (Гослитиздат, М. 1935). «Самая защита этих идей (Чернышевского и Добролюбова) таким влиятельным в то время сотрудником «Современника», как Антонович, — пишет он, — меньше всего отстаивала их революционную сущность. Один лишь Щедрин в этой полемике, которая была им только начата, действительно стоял на позиции Чернышевского и Добролюбова» (стр. 87).

Взгляд Лаврецкого в свою очередь представляется нам недостаточно обоснованным. Факты, характеризующие революционные установки беллетристического отдела «Современника», неоспоримы и говорят сами за себя (см. выше, стр. 193—195). Если сотрудникам небеллетристической части журнала трудно было, главным образом по цензурным соображениям, открыто высказываться в пользу революции, то это отнюдь не значило, что все они уже сошли с революционных позиций. Не только Щедрин стоял на этих позициях, но в значительной степени и Антонович.

Работы Кирпотина («Радикальный разночинец Д. И. Писарев», «Критики и публицисты» и комментарии к различным изданиям сочинений Писарева), на наш взгляд, дают правильное освещение полемики. Но, занимаясь в своих работах не столько ходом этой последней, сколько ролью в ней Д. И. Писарева, Кирпотин, конечно, не имел в виду изучения полемики во всей ее широте. Солидаризируясь в основном со взглядами Кирпотина, мы хотели бы, однако, сделать ему одно возражение. В своей книге «Радикальный разночинец Д. И. Писарев» (1933), повествуя о полемике Писарева и Антоновича, В. Кирпотин замечает: «Еще удивительнее может показаться, что Антонович как бы не заметил философских разногласий между «Современ-

ником» и Писаревым. При Чернышевском основная тяжесть работы по пропаганде фейербахианства лежала на его плечах. В этой области он проделал большую и полезную работу. Однако против эмпирического материализма Писарева Антонович не стал возражать. Объясняется это тем, что его точка зрения, после того как он оказался вне влияния Чернышевского, сблизилась с точкой зрения Писарева. Самый термин — антропологический материализм — Антонович стал заменять термином «эмпирическая философия природы». Он потерял понимание категории качества, значение которой тщательно подчеркивал Чернышевский. Из Дарвина Антонович делает те же философские выводы, что и Писарев... «нет границы между видами и разновидностями, — писал он, — ... одна форма незаметно сливается с другою и одна постепенно переходит в другую». Это — та же количественная точка зрения, что и у Писарева. Совершенно естественно, что, сблизившись с Писаревым в области философских воззрений, он не стал ломать с ним копий на этом поприще» (стр. 318—319).

Антонович действительно, не опровергал механистических ошибок Писарева, так как сам был склонен к механицизму. Тем не менее, как было показано в предыдущем изложении, он дал довольно последовательную критику вульгарно-материалистической позиции «Русского слова», наиболее рельефно проявившейся в статьях Зайцева. Вот почему согласиться с Кирпотиным, когда он говорит, что Антонович не заметил философских разногласий «Русского слова» и «Современника», трудно.

Подведем в нескольких словах некоторые итоги.

Как было видно из изложения хода полемики и содержания отдельных статей, а также из наших комментариев к ним, полемика возобновленного «Современника» со всей периодической прессой того времени, несмотря на многообразие тем, различность темпераментов и литературных участников, определялась идеологическими расхождениями. Она служила принципиальным целям и никоим образом не являлась простой перебранкой, как это представлялось Венгерову, Волынскому и др.

В предшествующих главах для характеристики направления «Современника» и той полемики, которую он вел в 1863—1865 гг., использовано немалое количество статей как небеллетристической части *первого* отдела, так и, главным образом, статей *второго* отдела, т. е. «Современного обозрения». Однако для полноты картины совершенно необходимо взять на учет, хотя бы в форме обзора с библиографическим уклоном, важнейшие из не вошедших в предшествующие главы статей небеллетристического содержания.

К этой задаче мы и приступаем в настоящей главе, отнюдь не стремясь к сколько-нибудь исчерпывающему охвату подлежащего нашему рассмотрению материала.

В «Современном обозрении» в интересующий нас период времени, равно как и в предшествующие годы, существовали два больших отдела — публицистический и критико-библиографический. Первый из них в свою очередь распадался на несколько подотделов, а именно: «Наша общественная жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева и «Политика» Э. К. Ватсона. Кроме этих постоянных подотделов, в «Современном обозрении» печатались самостоятельные публицистические статьи различных авторов.

Салтыковская «Наша общественная жизнь» не давала хроники злободневных событий, а лишь заостряла внимание на злободневных вопросах. При всей своей конкретности этот отдел Салтыкова касался не столько единичных случаев, сколько явлений общего порядка. Отличительная особенность публицистики Салтыкова — ее сугубая полемичность, причем главного своего врага автор видел как в общественной, так и в правительственной реакции. Ведь начатый Салтыковым уже в первой его хронике поход против «благонамеренности» (см. выше, стр. 49—52) был не чем иным, как походом против реакции и всех ее проявлений.

Но не только сатирическим показом отрицательных сторон современной жизни занимался Салтыков в своем отделе. Через целый ряд его хроник проходит красной нитью утверждение, что лишь широкие массы, «грубый народ», как высокомерно выражаются не-

которые, являются той жизненной силой, которая сможет обеспечить движение к лучшему будущему.

— «Нет ничего естественнее и справедливее, — писал Салтыков в декабрьской «хронике» 1863 г., — как признание прав большинства и защита их против притязаний каст... Ни один интерес (человека), ни личный, ни кастический не может быть приведен к осуществлению, прежде нежели найдет себе поверку в интересах масс. Самый обман масс может быть совершен только именем их самих. Поэтому, нет вообще того человека в мире, который сознательно или бессознательно, с озлоблением или удовольствием не признавал бы этого значения масс; в частности же для многих людей это признание составляет цель всевозможных усилий, искание и смысл всей жизни. Облеченное в определенную форму, это признание возводится на степень социального убеждения, является источником целого образа действий, зерном целой системы» (1863, № 12).

Сказавшийся здесь с достаточной ясностью крестьянский демократизм Салтыкова определял содержание и характер его публицистических статей, помещенных в «Современнике» за эти годы. Сюда в первую очередь относятся «Известие из Полтавской губернии» (1863, № 1—2), «Московские письма» (1863, № 3), а также «Несколько слов по поводу заметки, помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 г.» (1863, № 1—2) и уже упомянутые нами выше статьи «Драматурги паразиты во Франции» (1863, № 1—2), «Несколько полемических предположений» (1863, № 3).

Сложные и острые темы, затрагиваемые Салтыковым в его хрониках и статьях, облекались им в неподобающую как будто форму веселой фельетонной болтовни, пересыпанной иносказаниями и аналогиями. Только таким путем удавалось протаскивать их через цензурные фильтры. Тем не менее и это не спасало, как мы знаем, произведений Салтыкова от поистине невыносимых цензурных преследований. В последнем обзоре 1863 г. Салтыков прямо указывает, что никогда его хроники не попадали в печать в неурезанном виде: «И если я не всегда действовал успешно на избранном мною поприще, если не вполне развил мое учение о преимуществах человеческих заблуждений,

то не забудь, читатель, что я никогда не являлся перед тобой в своем натуральном виде, но всегда с некоторыми изъятиями» (1863, № 12, стр. 241). Выше уже указывалось, что наряду с несогласиями с «консistorией», именно цензурные преследования заставили Салтыкова, временно отойдя от литературы, поступить на государственную службу. Уход Салтыкова явился огромной потерей для журнала. Как его отдел, так и все публицистические статьи его резко выделялись своими блестящими литературными качествами. Отсутствие салтыковского отдела являлось своего рода зияющим пробелом при дальнейшем издании журнала. В 1865—1866 гг. редакция пыталась заполнить этот пробел бледными «Письмами в глушь» Ковалевского (1865, №№ 10, 11—12; авторство устанавливается по документам конторы «Современника») и сухими информацией «Провинциальные обозрения» Гайдебурова.

Вторым постоянным отделом публицистики являлось «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева. В отличие от «Общественной жизни» Салтыкова, «Обозрения» Елисеева были ценны не столько выводами и обобщениями, на которые они были весьма скупы, сколько колоссальным фактическим материалом. Подбор этого фактического материала определялся стремлением автора защищать интересы угнетенных и обездоленных современным обществом. Не раз высказывая свою непоколебимую уверенность в том, что благосостояние всех классов общества зависит от благосостояния масс, Елисеев следующим образом формулировал то, что в современной жизни вызывало его положительное отношение: «Желая желанием пламенным славы и счастья нашему отечеству, мы с восторгом приветствуем всякую законодательную меру, равно всякое движение общественной мысли и деятельности, имеющие целью просвещение масс, гуманизирование их нравов, возбуждение в них и предоставление им самостоятельности, распространение между ними материального благосостояния» («Современник» 1863, № 5, стр. 182).

Этот перечень светлых явлений жизни определял в то же время наиболее существенные темы елисеевских «Обозрений». Тема народного образования, тема

школ, гимназий и семинарий занимает очень существенное место в «Обозрениях» Елисеева (см. «Внутреннее обозрение» — «Современник» 1864, № 2; 1863, № 5; статья «Гимназии и семинарии» — «Современник» 1865, № 10, и т. д.). Говоря о цивилизации, о культуре, о взаимоотношениях образованного общества и простого народа, Елисеев обычно переключался на тему народного образования, причем во всех высказываниях на эту тему он хлопочет о предоставлении свободного пути к знанию широким слоям народных масс. Одним из наиболее отрадных явлений в области «гуманизации народных нравов» Елисеев считал отмену телесных наказаний по приговору суда. Однако, комментируя правительственное постановление об этом, Елисеев с горечью отметил, что розга остается еще в качестве полицейского наказания, и посвятил рассуждению об аморальном значении розги несколько страниц («Современник» 1863, № 5).

Что касается высказываний Елисеева о высших слоях общества и защитниках их интересов, то они по большей части звучат в достаточной степени резко (см. «Современник» 1864, № 6). Когда в 1865 г. при первых выборах в земские учреждения «Московские ведомости» и целый ряд дворян (Скарятин, Зеленый, Лучинин и др.), обеспокоенные выборами в гласные большого числа мелкопоместных собственников и крестьян, стали хлопотать о введении крупного выборного ценза, Елисеев в своих обозрениях и отдельных статьях (см. «Внутреннее обозрение» — «Современник» 1865, №№ 1, 3; «Представительство крупной поземельной собственности в земских учреждениях» — «Современник» 1865, № 5, и др.) выступил с резкой критикой этих защитников крупнопомещичьего приоритета.

Однако наряду с этими бесспорно положительными сторонами «Обозрений» Елисеева в них уже сказывались и значение их снижали ортодоксально-народнические тенденции его идеологии. Защищая вместе с другими руководителями журнала идею промышленного развития России, так как «Россия по своим почвенным и климатическим условиям должна быть страной не земледельческою преимущественно, а преимущественно промышленною» (1864, № 6), Елисеев все же верил в особые (отличающиеся от западно-

европейских) пути развития русского капитализма. Он верил, что России удастся избежать «образования пролетариата, прикрепления рабочих к предпринимателю и тому подобных милых вещей» (1865, № 1, стр. 126), благодаря особенностям ее исторического прошлого. «Русская история есть дело любовного земского строения, — писал он в мартовском обозрении 1864 г., — в ней не было никогда и тени борьбы сословностей, народность, земственность составляют ее корень и почву и не имеют в себе ничего похожего на балансируемое положение западного демократизма... Она [Россия] не видала в своем прошедшем ни борьбы партий, ни даже возможности их существования, она не видит ничего подобного и в настоящем» (1864, № 3, стр. 116—119).

Не менее существенной отрицательной стороной «Обозрений» являлся почти полный отказ Елисеева от теоретических обобщений и от всякого учета перспектив, приводивший к крайнему практицизму.

В подтверждение легко было бы сослаться на упомянутые выше плоские насмешки Елисеева над «снами» героини «Что делать?».

Оба эти недостатка объясняются не чем иным, как оппортунизмом Елисеева, уже явным образом отходившего от революционной позиции Чернышевского.

С елисеевскими «Обозрениями», уделявшими преимущественное внимание крестьянскому вопросу, перекликался целый ряд публицистических статей как самого Елисеева, так и других авторов. Сюда относятся уже упоминавшиеся нами выше статьи самого Елисеева «Представительство крупной поземельной собственности в земских учреждениях» — «Современник» 1865, № 5; «Городское хозяйство Петербурга», статья первая — «Современник» 1865, № 6; статья вторая — «Современник» 1865, № 7; «Гимназии и семинарии» — «Современник» 1865, № 10; «Екатерининский дворянин и современная дворянская газета «Весть» — «Современник» 1865, № 9. Сходство тем этих статей с темами «Внутренних обозрений» объясняется еще тем, что они как бы заменяли отдел Елисеева, прекращенный им с майской книжки журнала за 1865 г., — повидимому, под цензурным нажимом.

В 1866 г. вместо отдела Елисеева был организован отдел «Действительность», писавшийся Л. Розановым (авторство устанавливается по документам конторы «Современника»).

Наибольший интерес из статей других авторов, посвященных крестьянскому вопросу, представляет большая и принципиальная статья Ю. Жуковского «Крестьянское дело и общественная инициатива» (1863, №№ 3 и 5).

«Минуло два года со времени издания положений 19 февраля, — писал Ю. Жуковский в этой статье, — близок срок для окончания уставных грамот, а мы все-таки не в состоянии привести бесспорных доказательств, чтобы в общественном понимании окончательно утвердилось сознание неизбежности тех требований, которые с самого начала сказывались в вопросе и выполнение которых только и может поручиться за его счастливый исход. Напротив того, если мы захотим призвать в свидетели печатные факты, мы увидим вещь весьма грустную, увидим, что эти понятия едва ли не далее в настоящее время от истины, чем прежде, что вместо того, чтобы уясняться, они путаются, увидим, что г. Катков в Москве проповедует без церемонии батрачество, как самый счастливый исход, в то время, как другие молчат, вероятно, безусловно довольные всем, что бы ни пришло» (стр. 177). На большом убедительном материале Жуковский показывает, что реакционный поворот в области разрешения крестьянского вопроса неминуемо поведет к разорению крестьянских масс, а следовательно и всего государства.

Приблизительно к тем же темам — обеднение крестьян при существующем порядке — обратился Ю. Жуковский в цикле «Записки современника», который он начал вести с августовской книжки журнала 1865 г. На этот раз называя то же явление общественной жизни уже не экономическими терминами, а просто заеданием мужицкого хлеба, Ю. Жуковский дает приблизительный подсчет суммы долга образованного класса народу. Исходя из размера налогов (300 миллионов), которые несет крестьянство, и считая, что налог можно брать не более как в размере 5% с суммы капитала, Жуковский заключал, что крестьянство по

общепринятым нормам должно обладать капиталом в 6 миллиардов рублей. «Таким образом в результате, — резюмирует свою мысль Жуковский, — народ оказался платящим налог с капиталов, которыми он не пользуется, но на которые он имеет формальное право, если мы только взыскиваем с него этот налог. Это противоречие создал положительный закон; он же должен поэтому и исправить его. Народ имеет право фигурировать в общей производительности с известным капиталом — и закон должен признать это право и осуществить его» (1865, № 9, стр. 96).

Кроме статей по крестьянскому вопросу, к темам «Внутренних обозрений» примыкают также статьи, посвященные различным реформам, подготовляемым в то время. Сюда в первую очередь относится статья Унковского «Новые основания судопроизводства» (1863, № 1—2).

Отмечая слабую реакцию общества на объявление правительства о судебной реформе, Унковский пишет: «Мы вовсе не ожидаем, чтобы у нас в самом непродолжительном времени наступило полное владычество закона и уничтожился всякий произвол. Мы только твердо уверены, что начала, принятые в основание судебной реформы, непременно приведут к великим и благотворным последствиям» (1863, № 1—2, стр. 398—399). В дальнейшем тексте статьи автор указывает причины, благодаря которым административный произвол сможет сохраниться и при новых судебных положениях.

К статьям этого рода примыкают статьи того же автора «О преобразованиях по части прямых налогов» (1863, № 5), а также уже упомянутые выше статьи — Антоновича «Надежды и опасения» (1865, № 8) и Елисеева «Проекты преобразования С.-Петербургской полиции» (1865, № 3).

Третьим постоянным публицистическим подразделом «Современника» являлась «Политика» Э. К. Ватсона.

В этом отделе Ватсон знакомил читателя как с наиболее крупными событиями политической жизни Европы и Америки, так и с деятельностью основных вершителей судеб международной дипломатии и политики. С большой резкостью он критикует всякое проявление реакции в политике и не жалеет сильных

выражений по адресу ее руководителей и вдохновителей (см., например, «Политику», посвященную смерти Пальмерстона, — «Современник» 1865, № 9).

Но, с другой стороны, в высказываниях Ватсона на политические темы заметно отразились присущие его мировоззрению половинчатость и тяготение к компромиссам. Характеризуя деятельность Линкольна, Ватсон подчеркивал и положительно оценивал примиренческие стороны его политики (см. «Авраам Линкольн» — «Современник» 1865, № 4).

Здесь уместно будет отметить, что, в отличие от предшествующих лет издания, возобновленный «Современник» обнаруживает значительный, из месяца в месяц проявляемый интерес к развитию рабочего движения на Западе. Это, несомненно, находится в связи с крупными событиями, происходившими в то время на арене мирового рабочего движения. Ведь годы издания возобновленного «Современника» — это как раз годы организации и начала деятельности I Интернационала (сентябрь 1864 г.). С другой стороны, подъем рабочего движения в Германии, пропагандистская деятельность Лассаля, организация им рабочей партии (1863 г.) и неожиданная его смерть не могли не фиксировать на себе внимание русских демократов.

Именно о рабочем вопросе в Германии говорится в нескольких политических обзорах Ватсона («Политика» — «Современник» 1865, №№ 1, 2, 11—12), причем автор со всей резкостью вскрывает внутренний смысл деятельности «друзей рабочих» с Шульце-Деличем во главе. Рассматривая споры Шульце-Делича с Лассалем, он не скрывает своих симпатий к последнему.

Общим же вопросам рабочего движения посвящена большая и обстоятельная публицистическая статья Ватсона «Рабочие классы Англии и манчестерская школа» (1864, №№ 8 и 9). В ней доказывается, что либеральные экономисты своими теориями не только не способствуют, но и вредят разрешению рабочего вопроса.

Рабочему же движению на Западе (Франции) посвятил обстоятельную статью и Жуковский — «Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции» (1864, №№ 4 и 6). Излагая ход развития как производственных, так и потребительских рабочих ас-

социаций, Ю. Жуковский весьма сочувственно отзывался о той пользе, которую приносили эти ассоциации рабочим. Только препятствия со стороны правительства, арест руководителей и в некоторых случаях организационные неполадки помешали рабочим ассоциациям разрешить трудную задачу экономического улучшения быта широких масс французского народа.

К общим вопросам рабочего движения обращается и Пыпин, поместивший в № 8 за 1865 г. составленную по иностранным источникам биографию Лассалья, а в № 9 — перевод статьи Лассалья «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия». Показательно, что Пыпин, с одной стороны, в своем предисловии к переводу статьи Лассалья выражает полную солидарность со взглядами Лассалья, с другой — пытается по-народнически применить их к русской действительности. «Нет сомнения, что историческое явление Западной Европы, объясненное Лассалем, простирается и на нашу собственную жизнь. Наше общество не представляет никаких ни дворянских, ни буржуазных действительных принципов, которые имели бы право занять первенствующее место в общественных и политических отношениях, и единственная форма, которая остается русскому обществу, это стремление к равноправности сословий, тем более удобной, что она, говорят, существовала уже в древней России» (1865, № 9, стр. 178, 181).

Эти народнические нотки в статьях Пыпина указывают на начавшуюся именно в эти годы эволюцию его вправо.

К этой же теме рабочих ассоциаций обращается Пыпин в № 2 журнала за 1865 г. — в статье под названием «Общества рабочих в Англии с целями образования» (авторство устанавливается по документам конторы «Современника» за 1865 г.). Автора интересуют главным образом ассоциации, устроенные не с экономической целью, а с целью общего и специального образования. Широкое распространение в Англии рабочих школ и университетов, организованных рабочими ассоциациями, служит для Пыпина лишним доводом в пользу всемерного распространения рабочих ассоциаций в России.

О совершенно особом типе ассоциаций говорит Пыпин в комментарии к переводу статьи английского писателя Конвея об устройстве основанной в Америке общины «Новые времена» (1865, № 8, стр. 367—371; авторство устанавливается по документам конторы «Современника»). Если прежде при основании общин, стремившихся построить человеческое общежитие на реформированных началах, проявлялись «метафизические тенденции», то теперь положение изменилось. «С одной стороны это новое движение выражается спокойным развитием ассоциаций, которые, не претендуя на переработку общества, стараются только в нем найти элементы для лучшего экономического и только экономического устройства. С другой стороны являются и более широкие попытки, имеющие в виду, кроме реформы экономической, также улучшение нравственных и социальных отношений... Америка имела несколько обширных фаланстер и других подобных предприятий. В числе их «Новые времена» были не первым и без сомнения не последним... Читатель заметил, что реформаторы имели в виду далеко не одни экономические отношения и что, напротив, они простирали свои нововведения и на другие существенные стороны общественной жизни. Один принцип верховного права личности, принятый ими, показывает, как обширен был план их социальных нововведений. В религии это были очень далеко ушедшие рационалисты; в отношениях к женщине это — крайние защитники женских прав, как эти права понимаются ревнителями женского вопроса в Америке».

Непосредственно перекликались с этими темами статьи, посвященные женскому вопросу. Мы уже останавливались выше (см. стр. 254) на статье Ю. Жуковского «Затруднения женского дела» и упоминали, как эта же тема проходила через ряд «Обозрений» Елисева. Из отдельных статей, посвященных этой теме, следует отметить статью Ю. Жуковского «Как мыслит женщина» (1864, № 2), излагающую мнения Бокля о женском уме и развитии, и статью Пыпина «Почему иногда не удаются женские трудовые артели» (1865, № 4), посвященную конкретным неудачам петербургских женских артелей.

Существенной темой публицистики возобновленного «Современника» являлась тема народности, национальности и особенностей русского быта и культуры. Этой теме посвящен целый ряд публицистических статей различных авторов. Из них следует отметить статьи Пыпина «Вопрос о национальности и панславизм» (1864, №№ 1, 2 и 3), «Несколько слов о «народных началах» и о цивилизации» (1865, № 6), а также статью Ю. Жуковского «О народности в политике» (1863, № 1—2); с ними непосредственно перекликается также полемика возобновленного «Современника» со славянофилами и газетой «День» (см. выше).

Заканчивая на этом обзор публицистики «Современника» 1863—1866 гг., не претендующий никоим образом на исчерпывающий охват всех статей этого отдела, следует отметить определенное падение публицистики относительно предыдущей эпохи. Отсутствие Чернышевского сказалось не только в том, что в журнале уже не печатались его замечательные статьи, но и в том, что была потеряна прежняя четкость и определенность революционно-демократической позиции.

XII

Критико-библиографический отдел еще более проиграл в сравнении с предыдущими годами издания «Современника», чем отдел публицистики. Дело в том, что он лишился не только Чернышевского, но и непосредственного своего руководителя Н. А. Добролюбова. Из новых руководителей журнала полностью заменить Добролюбова и Чернышевского в критико-библиографическом отделе никто не был в состоянии за исключением, быть может, одного М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Проблема изучения Салтыкова-Щедрина как критика поставлена очень недавно. Только за последние годы появились исследовательские работы о критическом наследии Щедрина. Однако этими работами сразу же было установлено, что «изучение этой области деятельности сатирика должно заполнить в известной мере какой-то пробел в наших представлениях о критике, боровшейся за интересы крестьянской демокра-

тии, заполнить хотя бы отчасти место Добролюбова и Чернышевского, считавшееся до сих пор незанятым после того, как они сошли со сцены». ¹

Как известно, большинство литературно-критических высказываний Салтыкова было сосредоточено порою в крупных, порою в мелких анонимных рецензиях библиографического отдела. Мы не будем приводить списка всех этих анонимных произведений Салтыкова, так как в настоящее время его авторство в отношении статей, заметок и рецензий, помещенных в «Современнике», установлено совершенно точно В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании переписки Салтыкова с Ипп. А. Панаевым и конторских данных («Литературное наследство» 1934), дополнивших и уточнивших сведения о сотрудничестве Салтыкова в «Современнике», опубликованные Пыпиным в его книге «М. Е. Салтыков» (Спб. 1889).

Литературная продукция Салтыкова в критико-библиографическом отделе «Современника» за 1863—1864 гг. составляет из 30 рецензий и трех статей о театре («Московские письма», статья первая, «Петербургские театры», статья первая и «Петербургские театры», статья вторая). Кроме того, и в публицистических статьях, и в хрониках, и в заметках «Свистка» рассыпано множество мелких литературно-критических замечаний. Кроме Салтыкова, в критико-библиографическом отделе участвуют и другие члены редакции и сотрудники «Современника»: Антонович, Жуковский, Пыпин и Головачев помещают по нескольку критических статей в отделе «Русская литература» и ряд рецензий в отделе «Новые книги». Однако их участие в критико-библиографическом отделе довольно-таки случайно. Бесспорно, до самого ухода Салтыкова из «Современника» его блестящие статьи и рецензии играют ведущую роль в критико-библиографическом отделе.

«Рецензии Щедрина, — метко характеризует их А. Лаврецкий в книге «Щедрин — литературный критик», — это маленькие сатиры, направленные против претенциозной бездарности и трафаретности мысли не

¹ А. Лаврецкий, Щедрин — литературный критик, стр. 205—206.

потому, что они — бездарность и трафаретность, а потому, что они претенциозны, что вносят празднословную фальшь туда, где уместно лишь ответственное дело. Эти сатиры превращаются в инвективы, грозные беспощадным щедринским презрением, когда критику приходится бороться с менее невинными явлениями, чем литературное тщеславие и ремесленничество, — с клеветническим дискредитированием дорогих ему идей и общественных движений, с предательством посредством слова» (стр. 183).

Критические отзывы Салтыкова-Щедрина всегда выходят за пределы критикуемого явления. Он не удовлетворяется простым отзывом на то или иное произведение, он обобщает критикуемое явление, высказывая целый ряд общих мыслей и положений.

Мы уже знакомы с концепцией реализма, высказанной Салтыковым на страницах «Современника» (см. выше, стр. 181—182).

В рецензии на роман Лажечникова «Немного лет назад» Салтыков определяет общие задачи литературной критики:

«Автор стремится показать свету все, что у него накопилось на дне взволнованной души, а также и все, чего там не накопилось, — критик не имеет ни малейшего права не сказать¹ своего слова об этом накопленном и ненакопленном; он должен самому взволнованному автору разъяснить,¹ почему одно накопилось, другое не накопилось» (1863, № 1—2).

В рецензии на книгу Каролины Павловой Салтыков подвергает критике целое литературное направление, враждебное позициям «Современника». Разбирая стихотворение Павловой «Мотылек», Салтыков удивляется, как поэтесса может советовать человеку уподобляться мотыльку, «питаться эфиром» и «порхать оживленным сапфиром». Рецензент удивляется, как могут целые литературные поколения заниматься всегдашним самообольщением, притворством, лгать самым постыдным образом. «Это явление странное, — заявляет Салтыков, — но оно не необъяснимо. Это продукт целого строя понятий, того самого строя, который в философии порождает Юркевичей, в драматическом искус-

¹ Курсив наш.

стве дает балет, в политической сфере отзывается славянофилами, в воспитании институтками, сосущими мел и грызущими карандаши. Тут нет ни одного живого места, тут все фраза, все призрак; тут одна нелепость доказывается посредством другой, и все эти пустяки, склеенные вместе, образуют под конец такую умственную трущобу, которую с трудом пронизают самые смелые попытки здравого смысла» (1863, № 6, стр. 315).

Разбирая новые стихотворения Майкова, Салтыков предваряет свой разбор большим общим рассуждением о зависимости литературы от социально-общественных условий: «Искусство принимает характер преимущественно человеческий, или, лучше сказать, общественный (так как человек, изолированный от общества, немислим), и чем ближе вглядывается в жизнь, чем глубже захватывает вопросы, ею выдвигаемые, тем достойнее носит свое имя» (1864, № 2).

При разборе любых литературных явлений оценку Салтыкова определяла его идеология крестьянского демократа. Он подвергал уничтожающей критике произведения дворянско-помещичьей литературы (например, «Князь Серебряный» А. Толстого — «Современник» 1863, № 4). С другой стороны, он в своих рецензиях поддерживал произведения писателей-демократов, хотя и не блещущих особыми талантами (например, «Новые стихотворения» А. Плещеева — «Современник» 1864, № 1).

Следует отметить, что Салтыков писал свои рецензии не только на литературно-художественные произведения, — он критиковал и книги исторические и публицистические (например, «О старом и новом порядке» Н. Бездарова — «Современник» 1863, № 1—2, или «Киевские волнения» С. Громеки — «Современник» 1863, № 10).

С уходом М. Е. Салтыкова-Щедрина критико-библиографический отдел остался без основного сотрудника. В нем продолжали, как и при Салтыкове, участвовать различные сотрудники «Современника».

М. А. Антонович, занятый в это время журнальной полемикой, поместил в отделе «Русская литература» ряд критических статей, но в отделе «Новые книги» участия почти что не принимал. По имеющимся у нас

сведениям, за три года (1863, 1864 и 1865) Антонович поместил в «Современнике» всего шесть рецензий.¹

Как уже мы говорили выше, в критико-библиографический отдел входили отзывы не только о литературно-художественных произведениях, — в нем помещались как рецензии, так и большие критические статьи, знакомявшие читателя с произведениями исторического, экономического, философского и естественнонаучного порядка.

Существенную часть критических статей Антоновича представляют статьи преимущественно информационного характера о новых научных произведениях («Теория происхождения в царстве животном. Соч. Дарвина» — «Современник» 1864, № 3; «Первая четверть XIX века. Соч. Гервинуса» — там же, 1864, № 6; «Единство сил природы. Учебн. Граве, Гиндаля и Германа» — там же, 1865, № 1; «Умственное движение в XVIII веке. История всеобщей литературы Гетнера» — там же, 1865, № 11—12).

Вторую часть критических статей Антоновича представляют статьи в основе своей полемические, отмеченные нами при характеристике полемики («Московские Ведомости и Голос» — «Современник» 1864, № 1; «Промахи», «Лжереалисты», «Суемудрие «Дня» см. стр. 296—306, 265).

Наименьшую часть статей Антоновича, помещенных в отделе «Русская литература», составляют собственно литературно-критические статьи. Сюда в первую очередь относится также упоминавшаяся нами выше (см. стр. 180) статья «Эстетическая теория».

В плане борьбы Антоновича с реакционной литературой выдержана большая его критическая статья (1864, № 4) «Современные романы» («Взбаламученное море». Роман в шести частях А. Ф. Писемского, три тома, Москва, 1863. «Призраки», фантазия И. Тургене-

¹ Приводим их список на основании конторских данных за 1863—1865 гг., так как авторство рецензий отдела «Новые книги» до сих пор еще в печати не проявлялось: 1) «Месяцеслов» — «Современник» 1863, № 11; 2) «Исторический очерк жизни Вашингтона» — там же, 1864, № 1; 3) «Заграничный вестник» — там же, 1864, № 1; 4) «Сочинения Платона» — там же, 1864, № 1; 5) «Пять лекций д-ра Ильинского» — там же, 1864, № 8; 6) «Воспоминания об Ап. Григорьеве» — там же, 1864, № 11—12.

ва, «Эпоха» 1864, № 1—2). В этой статье Антонович довольно убедительно доказывает, что Писемский взялся за публицистический роман с негодными средствами: поставил своей задачей бить врагов, не поняв и не изучив их. Поэтому-то Антонович иронически советует ему от романа с тенденцией вновь обратиться вслед за Тургеневым к чистой поэзии. Образцом именно такой, никому не нужной, чистой поэзии, имеющей целью описание ради описания, Антонович считает новую повесть Тургенева «Призраки», иронической оценкой которой он и заканчивает свою статью.

Также весьма несистематическое участие в критико-библиографическом отделе принимал и другой член редакции «Современника» Ю. Г. Жуковский. В отделе «Русская литература» он поместил ряд критических статей по политической экономии и юриспруденции. Сюда в первую очередь относятся статьи, уже отмеченные нами выше, а именно: «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке» — «Современник» 1864, № 9 (см. стр. 257) и «Милль, перевернутый «Русским Словом» — там же, 1865, № 8 (см. стр. 301). Кроме того, Ю. Жуковский давал разборы новых юридических книг: «Методы юридических наук (статья первая) — Исследование Стоянова» — «Современник» 1863, № 6, и «Методы юридических наук (статья вторая) — Учебник уголовного права, сост. Спасовичем» — там же, 1863, № 10.

В библиографическом отделе «Новые книги» участие Ю. Жуковского выразилось в 16 рецензиях,¹ в

¹ Приводим их список: 1) «Курс международного права Каченовского» — «Современник» 1863, № 8; 2) «Краткое руководство к изучению политической экономии Тернера» — там же, 1864, № 2; 3) «Война и мир Прудона» — там же, 1864, № 4; 4) «О сословии адвокатов Митермайера»; 5) «О наместниках, воеводах, губернаторах»; 6) «Рассуждения и исследования С. Милля»; 7) «Опыт теории косвенных улик Уильза» — там же, 1864, № 6; 8) «Уголовное судопроизводство в Англии»; 9) «Organisation sociale de la Russie»; 10) «Заключительная лекция по политической экономии» — там же, 1864, № 7; 11) «Губерния Лохвицкого» — там же, 1864, № 8; 12) «Детские книги изд. Вольфа» — там же, 1864, № 9; 13) «Сборник материалов по М-ву Финансов»; 14) «Уголовно-статистические этюды» — там же, 1865, № 3; 15) «Опыт применения политической экономии к сельскому хозяйству»; 16) «Енисейский округ» — там же, 1865, № 6.

огромном своем большинстве представляющих собой отзывы о политико-экономических и юридических книгах.

Третий член редакции — Г. З. Елисеев — непосредственного участия в критико-библиографическом отделе не принимал. Однако в конце 1865 г. и начале 1866 г. он поместил несколько историко-литературных и критических статей. В отделе «Словесность, науки и художества» Елисеев под псевдонимом Грыцько поместил три статьи о литературе XVIII века («Очерки истории русской литературы по современным исследованиям. О русской литературе вообще», статья первая — «Современник» 1865, № 10, статья вторая — там же, 1865, № 11—12, и статья третья — там же, 1866, № 1).

Отметив, что русская литература XVIII века была пуста и ходульна, Елисеев утверждает, что эти ее качества явились в результате того, что она зародилась на слишком неподготовленной почве. Только «со времени Карамзина, — пишет в первой статье Елисеев, — начинают мало-по-малу проясняться несколько понятия об искусстве, но они проясняются не теоретически, не путем науки, а практическим знакомством с иностранными поэтами. Такой способ знакомства с поэтическими произведениями людей, мало подготовленных наукою, всего легче может отучить от серьезной мысли. . . Этим отсутствием серьезной мысли, этим недостатком научной подготовки более или менее страдали почти все наши поэты не только до Пушкина, но и после него, — и произведения их вообще стоят гораздо ниже их талантов».

Основной причиной пустоты русской литературы XVIII века Елисеев считает систему государственного покровительства и заказа, широко применяемую в эпоху Екатерины II. Опираясь на Бокля, Елисеев утверждает, что покровительствуемая литература всегда пуста и регрессивна. Однако, учитывая культурный уровень образованного общества XVIII века, он признает, что и эта литература все же несла определенно положительные общественные функции. Словом, по мнению Елисеева, литература XVIII века представляла собой младенческий период русской литературы, необходимый для дальнейшего ее, уже более зрелого развития.

Кроме этих статей, в двух номерах 1866 года Елисеев помещает ежемесячные обзоры современной русской журналистики (1866, №№ 2 и 3). Рассмотрев №№ 1—4 «Отечественных записок», № 1 «Русского вестника», №№ 1—6 «Московских университетских известий» и № 1—2 «Русского архива», Елисеев особенное внимание уделяет разбору произведения Г. Успенского «Сельский портной» и повести Ахшарумова «Натурщица». Также в обоих обзорах много места уделено критике романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание», причем Елисеев резко осуждает «фантастику» нового романа Достоевского, считая, что его автор становится в ряды «озлобленных движением последнего времени». Кроме художественных произведений, Елисеев разбирает публичную лекцию проф. Буслаева «О современной русской литературе», вступительную лекцию доцента Герье «О всеобщей истории» и статьи «Е. Ф. Канкрин» и «Лагарп, воспитатель императора Александра I». С темами литературных статей Елисеева непосредственно перекликается статья Пятковского «Очерк истории русской журналистики 30-х гг.» («Современник» 1865, № 3).

Кроме членов редакции, в критико-библиографический отдел внес довольно существенную лепту постоянный сотрудник «Современника» — А. Ф. Головачев. В отделе «Новые книги» он поместил целый ряд рецензий¹ на различные книги, причем во многих из них, подобно Салтыкову, выходил за пределы критикуемого явления в обобщениях и выводах. Наиболее интересна его рецензия (в № 11) на юридические брошюры И. Соловьева («О способе уничтожения взяток и других юридических злоупотреблений в судопроизводстве. Из юридического журнала за февраль 1861 г.»

¹ 1) «Казаки» Толстого — «Современник» 1863, № 7; 2) «История куска хлеба»; 3) «О способе уничтожения взяток, И. Соловьева»; 4) «О преимуществах теоретических основных законов, И. Соловьева»; 5) «Арифметика Бурстова» — там же, 1863, № 11; 6) «Сатирические очерки Горского»; 7) «Полное собрание сказок Андерсена» — там же, 1864, № 1; 8) «Рассказы Генцлера»; 9) «Гаванские чиновники Кулерберга» — там же, 1864, № 2; 10) «Басни Крылова»; 11) «Байрон в переводе рус. поэтов»; 12) «Гейне в переводе рус. писат.» — там же, 1864, № 4; 13) «Апраксинцы» — там же, 1864, № 6; 14) «Этюды путешественника» — там же, 1864, № 10.

и «О преимуществах теоретических основных законов русского производства против устного западных государств», Спб. 1863).

Остановливаясь на брошюрах одного автора, противоречащих друг другу, рецензент подчеркивает, как в «настоящее время» (т. е. вместе с наступившей реакцией 1862 г.) меняются взгляды у различных либеральных деятелей.

Единственная большая критическая статья Головачева, помещенная в отделе «Русская литература» (1864, № 5), разбирала новое издание рассказов Н. Успенского. Следует отметить, что эта статья в своей отрицательной оценке произведений Успенского противоречила известным высказываниям Чернышевского в статье «Не начало ли перемены?» (1861, № 11). Однако это противоречие объясняется в известной доле тем, что статья Головачева разбирала более широкий круг рассказов Н. Успенского. Второе издание их было дополнено третьей частью, против которой в основном и направлены резко-отрицательные замечания Головачева. В отношении Н. Успенского к народу, утверждает критик, «слышится не равнодушие или беспристрастие, а какая-то смесь высокомерия и презрения, напоминающая старого и зажиточного барского бурмистра, попавшего в волостные старшины при освобождении крестьян». Последние рассказы критикуемого сборника, по мнению Головачева, являются уроком для писателей народного быта, так как вскрывают ошибочность пути, избранного Н. Успенским, приведшего его от талантливых этнографических зарисовок к карикатуре: «Эта склонность к карикатуре, склонность, проистекающая из взгляда автора на предмет, развивается в г. Успенском с неудержимою силою». Резкость тона вышеразобранной статьи Головачева в известной доле объясняется той непримиримо-враждебной позицией, которую занял как раз в описываемое время Н. Успенский в отношении «Современника» и Н. А. Некрасова (см. выше, стр. 117).

Основным работником критико-библиографического отдела после ухода Салтыкова из «Современника» являлся интенсивно сотрудничавший в этом отделе и при Салтыкове, ответственный редактор небеллетри-

стического отдела журнала — А. Н. Пыпин. На протяжении всех последних лет издания «Современника» Пыпин помещает в нем множество рецензий на книги по поэзии, художественной литературе, истории литературы и истории.¹

Кроме того, в отделе «Русская литература», а также в первом отделе «Современника» Пыпин помещает целый ряд разнообразных критических статей на различные темы, в большинстве своем информационного характера. Основная часть этих критических статей

¹ 1) «Маркиз де-ля-Шетарди в России»; 2) «Земство и раскол А. Шапова»; 3) «Бегуны А. Шапова»; 4) «Памятные записки Храповицкого» — «Современник» 1863, № 3; 5) «Раскольничьи дела XVIII столетия»; 6) «Мих. Вас. Ломоносов» — там же, 1863, № 5; 7) «Отчет члена Глав. Правления училищ Воронова»; 8) «Отчет члена Глав. Правления училищ Могилинского»; 9) «Курс истории рус. литературы» — там же, 1863, № 6; 10) «Исследование о крестьянской грамотности Золотова» — там же, 1863, № 7; 11) «Народные сказки»; 12) «Крестовые походы Бильбасова» — там же, 1863, № 9; 13) «Географич. отчет путешествия по Грузии» — там же, 1863, № 10; 14) «Руководство по истории»; 15) «Новый русский литератор Вульф» — там же, 1863, № 11; 16) «Чтения общества истории и древн. рос. при моск. университете»; 17) «Эпоха древней тирании в Греции» — там же, 1863, № 12; 18) «Сочинения Державина» — там же, 1864, № 1; 19) «Конрад Кифер»; 20) «Живописец Новикова»; 21) «Материалы для истории литерат. деятелън. Екатерины II-й»; 22) «La tolerance et le cehisme religieux» — там же, 1864, № 5; 23) «Причины и первые проявления оппозиции католицизма в Чехии»; 24) «История цивилизации Дрепера» — там же, 1864, № 7; 25) «Чтения общества истории и древностей» — там же, 1864, № 8; 26) «На востоке, Максимова» — там же, 1864, № 9; 27) «Русская женщина в домонгольский период»; 28) «Пособие преподавания истории рус. словесн. Судовщикова»; 29) «Этнографическ. сборник»; 30) «Артели в древн. и нынешней России, Калачова» — там же, 1864, № 10; 31) «Соч. Помяловского»; 32) «Столетняя память Ломоносову» — там же, 1864, № 11—12; 33) «Гейне» — там же, 1865, № 1; 34) «Быт студентов в Германии»; 35) «Сын. Рассказ»; 36) «Рассказы о старинных людях» — там же, 1865, № 2; 37) «Шиллер»; 38) «Ломоносов»; 39) «Из природы» — там же, 1865, № 3; 40) «На улице»; 41) «Чтения о полезных и вредных животных» — там же, 1865, № 4; 42) «Рассуждения и исследования Милля»; 43) «Женщины-писательницы»; 44) «Иллюстрированная жизнь животных Брема» — там же, 1865, № 5; 45) «Празднование 100-летия Ломоносова»; 46) «Париж в Америке»; 47) «О воспитании Вирхова»; 48) «Химия кухни Отто Улэ» — там же, 1865, № 7; 49) «Споры Беспоповцев»; 50) «Натуралисты» — там же, 1865, № 9; 51) «Русский архив»; 52) «Путешествие к центру земли»; 53) «Сочинения Гейне» — там же, 1865, № 11—12.

была посвящена западной литературе и делилась на общие обзоры какой-нибудь национальной литературы и на статьи, посвященные отдельным писателям. К статьям-обзорам относятся: «Очерки современной французской литературы» (1863, № 9), написанные Пыпиным совместно с Поповым (авторство устанавливается на основании записей конторы «Современника» в 1863 г.), и «Современный английский роман» (1864, № 12). Обе эти статьи, подавая литературные факты на фоне общественных событий данной страны, преподносили читателю интересные обзоры, выявляя большую эрудицию их составителя.

К этому же типу принадлежали и статьи Пыпина, посвященные отдельным писателям, как например «Американские нравы» (1865, № 1), посвященная характеристике литературной деятельности Б. Тэйлора, или «Теодор Винтроп» (1865, № 11—12). Эти статьи составлены на основании иностранных источников и представляют собой культурные и интересные компиляции. Так, статья «Американские нравы», используя материал целого ряда книг, дает характеристику не только литературных работ Тэйлора, но и его героев, показывая необычность американских нравов для европейца на основании книги Лабулэ «Париж в Америке».

Нами уже упоминалось выше, что Пыпин в своих современниковских статьях очень редко подымался до принципиальных обобщений и до высказывания собственного мнения, в большинстве своем ограничиваясь компиляциями и информацией. При обзоре отдела публицистики мы указывали, что такими редкими исключениями являлись статьи Пыпина, посвященные теме «народных начал» и «национальности». В критико-библиографическом отделе таких оригинальных высказываний было еще меньше.

Чуть ли не единственным произведением в этом роде являлась статья, посвященная теме западного влияния — «Байрон в русской литературе» (1865, № 6), показывающая общественную значимость байроновской поэзии и вскрывающая социальные корни его скептицизма. «Там, где лиризм Байрона выходил из сферы его личных ощущений и страданий, — утверждает Пыпин, — и где поэт обращался к объективной

действительности, общественной и политической жизни, это был человек «движения», резкой оппозиции против порядка вещей, господствовавшего в целой Европе под знаменем реставрации... Поэтическая идея была в этом случае, как и в других, верным и глубоким политическим принципом» (стр. 224, 226).

К темам литературных статей Пыпина примыкают статьи Л. Бранди (Мечникова) об итальянской литературе: «Заметки о современной итальянской литературе» (1863, № 12) и «Франческо-Доменико Гвераци» (1864, №№ 5 и 9). В отличие от пыпинских статей по западной литературе, статьи Мечникова не опираются ни на какие иностранные источники, а представляют собой сбор мыслей и личных, порою весьма субъективных, впечатлений об итальянских романистах. Первая из этих статей дает очерк развития итальянского романа с начала века до выступления на литературно-общественную арену Франческо Гвераци. Следующие статьи, являясь как бы продолжением первой, дают довольно подробную характеристику литературной и политической деятельности Гвераци. Эта характеристика пересыпана лирическими отступлениями о личных впечатлениях и встречах автора с этим ярким деятелем литературы и национально-революционного движения Италии.

В заключение несколько общих замечаний.

«Современник» 1863—1866 гг., конечно, уступал «Современнику» при Чернышевском и Добролюбове, — уступал, как мы старались выяснить, прежде всего потому, что оказался не в состоянии с достаточной решительностью и определенностью идти путем, указанным великими вождями революционных шестидесятников. Тем не менее, несмотря на исключительный по своему ожесточению нажим цензуры, несмотря на бешеные полемические атаки идеологических противников, он твердо стоял на левом фланге тогдашней журналистики и представлял в общественном отношении явление безусловно прогрессивное. Вот почему его запрещение нельзя не рассматривать как крупный и несомненный успех реакции. Этот успех не обозначал, однако, разгрома революционно-демократических эле-

ментов русской литературы. Не прошло и двух лет после гибели «Современника», как Некрасову вместе с Салтыковым-Щедриным удалось организовать журнал, который в известной мере продолжал традиции «Современника». Правда, в числе руководящих его сотрудников мы находим нескольких писателей (например, Елисеева и Михайловского), усвоивших ряд совершенно ошибочных установок, присущих народническому движению. Но если говорить о деятельности в «Отечественных записках» собственно Некрасова и Салтыкова-Щедрина, то эта деятельность, в области как организационной, так и идеологической, была достойным продолжением их работы в «Современнике».

История «Отечественных записок» ждет еще своего исследователя.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев, М. В. — 9, 32—33, 74.
 Адлерберг, В. Ф. — 155.
 Аксаков, И. С. — 6, 264—266, 268.
 Александров, К. — 261.
 Андреев, Л. Н. — 243.
 Антонович-Мижужева, О. М. — 132.
 Антонович, М. А. — 3, 11—12, 14—25, 27—28, 33, 36, 41, 44, 52, 79, 82, 93, 95—99, 105, 128, 130—136, 142, 147—148, 159, 162—165, 179—180, 220—221, 246—248, 252—253, 260—263, 265, 273—274, 280—291, 293—300, 302—306, 308—310, 317—322, 324—326.
 Арсеньев, И. А. — 35.
 Аскоченский, В. И. — 266.
 Асташев, В. И. — 144.
 Ахшарумов, Н. Д. — 328.
 Базунов, А. Ф. — 43.
 Байрон, Джордж-Гордон — 122, 147, 214, 331.
 Барбье, Анри-Огюст — 194.
 Бартнев, П. И. — 157.
 Бастиа, Фредерик — 65, 257.
 Бекетов, В. Н. — 48, 119.
 Белинский, В. Г. — 3, 134, 153, 227, 244.
 Бенецкий (писатель) — 245.
 Бентам, Иеремия — 259.
 Беранже, Пьер-Жан — 122.
 Берг, Ф. Н. — 239, 241, 277—278.
 Березин, И. Н. — 124.
 Благовещенский, Н. А. — 229.
 Благосветлов, Г. Е. — 261, 294, 296—297, 306, 308.
 Бокль, Генри-Томас — 298, 305, 327.
 Боткин, В. П. — 60, 152—153.
 Бранди, Леон — псевд., см. Мечников, Л. И.
 Брут, Марк-Юний — 45.
 Буренин, В. П. — 13, 43, 247—250.
 Буслаев, Ф. И. — 124, 328.
 Буткевич, А. А. — 146.
 Бутузов, В. В. — 122.
 Быстротоков, А. А. — 52.
 Бюргер, Готфрид-Август — 107.
 Бюхнер, Фридрих — 267—268, 298, 302.
 Вадим — псевд., см. Салиас-де-Турнемир, Е. А. — 235, 242—243.
 Валуев, П. А. — 6—7, 13, 30, 49, 54, 58, 60, 66, 89, 93, 104, 111—112, 144, 152—154, 163—164, 175.
 Варадинов, Н. В. — 104.
 Ватсон, Э. К. — 168, 172, 253, 260, 298, 311, 317—318.
 Венгеров, С. А. — 263, 290—291, 308, 310.
 Веселаго, Ф. Ф. — 49, 70, 72—73, 79.
 Викторова, Ф. А. — 28.
 Винтроп, Теодор — 171.
 Волинский, А. Л. — 263, 270, 281, 290—291, 308, 310.
 Воронов, А. С. — 244.
 Воронов, М. А. — 296.
 Гагарин, П. П. — 90, 173, 175.
 Гайдебуров, П. А. — 147, 168, 313.
 Гарибальди, Джузеппе — 73.
 Гверраци, Франческо-Доменико — 332.

- Гегель, Георг-Фридрих — 287, 299—300.
- Гейне, Генрих — 122, 193, 259.
- Герцен, А. И. — 30—32, 80, 134, 170, 186, 227.
- Герье, В. И. — 328.
- Гете, Иоганн-Вольфганг — 44.
- Гиероглифов, А. С. — 205.
- Гильдебранд, О. И. — 117.
- Гоголь, Н. В. — 181, 227.
- Голицын, А. Ф. — 55—58, 64.
- Головачев, А. Ф. — 25, 281, 322, 328—329.
- Головачева-Панаева, см. Панаева, А. Я.
- Головнин, А. В. — 5—13, 47—48, 54, 126, 271—272.
- Гольц-Миллер, И. И. — 194.
- Гончаров, И. А. — 35, 68—79, 82, 85—88, 104, 108—109, 111, 124, 166, 208.
- Горький, М. (А. М. Пешков) — 191.
- Грангильо, Альсид-Пьер — 40.
- Григорович, Д. В. — 119—120, 124—126.
- Григорьев, А. А. — 122, 288, 295.
- Громека, С. С. — 10—12, 273—274.
- Грыцько — псевд., см. Елисеев, Г. З.
- Гюго, Виктор — 146.
- Даль, В. И. — 120.
- Даниэльсон, Н. Ф. — 259.
- Дарвин, Чарльз — 302, 310.
- Декарт, Ренэ — 301.
- Дивильковский, А. А. — 225.
- Диккенс, Чарльз — 147.
- Джилберт — 171.
- Добролюбов, Н. А. — 3—4, 14, 16—17, 21—22, 28, 31—33, 41, 78, 113, 119, 122—123, 125—126, 134—137, 178—179, 183—184, 221—222, 246, 292, 295, 304—305, 309, 321—322, 332.
- Долгоруков, В. А. — 64.
- Достоевский, М. М. — 63, 263, 278.
- Достоевский, Ф. М. — 33, 160—161, 277—285, 288—292, 328.
- Дрианский, Е. Э. — 70, 119, 207—209.
- Дружинин, А. В. — 122.
- Дружинин, Н. — 233.
- Дудышкин, С. С. — 292.
- Европеус, А. И. — 254.
- Еленев, Ф. П. — 99—100, 105, 149.
- Елисеев, Г. З. — 3, 11—12, 14—22, 33, 36, 41—44, 52, 82, 107, 128—133, 135, 137, 142, 147—149, 154—155, 158—164, 179, 223, 244, 251—257, 260—269, 274—275, 311, 313—317, 320, 327—328, 333.
- Елисеева, Е. П. — 15, 158—160, 176.
- Елистратова, С. А. — 232, 243.
- Жемчужников, А. М. — 247—248.
- Жуковская, Е. И. — 28, 258.
- Жуковский, Ю. Г. — 3, 18, 27—28, 129, 131—132, 135, 142, 146, 148—151, 159, 163, 165, 179, 207, 221, 223, 252, 254—260, 270—272, 301—303, 305, 313—322, 326.
- Зайликийский, А. — 239.
- Зайцев, В. А. — 292—293, 297—300, 302—303, 308, 310.
- Замятин, Д. Н. — 64.
- Заочный, В. — см. Ржевский, В. К.
- Захарьин, И. Н. — 268.
- Зеленый, А. С. — 314.
- Зинаида Николаевна — см. Викторов, Ф. А.
- Зиновьев, Н. — 187—189, 202, 210.
- Иванов, И. И. — 263, 281, 290—291, 308.
- Илецкий, М. — псевд., см. Михайлов, М. И.
- Кавелин, К. Н. — 123.
- Каменский (чиновник) — 56.
- Капнист, П. И. — 63, 70.
- Каракозов, Д. В. — 149, 154, 158, 169—170, 255, 271.
- Карамзин, Н. М. — 327.
- Каратыгин, П. П. — 216.
- Карнович, Е. П. — 48.

- Карцев, В. С. — 281.
 Катрфаж, Жан-Луи-Арман — 302.
 Катков, М. Н. — 40, 60, 155, 160—161, 244, 250, 259, 266—267, 269—274, 279, 316.
 Кери (Кэри), Генри-Чарльз — 257.
 Клейнмихель, П. А. — 106—107.
 Ковалевский, П. М. — 36—37, 146, 219, 247—248, 313.
 Кок, Поль, де — 35.
 Колбасин, Е. Я. — 119.
 Комиссаров, О. И. — 156, 159, 161, 163, 169.
 Конвей — 320.
 Константин Николаевич — см. Романов, К. Н.
 Конт, Огюст — 172, 260, 298.
 Корд, Кремуций — 45—46.
 Кори, Г. И. — 264.
 Костомаров, В. Д. — 45—47, 64, 66, 80—81.
 Костомаров, Н. И. — 45—46, 64, 123, 192.
 Кохановская — псевд., см. Соханская, Н. С.
 Краевский, А. А. — 10—12, 24, 263, 273—275.
 Купер, Фенимор — 57.
 Лабулэ, Эдуард-Ренэ — 331.
 Лажечников, И. И. — 323.
 Лассаль, Фердинанд — 87, 99—101, 318—319.
 Лебедев (корректор) — 47.
 Лебедев, Н. Е. — 49.
 Лебедев, П. С. — 71—72.
 Левитов, А. И. — 196, 218, 230.
 Лемке, М. К. — 56—57, 64, 81—82, 92—93.
 Леонтьев, П. М. — 244, 269.
 Лесков, Н. С. — 266.
 Линкольн, Авраам — 318.
 Лонгинов, М. Н. — 267—269.
 Лонгфелло, Генри-Водсворт — 147.
 Лохвицкий, А. В. — 274—275.
 Лукин, А. П. — 186, 202, 210.
 Лукьянов, Е. — 218.
 Лучинин — 314.
 Льюис, Джордж-Генри — 172.
 Ляцкий, Е. А. — 122.
 Мазаев, М. Н. — 281.
 Мазон — 108.
 Мазуренко, Н. И. — 195, 207.
 Майков, А. Н. — 122, 324.
 Макашин, С. А. — 217.
 Маклеод, Генри — 257.
 Маколей, Томас — 193.
 Марло, Христофор — 214—215.
 Мартынов, П. А. — 104, 107—108, 110.
 Мельников, П. И. (Печерский) — 266.
 Мечников, Л. И. — 73—75, 102, 231, 332.
 Милль, Джон-Стюарт — 303.
 Минаев, Д. Д. — 214, 294.
 Михайлов, А. — псевд., см. Шеллер, А. К.
 Михайлов, М. И. — 31, 37, 45, 122, 193, 264.
 Михайловский, Н. К. — 127, 154, 333.
 Михаловский, Д. Л. — 193.
 Молешотт, Якоб — 293, 302.
 Муравьев, А. Н. — 111—112.
 Муравьев, М. Н. — 29, 31, 61, 111, 155—157, 159—161, 163, 170, 175, 272.
 Наумов, Н. А. — 188.
 Неизвестный — псевд., см. Каратыгин, П. П.
 Некрасов, Н. А. — 3, 5, 7—9, 14—28, 32—33, 47—48, 57, 69, 78—79, 82—83, 93—97, 103, 105—107, 111—120, 122, 125—165, 168—170, 179, 190—193, 196—197, 200—201, 207, 211—212, 224, 246—252, 277, 281, 291, 329, 333.
 Непрактичный человек — псевд., см. Ковалевский, П. М.
 Никитенко, А. В. — 80, 111, 176.
 Никитин, А. — 211.
 Никотин (чиновник) — 157.
 Новицкий, П. — 233.
 Ножин, Н. Д. — 302.
 Оберт (цензор) — 49.
 Оболенский, Д. А. — 7, 12.
 Овсянко-Куликовский, Д. Н. — 225.
 Окнерузам, Н. — псевд., см. Мазуренко, Н. И.

Ольденбургский, П. Г. — 90.
 он, Николай — псевд., см.
 Даниэльсон, Н.
 Островский, А. Н. — 9, 22, 120—
 121, 124—125, 142, 179, 198,
 212—213, 215—216, 304.
 Острогорский, В. П. — 120.

Павлов, Н. Ф. — 269.
 Павлова, К. К. — 323.
 Пальм, А. И. — 205, 209, 216,
 232, 240.
 Пальмерстон, Генри-Джон — 318.
 Панаев, А. И. — 117.
 Панаев, В. А. — 123.
 Панаев, И. А. — 19—20, 116—
 118, 120, 130—132, 322.
 Панаев, И. И. — 113—114, 116,
 119, 126, 165.
 Панаева, А. Я. — 26, 94, 119,
 191, 232—233, 293.
 Панаева, М. Е. — 119.
 Пекарский, П. П. — 123.
 Петерсон (журн.) — 279.
 Петров, А. (цензор) — 104.
 Петров, Антон — 274.
 Петров, А. А. — 54.
 Писарев, Д. И. — 261, 293—295,
 298, 304—310.
 Писемский, А. Ф. — 325—326.
 Плетнев, П. А. — 94, 96, 113,
 140—141, 176—177.
 Плетнева, А. — 176—177.
 Плещеев, А. Н. — 36—37, 228—
 229, 240, 324.
 Помяловский, Н. Г. — 70—71, 84,
 86, 119—120, 179, 229—230,
 236—238.
 Попов (переводчик) — 331.
 Порошин, С. А. — 72.
 Посторонний сатирик — псевд.,
 см. Антонович, М. А.
 Потапов, А. Л. — 56, 82.
 Потехин, А. А. — 120—121, 189,
 202, 205, 211, 228.
 Преображенский, Н. — 244.
 Пржецлавский, О. А. — 49—58,
 61, 73.
 Приволжский (писатель) — 245.
 Прудон, Пьер-Жозеф — 87,
 257—259.
 Пушкин, А. С. — 177, 212, 327.
 Пыпин, А. Н. — 3, 14, 17—23, 25,
 27, 44—45, 56, 82, 93—97, 111,

119, 142, 145—146, 150—151,
 156, 159, 163, 175, 179, 233,
 244, 252, 260, 286, 319—322,
 330—332.
 Пятковский, А. П. — 328.

Ратч, В. Ф. — 31—32.
 Рау, Карл-Генрих — 65.
 Рейнгардт, Н. В. — 58, 60.
 Решетников, Ф. М. — 147, 179,
 190—193, 201, 220, 229—230.
 Ржевский, В. К. — 35.
 Рикардо, Давид — 87, 257.
 Ришло — 257.
 Рогов, А. — 267—269.
 Розанов, Л. И. — 147, 156, 168—
 170, 316.
 Романов, К. Н. — 6, 48.
 Рошер, Вильгельм-Георг — 65.
 Рудаков, В. Е. — 49, 53.
 Руфини — 73.

Салтыков-Щедрин, М. Е. —
 3, 18—28, 34—36, 38—43, 45,
 47—52, 54, 57, 66, 76, 86,
 115, 120—121, 124, 137, 142,
 146—147, 179, 181—182, 186,
 192, 202—205, 207—208, 218,
 223, 240, 246—251, 254, 256,
 261, 263—264, 268, 276—281,
 283, 285—286, 289—293, 309,
 311—312, 321—324, 328—329,
 333.

Свячченко (писатель) — 107,
 238.

Секонд, Сатрий — 46.
 Сераковский, Сигизмунд —
 31—32.

Сеченов, И. М. — 68, 72—73,
 300.

Сеян, Луций-Элий — 46.
 Симонов, Л. Н. — 24.
 Скарятин, В. Д. — 10—11, 264,
 314.

Скотт, Вальтер — 57.
 Слепцов, А. А. — 244.
 Слепцов, В. А. — 68, 86, 119—
 120, 142, 179, 189, 211, 224—
 227, 230—231, 245.

Слепцов, П. Н. — 56.
 Смирнов, Н. — 167.
 Смит, Адам — 87, 257.
 Соколов, В. Ф. — 199.
 Соколов, Д. — 186, 202.

Соколов, Н. В. — 303.
 Соловьев, И. — 328—329.
 Соловьев, С. М. — 124.
 Соханская, Н. С. — 6.
 Спенсер, Герберт — 172—173.
 Станицкий, Н. — псевд., см. Панаева, А. Я.
 Старчевский, А. В. — 35.
 Стасюлевич, М. М. — 18.
 Стопановский, М. М. — 171.
 Страхов, Н. Н. — 63, 160—161, 277, 279, 283, 285—291.
 Строганов, Г. А. — 156.
 Струве, П. Д. — 257.
 Струговщиков, А. — 122.
 Суворов, А. А. — 82.
 Татищев, С. С. — 271.
 Терпигоров, С. Н. — 144.
 Тиверий — 45—46.
 Толстой, А. К. — 324.
 Толстой, Д. А. — 272.
 Толстой, Л. Н. — 44—45, 120—121, 125—126, 144, 178, 189.
 Толстой, Ф. М. — 104, 109, 156, 163—166, 175.
 Горопцев, В. — псевд., см. Салтыков, М. Е.
 Тургенев, И. С. — 32, 57, 63, 120—121, 125—126, 166, 178, 221, 224, 294—295, 305, 326.
 Турунов, М. Н. — 67, 104.
 Тэйлор, Бэйярд — 233, 331.
 Тютчев, Ф. И. — 104, 109—110.
 Унковский, А. М. — 52, 317.
 Успенский, Г. И. — 105, 107, 109, 147, 179, 197, 220, 230, 245, 328.
 Успенский, М. — 117.
 Успенский, Н. В. — 117, 119—120, 127, 190, 230, 329.
 Фет, А. А. (Шеншин) — 60, 122, 152—153.
 Фихте, Иоганн-Готлиб — 299—300.
 Фогт, Карл — 302.
 Фукс, В. Я. — 101, 104, 111—112, 204.

Фурье, Шарль — 289.
 Худяков, И. А. — 128—129.
 Цез, В. А. — 7—8, 47—49, 63.
 Чернышевская, О. С. — 119.
 Чернышевский, Н. Г. — 3—7, 9, 13—14, 16—17, 19, 21—24, 28, 31—33, 38, 41, 44—47, 54—66, 77—78, 80—83, 85, 90, 95, 97, 102, 113, 115—116, 119—120, 122—123, 125—126, 134, 136—137, 148, 167, 172, 178—180, 183, 190—191, 195, 221—227, 230—231, 236, 246, 251—252, 254—258, 260—261, 265—266, 280, 289, 292, 295—296, 298, 303, 306—307, 309—310, 315, 321—322, 329, 332.
 Черняев, Л. — 167.
 Шекспир, Вильям — 84, 146, 171, 214—215.
 Шеллер, А. К. — 182, 205, 226—227, 242—243.
 Шиманов (писатель) — 245.
 Шмелев (писатель) — 235, 244.
 Шопенгауэр, Артур — 298—300.
 Шувалов, С. — 155.
 Шульце-Делич, Герман — 87, 318.
 Щедрин, Н. — см. Салтыков, М. Е.
 Щербинин, М. П. — 94, 104, 111, 138, 140, 143, 150, 153—154.
 Эсхил — 37.
 Юматов, Н. Н. — 264.
 Юркевич, П. Д. — 13, 248, 267—270, 302, 323.
 Юрьев (учитель) — 119.
 Яковлев, П. В. — 82.
 Якубович, П. Ф. — 128.
 Якушкин, Е. И. — 18.
 Якушкин, П. И. — 38—39, 47—49, 189, 196, 241.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
-----------------	---

I

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА

Глава I.хлопоты Некрасова о возобновлении «Современника» после восьмимесячной приостановки. Объявление о подписке на журнал на 1863 г. Изменения в его тексте, внесенные министром народного просвещения А. В. Головниным.	5
---	---

Глава II. Организация редакции возобновленного журнала в составе М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева, А. Н. Пыпина и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отношение членов редакции к редактору-издателю журнала (Н. А. Некрасову). Внутриредакционные трения. Уход М. Е. Салтыкова-Щедрина из состава редакции. Вступление в редакцию Ю. Г. Жуковского.	14
--	----

Глава III. Польское восстание 1863 г. как фактор, чрезвычайно усложнивший положение возобновленного «Современника». Обзор содержания первого (двойного, январско-февральского) номера журнала за 1863 г. Салтыков-Щедрин в качестве ведущего сотрудника этого номера. Острота его публицистических откликов на современность.	29
--	----

Глава IV. Цензура в борьбе против возобновленного «Современника». Цензурные выброски в тексте первого номера. Отзывы о нем О. А. Пржецлавского. Обстоятельства появления в №№ 3, 4 и 5 романа Чернышевского «Что делать?». Страхи, возбужденные им в цензурных инстанциях. Оценка литературно-журнальной деятельности Чернышевского в судебно-жандармских кругах.	47
--	----

Глава V. Усиление цензурного нажима на «Современник» во второй половине 1863 г. Перечень изъятых цензуро статей. И. А. Гончаров в роли наблюдающего за «Современником» члена Совета по делам книгопечатания. Его	
--	--

отзывы, в том числе и неизданные, о произведениях, напечатанных в журнале. 67

Глава VI. Крайне неблагоприятная квалификация направления «Современника», в частности статей Чернышевского, в приговоре Сената по делу Чернышевского. Вызванное ею новое обострение цензурного нажима на журнал. Перечень статей, изъятых в течение 1864 г. «Политика» И. А. Гончарова в отношении «Современника». 78

Глава VII. Объявление о подписке на «Современник» на 1865 г. Скептические ноты в отношении нового закона о печати. Причины этого скептицизма. Цензурная практика в отношении «Современника» за первую половину 1865 г. Перечень непропущенных статей. Введение в действие нового закона о печати. Утверждение Некрасова и Пыпина ответственными редакторами «освобожденного от предварительной цензуры» (согласно новому закону) журнала «Современник» 88

Глава VIII. Первая «бесцензурная» книжка «Современника» (1865, № 8) перед судом цензурных инстанций. Донесение С.-Петербургского цензурного комитета о второй «бесцензурной» книжке (№ 9). Обсуждение вопроса о ней в Совете Главного управления по делам печати. Объявление «Современнику» первого предостережения (10 октября). Объявление второго предостережения (4 декабря) за статьи в третьей «бесцензурной» книжке (№ 10) 98

Глава IX. Падение подписки на «Современник» в начале 1866 г. Финансовое положение журнала в прошлом и настоящем. Материальные условия сотрудничества в «Современнике» по данным конторы журнала. Система авансирования сотрудников и размеры авторского гонорара. Попытки Некрасова внести элементы артельности в хозяйственную организацию журнала 112

Глава X. «Ревизия» конторских книг «Современника» соредакторами Некрасова в 1865 г. Рассказ об этой «ревизии» Елисеява-мемуариста и позднейшие попытки Антоновича опровергнуть его 127

Глава XI. Обращение Некрасова в Главное управление по делам печати в целях прояснения вопроса о возможности дальнейшего существования журнала. Составленный им план постепенной ликвидации «Современника» в течение 1866 г. Перечень изъятий и вымарок, сделанных самой редакцией в последних книжках 1865 г. Судебное преследование за статью Жуковского «Вопрос молодого поколения» в № 3 (1866 г.), возбужденное задним числом 138

Глава XII. Выстрел Каракозова и вызванная им вспышка правительственного террора. Деморализация в литературных кругах. Растерянность Некрасова и его попытки отве-

сти грозу и от себя и от журнала. Можно ли их рассматри-
вать как измену направления? 152

Глава XIII. Прекращение сотрудничества в «Современ-
нике» Антоновича, Елисеева и Жуковского и его причины.
Новые усилия Некрасова предотвратить запрещение «Со-
временника». Письмо Ф. М. Толстого к П. А. Валуеву 160

Глава XIV. Апрельский номер «Современника» за 1866 г.
Майский номер, так и не вышедший в свет. Обсуждение во-
проса о «Современнике» в заседании особой комиссии под
председательством князя Гагарина (23 мая). Запрещение
«Современника». Впечатление, произведенное им на обще-
ство. 166

II

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛА

Глава I. Беллетристика в «Современнике» 1863—1866 гг.
и ее сравнительно высокий уровень. Эстетическая плат-
форма «Современника». Салтыков-Щедрин о реализме как
о господствующем направлении в литературной современности.
Основные темы беллетристики «Современника» 178

Глава II. Народ-крестьянство в изображении беллетри-
стов «Современника». Картины крепостничества у Салтыкова-
Щедрина («Миша и Ваня»), Соколова («Сарыч») и Лукина
(«История барыни Анны Ивановны»). Крестьянство в годы
«освобождения»: «Говорят, будет воля» Н. Зиновьева, «Велик
бог земли русской!» П. Якушкина и т. д. Бедность и заби-
тость «освобожденного» народа в изображении В. А. Слеп-
цова — «Трудное время». «Подлиповцы» Решетникова. Рево-
люционные мотивы у поэтов «Современника». Положитель-
ные образы крестьян в произведениях Окнерузама («За-
писки хуторянина»), Якушкина («Небывальщина») и Лези-
това («Бабушка Маслиха»). Апофеоз крестьянской женщины
в стихах Некрасова («Мороз Красный Нос», «Орина» и др.).
Историческое прошлое народа — «Воевода» Островского. Кар-
тины жизни рабочих — «Железная дорога» Некрасова, «Горно-
рабочие» Решетникова и др. 185

Глава III. Сатирический обстрел господствующих клас-
сов в «Современнике» 1863—1866 гг. Антидворянские мотивы
у Салтыкова-Щедрина («Семейное счастье», «На заре ты
ее не буди», «Завещание моим детям»), П. И. («Благо-
детельница»), Потехина («Вечеринка у бедной родствен-
ницы»), Михайлова-Шеллера («Жизнь Шупова»). Бюрократ-
тия в изображении Салтыкова-Щедрина («Здравствуй, ми-
лая, хорошая моя», «Она еще едва умеет лепетать», «После
обеда в гостях»), Дрианского («Конфетка»), Пальма («Благо-
детель»), Слепцова («Трудное время»), А. Никитина («Кра-
пивное семя»), Некрасова («Газетная»). Чиновники в про-
шлом — «Воевода» Островского. Антимонархическая нота в
переводах из Шекспира и Марло. Торгово-промышленная

буржуазия в изображении Островского («Тяжелые дни», «Шутники»), Пальма («Благодетель»), Каратыгина («Три поколения»), С. Макашина («Жизнеописание одного городского головы»), Левитова («Верное средство от разорения»), «Акционерная пучина» у Ковалевского («Акционерная пучина», «Непрактические люди»). Духовенство у Гл. Успенского («Деревенские встречи») и Решетникова («Ставленник»). . . 202

Глава IV. Тема «новых людей» в «Современнике» рассматриваемого периода. Исключительное значение романа «Что делать?». Положительная оценка его героев в редакционной статье «Итоги» (1865, № 8). Раскрытие понятия «нигилист». Образы «новых людей» в «Трудном времени» Слепцова — Рязанов, Марья Николаевна. «Новые люди» у Михайлова-Шеллера («Гнилые болота», «Жизнь Шупова»), Помяловского («Брат и сестра») и других беллетристов «Современника». «Новая женщина» в произведениях Чернышевского, Слепцова, Леона Бранди («Смелый шаг»), Елистратовой («Неугомонная»), Панаевой («Фантазерка», «Рассказ в письмах»), Дружинина («Люба») и т. д. 220

Глава V. Проблема воспитания молодого поколения и отклики на нее в беллетристике «Современника». Воспитание в семьях («Жизнь Шупова», «Тяжелые дни» и др.). Бурса в изображении Помяловского и других авторов. Школы для кантонистов — «Хроника жизни солдатского сына Журбы» Свячченко. Корпуса — «Закоулок» Ф. Берга. Образы представителей военной среды в беллетристике «Современника» («Благодетель» Пальма, «Лотерея» Плещеева и др.). Царская армия в роли усмирительницы крестьян (стихотворение Берга «Солдатики»). Воспитание в гимназиях («Жизнь Шупова», «Гнилые болота») и частных пансионах («Тьма» Евгении Тур). Женское воспитание («Неугомонная» Елистратовой). Тема провинции в произведениях Слепцова («Письма об Осташкове»), Глеба Успенского («Нравы Растеряевой улицы»), Бенецкого («Чета»), Приволжского («Мещанский день») и т. д. 234

Глава VI. Елисеев об ошибках, допущенных руководством «Современника» рассматриваемого периода. Молчали «Современник» по польскому вопросу? Полемические высказывания Жуковского, Елисеева и Салтыкова-Щедрина по адресу автора романа «Что делать?»; их оценка. «Прудонизм» Жуковского и «контизм» Ватсона как проявления идеологических шатаний возобновленного «Современника». Полемика «Современника» этих лет с другими органами периодической печати и роль в ней Антоновича 251

Глава VII. Полемика «Современника» с реакционной прессой. Статьи Салтыкова против «Русского листка» и Елисеева против «Вести». Оценка славянофильства и газеты «День» в статьях Антоновича. Полемика Елисеева с П. И. Мельниковым и «Северной пчелой». Взаимоотношения «Со-

временника» с изданиями Каткова. Полемика, связанная с философскими лекциями Юркевича. Статья Жуковского, направленная против «Московских ведомостей». Вынужденное прекращение полемики с изданиями Каткова в связи с реакцией, последовавшей после покушения Каракозова. Борьба «Современника» с петербургской либеральной прессой. Оценка изданий Краевского в статье Антоновича. Полемика Елисеева с Лохвицким о гласности. Резкий характер полемики как своеобразное проявление классовой борьбы в печати 263

Глава VIII. Полемика «Современника» с «Эпохой». Основные этапы этой полемики. Сценка Салтыкова «Стрижи», оценивающая новый журнал Достоевских. Резкий ответ Достоевского и высмеивание им направления «Современника» в карикатурном романе «Щедродаров». Статьи Антоновича, критикующие идеалистическую позицию «Эпохи». Не опубликованные в свое время статьи Салтыкова против «Эпохи». Освещение этой полемики в истории литературы 276

Глава IX. Полемика «Современника» с «Русским словом». Первые пререкания Салтыкова с Зайцевым и Благовословным. Статья Писарева «Нерешенный вопрос» и ответные «Предварительные замечания» Антоновича. Критика Антоновичем философских высказываний Зайцева. Полемика Ю. Жуковского с экономистом «Русского слова» — Соколовым — о Милле. 291

Глава X. Продолжение полемики «Современника» с «Русским словом». Вопрос об отношении к народу и о различном понимании Добролюбовым и Писаревым образа Катерины из «Грозы» Островского. Различное понимание «Современником» и «Русским словом» типа нового человека и спор Антоновича с Писаревым о Базарове и «Отцах и детях» Тургенева. Вопросы материалистической эстетики и отношение Писарева и Антоновича к эстетике Чернышевского. Завершение полемики статьей Писарева «Посмотрим». Освещение полемики дореволюционными историками литературы и непонимание ими классовой ее природы 304

Глава XI. Публицистика возобновленного «Современника». «Наша общественная жизнь» Салтыкова-Щедрина и ее направленность. Основные темы «Внутренних обозрений» Елисеева. Достоинства и недостатки этого отдела. Отдельные публицистические статьи, перекликающиеся с темами «Обозрений» Елисеева. Статья Ю. Жуковского о крестьянском вопросе. Статьи, посвященные судебным и другим преобразованиям. Отдел Э. К. Ватсона — «Политика». Внимание возобновленного «Современника» к рабочему движению на Западе. Статьи Ватсона, Жуковского и Пыпина, посвященные рабочему вопросу. Женский вопрос на страницах «Современника» 311

Глава XII. Критико-библиографический отдел возобновленного «Современника». Участие в нем М. Е. Салтыкова-Щедрина, Антоновича и Жуковского. Историко-литературные статьи Г. З. Елисеева. Рецензии А. Ф. Головачева и его статья, посвященная рассказам Н. Успенского. Роль Пыпина в критико-библиографическом отделе после ухода Салтыкова из «Современника». Статьи Л. Мечникова об итальянской литературе	321
Заключительные замечания	332
Указатель имен	334

Редактор Г. Владыкин. Переплет и титул Г. Елифанова. Художественно-техническая редакция А. Кугуричкина и Л. Чалова. Корректор Ф. Александров. Ленибгортит № 1067. Тираж 5000 экз. Сдано в набор 19/XI-33 г. Подписано к матрицированию 23 IV-39 г. Подписано к печати с матриц 23/IV-39 г. Бумага 82X110/32. Уч.-авт. л. 18,96. Авт. л. 18,42. Печати. л. 21 $\frac{1}{2}$ + $\frac{1}{2}$. Бум. л. 5 $\frac{6}{8}$. Заказ № 675. Цена 3 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.

Набрано в типографии ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Отпечатано с матриц в тип. им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57.